

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ • ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН • ЯПОНСКИЙ ФОНД

С. Г. ЕЛИСЕЕВ И МИРОВОЕ ЯПОНОВЕДЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

日本

МОСКВА 2000

Ассоциация японоведов
Институт востоковедения РАН
Японский фонд

**С. Г. Елисеев
и мировое японоведение**

(Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам)

**Материалы
международной научной конференции**

Москва 2000

ББК 63.3 (5Япо)

П62

Председатель Оргкомитета

В. М. Алпатов

Члены Оргкомитета

В. Н. Еремин

Т. П. Григорьева

А. И. Кравцевич

Н. Ф. Лещенко

Е. В. Маевский

С. Б. Маркарян

Э. В. Молодякова

В. В. Овсянников

В. Б. Рамзес

А. Р. Садокова

Секретарь Оргкомитета

М. В. Алешина

Директор проекта

В. Н. Еремин

Научные редакторы

С. Б. Маркарян,

Э. В. Молодякова

С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции.

- 62 S.G. Yeliseev and World Japanology (Russia, Japan, USA, France, Vietnam). Proceedings of International Academic Conference. М.: Издательская фирма «Япония сегодня», 2000. – 288 с.

Издание осуществлено при содействии Японского фонда

ISBN 5-86477-087-7

© Ассоциация японоведов, 2000.

ОТ ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

2 июля 1999 г. в Москве, в помещении Российского фонда культуры, состоялась Международная научная конференция «С. Г. Елисеев и развитие мирового японоведения (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам)». Конференция была проведена Ассоциацией японоведов и Институтом востоковедения Российской Академии наук при поддержке Японского фонда. Подготовкой и проведением конференции занимался оргкомитет во главе с заместителем директора Института востоковедения РАН В. М. Алпатовым. Большую помощь в ее организации оказали Российский фонд культуры и Посольство Японии в Российской Федерации. Среди участников конференции были тогдашний Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в РФ г-н Того Такэхиро¹, советник японского посольства г-н Идэ Кэйдзи и тогдашний представитель Японского фонда, первый секретарь г-н Тагути Эйдзи.

Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975) – выдающийся русский японовед, учился в Петербурге, Берлине, Токио, преподавал в Петербургском университете с 1915 г. Он внес большой вклад и оставил яркий след в японоведении и в подготовке японистов ряда стран мира. С. Г. Елисеев был первым европейцем, окончившим Токийский университет и получившим учёную степень *бунгакуси* – филолога. Подготовленный им учебник в 20-е годы был единственным пособием, по которому обучались студенты в России. Эмигрировав после Октябрьской революции, С. Г. Елисеев работал в Париже (Музей Гиме и Сорбонна), с 1934 г. – в Гарвардском университете (США), а также в Стокгольме и Ханое.

В работе конференции приняли участие ученые и исследователи жизни и деятельности С. Г. Елисеева из России, Японии, США и Франции.

Первым с докладом о жизни и деятельности С. Г. Елисеева выступил доктор филологических наук, профессор В. М. Алпатов. Затем слово было предоставлено г-ну Курата Ясуо, известному японскому журналисту, неутомимому исследователю жизни и деятельности С. Г. Елисеева, автору ряда книг, в том числе единственной в мире биографии

¹ Здесь и далее написание японских имен собственных дается в соответствии с японскими правилами, т.е. на первом месте фамилия, на втором – имя. Во избежание искажений японские слова, имена и географические названия не склоняются, за исключением приводимых в цитатах и оригинальных документах. Японские термины в тексте выделены курсивом.

С. Г. Елисеева. Г-н Курата – обладатель уникальной коллекции материалов о С. Г. Елисееве, часть которой он любезно продемонстрировал на конференции. Кроме того, с японской стороны выступил г-н Хасэгава Юити, ныне работающий над книгой об истории дружбы между С. Г. Елисеевым и классиком японской литературы Нацумэ Сосэки. О методологии научной и педагогической деятельности С. Г. Елисеева и его роли в мировом японоведении говорил также почетный профессор Школы международных отношений Южнокалийфорнийского университета, американский японовед Питер Бертон (специалист по японо-американским отношениям). О роли С. Г. Елисеева в становлении японоведения во Франции рассказала французская японистка, профессор католического университета в бельгийском городе Лувен-ла-Нев Исабель Шарье (специалист в области истории искусств).

Весьма ценные сведения о С. Г. Елисееве, почерпнутые из архивных материалов, предоставила Е. М. Дьяконова (старший научный сотрудник РГГУ). Доклады Л. М. Ермаковой и Т. П. Григорьевой были посвящены единственной опубликованной на русском языке работе С. Г. Елисеева «Японская литература» (1920). Среди выступавших были также А. Н. Хохлов, А. Н. Мещеряков и Е. С. Бакшеев (все пятеро из Института востоковедения РАН).

Письмо в адрес конференции прислал сын Сергея Григорьевича Вадим Сергеевич – видный японовед, проживающий в Париже. Свои воспоминания о встрече с С. Г. Елисеевым прислал японский ученый Умэда Ёсими. С приветствиями в адрес конференции обратились американские японоведы профессор Рейшауэровского института Сьюзен Фарр, почетный профессор Принстонского университета Мариус Янсен и почетный профессор политических наук Исследовательского центра Робсона (Калифорнийский университет, Беркли) Роберт Скапино.

До настоящего времени, к сожалению, в России не проводилось специальных исследований, посвященных научному наследию С. Г. Елисеева. В изданном сравнительно недавно в Москве двухтомном словаре-справочнике отечественных востоковедов он даже не упомянут. Имя этого замечательного человека встречается лишь на страницах трудов некоторых российских японоведов. Во многом это объясняется тем, что большую часть своей жизни С. Г. Елисеев провел за границей.

Состоявшаяся международная конференция в Москве позволила вернуть нам имя и труды этого выдающегося ученого-востоковеда, показать подлинные масштабы его вклада в развитие отечественного и

зарубежного японоведения. Участники конференции высказали единодушное мнение о том, что С. Г. Елисеев сыграл уникальную роль в мировой японистике, будучи фактически зачинателем научного японоведения в Западной Европе и США. Его жизнь и труды бесспорно заслуживают самого глубокого и полного изучения на родине.

В предлагаемый читателю сборник включены материалы конференции, работа С. Г. Елисеева «Японская литература», единственная опубликованная в 20-е годы в России, его письма к отечественному китаеведу академику В. М. Алексееву, которые публикуются впервые, а также письма ряда крупнейших российских японоведов, большинство из которых также публикуются впервые.

Сергей Елисеев с супругой

Роберт А. Скалапино

Дорогие коллеги!

Благодарю Вас за предложение прислать сообщение в адрес конференции памяти профессора Сергея Елисеева. Идея проведения такой конференции более чем обоснованна. Профессор Елисеев был подлинным пионером, познакомившим молодых американцев с Японией и японским языком.

Мои контакты с ним были недолгими, но на меня произвели большое впечатление его преданность науке и внимательное отношение к студентам. После того, как разразилась война между Соединенными Штатами и Японией, я узнал, что американский флот имеет программу обучения японскому языку. Я учился тогда на последнем курсе Гарварда и специализировался в области политологии. Я попросил доктора Елисеева встретиться со мной. Он объяснил мне, что если бы мне удалось получить хорошую оценку по начальному курсу японского языка, который он вел, у меня были бы отличные шансы быть принятым в эту флотскую программу.

Немедленно я записался на этот курс и, следуя его совету, написал письмо в Вашингтон командованию флота с просьбой допустить меня в их программу обучения. Я указал, что записался на курс доктора Елисеева и хотел бы, чтобы моя просьба о приеме была рассмотрена в конце семестра.

К удивлению — и моему, и доктора Елисеева, — всего через неделю я получил в ответ письмо, в котором мне предлагалось прибыть в Вашингтон для прохождения собеседования. После беседы с капитаном Хиндмаршем мне было приказано немедленно направиться в Боулдер, штат Колорадо, где была расположена школа японского языка. Оказалось, что потребность в специалистах, владеющих японским языком, была столь остра, что у них не было времени ждать, пока кто-либо окончит курс предварительной подготовки!

Таким образом, я оказался лишен возможности поучиться у доктора Елисеева. Однако я знаю многих людей, бывших его студентами и считавших его великолепным учителем и прекрасным примером человека, перенесшего в жизни множество испытаний и оставшегося преданным своим идеалам.

Несомненно, он заслуживает признания и сейчас.

29 июня 1999 г.

Приветствия

Сьюзен Дж. Фарр

Дорогие коллеги-японоведы!

Мне было очень приятно узнать о вашей международной научной конференции, посвященной гарвардскому профессору Сергею Елисееву, в память о его большом вкладе в развитие японоведческих исследований в Соединенных Штатах, во Франции, в России, в самой Японии и во всем мире. Мы в Гарварде, где профессор Елисеев в течение долгих лет оказывал нам честь, обучая студентов, испытываем глубокую благодарность по отношению к русской Ассоциации японоведов, Институту востоковедения Российской Академии Наук и Японскому фонду за то, что они таким прекрасным образом отдают дань уважения человеку, который на протяжении многих десятилетий нашего века вдохновлял японоведческие исследования.

В Гарварде профессора Елисеева помнят как воодушевляющего и требовательного учителя, относившегося к Японии с глубокой любовью. Гарвардский профессор Эдвин О. Рэйшауер (1910—1990), который в 1961—1965 гг. был американским послом в Японии, с нежностью вспоминал то время, когда он учился у профессора Елисеева, будучи студентом последнего курса Гарварда. В своих воспоминаниях Э. Рэйшауер утверждает, что когда дело дошло до дипломной работы, профессор Елисеев твердо сказал ему, что невозможно хорошо знать Японию — и вообще быть хорошо образованным человеком, — не поучившись сперва в Европе, а затем в Китае, Корее и Японии. Рэйшауер с восхищением воспринял эти слова, поскольку, будучи молодым человеком, был счастлив открывшейся возможности посмотреть мир с полного одобрения своего наставника, и в результате отправился в путешествие, продлившееся около пяти лет. Эта история ярко свидетельствует о широте взглядов профессора Елисеева, о том внимании, с которым он относился к подготовке выпускников, и о космополитизме его натуры.

Мы в Гарварде желаем полного успеха вашей конференции.

29 июня 1999 г.

Приветствия

Мариус Б. Янсен

Дорогие японоведы!

Я счастлив, что могу отдать дань уважения памяти профессора Сергея Елисеева и его трудам. Он первым ввел меня в мир изучения Японии, и его уроки и личный пример сыграли важную роль в моем решении вступить на поприще японоведения. Благодаря его учебе в Токийском императорском университете еще в эпоху Мэйдзи, профессор Елисеев был пионером – возможно, единственным пионером – академического японоведения на Западе. В своих японских исследованиях он черпал непосредственно из первоисточников, и мы, кому посчастливилось быть его студентами, благодаря его энтузиазму и дружелюбию унаследовали от него любовь к учению и стремление к совершенству в работе.

1 июля 1999 г.

В. С. Елисеев

Господин президент, дорогие коллеги и дорогие друзья!

Вы оказали мне большую честь, пригласив принять участие в работе вашей конференции.

Мне бы очень хотелось быть с вами, чтобы отметить великий труд Сергея Григорьевича и поздравить вас от всего сердца. К сожалению, состояние здоровья не позволяет мне путешествовать, и я прошу простить меня за эту прискорбную неловкость. Этим письмом мне хотелось бы выразить огромную надежду на успех вашей программы.

Находясь под сенью Академии наук, вы избрали прекрасное место, где можете отдать дань тому, кто благодаря своим знаниям стал первопроходцем современной науки о Японии в Европе, Азии, а также в Америке.

В момент отставки ученого в 1957 г. его самый опытный ученик — посол Эдвин О. Рейшауер заявил об этом первенстве: «Может быть, никто в Соединенных Штатах в большей степени не заслуживает быть названным основоположником науки о Дальнем Востоке».

Мне самому не пристало носить лавровый венок в обществе признанного специалиста, обладающего столь глубокими знаниями. Позвольте рассказать о моих сыновних воспоминаниях, касающихся не-

Приветствия

которых аспектов жизни этого человека, перед тем как вы сами будете говорить об этом мастере и знатоке.

С течением времени у его детей представления о нем становились все более поучительными и захватывающими. Первое воспоминание о нем — как о человеке крепком, мужественном, требовательном и жестком, но всегда улыбающемся, о человеке, который прекрасно владел собой, был до конца нежным и верным другом нашей матери, Веры Петровны, актрисы, художницы и иллюстратора, чьи чувствительность и мудрость помогали ей поддерживать семейный очаг со всей присущей ей мягкостью и величием души.

В моей памяти остались воспоминания о его учебе, которая, однако, не помешала ему заниматься многими видами спорта: от фигурного катания до фехтования. Он страстно любил верховую езду и прекрасно владел искусством выездки. Кроме того, совершенно неожиданно увлекся английским боксом, не для нападения или защиты, а для того, чтобы знать, как бить и как получать удары, и уметь противостоять неудачам, которые приходят в самый неподходящий момент. Мы же, несмотря на всю сложность этих упражнений, никогда не забывали данных им уроков.

В отрочестве образ учителя и воспитателя сменился примером для следования. Работая без устали, Сергей Григорьевич стремился к совершенству и поэтому всегда доводил до конца все свои начинания в философии и каллиграфии, в живописи и музыке. Самая большая его гордость — то, что его успехи в колледже Larinsky были отмечены золотой медалью, о чем при каждой нашей школьной неудаче вспоминала Вера Петровна.

Самые первые мои воспоминания относятся к картинам жизни молодого ученого, поскольку мы прочувствовали и прожили эту жизнь вместе с ним. Мы все знаем, что начало его призвания к изучению Японии было положено ужасным концом русско-японской войны и эмоциональным шоком, который он у него вызвал. С этого момента он захотел прояснить для себя все «как» и «почему» этой драмы. Когда же в итоге, после долгих 12 лет, посвященных изучению данной проблематики, он почувствовал в себе силы объяснить происходящее, разразилась новая национальная драма — приход народовластия.

В письме от 13 /26/ марта 1917 г. к своему другу Николаю А. Невскому Сергей Григорьевич радуется этому изменению, разделяя энтузиазм молодой партии, точнее говоря, он ликует. Время иллюзий было кратким, очень кратким. Несмотря на его личные успехи (член Музея

Приветствия

Азии с 1917 г., член Новой Археологической Академии с 1918 г., секретарь философского отделения Петроградского университета), его энтузиазм сплотился о социалистическую революцию. Как всегда, ему пришлось подчиниться и действовать в русле марксистской догмы. Это было ему не по силам, принимая во внимание манифестации, волнения, новые кризисы и угрозы власти красных. Он сам и члены его семьи преследовались, его несколько раз задерживали, и он получал угрожающие послания. Устав от всего этого, он решил покинуть город вместе с Верой Петровной и своими двумя сыновьями. В своем «Дневнике заложника Красной России» («Сэкиро-но хитодзита никки»), опубликованном первый раз в Японии и второй раз — в «Тью корон» в 1976 г., среди других фактов можно найти описание бегства ночью, на лодке, под выстрелы и крики и плач испуганных детей, по которым их могли обнаружить.

В 1920 г. наши родители устраиваются в Париже, и здесь возникают все проблемы, связанные с эмиграцией, которые они смогли разрешить благодаря тому, что слепо верили в свое счастье. Как у многих других, их жизнь сводилась к множеству мелочей, длительной учебе и главное — к бессонным ночам (они часто не спали до зари).

В семье Сергея Григорьевича часто видели лишь мельком, он приходил, как порыв ветра, а иногда пропадал неделями. Изучая его библиографию, нельзя не отметить его огромную активность в Париже: около шестидесяти трудов в одно десятилетие и около тридцати за все остальное время. И все же он редко забывал баловать нас по воскресеньям во второй половине дня своей нежностью, которую мы с восторгом принимали, и радовать нас своей изобретательностью, придумывая новые забавы и игрушки. Иногда, когда заходил его брат, живший по соседству, мы имели право присутствовать при семейных разговорах, смысла которых мы не понимали, но чувствовали, что они касаются всех нас. Кроме православной Пасхи, отмечаемой по всем правилам, с постом и молитвами, у нас в доме всегда было много радостных моментов. Все служило предлогом для праздника, отмечаемого одним кусочком сахара к обжигающему чаю, который мы пили из блюда.

После отъезда наших родителей в Гарвард мы были вместе только во время каникул, на более или менее долгие недели. Мы посетили Страну басков, которую Вера Петровна, в память о своем учителе Петрове-Водкине и к моей огромной радости, рисовала много раз; Португалию, Соединенные Штаты, которые мы объездили вдоль и по-

Приветствия

перек. Иногда, когда мы были дома одни два-три дня, нам разрешали ходить купаться в бурные волны реки Мэн и спускаться на лыжах по гладким, занесенным снегом холмам Солнечной Долины. Мы все наслаждались этой прекрасной жизнью, когда вдруг летним днем 1939 г. услышали о начале войны в Европе. Наши родители были просто раздавлены этим неожиданным известием. Мы никогда не видели отца таким безнадежно напуганным. Оба его сына, офицеры запаса, немедленно решили стать под знамена Франции.

В июне 1946 г. мы снова увидели синее небо над головой и оказались в Кембридже, вновь начав заниматься семейными делами, которые были прерваны на семь лет войной и Сопротивлением. Свободное время я посвящал тому, что продолжал изучать синологию, слушал лекции Francis W. Cleaves, бывшего ученика Paul Pelliot, как и я сам. Хотя мне и не хватало отцовских уроков, я тем не менее был счастлив проводить долгие вечера за чтением (по указанию Сергея Григорьевича) целых страниц Zhuangzi: описания полетов Великого Орла Пенга занимали все мое воображение. Это были самые прекрасные моменты моей жизни, одни из тех, которые не забываются никогда, потому что воспоминания о них спрятаны в самой глубине души.

Мне думается, что это последнее воспоминание позволяет нам представлять Сергея Григорьевича с его лучезарной улыбкой, который был бы счастлив, если бы у вас все получилось. Во имя моего старшего брата, блестящего знатока арабских стран, к несчастью, покинувшего нас 25 ноября 1997 г., и от меня самого примите мои искренние пожелания успеха во всех ваших начинаниях, таких трогательных и великодушных.

Париж, 21 декабря 1998 г.

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЕЛИСЕЕВ

Исполнилось 110 лет со дня рождения Сергея Григорьевича Елисеева — одного из крупнейших японоведов XX века. Начав свой творческий путь в России, он стал основателем научного изучения Японии в двух странах: Франции и США.

Сергей Григорьевич Елисеев родился 1 /13/ января 1889 г. Его отец, Григорий Григорьевич Елисеев, сын крестьянина Ярославской губернии, был крупным предпринимателем, основателем и владельцем знаменитых Елисеевских магазинов в Москве и Петербурге, существующих и поныне. Будущий японист вырос в богатой семье, ценившей образование. С детства он знал несколько западных языков, неоднократно бывал за границей. Но, как сам позже признавал, решающее влияние на выбор профессии оказала Русско-японская война 1904—1905 гг. Стремительно ворвавшаяся в мировое сообщество Япония привлекала к себе всеобщее внимание. И не случайно, что именно после поражения России в войне (одной из причин которого было незнание Японии) русское японоведение стало быстро развиваться усилиями нового поколения специалистов.

Изучение Японии и в России, и на Западе очень долго отставало от изучения многих других стран Востока. До середины XIX в. Япония оставалась «закрытой страной», приток информации был очень невелик. Во второй половине XIX в. прочные традиции ее изучения так и не успели сложиться. К тому же это был период, когда востоковедение, в том числе русское, жестко разграничивалось на университетское и практическое. Университетская наука была в основном книжной, занимавшейся исследованием древних и средневековых памятников. А японских памятников в российских и западных собраниях было немного. В Петербургском университете кафедра японской словесности была открыта лишь в 1898 г., намного позже других востоковедных, но и в последующее десятилетие на кафедре не было постоянных преподавателей, кроме носителя языка Куроно Ёсибуми¹. Современная Япония изучалась практиками-страноведами, знавшими язык, бывавшими в Японии, умевшими собирать факты, но далекими от науки. Уровень изучения этой страны в России тогда совершенно не соответствовал

¹ См.: Бабинцев А. А. Из истории русского японоведения // Японская филология. М., 1968, с. 127—130.

Сергей Григорьевич Елисеев

потребностям времени. На Западе ситуация была не намного лучше. Ученому-японоведу любой проблемой надо было заниматься впервые.

Но ни в одной стране в первом десятилетии XX века не пришло в японистику столько молодых перспективных ученых, как в России. Годом старше С. Г. Елисеева был О. О. Розенберг, его ровесником — М. Н. Рамминг, на два-четыре года моложе — Н. И. Конрад, Н. А. Невский, Е. Д. Поливанов, братья Плетнеры. Судьбы этих учёных сложились по-разному, но все внесли важный вклад в изучение Японии.

У С. Г. Елисеева же она с самого начала пошла по другому пути, чем у перечисленных ученых. Все они учились в Петербургском университете, а отец Сергея решил, что его сыну следует учиться за границей. В 1907 г. 18-летний юноша уехал в Берлин, где в течение года занимался у ведущих тогда немецких специалистов по японскому языку Р. Ланге и Г. Плаута. В Берлине он познакомился с одним из виднейших японских лингвистов Симмура Идзуру, составившим впоследствии знаменитые словари «Дзиэн» и «Кодзиэн». Но научный уровень берлинской японистики не удовлетворил С. Г. Елисеева, и он решил продолжить свое обучение в Японии.

В этой стране он пробыл с 1908 по 1914 г. Как пишет один из его биографов, «С. Г. Елисеев... в 1908 году поступил в Токийский Императорский университет (ныне Токийский университет — В.А.), который окончил в 1912 году со степенью кандидата словесности (бунгакуси). Он был первым европейцем, получившим высшее образование в Японии. Оставленный в университете, С. Г. Елисеев изучал творчество японского поэта Басё, в сферу его интересов входило также японское искусство»².

Добавим, что в эти годы он познакомился с рядом видных деятелей японской культуры, в том числе с крупнейшим писателем Нацумэ Сосэки, а в университете учился у ведущих японских филологов того времени Хага Яити и Уэда Маннэн.

В 1914 г. молодой ученый вернулся в Россию. Вскоре «он был допущен к магистерским экзаменам на факультете восточных языков, которые сдавал в марте — сентябре 1915 г., а в ноябре состоялись его пробные чтения «Басё и его произведения» и «Развитие книжного японского стиля». Начав преподавание по программе, состоящей из двух предметов — разговорный язык (грамматика и тексты) — 2 часа на I курсе и литература Хэйанского периода — 1 час на II курсе, С. Г. Елисеев затем ежегодно объявлял новые курсы: в 1916/17 учебном году —

² Там же, с. 133.

введение в изучение японской литературы – 1 час на II курсе; в 1917/18 учебном году – семинарий по истории японской литературы – 1 час на IV курсе и чтение современных текстов (Нацумэ, «Врата») – 1 час на II-III курсах; в 1918/19 учебном году – грамматика письменного японского языка – 1 час на II курсе, семинарий по «Макура-но сеси» (памятник начала XI в. – В. А.) – 2 часа на III-IV курсах, из современных текстов читался роман Нацумэ «Сансиро»³.

В привлечении перспективного япониста на факультет – немалая заслуга тогдашнего его декана (Н. Я. Марра). Этот ученый сыграл весьма неоднозначную роль в развитии отечественной науки. Однако в годы деканства на восточном факультете Н. Я. Марр много сделал для повышения научного уровня преподавания. На кафедру японской словесности он в 1915 г. зачислил сразу троих многообещающих специалистов: С. Г. Елисеева, Е. Д. Поливанова и М. Н. Рамминга, из которых лишь последний был выпускником факультета (Е. Д. Поливанов кончил историко-филологический факультет, а японский язык учил вне стен университета), а восточный факультет еще оставался тогда достаточно закрытым сообществом, с трудом принимавшим «чужих». С. Г. Елисееву, не имевшему русского университетского диплома, декан помог добиться подтверждения своей квалификации.

Молодые люди стали первыми русскими профессиональными преподавателями японистических дисциплин в университете, к тому времени уже Петроградском. Помимо обязательных для каждого практических курсов языка все трое вели и специальные, соответствовавшие их научным интересам: Е. Д. Поливанов – по лингвистике, М. Н. Рамминг – по истории, а С. Г. Елисеев – по литературоведению. В 1916 г. к ним прибавился вернувшийся из Японии О. О. Розенберг, специализировавшийся по изучению буддизма. Для последующего преподавания на японской кафедре в те годы стажировались в Японии Н. И. Конрад и Н. А. Невский, но обстоятельства сложились так, что их университетская деятельность началась позже, уже в советское время. Японистов в России тогда было немного: несколько позже, в 1920 г., С. Г. Елисеев с горечью писал: «Людей, занимающихся серьезно японским языком, на всю Россию меньше десяти человек»⁴. Но само появление этих людей открывало возможность дальнейшего развития.

В 1917 г. С. Г. Елисеев вместе с женой на несколько месяцев ездил в Японию, о чем свидетельствуют письма Н. И. Конрада Н. А. Невско-

му⁵. Еще до Октября он вернулся в Петроград и до 1920 г. продолжал работу в университете, где некоторое время (в 1919–1920 гг.) был основным преподавателем японистических дисциплин: О. О. Розенберг умер, М. Н. Рамминг уже эмигрировал, Н. А. Невский надолго остался в Японии, Н. И. Конрад уехал на несколько лет в Орел, Е. Д. Поливанов, продолжая числиться на факультете, с головой ушел в революционную деятельность.

Помимо университета, где с 1918 г. восточный факультет вошел в состав факультета общественных наук, С. Г. Елисеев работал в Азиатском музее и сотрудничал с издательством «Всемирная литература», основанным по инициативе М. Горького.

Это тяжелое в материальном отношении время было временем обширных просветительских планов и гигантских начинаний. Одним из них стала «Всемирная литература», ставившая задачу знакомства широкого читателя со всем богатством мировой культуры. Грандиозный проект, соответствовавший духу эпохи, привлек многих интеллигентов, в том числе и тех, кто, как С. Г. Елисеев, не принимал происходившие в обществе перемены. Первоначально он целиком отвечал за японскую часть проекта, потом его сменил Н. И. Конрад. К тому времени в России почти не переводилась японская литература, а немногие имевшиеся переводы имели случайный характер и выполнялись не с оригинала, а с переводов на западные языки. Как писал С. Г. Елисеев в статье «Японская литература», когда будет выполнена программа «Всемирной литературы» по Японии, русский читатель познакомится с лучшими произведениями всей японской литературы, переведенными с подлинника⁶. Трудно сказать, была ли выполнимой (даже при самом благоприятном развитии событий) такая задача, учитывая небольшое число людей в тогдашней России, способных квалифицированно переводить с японского. Ведь и сейчас, когда уже имеется немало высококачественных переводов, осуществленных многими специалистами за несколько десятилетий, нельзя еще говорить о полном ее решении. Тогда же, в силу нескольких причин, одной из которых была эмиграция С. Г. Елисеева, из проекта в японской его части осуществилось только одно издание — перевод «Исэ-моногатари», выполненный Н. И. Конрадом⁷.

⁵ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, с. 247-248, 250, 254.

⁶ Елисеев С. Г. Японская литература, с. 39.

⁷ Исэ-моногатари. Пг., 1922.

³ Там же, с. 134.

⁴ Елисеев С. Г. Японская литература. // Литература Востока, вып. 2. Пг., 1920, с. 45.

С. Г. Елисеев успел лишь подготовить очерк японской литературы, вошедший в изданный в 1920 г. «Всемирной литературой» сборник очерков по ряду литератур Востока. Это была первая серьезная публикация ученого, и по существу единственная на родине и на родном языке. Однако значение ее очень велико. Впервые в отечественной японистике появился краткий, но содержательный очерк истории японской литературы с древности до современности. Как указывал сам С. Г. Елисеев, несмотря на «жестокий урок 1905 года», в России и сейчас не стремятся узнать Японию, в том числе и японскую литературу⁸; эта литература неизвестна совсем⁹. В какой-то степени этот пробел восполняла работа С. Г. Елисеева. Отметим, что столь концентрированного и содержательного очерка всей японской литературы у нас с тех пор так и не было. Имеющиеся описания в энциклопедиях или «Истории всемирной литературы» слишком кратки, известная «Японская литература в образцах и очерках» Н.И. Конрада¹⁰ представляет собой собрание вводных статей к отрывкам из произведений отдельных авторов (к тому же вышел лишь первый том из предполагавшихся двух), а полная история японской литературы, над которой много лет работал Н.И. Конрад (в том числе даже во время заключения), так и не была до конца отделана автором. Посмертно были опубликованы важные, но опять-таки фрагменты¹¹. Сейчас, при значительно более углубленном изучении отдельных авторов и эпох, наша японистика уже не имеет таких энциклопедистов, какими были Н. И. Конрад и С. Г. Елисеев. Вряд ли кто-то у нас мог бы равно компетентно рассматривать древнюю и современную японскую литературу.

Помимо изложения истории японской литературы от древнейших дошедших до нас текстов до творчества «недавно умершего» Нацумэ Сосэки, С. Г. Елисеев стремился дать общую характеристику японской культуры и японского взгляда на мир. Автор рассматривает особенности «японского миропонимания», отношения японцев к природе, которое, по его мнению, определяет очень многое в японской культуре и литературе. Немало говорится о влиянии китайской культуры на японскую, о роли буддизма и конфуцианства. Подчеркивается, что восприняв из Китая литературные формы, японцы их «приспособляли к осо-

бенностям японской души»¹², а последующие внешние влияния, включая европейские, «не разрушили основ души японца»¹³. По своему научному уровню очерк С. Г. Елисеева удовлетворял самым высоким требованиям и не потерял значения и сейчас.

К моменту выхода в свет «Японской литературы» ее автора уже не было на родине. Мы не хотим давать какую-либо однозначную оценку эмиграции ученого. Отметим лишь, что она была закономерной. Играли роль и его происхождение из богатой семьи, и его политические взгляды. Еще в 1917 г., между Февралем и Октябрем, Н.И. Конрад писал Н.А. Невскому: «Елисеев... человек партийный, он смотрит на явления с партийной точки зрения»¹⁴. Сергей Григорьевич был членом Партии народной свободы, более известной как кадетская, а она уже на первых этапах революции потерпела поражение. Жизнь развела недавних друзей: одни, как Е. Д. Поливанов, активно приняли революцию, другие, как Н. И. Конрад, по собственным словам, смотрели «на вещи с надпартийной вышки»¹⁵, третьи, как С. Г. Елисеев, не могли примириться с происходящим. В 1920 г. он на некоторое время был арестован, а вскоре после освобождения, осенью того же года, нелегально вместе с семьей покинул Советскую Россию. Через Финляндию и Швецию он добрался до Парижа.

Отметим, что несмотря ни на что, отношения эмигранта С. Г. Елисеева и оставшегося на родине Н. И. Конрада сохранялись. В 1926 г. Н. И. Конрад писал выезжавшему за рубеж В. М. Алексееву: «Скажите С. Г. Е/лисееву/, что по-прежнему люблю и помню о нем. Жажду послать ему свои новыеopus'ы (статейки), дойдут ли до него?»¹⁶. А за несколько месяцев до смерти, 31.01.1970 г. Н. И. Конрад в письме В. С. Сановичу называл С. Г. Елисеева вместе с собой и Ор. В. Плетнером «одним из последней тройки японистов моего времени», указывая при этом: «Мы переписывались»¹⁷. К сожалению, переписка двух крупнейших японистов пока не изучена.

В СССР, прежде всего благодаря деятельности Н. И. Конрада, сменившего С. Г. Елисеева в Петроградском — Ленинградском университете, изучение японской культуры не прервалось. Однако, безусловно, отечественная наука потеряла очень перспективного ученого. В то же

⁸ Елисеев С. Г. Японская литература, с. 45.

⁹ Там же, с. 39.

¹⁰ Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927. Изд. 2-е. М., 1991.

¹¹ Конрад Н.И. Японская литература. От «Кодзика» до Токутоми. М., 1974.

¹² Елисеев С. Г. Японская литература, с. 42.

¹³ Там же, с. 41.

¹⁴ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма, с. 250.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 262.

¹⁷ Там же, с. 112.

время именно благодаря эмиграции С. Г. Елисеева, т.е. за счет ресурсов русской школы, сформировалось научное японоведение в двух крупных странах — Франции и США. Отметим также, что на развитие японистики в Германии во многом повлиял М. Н. Рамминг, а в достаточно закрытой для влияния иностранной японистики Японии до сих пор вспоминают деятельность Ор. В. Плетнера и вернувшегося позднее на родину Н. А. Невского.

В начале 1921 г. Сергей Григорьевич приехал в Париж, где прожил более десяти лет. Попад в чужую страну, он довольно быстро смог в ней адаптироваться. Помогли приобретенное в детстве знание французского языка и высокая квалификация специалиста. Случайно встретив сразу по приезде знакомого ему еще по Токио дипломата Х. Асида (впоследствии, в 1948 г. — премьер-министр Японии), С. Г. Елисеев устроился переводчиком в японское посольство в Париже. Вскоре он становится хранителем японской коллекции в Музее Востока, в 1922 г. организует большую выставку японского искусства во дворце Гран-Пале. Позже он начал работать в Сорбонне, где вел ряд японистических курсов, хотя преподавание в парижский период деятельности ученого не занимало столь большого места, как в Петрограде и затем в Гарварде.

Именно в эти годы С. Г. Елисеев более всего печатался: выпустил несколько книг, опубликовал ряд статей и глав в коллективных трудах. Французская японистика, хотя и имела к тому времени более длительную традицию, чем российская, все же в основном имела практическую, страноведческую направленность. И закономерно, что молодой и до 1921 г. неизвестный во Франции японовед быстро занял там ведущие позиции. Это нашло отражение в том, что именно ему поручали писать посвященные Японии (а иногда и сопредельным с ней странам) разделы в больших коллективных трудах.

Видимо, в связи с музейной работой наибольшее число публикаций ученого в парижский период посвящено искусству. Его первой книгой стал очерк японской живописи XVI–XX вв.¹⁸ (он был связан с упомянутой выше выставкой). В то время это было наиболее подробное в японистике за пределами Японии систематическое описание японской живописи нового времени. В библиотеке Ю. Н. Периха, хранящейся ныне в Институте востоковедения РАН, сохранился экземпляр книги с надписью: «На добрую память от искренне преданного автора». К со-

¹⁸ Elisséev S. La peinture contemporaine au Japon. Paris, 1923.

жалению, более ничего об отношениях двух крупных востоковедов мы не знаем.

Среди публикаций С. Г. Елисеева по искусству отметим статьи о живописи школы Кано (XVI–XVII вв.)¹⁹, о формировании жанра пейзажа в японской живописи в XV в.²⁰, о портретной живописи в Китае и Японии²¹. Его изучение данной проблематики было обобщено в главах, посвященных Японии и Китаю, в востоковедном томе многотомной «Всеобщей истории искусств»²². Здесь даются сжатые очерки истории искусств в этих двух странах с древнейших времен до современности (для Китая — реально до XVIII в.), включая прикладное искусство и архитектуру. При этом даются и краткие очерки истории этих стран, позволяющие ввести явления искусства в исторический контекст.

Вскоре после приезда во Францию С. Г. Елисеев был привлечен к работе по написанию ряда разделов в фундаментальном труде «Языки мира», выходявшем под редакцией одного из самых именитых лингвистов мира в то время А. Мейе и его ученика М. Козна. Впервые в мировой науке было предпринято энциклопедическое описание максимально большого числа языков мира. В труде участвовали наиболее крупные французские специалисты. Включение в их коллектив С. Г. Елисеева — явное признание его авторитета. Помимо небольшого очерка о японском языке²³ в этом труде ему принадлежат описания корейского, айнского и так называемых «гиперборейских» языков, то есть языков крайнего северо-востока Сибири. Из них реально описан только гиляцкий (сейчас его принято называть нивхским)²⁴.

Описание японского языка у С. Г. Елисеева не свободно от традиционного влияния европейского эталона, однако его следует признать хорошим для своего времени. Отметим, например, попытку выделить взаимный порядок глагольных суффиксов, трактовку «предикативных прилагательных» как непереходных глаголов, оригинальное рассмотрение служебного элемента *надо* в качестве суффикса множественности. Довольно подробно описана фонетика, а японское ударение — на

¹⁹ Elisséev S. Les peintres de l'école Kano. // *Revue des Arts Asiatiques*, v. 2, 1925, N 4.

²⁰ Elisséev S. Sur le paysage à l'encre de Chine du Japon. // *Revue des Arts Asiatiques*, v. 2, 1925, N 2.

²¹ Elisséev S. Notes sur le portrait en Extrême-Orient. // *Études d'Orientalisme publiées par le Musée Grimet, à la mémoire de Raymonde Linossier*. Paris, 1932.

²² Elisséev S. L'art de Chine, L'art de Japon. // *Histoire Universelle des Arts*. IV. Arts Musulmans Extrême-Orient. Paris, 1929.

²³ Les langues du monde. Paris, 1924, p. 245–253.

²⁴ Ibid., p. 255–272.

основе работ Е. Д. Поливанова, в то время неизвестных на Западе. В конце очерка приведена краткая история японского письма и перечисляются основные памятники письменности и культуры. Не будучи специалистом по другим языкам, С. Г. Елисеев при их описании руководствовался существовавшими исследованиями, в том числе малодоступными во Франции публикациями на русском и польском языках: для айнского языка – польского исследователя Б. Пилсудского, для нивхского – выдающегося русского этнографа Л. Я. Штернберга, влияние теоретических идей которого испытали многие русские востоковеды поколения С. Г. Елисеева, в том числе Н. А. Невский и Н. Н. Поппе.

Еще одной обобщающей работой с участием С. Г. Елисеева был капитальный труд «История и историки за последние пятьдесят лет (1876-1926)», в котором описывалась мировая историческая наука за указанный отрезок времени. С. Г. Елисееву принадлежит здесь большой раздел по историографии Японии, содержащий как анализ японской «европеизированной» исторической науки, так и очерк мировой японистики²⁵. Ученый в те годы вообще часто выступал с рецензиями на публикации в Японии и обзорами работ японских авторов: см., например, библиографические заметки о японской этнографической серии²⁶, обзор японских работ 20-х – начала 30-х гг. о древнекитайской бронзовой скульптуре²⁷.

Уже в начале 30-х гг. в Лондоне вышел труд «Азиатская мифология» (он был подготовлен в основном французскими авторами на французском языке, но в конечном итоге издан по-английски). С. Г. Елисееву в нем принадлежит обширный раздел о японской мифологии²⁸. Этот очерк состоит из двух частей. В первой описывается синтоистская мифология на основе «Кодзики» и «Нихонги». Вторая, буддийская часть очерка, имеет во многом искусствоведческий характер: больше половины ее объема занимает описание иконографии японского буддизма; кроме того, дается краткий очерк истории буддизма в Японии.

Помимо изобразительных искусств С. Г. Елисеев занимался и другими видами японского искусства. Последней его крупной публикацией во Франции стала книга о театре Кабуки²⁹. Хотя весь очерк принадле-

жит Сергею Григорьевичу, книга вышла под двумя именами: известный в русских эмигрантских кругах в Париже художник Александр Яковлев взялся проиллюстрировать книгу, став ее равноправным соавтором. Отметим также отредактированную С. Г. Елисеевым после смерти Н. Пери его книгу по японской музыке³⁰.

Если в Японии и России Сергей Григорьевич в основном специализировался по японской литературе, то в Париже по каким-то причинам он отошел от этой тематики. Можно отметить лишь его работу в области художественного перевода. В 1924 и 1927 гг. он издал в переводе на французский язык два сборника рассказов современных японских писателей³¹. В них представлены почти все наиболее крупные авторы той эпохи: Акутагава Рюносукэ, Танидзаки Дзюнъитиро, Кикиути Кан, Сига Наоя, Нагаи Кафу и др., в то время почти не известные за пределами Японии. Французский читатель познакомился с этими произведениями впервые.

Подводя итог деятельности С. Г. Елисеева, необходимо отметить широту изучавшейся им проблематики: язык и литература, история и искусство, музыка и театр. В связи с этим вспоминается письмо Н. И. Конрада В. М. Константинову от 30.07.1954, где ученый, перечисляя области японистики, в которых он может помочь бывшему ученику, называет и лингвистику, и литературоведение, и историю, лишь указывая: «новейшей историей (т.е. с начала XX в.) я не занимаюсь»³². То же можно сказать и про С. Г. Елисеева: активно занимаясь классической культурой в разных ее аспектах, не избегая изучения современных языка, литературы, искусства, он, как и Н.И. Конрад, совсем не обращался к изучению современной истории и политики.

Безусловно, деятельность С. Г. Елисеева сыграла значительную роль для развития японистики во Франции. Большое влияние он оказал на ведущего французского япониста следующего поколения Ш. Агеноэра, в свою очередь подготовившего ряд специалистов. И, безусловно, среди учеников ученого были его собственные сыновья, также ставшие знаменитыми востоковедами: японист и китаист Вадим Елисеев и арабист Никита Елисеев.

В начале 30-х гг. С. Г. Елисеев получил французское гражданство. Однако вскоре после этого он надолго покинул Францию, получив при-

²⁵ Elisséev S. Japon. // Histoire et Historiens depuis cinquante ans. Paris, 1928.

²⁶ Elisséev S. Une collection de folklore japonais. // Japon et Extrême-Orient, v. 10, 1924.

²⁷ Elisséev S. Notes sur les travaux japonais concernant les bronzes anciens de la Chine. // Revue des Arts Asiatiques, v. VIII, 1933, N 3.

²⁸ Elisseeff S. The Mythology of Japan. // Asiatic Mythology. London, 1932.

²⁹ Jacovleff Alexandre et Elisséev Serge. Le théâtre Japonais (Kabuki). Paris, 1933.

³⁰ Peri N. Essai sur les gammes japonaises. Paris, 1934.

³¹ Neuf nouvelles japonaises. Paris, 1924. Nagai Kafu. Le jardin des pivoinies suivi de cinq récits d'écrivains contemporains. Paris, 1927.

³² Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики»..., с. 315.

глашение в один из самых престижных университетов США – Гарвардский. Впервые он приехал туда в 1932 г. еще в качестве «ученого-гостя». А в 1934 г. он становится директором Института Янъцзин при Гарвардском университете (учрежденного на основе соглашения с университетом Янъцзин в Пекине) и одновременно – центра исследований Китая и Японии, также в Гарварде. В течение почти четверти века С. Г. Елисеев возглавлял изучение Японии, а также Китая, Кореи и Монголии в этом университете.

Характер работы Сергея Григорьевича в это время изменился по сравнению с парижским периодом. На первом месте оказалось преподавание. В преддверии войны с Японией в США были необходимы кадры японистов, а их еще в первой половине 30-х гг. практически не было. Как и во многих других областях, выход был найден в приглашении сложившихся специалистов из-за рубежа, которые могли бы быстро подготовить собственные кадры. Нередко это были эмигранты из России. С. Г. Елисеев создал американскую японистику так же, как, например, Р. О. Якобсон несколькими годами позже – американскую славистику и русистику.

В течение многих лет С. Г. Елисеев читал в Гарвардском университете лекции по японскому языку, культуре, литературе, искусству. Он подготовил многих крупных специалистов. Одним из первых его учеников стал Э. Рейшауэр, в дальнейшем его соавтор в нескольких работах. Позже Э. Рейшауэр был послом США в Японии и одним из творцов американской политики в отношении Японии в 60–70-е гг. Многие ученики С. Г. Елисеева участвовали во второй мировой войне, работали в оккупационной администрации в Японии, помогали стране восстанавливать свой потенциал.

Большая педагогическая и административная нагрузка повлияла на научную продуктивность С. Г. Елисеева. После переезда в США у него не было крупных научных публикаций. Число изданных работ резко падает, а то, что издано, в основном имело учебный характер.

Первой и, пожалуй, самой значительной из публикаций С. Г. Елисеева в этот период была выполненная им совместно с двумя учениками, в том числе Э. Рейшауэром, аннотированная библиография работ по японистике на основных западных языках³³. Как указано в предисловии, это не первая библиография такого рода, но первая, специально рассчитанная на студентов. Максимально полно, вплоть до га-

³³ Borton H., Elisseeff S., Reischauer E.O. A Selected List of Books and Articles on Japan in English, French and German. Washington, 1940.

Сергей Григорьевич Елисеев

зетных статей, перечисляются наиболее значительные публикации по японистике с XIX в. до 30-х гг. XX в. Для большинства работ даются краткие аннотации.

В разгар войны, в 1944 г., впервые увидел свет курс японского языка для начинающих, подготовленный С. Г. Елисеевым совместно с Э. Рейшауэром и Т. Ёсихаси³⁴, впоследствии несколько раз переиздававшийся. Это был первый в США опубликованный массовым тиражом учебник японского языка, включающий в себя также разговорные модели, иероглифический словарь и элементарные сведения о старописьменном языке (*бунго*). Уже после войны С. Г. Елисеев, вновь вместе с Э. Рейшауэром, выпустил хрестоматию по японской литературе и истории³⁵. Она включала отрывки из наиболее значительных японских памятников письменности с VIII в. по начало XIX в. В нее вошли представительные поэтические, прозаические, исторические тексты в оригинале с комментариями. Глядя на перечень памятников в хрестоматии, невольно вспоминаешь не осуществившиеся планы С. Г. Елисеева о переводах на русский язык лучших произведений японской литературы. Вероятно, имелось в виду перевести примерно тот же набор памятников. Но осуществить эти замыслы ни на русском, ни на каком-нибудь другом языке Сергею Григорьевичу не было суждено.

Последней его заметной публикацией стало описание библиотеки руководимого им института, изданное в 1956 г.³⁶ Эта библиотека стала самым крупным в США хранилищем литературы на языках Дальнего Востока. Забота о ее пополнении лежала на С. Г. Елисееве. Известно, что за время его работы китайская часть библиотеки увеличилась более чем втрое и составила свыше 200 тысяч томов, а японская часть – примерно в 15 раз, достигнув более 50 тысяч томов. Впервые при нем в фонды вошли книги на корейском, монгольском, тибетском, маньчжурском языках.

В 1957 г. С. Г. Елисеев, которому было 68 лет, ушел в отставку, а годом позже покинул Гарвард и вернулся в Париж. Живя долгие годы в США, он всегда сохранял французское гражданство, а его дети во время войны служили во французской армии. Все, кто знал Сергея

³⁴ Elementary Japanese for College Students. Vocabularies, Grammar and Notes. Compiled by S. Elisseeff, E.O. Reischauer, Takehiko Yoshihashi. V.I-III. Cambridge (Mass.), 1944.

³⁵ Elisseeff S., Reischauer E.O. Selected Japanese Texts. Literature and History. Cambridge (Mass.), 1947.

³⁶ Elisseeff S. The Chinese-Japanese Library of the Harvard-Yenching Institute at Harvard University. // Harvard Library Bulletin, v. X, 1956, N1.

Григорьевича, отмечают, что США не стали для него родной страной, а английский – родным языком. Как и многие другие русские интеллигенты его поколения, оказавшиеся после революции на Западе, он был европейцем по культуре и воспитанию, и до конца привыкнуть к американскому образу жизни ему было трудно.

С 1958 г. и до конца жизни С. Г. Елисеев вновь жил в Париже. Но он отошел от дел и совсем не публиковался, хотя прожил еще довольно долго. Последние годы жизни он тяжело болел. Умер Сергей Григорьевич (Серж) Елисеев в 1975 году. Его ученик Э. Рейшауэр, теперь тоже покойный, посвятил ему большую статью, до сих пор остающуюся наиболее авторитетным источником биографических сведений о С. Г. Елисееве в его эмигрантский период³⁷. Были также изданы его собственные воспоминания о периоде гражданской войны в России.

У нас по понятным причинам много лет имя С. Г. Елисеева было недостаточно известно. Если о раннем периоде его деятельности изредка бывали публикации вроде цитировавшейся выше статьи А. А. Бабинцева, а статья «Японская литература» как-то была известна, то о последующей жизни и деятельности ученого не было известно почти ничего. Ни одна из его эмигрантских работ не переводилась на русский язык. В то же время на Западе и в Японии его имя пользуется заслуженным уважением. Автору этой статьи совсем недавно пришлось разговаривать с видным гарвардским профессором-международником. Когда речь зашла о японском языке, первой его реакцией было: «Как же, Елисеев! Я его знал!» Юбилейная дата стала поводом вспомнить видного япониста, поговорить о его научном наследии. Будем надеяться, что прошедшая 2 июля 1999 г. в Российском фонде культуры в Москве конференция памяти С. Г. Елисеева будет не последней.

О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

В начале 70-х годов я работал в парижском бюро агентства «Киодо цусин». Однажды я получил письмо от моего старого приятеля, литературного критика Арааги Масахито. В нем он писал, что сейчас занят подготовкой к изданию хронологии исследований творчества Нацумэ Сосэки и что в Париже пребывает в добром здравии, хотя и в преклонных годах, блестящий ученик Сосэки. И он посоветовал мне непременно посетить этого удивительного человека и попросить его поделиться своими воспоминаниями.

В сентябре 1972 г. вместе со своим коллегой Ито Рикиёси я приехал в 17-й округ Парижа на бульвар Перейр, в дом номер 75. Нам предстояло встретиться с ученым, который воспитал выдающегося японоведа Рэйшауэра, и потому мы оба чувствовали себя очень взволнованными. Когда открылась дверь, перед нами предстал сидящий в инвалидном кресле прекрасно выглядевший почтенный старец. На мое бесконечное бормотание «bonjour messieur» он ответил на прекрасном старом японском языке: «На днях, когда Вы позвонили, я как раз принимал ванну и подумал, что абсолютно неприлично почтенному господину разговаривать в negligé, поэтому прошу простить меня». Всякое напряжение моментально исчезло и создалось ощущение, что мы давно знакомы. Нам довелось услышать речь человека, учившегося в Японии в конце периода Мэйдзи и в начале периода Тайсё. В современной Японии почти не услышишь такого прекрасного японского языка, более того, такого четкого эдосского диалекта. На нас произвело глубокое впечатление, что этот язык сохранился у иностранного ученого, перешагнувшего 80-летний рубеж. Все-таки было удивительно, что эпоха Мэйдзи до сих пор как бы была жива в Париже. (В этом месте доклада прозвучал голос Елисеева, записанный на магнитофон).

С. Г. Елисеев был младшим сыном купца Елисеева, принадлежавшего к богатому купечеству Санкт-Петербурга. В возрасте 11 лет он с отцом приехал в Париж, где они остановились на вилле Neuilly (в настоящее время здесь находится американский госпиталь). В то время в Париже проходила всемирная выставка. На ней впервые мальчик встретился с восточной цивилизацией и был ею очарован. Вторым импульсом, подогревшим его интерес к изучению Японии и ее культуры, послужила русско-японская война.

³⁷ Reischauer E.O. Serge Elisseeff. // Harvard Journal of Asiatic Studies, v. 20, 1957.

В 1907 г. С. Г. Елисеев поступил в Берлинский университет. Здесь он на занятиях по лингвистике случайно встретился с японским ученым-лингвистом Симмура Идзуру. Проходя мимо Елисеева, Симмура поприветствовал его по-немецки, тот ответил ему по-японски. Эта встреча предопределила дальнейшую судьбу молодого человека — поехать учиться в Токийский Императорский университет.

Осенью 1908 г. (41-й год эпохи Мэйдзи) длинным путем по транс-сибирской магистрали из далекой России С. Г. Елисеев приехал в Японию. Он поступил на отделение японской литературы гуманитарного факультета Токийского Императорского университета. Здесь ему посчастливилось учиться у блестящей когорты профессоров этого факультета. Им он был обязан своими уникальными знаниями. С Уэда Кадзутоси он изучал «Манъёсю», с Хага Яити — «Кодзики», с Фудзимура Саку — литературу периода Эдо или Токугава (1603–1867 — прим. пер.), с Фудзиока Сакутаро — литературу периода Камакура (1185–1333 — прим. пер.). Он был очень усердным студентом. Елисеев жил неподалеку от университета (в квартале Хонго Яёй) и ежедневно с утра до вечера занимался японским языком с тремя домашними учителями. Вспоминая те времена, он с улыбкой заметил, что хорошо освоенный им японский язык никак не помогал ему понять диалект его служанки из северных районов о. Хонсю.

Блестящие способности к изучению языка и трудолюбие позволили С. Г. Елисееву подготовить дипломную работу «Об изучении Басё», в которой он проводил сравнение этого японского поэта со святым Франциском из Ассиз. За нее он получил очень высокую оценку — 82 балла, но был поставлен на последнее место в списках окончивших университет. Заведующий отделением японской литературы Хага Яити, объясняя этот казус другу Елисеева Симмура Идзуру, сказал: «Невозможно, чтобы японец, окончивший курс по отечественной литературе, занял место ниже, чем иностранец».

На выпускной церемонии в университете император Мэйдзи, указывая на С. Г. Елисеева, обратился к декану факультета Уэда: «А это кто?» — «Студент из России», — ответил декан, на что император не сказал ничего вразумительного.

Во время шестилетнего обучения в университете С. Г. Елисеев завязал и поддерживал добрые отношения с многими представителями литературных кругов того времени, и в частности, с Комия Тоётака, Нагаи Кафу, Ногами Тоётиро, Хикаси Арата, Такаки Итиносукэ, Абэ Ёсинари, Морита Сохэй, Гото Суэо, Акутагава Рюносукэ, Юдзури

Дзюньити и другими. Среди них наиболее близкие отношения у него сложились с Комия Тоётака. Последний, так же как и Морита Сохэй, был одним из самых любимых учеников Нацумэ Сосэки. Именно Комия Тоётака известен как составитель и редактор полного собрания сочинений Сосэки после его смерти.

Супруга Комия Тоётака Цунэко так вспоминает встречу с Елисеевым: «Это был красивый молодой иностранец, элегантно одетый в европейское платье. Войдя, он сказал: «Я — Елисеев, который многим обязан г-ну Комия. Прошу любить и жаловать». Это было произнесено на хорошем японском языке».

Действительно, с фотографии того времени на вас смотрит очень красивый мужчина. Будучи сыном весьма богатого человека, он абсолютно не был стеснен в средствах. Овладевать японским языком ему, безусловно, помогала природная одаренность. Чтобы запоминать тексты *ракуго* (комических рассказов), он бродил из варьете в варьете. Он изучал японские народные танцы, искусство Кабуки, посещая артистические уборные известных актеров вместе со своим другом Тоётака. Вот таким образом он проникался «духом Японии». Он также «проходил обучение» у гейш Симбаси, Янагибаси, Акасака (районы г. Токио — прим. пер.), получая весьма разнообразные знания. В результате всего этого, он не только преуспел в японском языке, но и получил самые разносторонние сведения о стране. Когда говорили о его блестящих и разносторонних знаниях, в ответ он лишь отшучивался: «Нет, нет, я лишь любимец женщин, богат и энергичен», — или замечал: «Самое большое, чему я хорошо научился, это играть в азартные игры».

В начале 1921 г. С. Г. Елисеев приехал в Париж и совершенно случайно встретил на улице своего старого знакомого по студенческим временам в Японии Асида Хитоси, который в то время работал в японском посольстве в Париже. Елисеев сказал Асида, что только вчера приехал в Париж в эмиграцию. В результате этой встречи он получил работу в японском посольстве в качестве переводчика, чем обеспечил свое существование. Позже в университете Сорбонна С. Г. Елисеев начал читать лекции по японской литературе. В 1931 г. он получил французское гражданство, а в 1934 г. на 23 года уехал в Америку в Гарвардский университет, где работал заведующим отделением восточных языков. Здесь он подготовил большую плеяду востоковедов, разъехавшихся по всему миру.

Поскольку на конференции присутствует ученый из Америки, я не буду говорить о результатах работы С. Г. Елисеева в Гарвардском университете. Думаю, он скажет об этом сам.

От самого Елисеева я слышал о том, что, по его мнению, американцы очень невежественны, и по культуре ему близки европейцы. Когда он жил в Америке, там как раз был разгул маккартизма и потому, я думаю, у него, как русского, сохранились об этом времени очень горькие воспоминания. С 1952 по 1953 г. я впервые стажировался в Америке. Это как раз было время расцвета маккартизма, и могу засвидетельствовать, что это было ужасно. В военные годы я учился в университете Кэйо, и тогда, если преподаватель университета лишь упоминал имя Маркса, он в течение недели исчезал без следа.

Объясняя, почему он любит европейцев, С. Г. Елисеев говорил, что ему абсолютно чужд темперамент американцев. Когда речь заходила о его учениках, то он особенно выделял Яна Бурума и много о нем говорил в отличие от Э. Рейшауэра. Он объяснял это тем, что последний ушел из науки в политику и стал послом.

Я думаю, что С. Г. Елисеев был уникальным ученым-японоведом, который прослушивал всю Японию изнутри, как это делает врач эндоскопом. Несмотря на это, в Японии он почти забыт. Если спросить у современного японца: «Кто основатель японоведения?», то 99,9 % ответят: «Рейшауэр». И в этом нет ничего плохого. Просто нужно рассказать о том великом преподавателе, который воспитал Э. Рейшауэра. Я не японовед, а журналист, но считаю своим долгом рассказывать о нем.

Хочу остановиться на хронологии японоведения. В целом годом рождения «науки о Японии» можно считать 1930 год. Э. Рейшауэр (будучи в то время в Гарвардском университете) записал в краткой биографии С. Г. Елисеева: «Сергей Елисеев может быть назван первым профессиональным ученым-японоведом в Западной Европе, открывшим культуру Японии западному обществу». В 40-е годы, когда шла война, изучение Японии было своего рода сбором информации, и не случайно Елисеев вместе с Э. Рейшауэром написали книжку для подготовки офицеров службы информации.

Превращение японоведения как науки в инструмент политики особенно ярко проявилось, в частности, в назначении Э. Рейшауэра послом. Это было в 60-е годы. А затем, в 70-е годы, началась коммерциализация японоведения. Появляются такие книги, как «Япония — страна номер один» (Э. Вогеля), в которых рассказывалось или анализировалось современное состояние японской экономики, но они имели мало общего с наукой.

В 80-е годы усиливается тенденция «битья» Японии. И в этом повинны и японские издательства, которые заказывали такого рода книги иностранным авторам. За рубежом продавалось не более двух-трех тысяч экземпляров, а в Японии — 1,5-2 млн.

Такое положение постепенно меняется. По мнению профессора Дональда Кина или недавно умершего моего друга Бернарда Франка, нет ничего плохого в том, что продажа такого рода книг в Японии сокращается. В заключение хочу привести слова профессора Д. Кина из его интервью корреспонденту газеты International Herald Tribune. Он весьма иронично заметил: «Япония что ли виновата, что стала великой экономической державой? Вот теперь и японоведов больше уважают и ценят, чем это было двадцать лет назад».

Благодарю за внимание.

Примечание. Доклад сопровождался демонстрацией фотографий, связанных с жизнью и деятельностью С. Г. Елисеева.

Приложение. Список предметов, которые изучал Елисеев во время обучения в университете.

В первый год обучения он прослушал следующие четыре курса:

1. Грамматика и словарный состав «Кодзики» (Уэда Кадзутоси).
2. История японской средневековой литературы (Хага Яити)
3. Общая лингвистика (Фудзиока Кацудзи).
4. Введение в европейскую философию (Рафаэль Фуан Кебель).

На втором году обучения Елисеев, почувствовав себя уверенно в японском языке, приступил к капитальному изучению японской литературы и прослушал следующие четыре курса:

1. История изучения японского языка (Хосина Коити).
2. История литературы периода Токугава (Фудзиока Сакутаро).
3. Литература периода Муромати. (Хага Яити).
4. Сравнительное литературоведение (Карл Флоренц).

На третьем году обучения он прослушал следующие курсы:

1. Стиль и грамматика «Манъёсю» (Уэда Кадзутоси).
2. Литература периода Хэйан.. (Хага Яити).
3. Камбун... (Куроки Ясуо).

* 1392—1568 гг. — прим. пер.

** 794—1185 гг. — прим. пер.

*** Китаевизированный письменный стиль японского языка.

4. Язык айну (Канадзава Сёдзабуро).

На четвертом году обучения он выбрал следующие предметы:

1. Романы эпохи Токугава (Фудзимура Саку).
2. Литература периода Камакура (Хага Яити).
3. Язык периода Муромати (Уэда Кадзутоси).
4. Корейский язык (Канадзава Сёдзабуро).

После окончания университета С.Г. Елисеев поступил в аспирантуру. В течение двух лет, начиная с 1912 года, он занимался углубленным изучением японского языка. Слушал лекции и занимался в семинаре Таки Сэйити по теме «Китайская и японская живопись», а также лекции профессора Миками Сандзи по истории Японии. Участвовал также в двух семинарах профессора Фудзимура Саку по темам «Сайкаку»**** и «Театр периода Токугава».

Тадзима Такаси
(Хасэгава Юити)

СЕРГЕЙ ЕЛИСЕЕВ И НАЦУМЭ СОСЭКИ

1

Сергей Григорьевич Елисеев для получения университетского образования выбрал Японию. И это чрезвычайно приятно не только для меня, но, уверен, и для всех японцев, кто знает Нацумэ Сосэки. Но, к сожалению, очень ограничен круг тех людей, кто знает о С. Г. Елисееве. Я думаю, что сейчас стоит вспомнить о нем и потому чрезвычайно отраднo, что представился случай сделать это в Москве.

Когда задумываешься о том, почему С. Г. Елисеев выбрал Японию для своих научных изысканий, которые стали спутниками его жизни, то мне кажется, что для него изучение Японии было сродни поиску сокровищ, скрытых на дне озера. Курата Ясуо уже подробно рассказал о той огромной работе, которую проделал Елисеев в Японии. Он встретился с ним 27 лет назад. О том, что большой ученый Елисеев жил в Японии, послевоенное поколение японцев практически не знает. Слышали лишь, что он учил Рейшауэра.

Первая встреча Курата Ясуо с С. Г. Елисеевым в 1972 г. послужила отправным моментом для систематического распространения знаний об этом ученом по всему миру как «зачинателе японоведения». Курата издал «Жизнеописание Елисеева» (издательство «Тюко») и написал комментарии к книге С.Г. Елисеева «Дневник заложника Красной России», опубликованной тем же издательством. И становится ясным, как С. Г. Елисеев, вырвавшийся из бездн отчаяния в дни русской революции, не потеряв надежды, обрел могучий дух ученого.

Во время пребывания в Японии с С. Г. Елисеевым произошел интересный случай. Он приехал в страну в сентябре 1908 г. (41-й год эпохи Мэйдзи). Это было как раз три года спустя после того, как Комура Дзютаро и С. Ю. Витте подписали в Портсмуте мирный договор, ознаменовавший окончание русско-японской войны. В Японии в это время царила эйфория в связи с победой над Россией. Факт его приезда в такое время свидетельствует об искренности его чувств по отношению к недавнему противнику и о серьезном желании заниматься наукой. В Японии нельзя было поступить в Токийский Императорский

**** Речь идет о творчестве японского писателя Ихара Сайкаку (1642—1693) — прим. пер.

университет без свидетельства об окончании средней школы второй ступени. С. Г. Елисеев пошел на то, чтобы убедить университетское начальство, что Берлинский университет, где он до этого учился, равноценен японской средней школе второй ступени. Таким образом он получил разрешение поступить в университет. С. Г. Елисеев положил начало «японоведению», чего до него не делал ни один иностранец.

Во время пребывания в Японии С. Г. Елисеев встречался с представителями самых разных кругов. Среди них был автор известного романа «Пятирусная пагода», выдающийся писатель Кода Рохан. В то время Россия, несмотря на поражение в русско-японской войне, все еще оставалась страной, превосходящей Японию по общей военной мощи и по развитию промышленности. И поэтому в Японии продолжали побаиваться Россию. Рохан, например, много расспрашивал приехавшего из этой страны молодого Елисеева: «Ну как там сейчас Лобачевский?» С. Г. Елисеев, естественно, страшно удивился. Он никак не мог понять, почему крупный японский писатель интересуется русским ученым, основателем неевклидовой геометрии.

В течение первых полутора лет после поступления в Токийский Императорский университет С. Г. Елисеев преодолевал трудности японского языка. Однако его природные способности к языкам и светлая голова вкупе с огромным трудолюбием позволили ему усваивать лексику японского языка, культуру страны и ее традиции. Таким образом он формировал себя, подобно тому, как садовод выращивает саженец. Встреча С. Г. Елисеева в студенческие годы со специалистом по немецкой литературе Комия Тоётака послужила поворотным пунктом в его судьбе.

В то время по четвергам на вилле писателя Нацумэ Кинносукэ (Сосэки) собирались Комия Тоётака, Морита Сохэй, Судзуки Мизэки, Абэ Ёсинари, Ногами Тоётиро и другие. Это были известные «Четверги» Сосэки. С. Г. Елисеев попал на эту виллу в горах, только что окончив первый курс университета. Это было как раз в четверг, 24 июня 1909 г. (42-й год Мэйдзи). Г-н Курата в «Жизнеописании Елисеева» так рассказывает об этом событии. Был дождливый день. Одетый в японское платье, как и Комия Тоётака, С. Г. Елисеев держал в руке только что вышедший роман Сосэки «Сансиро» и попросил автора подписать книгу. Сосэки экспромтом продекламировал хайку: «майский дождь... пришел человек в высоко подвернутых хакама», — и красиво подписал книгу, которая до конца жизни была у С. Г. Елисеева настольной. На

вилле Сосэки С. Г. Елисеев встречался со многими литераторами и интеллектуалами того времени. Среди них был, конечно, ставший другом на всю жизнь Комия Тоётака, а также Акутагава Рюносукэ, чей талант высоко оценил Сосэки, прочитав произведение «Нос». Встретился он там и с другом Р. Акутагава писателем Утида Хяккэн.

2

Я хотел бы коснуться вопроса, почему для С. Г. Елисеева так важна была встреча с Нацумэ Сосэки. Дело не только в том, что Сосэки был великим писателем эпох Мэйдзи (1868–1911 гг. — прим. пер.) и Тайсё (1912–1924 гг. — прим. пер.). Если вспомнить тех, кто окружал Сосэки в то время, то у них можно предположить корыстный расчет, но его не было у С. Г. Елисеева, который был прекрасно обеспечен (так я думаю). Для Елисеева было важно не только само существование Сосэки как такового. Писатель был как бы его путеводной звездой в изучении японской литературы, культуры страны и ее традиций. С. Г. Елисеев постигал суть Японии, читая хайку и ракуго, в которых проявлялся литературный стиль и вкус Сосэки. И не только это. Когда С. Г. Елисеев стал вхож к Сосэки, тот уже печатался в токийской «Асахи симбун», сотрудником которой он был с апреля 1908 г. (40-й год Мэйдзи). На страницах этой газеты были опубликованы его романы «Полевой мак» и «Рудокоп».

Впервые С. Г. Елисеев познакомился с произведениями Сосэки, когда с сентября 1909 г. (41-й год Мэйдзи) начал печататься в «Асахи симбун» его роман «Сансиро». Сосэки публиковал на страницах этой газеты свои произведения и в то же время, будучи ответственным за раздел «Литература и искусство», часто давал возможность публиковаться в газете своим любимым ученикам. Не говоря уже о Комия Тоётака, он поспособствовал изданию романа Морита Сохэй «Сажа». В поле внимания Сосэки попал и С. Г. Елисеев, который ему понравился с первого взгляда. В студенческие годы С. Г. Елисеев опубликовал в газете несколько своих работ. В рубрике «Новые русские писатели» были помещены его заметки: «Борис Зайцев», «Критический разбор «Анатэмы» Андреева», ««Сумерки» Зайцева», ««Gaudeamus» Андреева» и другие. В своих обзорах С. Г. Елисеев знакомил японцев с популярными в то время русскими писателями. Однако он не писал о Толстом или Достоевском, которые, по его мнению, и так были хорошо известны, а старался представить новые имена. Среди них был Л. Н. Андреев, любимый писатель Комия Тоётака, и его произведения были рекомендованы Нацумэ Сосэки. Благодаря усилиям Елисеева и Комия

Сосэки испытал немалое влияние русской литературы. (Думаю, что мало кто из японцев знает этот факт.) В свою очередь, С.Г. Елисеев постиг с помощью Сосэки *хайку*, *ракуго*, а с помощью Комия Тоётака или Юнами Кэйон – дух Басё (1644–1694 – прим. пер.). Такой обмен дал ему возможность понять «дух Японии».

В июле 1915 г. (3-й год эпохи Тайсё) Елисеев окончил шестилетний курс обучения и вернулся на родину, в Россию. Для продолжения работы по изучению Басё С. Г. Елисеев еще дважды посещал Японию до смерти Сосэки. После Октябрьской революции 1917 г. (6-й год эпохи Тайсё) на какое-то время Япония стала для него недостижима. Но он никогда не расставался с произведениями Сосэки, а романы «Ворота», «Сансиро» служили ему пособиями для преподавания японского языка. Он поклонялся Сосэки. Таким образом, Сосэки всегда играл большую роль в работе С. Г. Елисеева как японоведа.

3

Все японцы любят *хайку* Басё, в них нет изощренности. Однако Масаока Сики, говоря о Басё, считал, что хотя изощренности нет, но все же чего-то в них не хватает. Благодаря усилиям Сики, поднявшего на щит Бусона (1716–1783 – прим. пер.), чья популярность была меньше, чем у Басё, началась критика слепого поклонения Басё. Начавший движение за реформирование жанра *хайку*, Сики высказывал свое давнее убеждение в том, что у Басё, конечно, много прекрасных строк, но в то же время есть и слабые и неудачные, а красоту природы он передает пассивно, а Бусон – экспрессивно. Однако, по мнению Хисамацу Сэнъити, хотя Сики достаточно хорошо изучил *хайку* и *танка*, но все же вызывает сомнение, постиг ли он дух Басё.

С. Г. Елисеев в качестве дипломной работы по окончании четырехлетнего курса обучения в университете избрал творчество Басё. Он считал, что именно в *хайку* заключена основа японского духа или японской души и отражена суть японской литературы. Через *хайку* он постигал Сайкаку (1642–1693 – прим. пер.) и Басё. Через *хайку* он познал и душу своего учителя Сосэки. Масаока Сики был единственным другом Сосэки, которому тот открывал свою душу. С. Г. Елисеев не встречался с Сики, умершим до его приезда. Не испытав его влияния, он постигал дух *хайку* в произведениях Басё, а не у Бусона, которого так хвалил Сики.

В 24-летнем возрасте, в 1913 г. (2-й год эпохи Тайсё), в работе «Басё — поэт-импрессионист» С. Г. Елисеев писал следующее: «Среди японских поэтов мне наиболее близок Басё. Я еще не совсем

еди японских поэтов мне наиболее близок Басё. Я еще не совсем понимаю жанр «хайкай», но читая его *хайку*, думаю, что это поэт, который заслуживает внимания. Стихи хорошо выражают душу народа. Понять ее иностранцу весьма трудно. Стихи более насыщены чувством, чем идеи, поэтому для иностранца они еще более недоступны. Но зато если уж откроется тебе их тайна, то будешь постоянно ими наслаждаться. *Хайку* — сродни импрессионистской картине... Импрессия *хайку* во многом идет от природы... Природа стала другом японцев... Басё сочинял не для какой-то определенной эпохи. Конечно, он делал это для выражения настроения. Произведения, созданные для какой-то определенной эпохи, умирают. А созданные для души, живут вечно. Ведь душа — категория вечная. Строкам Басё обеспечена вечность. Он всегда будет популярен. Все его стихи — результат раздумий. А такие произведения всегда более задушевные, чем созданные в мгновение ока...»

В своих исследованиях С. Г. Елисеев глубоко постиг творчество Басё. Я не перестаю уважать его за то, что он изучал творчество моего любимого Басё. Именно Елисеев-иностранец обладал «душой японца» в большей степени, чем кто-либо из японцев. Он прекрасно понимал Японию. Я полагаю, что Московская международная конференция, посвященная С. Г. Елисееву, даст новый импульс изучению его наследия, а его японоведческие работы внесут свой вклад в мировое признание творчества Басё, которого можно назвать душой японской литературы — одной из составляющих мировой. И я верю, что изучение творчества самого С. Г. Елисеева, проникнутого духом Сосэки, все еще впереди.

Л. М. Ермакова

ОЧЕРК С. Г. ЕЛИСЕЕВА «ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» В КОНТЕКСТЕ ПРЕДЫСТОРИИ И ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В РОССИИ

1

Работа С. Г. Елисеева «Японская литература» появилась в 1920 г. как новаторский труд, подводящий черту под предшествующим этапом знакомства российских читателей с японской словесностью и открывающий новую эру в отечественном японоведении. По времени это был чрезвычайно богатый и интересный период начала XX века, когда японоведение в России становилось профессиональным, специализированным, притязавшим на объективность своего знания и на непосредственное знакомство с фактами изучаемой культуры. Аналогичные процессы происходили тогда и в других областях российского востоковедения. Начало же профессионального исследования японской литературы и учреждение новых мировоззренческих и теоретических основ для этого исследования, как мы предполагаем показать, связано прежде всего с именем выдающегося японоведа С. Г. Елисеева и его статьей «Японская литература»¹, которую он написал во время своей работы в Петроградском университете.

Именно эта аналитическая обзорная работа С. Г. Елисеева имела по сути определяющее значение для становления японской филологии в России, но при этом до последнего времени была отечественным японоведам почти недоступна, а сам С. Г. Елисеев долгое время оставался малоизвестным у себя на родине по причинам, не имеющим непосредственного отношения к науке.

И личность С. Г. Елисеева, и его работы на разных языках (около ста публикаций) представляют собой явление поистине значительное — например, Э. Рейшауэр, ученик С. Г. Елисеева, говоря о нем как об основателе западной японологии, называет его гениальным преподавателем, но прежде всего — исследователем-пионером, открывшим новые подходы в науке, а также первым профессиональным японоведом Запада².

¹ С. Е. Елисеев. Японская литература. — в: Литература Востока. Сб. статей, вып. II. Всемирная литература, Пг., 1920.

² Reischauer E.O. Serge Elisséeff. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 20, June, 1957, No. 2. Studies, presented to Serge Elisséeff. Harvard-Yenching Institute, 1957. Part 1.

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

«Сверхмощным японоведом» называет С. Г. Елисеева и его японский биограф и исследователь Курата Ясуо³, лично встречавшийся с ним.

Творческая личность С. Г. Елисеева в самом деле уникальна — в ней органично соединились разные типы образования и эрудиции, и научная судьба его складывалась в самых разных литературно-философских и художественных мирах. В Японии он изучал театр Кабуки не только по спектаклям и книгам, но и проводя часы в гриме и живописных одеяниях *оннагата* — актера, исполняющего женскую роль. Живя в Токио, он писал для газеты «Асахи» о современной русской литературе; в Париже — о новой японской живописи и археологических раскопках в Китае. По его учебникам японского языка занималось несколько поколений американских студентов. С. Г. Елисеев воспитал многих выдающихся современных японоведов Запада, а до этого и сам учился у известных ученых того времени — читая «Кодзики» под руководством Уэда Маннэн и изучая классическую японскую литературу у Хага Яити.

Интересно, что первая публикация С. Г. Елисеева в Японии была посвящена современной русской поэзии (журнал «Тэйкоку бунгаку» за 1909 г.). В студенческие годы он изучал и айнский язык, и каллиграфию, и *камбун*, то есть китайские классические тексты, которыми начал заниматься еще в Берлине, толкуя Мэн-цзы с помощью профессоров Вильгельма Грубе и Отто Франке.

Будучи хорошо начитан в классической литературе Китая и Японии, С. Г. Елисеев еще интересовался и изобразительным искусством. Живопись была страстным увлечением его юности, и потом, в период его краткого приват-доцентства в Петрограде, работая над диссертацией по Мацуо Басё, он одновременно читал курс по истории искусства Китая и Японии. В его научном наследии нет монументальных монографических работ, но несомненны широта и разнообразие его дарований. Литература, классическая и современная, японская и китайская, театр, живопись и скульптура разных ареалов Дальнего Востока, японская мифология, этнография и социология японского общества — прежде и в новое время, японская храмовая архитектура, японский язык для начинающих, продолжающих и продвинутых и т.п. — вот

р. 1–35. Статьи говоря, именно благодаря С. Г. Елисееву в 1936 г. было начато издание этого столь известного и авторитетного в востоковедных кругах журнала.

³ Курата Ясуо. *Эрисээфу-но сёгай. Нихонгаку-но сисо*. (Жизнь Елисеева. Патриарх-основатель японоведения). Токио, Тюко синсё, 1977.

примерный круг затронутых им тем. О России и русской культуре, кроме публикаций на японском языке периода его студенчества в Токийском Императорском университете, он больше практически не писал. Исключением стала несколько неожиданная работа 1956 г. «Православная церковь и российское купечество. По личным воспоминаниям»⁴, написанная по-английски.

Вообще многие его работы написаны по-английски, но кроме английского он писал также по-французски, по-японски и по-немецки. На русском же языке, судя по списку публикаций, собранных на 1957 г.⁵, только и существует та его работа, о которой мы собираемся говорить, — то есть его обзорно-аналитическая статья о японской литературе. Однако идеи и обобщения, представленные в этом давнишнем его труде, проникли в самый фундамент российского и западного японоведения, во многом став чем-то естественным и самоочевидным, словно заложенным в природе вещей. Так что, пожалуй, только теперь, по прошествии почти 80 лет, мы имеем возможность, во-первых, отдать себе отчет в том, что нашими собственными представлениями о японской литературе мы в большой мере обязаны прежде всего С. Г. Елисееву. А во-вторых, осознать елисеевский подход к японской литературе не как аксиому, а как авторскую концепцию — то есть как материал, подлежащий историческому и методологическому осмыслению.

При этом в настоящей статье мы собираемся затронуть лишь некоторые аспекты тех новых идей, тех культурологических и философских оснований, что были сформулированы в аналитическом очерке С. Г. Елисеева. Но прежде этого имеет смысл, вероятно, восстановить в самом общем виде, каково было тогдашнее состояние знаний и представлений — о Японии в целом и, в частности, о японской литературе. Чтобы осознать роль С. Г. Елисеева, вероятно, нужно представлять себе, какой же виделась Япония и ее литература российскому читателю до появления феномена профессионального востоковедения. Об этом почти не пишут историки отечественной науки, ставя только безжалостный диагноз всему, что публиковалось в России до 20-х гг. XX в. — «вторичное», «ошибочное», «вводящее в заблуждение». Но ведь и мы сами далеко не всегда оригинальны и непогрешимы, а то, что нам теперь кажется ошибочным, некогда составляло общепринятую исти-

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

ну, и уже поэтому заслуживает внимания как факт истории отечественной культуры. Подробнее об этом еще будет сказано ниже.

2

Как отмечают биографы С. Г. Елисеева, он с детства знал основные европейские языки, в гимназии изучал греческий и латынь, затем, в университетах Берлина и Токио, он овладел японским и в значительной мере китайским. Таким образом, нет никаких сомнений, что он был знаком со всеми основными трудами по Японии, опубликованными к тому времени на разных языках Востока и Запада.

Каковы же были эти основные труды?

Вероятно, в данной работе нет нужды подробно останавливаться на старейших документах, например на описании Марко Поло, впервые упомянувшего «народ Зи-пань-гри», или на тех ранних сведениях, что вошли в иезуитские *Epistolae Japonicae* и остались в Европе от португальских миссионеров, вернувшихся из Японии. Материалы того времени достаточно разнообразны, хотя нередко включают и мифические сведения и легенды (что вовсе не снижает ценности этих материалов в их культурологическом аспекте, поскольку всякая концепция, в том числе и фантастическая, правомерна и естественна в конкретном культурном контексте; повторю еще раз — мы тоже находимся во власти многих научных мифов о Японии, которые следующее поколение японоведов наверняка назовет заблуждениями).

Как известно, начиная с середины XVII в. основным источником сведений о Японии стали голландцы, единственные европейцы, которые после изгнания иностранных христианских миссий получили возможность торговых контактов с Японией, пусть и в ограниченном пространстве искусственно насыпанного для них островка. Основываясь на их записях и переводах с японского, весь мир, и в том числе Россия, в течение довольно долгого времени строил свои предположения и теории о том, что за страна Япония. Упомянем, например, самую первую, обширную и пространную публикацию о Японии в Америке — вышедшую в 1841 г. в Нью-Йорке книгу «Манеры и обычаи японцев в 19 веке», основанную, по большей части, на записках голландского медика Ф. фон Зибольда (предполагается даже, что эту книгу брал в свою экспедицию на «черном корабле» коммодор Перри, с именем которого принято связывать «открытие» Японии для внешнего мира).

Еще более подробные и достаточно достоверные свидетельства очевидцев о Японии стали появляться на Западе около середины XIX века. Во второй половине века, сразу после реформ Мэйдзи, западные

⁴ The Orthodox Church and the Russian Merchant Class. Some Personal Recollections. — The Harvard Theological Review, volume XLIX, Number 4, October 1956, p. 185–205.
⁵ Ibid., p. 29–35.

(и российские) публикации уже множатся в геометрической прогрессии. Вскоре разного рода свидетельства о Японии и первые японоведческие труды на Западе уже составляют вполне солидный объем и по эрудиции и ответственности авторов приближаются к профессиональным исследованиям — появляется знаменитый энциклопедический труд Б. Чемберлена «The Things Japanese», аналитические записки дипломата Э. Сатоу, филологические и религиозно-ведческие работы В. Г. Астона и многое другое.

Опустим ранние работы «синкретического жанра», назовем только некоторые западные исследования, специально посвященные японской литературе. Здесь прежде всего необходимо будет вспомнить обширную «Историю японской литературы» В. Г. Астона (1899), его же перевод «Нихон сёки» (1896), фрагментарный французский перевод «Кодзики» Л. де Рони (1883) и полный чемберленовский — «Кодзики» (1882—1883), переводы классической японской поэзии того же Б. Чемберлена (1880), немецкую «Историю японской литературы» К. Флоренца (1905) и т.д. Популярны были и не столь научные издания — например, литературные переложения японских преданий Лафкадио Херна, Л. Митфорда и др. В области японской поэзии самыми ранними переводами на Западе, по-видимому, можно считать голландские И. Титсинга, получившие европейскую известность через французские переводы Абея Ремюза (некоторые стихи Ремюза перевел на латинский), затем Ф. В. Дикинс в 1866 г. издал книжку своих избранных переводов из «Хякунин иссю», а Л. де Рони в 1871 г. собрал в антологию образцы японской поэзии разных веков, начиная с «Манъёсю».

Российское же японоведение, несмотря на достаточно давнюю историю русско-японских контактов⁶, в те времена, к моменту появления елисеевского очерка, было еще не столь продвинуто.

Начиная с XVII века и вплоть до второй половины XIX, изучение японской литературы и культуры в России в немалой степени основывалось на переводах с западных языков. Тем не менее, хоть и в узких рамках, но оно проводилось достаточно активно и тоже породило не-

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

малое число работ о Японии, которые заняли в российской культуре вполне определенное место.

Что же касается японской словесности как таковой, то сведения о ней и об основных ее памятниках тоже появились в русской культуре достаточно давно, и как всякая иная информация того времени о Японии, эти сведения на первых порах опирались, главным образом, на переводы и ранние изводы из нескольких переводов, прошедшие концептуальную обработку переводчика. Ведь в сущности лишь в начале XIX века начали появляться более или менее подробные публикации, написанные по непосредственным впечатлениям побывавших в Японии россиян и воспоминаниям очевидцев (наиболее известные из этих публикаций — записки капитана В. М. Головнина и А. Рикорда, дневники И. А. Гончарова, путешествовавшего на фрегате «Паллада» и т.п.; затем, во второй половине столетия, важными источниками стали свидетельства участников первых православных миссий, а также географов-путешественников по Азии и Дальнему Востоку и других, наиболее значительные среди них — работы М. И. Венюкова, Л. Мечникова, Д. И. Шрейдера⁷ и др.).

Переводы с иностранных языков по-прежнему оставались в ходу — по нынешним понятиям, переводы эти были вполне вольные, скорее похожие на очерки «по мотивам», в которых обычно бывало скомбинировано несколько книг по избранной тематике, с толкованиями и комментариями переводчика, вставленными в текст наравне с собственными переводами. В таких книгах (а этот примечательно свободный переводческий жанр в XVIII-XIX вв. был характерен и для Запада, и для России) текст от повествователя-переводчика полностью срастался с его же переводами-компиляциями. Это был особый, увлекательный, «доместичированный» жанр переводной литературы, чем-то напоминавший романы путешествий, снабженные обширными выписками из разных авторов и цитатами из энциклопедий, наподобие тех научных сведений, что прилежно вписывал в свои романы Жюль Верн.

Как мы говорили выше, первые профессиональные японоведы начала XX в., начиная с С. Г. Елисеева, невысоко ценили такого рода работы, равно как и не слишком серьезно относились к первым попыт-

⁶ В 70-е годы XIX века это уже становится предметом гордости — «Из всех европейских стран Россия, если не раньше, то ближе других познакомилась с Японией. Об ней, на русском языке, издано много сочинений». — История Всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах (по Миллеру, Бергу, Ульрици, Момзену... и др.). Составил Владимир Зотов. Т. 1. (Литература Восточных народов и Греции) с 40 литографированными портретами. М.—СПб., 1877. 6/с.

⁷ Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Соч. М. Венюкова. Берлин; СПб., 1971. Мечников Л. Эра просвещения Японии. — в: дело, 1876, №10. О Л. Мечникове см. также: Ватанабэ М. Метиникофу-но нихон сайко. (Новый взгляд на Японию Л. Мечникова). Токио, 1987. Д. И. Шрейдер. Япония и японцы. Путевые очерки современной Японии. СПб., 1895.

кам российских поэтов и филологов судить о Японии по переводам с западных языков. Последующие поколения востоковедов переняли у своих учителей это отношение к ранним работам о Японии, отвергая их как вторичные компиляции и свидетельства с чужих слов.

Однако же стоит принять во внимание, что переводы как таковые во многих (если не во всех) случаях занимают в культуре место, не менее значимое, чем оригинальные произведения, и что граница между оригиналом и переводом отнюдь не так очевидна, какой она предстает в некоторые, достаточно краткие эпохи литературной конкретности и стабильности.

Существует и еще одно, не столь общее соображение в защиту компиляций и переводов — стоит лишь осознать, что компилятивность, в сущности, есть фундаментальная и необходимая черта любого исследования, присущая также и работам любых профессионалов. Как не упомянуть здесь знаменитую и до сих пор, кстати, никем не превзойденную работу-компиляцию «Хризантема и меч» Рут Бенедикт, которая не знала японского языка, не бывала в Японии и работала над своей книгой исключительно по переводам и пересказам из вторых и третьих рук.

Иными словами, те специфические компиляции XVIII-XIX вв. долгое время были в России единственными и незаменимыми источниками для формирования представлений о Японии, и, думается, к ним стоило бы отнестись с большим вниманием и без обычной предвзятости, в ожидании, что их более подробное изучение может пролить свет и на историю складывания образа Японии в российской культуре, и на происхождение некоторых стереотипов и легенд нынешнего времени, связанных с Японией.

Оставим сейчас в стороне наиболее ранние свидетельства о японской культуре в круге русских письменных текстов, относящиеся к XVII-XVIII вв., и бегло коснемся только тех связанных с японской литературой изданий, которые появлялись со второй половины XIX в. и стали в России предшественниками трудов С. Г. Елисеева и его современников, профессиональных японоведов.

Здесь прежде всего стоит назвать опять-таки перевод, в основу которого положен труд того же Ф. фон Зибольда (который, как уже говорилось, стал первой публикацией о Японии в США в 1843 г.). С дополнениями и разного рода комментариями книга была переведена на русский и издана в трех томах в 1854 году, то есть спустя всего 13 лет после американского издания. (А первые краткие сведения о пребыва-

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

нии Зибольда в Японии были напечатаны в России еще раньше — в 1840 г.⁸)

Более полное издание, отпечатанное в Петербурге в 1854 г., — самое обширное и содержательное в разный период российского знакомства с Японией и представляет собой трехтомник под названием «Путешествие по Японии», иное название этой книги — «Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношении», Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.⁹ Очевидно, что переводчик книги, В. М. Строев, не ограничился только переводами с разных языков, он выступил еще и как составитель, редактор, комментатор; кроме того, он добавил к иностранным авторам еще и кое-кого из отечественных и т.п. Его личность постоянно присутствует на страницах книги — то мы читаем явный перевод записок Зибольда, и рассказ ведется от первого лица, то есть от лица Зибольда, а то Зибольд вдруг начинает именоваться «он», а переводчик при этом оказывается в роли всеведущего Автора, — что, впрочем, никак не отражается на общей связности изложения. Делу не мешает и то обстоятельство, что переводчик время от времени вставляет в текст фрагменты переводов из других иностранных авторов, в свою очередь тоже пересказывающих Зибольда или Кемпфера, и текст начинает пестрить оборотами вроде: «покажем теперь, какое впечатление произвели на доктора Зибольда первые виденные им японцы» (т.1., с.127) или: «как нас уверяет Кемпфер, а мы не имеем оснований не верить ему...» (т.1., с. 230), — оборотами, которые уж совсем непонятно, кому принадлежат. Читатель невольно вспоминает пушкинское «Альфонс садится на коня...» и окончательно запутывается, уже не пытаясь упомянуть, от чьего имени ведется рассказ в данную минуту, и не без удовольствия осознает, что, в сущности, держит в руках авантюрное повествование в духе «Рукописи, найденной в Сарагосе», притом и по объему последней не уступающее.

⁸ Ф. Зибольд. Путевые записки, описание обрядов и церемоний, установленных для голландского посольства, отправляющегося из Нагасаки в Иеддо. — Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений, 1840, т. 25, № 97, с. 13–73.

⁹ Путешествие по Японии, или Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношении, Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др. Перевод В. М. Строева. Изд. А. А. Плюшара. Тт.1–3. СПб., 1854.

В. М. Строев цитирует также и других авторов, не вошедших в титульное перечисление, отстаивая, например, авторитетность и достоверность данных В. М. Головнина, чьи записки нередко подвергались сомнению в связи с вынужденной ограниченностью японских впечатлений капитана и т.п., то есть его роль в создании текста трехтомника оказывается гораздо шире скромных полномочий переводчика и еще более трудно вычлениваемой из общего повествования.

Во втором томе этих «Путешествий» содержится и специальный раздел под названием «Язык японский. — Азбука. — Литература и поэзия».

В сущности, многие приведенные там данные — о японском языке, например, — верны и поныне, — в том числе сведения о заимствовании китайской иероглифики, о категориях вежливости, о грамматических формантах (к последним данным В. М. Строев для понятности присовокупляет русские аналогии), о благозвучии японского языка для западного уха и т.п.

Рассказывая о разновидностях японского письма, повествователь (как представляется, впервые в русской истории) говорит о «Манъёсю» в связи с рассказом о «старинной азбуке, которою написано собрание од, называемых десяти тысячью тысячами листьев, и которая поэтому называется *манио-гана*»¹⁰. В этой главе рассказывается и о специфике употребления китайского и японского языков в японской книжной культуре, после чего следует что-то вроде литературного очерка.

«Японская литература, — говорится во втором томе «Путешествия по Японии», — состоит из книг ученых, исторических, биографических, географических, путешествий, философических, и из стихотворений, драматических произведений и энциклопедий. Голландские писатели расхваливают произведения японского гения в этих различных ветвях литературы, но как члены голландской фактории не получают особенного филологического образования и не бывают учеными, то надобно принимать суждение их в этом деле с крайней осторожностью. При том же мнение это подтверждается фактами»¹¹.

Как говорится в книге в той же главе, «Клапрот перевел курс географии, а Титсинг летописи даири и летописи сиогунов династии Гонгэн»¹² [под *дайри* имеется в виду японский император *тэнно*, а Гонгэн

¹⁰ Там же, с. 92.

¹¹ Там же, с. 93.

¹² Исходным текстом для западных и российских обработчиков материалов о Японии послужил труд И. Титсинга, возглавлявшего голландскую торговлю в

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

— династия *сёгунов* Минамото, одержавшая победу над домом Тайра — Л.Е.]. Для изложения японской истории обильно используются переводы из «Нихон сёки» — летописи VIII века, именуемой здесь «Ниппонки»¹³, а также китайского труда «Шаньхайцзин» и древнекорейских летописей. Здесь представлены также некоторые японские мифы и легенды, а также верования «учения Син-сиу» и обычаи его адептов, называемых «Синту».

О японских летописях позднего средневековья в книге говорится, что «трудно представить себе что-либо скучнее этого рассказа... все это написано так, что нисколько не возбуждает участия в европейском читателе. Однако ж, эта книга — драгоценный источник для разысканий филологических и исторических, при сравнении разных цивилизаций...»¹⁴. Здесь же приводятся образцы японской поэзии, почерпнутые, вероятно, у Мейлана, Титсинга и Зибольда. В. М. Строев начинает с того, что приводит транскрипцию японских стихов (правда, местами

Японии в 1780–1784 гг. Он перевел японскую хрестоматию-энциклопедию в семи свитках, рассказывавшую о поколениях японских императоров «от начала времен» до 1611 г., под названием: Ниппон одай итиран (Очерк поколений властителей Японии), составленную в 1664 г. В переводе Строева, возможно, цитируются отрывки из второго издания этого перевода: *Nippon o dai itsi Ran; ou, annales des empereurs du Japon, traduites par I. Titsingh, avec l'aide de plusieurs interprètes attachés au comptoir Hollandais de Nangasaki; ouvrage revu, complété et corrigé sur l'original Japonais-Chinois, accompagné de notes, et précédé d'un aperçu de l'histoire mythologique du Japon, par J. Klaproth. Paris, 1834.*

Вторым источником легенд, мифов и исторических данных о Японии был перевод японской энциклопедии «*Санкоку цуран дзусэцу*» (Общий очерк трех государств с картами). Это историко-географическое описание трех корейских королевств, островов Рюкю и Хоккайдо (именовавшегося тогда Эдзо), составленное Хаяси Сихэй в 1785–1786 гг. «Очерк» был переведен И. Клапротом как «*San Koku Tsou Ran To Sets, ou aperçu général des trois royaumes (Korea, the Lewchew Islands and Yezo)*». Traduit de l'original japonais-chinois par Mr. J. Klaproth. Ouvrage accompagné de cinq cartes. Paris, 1832.

¹³ Таким образом, у современных переводчиков «Нихон сёки» (Анналы Японии, СПб., Гиперион, 1995, пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова) на русский язык были давние предшественники в России XIX в. — или даже ранее, поскольку многие сюжеты из исторических нарративов трехтомника представлены в русской и переводной научной прозе XVIII в. Об этом, к сожалению, ничего не сказано в пояснениях к переводу, так что этой сноской я пытаюсь запоздало исправить свое упущение. Правда, по-видимому, «Нихон сёки» все-таки переводилось в то время в западных трудах не с оригинала, а по японским историческим хрестоматиям, вроде названной в сноске 10.

¹⁴ Там же, с. 94.

ставшую малопонятной от многократных перекодировок с языка на язык), а затем дает свой перевод.

Эти образцы, по всей вероятности, — самые первые переводы японской поэзии в истории русско-японских культурных связей. В книге приводятся три стихотворных текста в транскрипции и их переводы на русский. Идентифицировать нам удалось пока только один из трех приводимых текстов, он представляет собой перевод песни «Манъёсю» №1446, взятый из Зибольда, «и он не без прелести», как говорит автор. Второй текст более всего похож на народную песню и записан на диалекте, близком к диалекту Тохоку. К сожалению, эту песню, равно как и третье стихотворение, *танка* — идентифицировать пока не удалось. Заключает же В.М. Строев свою главу о литературе словами — «но довольно о японской поэзии. Она вся состоит из баллад, романсов и песен»¹⁵. Последняя фраза есть и в англоязычной компиляции 1841 г., т.е., видимо, восходит к оригиналу, а вот выражение «но довольно» лежит, по всей вероятности, на совести В. М. Строева, которому японская поэзия в западных изложениях, как видно, не показала чересчур значительной.

В позиции авторов и переводчика этого трехтомника наблюдается характерная для того времени смесь — с одной стороны, любознательности и стремления к «научной точности» в духе XIX в., а с другой — комплекса европейского превосходства. Комплекс этот — явление более чем сложное, и здесь говорить о нем не представляется возможным ввиду удаленности темы от предмета настоящей статьи. Скажем только, что в нем достаточно отчетливо выражен христианский мессианиззм. Например, всего за 70 лет до выхода «Путешествия по Японии» в публикуемых в России историко-географических книгах и переводах, касающихся Азии, имелись главы под названием вроде «Преимущество нынешней Европы перед Азией», поскольку сам факт обращения к азиатскому материалу, вероятно, требовал оправдания. Рассказы купцов и путешественников европейского средневековья принесли ряд неожиданностей — например, оказалось, что религиозные обряды в разных частях света являют определенное типологическое сходство, или что буддийская свастика напоминает «крест или крыж св. Андрея». Такая констатация «отменных сходств в обрядах и обычаях», быть может, требовала своего рода отмежевания, поскольку «где можно обрести как не во христианской вере высшее понятие о

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

высшем существе?»¹⁶. Ведь «европейская [история — Л.Е.], сколь странная, столь и нужная, вмещает в себе все роды наставления, почему и можно не знать без сожаления того, что до нас не много касается».

Если говорить о следующих по времени предшественниках елисеевского обзора японской литературы, то на очереди будет японский раздел «Истории всемирной литературы» 1877 г.¹⁷ Здесь уже выражен иной философский взгляд на иностранные культуры и литературы. По мнению составителя, «наука и искусство могут быть более или менее общие у различных племен, так как научные истины и понятие о прекрасном составляют достояние всего человечества, в литературе же высказываются особенности каждой нации»¹⁸.

Теоретической предпосылкой тома является существование такого явления, как «всемирная литература», принимаемое как аксиома. Во вступительной статье автор, вслед за Белинским, называет предметом истории всемирной литературы «развитие человечества в сфере искусства и литературы», где в единую линию, например, оказываются связаны индийский и гомеровский эпосы и романы Вальтера Скотта. Процесс литературного развития видится как единый и глобальный, поэтому все без исключения явления литературы оказываются важными для рассмотрения.

Составитель пишет, что такого рода литературоведческий труд с образцами произведений всех стран мира «будет первым опытом в этом роде, немного их и в европейской литературе».

В этом гегельянском движении мирового литературного духа Япония мыслится как страна, вступившая в новую, блистательную эпоху, однако, как говорится в энциклопедии, современные (мэйдзийские) реформы «молодого микадо» еще не успели оказать влияния на лите-

¹⁶ О состоянии Азии и новейших племенах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена. Из аббата Милота перевел с французского на русский язык Иван Иконников. СПб., 1784, с. 35.

Общепринятая позиция в отношении чужого была заведомо высокомерной — возьмем, например, заглавие одной этнографической, можно сказать, книги: Громов Г. И. «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетании разных туземных и в России обитающих народов, и при том нечто для холостых и женатых», СПб, 1797. Силу этого заглавия не смягчает даже то обстоятельство, что слово «позорище» в те времена означало всего только «зрелище», «вид», «картина».

¹⁷ История всемирной..., 1877.

¹⁸ История всемирной..., б/с.

¹⁵ Там же, с. 98.

ратуру, поэтому в основном речь в очерке идет о литературе классической, с опорой на сведения, почерпнутые из тех же авторитетов — то есть Титсинга и Ремюза, и более новых — Дикинса, Рони, Клапрота, Фюре и др. Помимо «Манъёсю», «Хякунин иссю», подробной истории Оно-но Комати и японских исторических хроник позднего средневековья, здесь излагаются также японские легенды из нововышедших книг «Столица тайкуна» Ротерфорда Алькока и «Живописная Япония» Эме Гюмбера¹⁹. Кроме того, рассказывается о сравнительно новых японских книгах — романе популярного писателя эпохи Эдо Рютэй Танэфики «Шесть ширм в образах преходящего света» (вероятно, по переводу на немецкий 1847 г. венского синолога и японоведа Августа Пфицмайера)²⁰, а также о новых переводах — фрагментов из «Гейкэ-моногатари» в исполнении Ф. Турретини, изданных в Женеве в сборнике «Атсумэ-Гуса», «Гейкэ-моногатари» излагается довольно подробно, так же, как и содержание драмы «Сорок семь лонинов» (в этом абзаце в именах и заглавиях везде приводится орфография оригинала, однако понятно, что по правилам ныне принятой транскрипции Танэфики надо читать как Танэхико, Гейке как Хэйкэ, а лонин как ронин — Л.Е.).

Это издание ставит целью прежде всего полноту и представительность «памятников художественного творчества человеческого ума» в планетарном масштабе. Автор, по всей видимости, отвергает концепцию заведомого превосходства одних литератур и заведомой неполноценности других. Его позиция — глобально историческая, концептуальная, он обзорекает литературную историю как единую территорию, охваченную единым процессом, имеющим целью «развитие»²¹. Впро-

¹⁹ В библиографиях встречается также написание имени Олкока как: Алькок Рутерфорд. Заметки об японцах (Из соч. «Столица тайкуна»). Северная пчела, 1864. №6.

Книга Эме Гюмбера «Живописное путешествие в Японию» печаталась в журнале «Всемирный путешественник» в 1863–1864, затем в отдельных номерах в 1868–1870, а также отдельным изданием.

²⁰ Японское название произведения — «Укиёгата року сэмбё», в 1869 г. этот роман был издан в Токио и в переводе на английский.

²¹ В статье 1922 г. «О природе слова» О. Мандельштам писал о такой концепции с явным ужасом: «Для литературы эволюционная теория особенно опасна, а теория прогресса прямо-таки губительна. Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя... или же что все они участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит». — Слово и

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

чем, и здесь впереди в этом процессе оказывается Европа. Критик же находится при этом на вознесенном над всеми наблюдательном пункте, близком, как сказали бы теперь, к местонахождению «Абсолютного Означаемого».

Рассмотрим вкратце следующий этап истории японской филологии в России. Этот этап, с 80-х годов XIX в. до 20-х годов XX в., чрезвычайно богат публикациями разного рода, относящимися к японской литературе, — гораздо богаче, чем, например, предвоенные годы XX в., или даже 50-е. Многочисленны публикации в различных журналах, немало и книжных изданий, причем помимо работ, так сказать, общепопулярного характера, растет и число переводов — не только с западных языков-посредников, но и непосредственно с японского.

«Широкий» российский читатель к тому времени при желании способен был уже собрать немалую библиотеку на русском языке, касающуюся Японии и, в частности, японской литературы. Появилось немало русских и переводных книг, дающих «общекраеведческие» сведения о Японии или написанных как путевые заметки, куда по традиции включались и сведения о литературе, порой с пересказом отдельных сюжетов. Особую, по-своему примечательную часть этой книжной культуры составили книги, появившиеся в связи с русско-японской войной и трактующие военные качества японцев как отдельную ипостась этого народа.

Издания рубежа веков по японской литературе можно насчитывать десятками и найти среди них много неожиданного — например, повесть «Принцесса Лучезарная» (то есть «Такэтори-моногатари») в «Ниве» 1899 г. № 16, легенда «Рыбак Урашима» (СПб., 1890), переводы «Кодзики» в очерке Г. Генкеля «Боги Японии» 1904 г. (с немецкого) или сатирический роман Вкути-ген-итиро [Фукути Гэнъитиро — Л.Е.] «Обзор мира. Картинки из жизни Токио» (с японского), высмеивающий моду на все иностранное в послемэйдзийский период и действительно довольно смешной²².

культура, М, 1987, с. 56–57. Таким образом, к 20-м годам, то есть ко времени написания елисеевской статьи, культурный телеологизм оказывается дискредитированным, во всяком случае, категорически вышедшим из философской моды.

²² Хочу поблагодарить здесь проф. Т. Иноуэ, который заинтересовался моими данными об этом переводе 1905 г. (выполненном неизвестным переводчиком, по-видимому, непосредственно с японского языка) и уделил немало времени поискам оригинала этого издания. Согласно его разысканиям, речь идет о романе «Мияко кэмбучу», который вышел потом в трехтомном издании Фукути Гэнъитиро

Особое внимание уделялось поэзии — как известно, «японизм» в России принял прежде всего поэтические формы, и чуть ли не каждый русский поэт первого двадцатилетия нынешнего века так или иначе отдал дань японской поэзии, составив себе представление о ней именно по ранним литературным адаптациям и пробам стиховедческого осмысления. Здесь тоже можно назвать немало публикаций — например, переводы Н. И. Познякова (1898) и его брошюра «Японская поэзия» (1905), переводы «Песен ста поэтов» в том же 1905 г., «Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии» Ямагути Мойти (1913)²³, «Японская поэзия» Г. Рачинского (1908 и 1914)²⁴ и др.

Желание ввести японскую литературу в круг российского чтения и вообще сделать ее частью культуры страны явствует не только из стремительного роста числа переводов того времени, но и из обилия очерков о японской литературе. Достаточно назвать, например, очерк «Народный эпос и лирика в Японии» (журнал «Изящная литература», 1885), краткую статью К. Петрова «Японская литература» («Вокруг света», 1886), очерк с тем же названием в журнале «Мир божий» (1899), «Народная японская поэзия» («Новый журнал иностранной литературы», 1904) и т.п.

Самыми серьезными работами в этот период были перевод астонской «Истории японской литературы», вышедшей в 1904 г. во Вла-

(литературный псевдоним — Ооти), опубликованном в Токио в 1911 г. издательством «Хакубункан».

²³ О сборнике Ямагути Мойти (как и о книгах Г. А. Рачинского, Г. Востокова, Н. Познякова и др.) впервые в истории отечественного востоковедения написала Е. М. Дьяконова в работе: К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. Бальмонт и Япония. М., 1991, с. 47 и 57–59; Ермакова Л. М. Японская лирика как разновидность русского литературного мифа. Культурологический аспект перевода. — *Japanese Slavic and East European Studies*, 1997, #186, с. 83–87.

²⁴ О «японизме» в творчестве ряда русских поэтов этого времени см. цитированную выше и содержащую множество важных сведений и выводов работу: К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. Бальмонт и Япония. М., 1991. В разделе книги, написанном Е. М. Дьяконовой, дается также аналитическая история ряда российских работ по японской поэзии и поэтике начала XX века (с. 36–65).

Некоторые из российских работ по классической японской литературе упоминаются также в: В. Н. Горегляд. Россия и Япония. От знакомства к изучению. — В кн. Г. Д. Иванова. Русские в Японии XIX — начала XX в. М., 1993; Тамура Мицумаса. Восприятие традиционной японской поэзии в России. В: Межлитературные контакты Востока и Запада. Литературы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и духовная жизнь России. СПб., 1997, с. 159; Тамура Мицумаса. Россия-но-нихон бунгаку. Котэнзэн. (Японская литература в России. Классический раздел.) В: «Росиаго росиабунгаку кэнкю», 1993, № 25.

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

дивосток в переводе В. Мендрин под ред. Е. Спальвина (с предисловием от переводчика и комментариями Е. Спальвина, вносящими отдельные уточнения и осовременивающими монографию В. Г. Астона — первую профессиональную работу в этой области).

Богатая и сложная книга Астона, вероятно, содержала много материала, не вполне удобопонятно «простому» любителю, зато понятные места из астонской книги, и прежде всего рассеянные там и сям личные оценки, стали цитироваться в российских изданиях чаще других. Так, в работе Н. И. Познякова вслед за Астоном утверждается, что японская поэзия «богата скорее древностью, чем содержанием, образами и вообще внутренними достоинствами»²⁵. Довольно подробно и схематически верно излагая самые общие этапы истории японской поэзии, автор примеряет японскую поэзию к русской, красоту ее поверяет звучанием русского стиха. Например, в книге Астона он нашел перевод драмы театра Но «Такасаго»: «Я намеревался воспользоваться переводом этого но и пересказать его в стихах; но мне это решительно не удалось... Откровенно сказать, мне было жаль изящного русского стиха, мелодичных русских размеров и звучных рифм — жаль было пригонять их насильственно к этой безжизненной, бездейственной, будто бы, драме, неуклюжей, бесформенной и полной удручающих прозаизмов»²⁶. Примечательны и рассуждения автора о более позднем периоде японской поэзии: «вряд ли можно утверждать, что до настоящего времени японская нация создала много поэтических произведений выдающихся достоинств. ...Важное значение имеет толчок, данный японской литературе внесением в нее европейских идей, — внимание, обращенное в последнее время на европейскую и, в особенности, английскую поэзию»²⁷. Н. И. Позняков, внимательный читатель западных исследователей и переводов, предрекает, что «японская поэзия, никогда не отличавшаяся глубиной идеи, не звучащая красивыми мелодиями благодаря своему силлабическому стиху и механической, искусственной версификации... возродится непременно, — и все же это будет тогда поэзия не японская, а только на японском языке поэзия передовых народов Европы и Америки»²⁸.

²⁵ Н. И. Позняков. Японская поэзия. М., 1905, с. 12.

²⁶ Там же, с. 42, 44.

²⁷ Там же, с. 51–52.

²⁸ Вот классический пример, когда предсказание сбывается наоборот — если бы Позняков мог увидеть бесчисленные сайты хайку в нынешнем Интернете, сочиненные на всех языках «передовых народов Европы и Америки»... В сущности, позняковские рассуждения представляются чрезвычайно интересными и ценными с

Кроме астоновской истории японской литературы в том же 1904 г. вышел пространный (по объему не уступающий елисеевскому) и подробный очерк Г. Востокова, посвященный японской литературе и театру и напечатанный в книге энциклопедического характера «Япония и ее обитатели»²⁹.

Литература в нем освещена в соответствии с принятыми и теперь рубриками — «Общий характер японской литературы», «Японское стихосложение», «Древнейший период японской литературы (по VII стол. по/сле/ Р. Хр.)», затем следуют периоды Нара (710—784), Хэйан (794—1185), «период упадка и темные века», период Эдо (1603—1867), современная литература и печать. Разумеется, эта схема воспроизводит строение работ В. Г. Астона и К. Флоренца, на которые автор опирается более всего и которые в свою очередь исходят из точки зрения сравнительного стиховедения и проблем взаимных проекций разных поэтических систем. Здесь целый пучок фундаментальных проблем, которые Н. И. Позняков толкует достаточно последовательно. В частности, наличие звуковой организации индоевропейских поэтических систем он воспринимает как имманентный и универсальный признак поэзии вообще, придерживается представления о том, что перевод «через третьи руки» и в самом деле может оказаться неточным в отдельных деталях, но никак не в общей выразительности, поскольку структура поэтического образа также универсальна, и пр. Но все это, разумеется, особая тема.

²⁹ Япония и ее обитатели. С картой Японии, Маньчжурии и Кореи, картой осадков Японии и 46 рис. в тексте и на отдельных таблицах. 6-ое бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека самообразования» на 1904 г. СПб., 1904. В книгу были включены разные разделы: в частности, очерк о природе Японии, написанный крупным российским (затем советским) ученым П. Ю. Шмидтом, ихтиологом и океанографом; почти стостраничное исследование по истории и государственному устройству Японии, принадлежащее перу историка В. Л. Ранцова, известного также своими работами по древней истории средиземноморского культурного круга. В сборник вошли и очерки по экономике, финансам, вооруженным силам Японии, а также разделы, посвященные народному образованию, здравоохранению, искусству, музыке и «общественному, домашнему и религиозному быту» японцев. Чтобы полностью описать структуру книги, добавим, что последняя ее глава носит название «Заключение. Психология японцев и желтая опасность». Здесь стоит упомянуть, что разрешение цензуры на публикацию книги было дано 1 июня 1904 г. Состояние войны между Россией и Японией продолжалось к тому времени уже несколько месяцев. Тем более примечательны в этой заключительной главе слова о «необыкновенной умственной подвижности», «ценных нравственных качествах» японцев, а также о высокой культуре, имевшейся в Японии еще до встречи с европейцами. «Они, — пишет безымянный автор главы о „желтой опасности“, — в тридцать лет совершили в своей стране переворот, по сравнению с которым наши шумные европейские революции представляются топтанием на одном месте» (там же, с. 360). Нельзя не сказать, что авторы этой книги, выходящей в разгар военных действий, проявляют поразительную широту и непредвзятость.

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

опирался более всего и которые в свою очередь исходят из японских историко-литературных трудов того времени. При этом Г. Востоков, как и В. Строев, также отнюдь не может быть назван «просто» переводчиком или механическим компилятором западных работ (если такие бывают), он выражает собственные оценки и суждения, время от времени обрушиваясь на западных (переводимых им) авторов с резкой критикой. Он рассказывает о древности японской литературы, которая была развита уже тогда, «когда народы некоторых просвещеннейших ныне европейских стран были еще варварами», сообщает о японской литературе такие сведения и в таком ракурсе, против которых не стали бы возражать и нынешние востоковеды. Однако ему приходится отстаивать право японской литературы на свои особенности. Приводя слова Чемберлена: «В японской литературе отсутствуют гений, идея, логика, глубина, широта и разносторонность», Г. Востоков цитирует и другие «голоса», «подтверждающие, что все эти странности, ребячество, чудачества и особенности японской поэзии начинают объясняться и получать своеобразную прелесть... когда изучают народ в связи с его литературой и природой страны»³⁰, то есть, как бы сказали теперь, в общекультурном контексте. Но все же и у Г. Востокова мы найдем немало оговорок вроде: «Мы не хотим этим сказать, что японскую литературу можно поставить рядом с литературой любого из европейских народов» (с. 266—267), или снисходительно-поощрительных сентенций: «Крохотная безделушка, но прелестная» (с. 271, в связи с хайку XVIII в.), Г. Востоков определенно стремится утвердить право японской (и, видимо, любой другой «неевропейской») литературы на особую мерку, но, по всей видимости, далек от мысли уравнивать ее в достоинстве с западной.

Примерно такую же общетеоретическую позицию занимает и Н. П. Азбелев в своей книге «Душа Японии», где общий очерк литературной истории соседствует с литературными цитатами и фрагментами. С восхищением и уважением рассказывая о многих замечательных сторонах японской словесности, он, по-видимому, считает обязательным привести то же уничижительное мнение Б. Чемберлена о японской литературе, как мнение авторитетного специалиста и знатока. Но при этом отношении к предмету самого Н. П. Азбелева, видимо, лучше выражает приводимая им в другом месте цитата из Астона, подчеркивающая скорее закрытость и непостижимость японской культуры: «В этом типе человечества много такого, что нам, европейцам, трудно

³⁰ Там же, с. 268.

понять и оценить... Даже Геродот и Платон, как ни далеки они от нас по своему мировоззрению, неизмеримо ближе стоят к нам по всем своим идеям, чувствам и моральным принципам, чем японцы 50 лет назад»³¹. То есть, по Азбелеву, японская литература — явление далекое и восхитительно непонятное, и сама ее непонятность и экзотичность является вызовом для пытливого европейского ума. Поэтому «для освещения» Н. П. Азбелев отбирает прежде всего те произведения, которые «успешно вводят читателя в духовный мир японца и, изображая картины государственного, общественного и семейного быта его, дают иллюстрации этических основ его жизни»³². В данном случае литература рассматривается не как планетарное поступательное движение духа (см. упомянутую выше «Историю всемирной литературы»), а как некий оптический прибор, посредством которого можно увидеть этические принципы устройства чужого общества.

Автор следующего «Обзора истории современной японской литературы» (Хабаровск, 1909) Г. Ксимилов — молодой японовед, выпускник Восточного института, ученик Е. Спальвина. Его обзор — выпускная работа (кстати говоря, удостоенная золотой медали), представляющая собой что-то вроде реферативного перевода с японского истории японской литературы, написанной «кандидатом словесности японского университета Иваки»³³. Эта работа, посвященная краткому периоду японской литературной истории (1868—1906), может быть названа и содержательной, и высокоинформативной, однако она, по-видимому, почти полностью представляет собой перевод-пересказ с японского; ее слабые стороны — ученический характер и связанное с этим отсутствие аналитической дистанции между автором и источниками (в виде литературной истории Иваки).

Первые двадцать лет XX века — по-своему крайне интересный период бытования японской литературы в российской культуре, и интересный прежде всего в области поэзии. Отчасти этот период напоминает нынешний — когда чуть ли не каждый третий пишущий стихи считает своим долгом написать что-нибудь «в японском жанре», поскольку оказывается очарован и заинтригован японской поэзией в русских переводах. 10-е годы были интересны тем, что не только стихи «в японском духе», но даже литературоведческие эссе о японской поэзии

³¹ Душа Японии. Японские романы, повести, рассказы, баллады и танки. Под ред. и с предисл. Н. П. Азбелева. СПб., 1905, с. LXXVIII.

³² Там же, с. XII.

³³ Идентифицировать японского автора и его работу не удалось.

и литературе тогда представляли собой, по большей части, плоды трудов авторов, далеких от востоковедения, чья фантазия была разбужена вполне научными, академическими книгами Астона и Флоренца. Прежде всего это свидетельствует о наступившей эпохе огромной притягательности японской литературы, и прежде всего поэзии для российского читателя. Поэзия эта манила и зачаровывала, но оставалась загадкой, к тому же во многих публикациях начала века подробно и красочно рассказывалось о трудности, да, собственно, практически полной невозможности понять японский язык. Поэтому многие поэтические натуры того времени, пытаясь постичь «золотой век сказочной Японии», «ее долгий весенний сон», строят свой собственный миф о японской поэзии (здание которого и сейчас можно обозреть с любой точки русской поэтической традиции).

Эстетизм начала века, разумеется, дорожил этой метафизической данностью, недоступной и непостижимой поэтической зоной, в которой были свои экзотические правила и где российский литератор мог обрести своеобразную экстерриториальность поэтического мышления.

Например, Г. Рачинский в 1908 г. публикует в журнале «Северное сияние» свой очерк³⁴, избрав для перевода и интерпретации из прочитанных им работ Флоренца, Ратгена и Гаузера³⁵ произведения безусловные, выбор которых нельзя не одобрить, и переводит их, надо сказать, тоже совсем неплохо. Это — предисловие Ки-но Цураюки к «Коккинсю», несколько сюжетов с песнями из «Нихон сёки», *танка* «Маньёсю», «Такэтори-моногатари» и др.

Интересно, что прогноз же на будущее японской поэзии Г. Рачинского шел полностью в разрез с пророчеством Г. Востокова: «Знакомая нам лирика *танок* убеждает нас, — писал он, — что какие бы всходы ни дал в будущей японской поэзии посев поэзии Гёте, Шиллера, Байрона и Шелли — в этих всходах будет неизменно цвести и благоухать та душа японского народа, о которой один из его поэтов сказал: «С чем бы сравнил я/ Великий дух Ямато,/ Родины нашей,/ Как не с дыханьем цветов/ Утром, при встрече зари»»³⁶.

³⁴ Очерк вышел потом отдельным изданием: Г. А. Рачинский. Японская поэзия. М., Mycare, 1914.

³⁵ Geschichte der japanischen Literatur / von Karl Florenz. Leipzig: C.F. Amelangs Verlag, 1906. Die japanische Dichtung / Otto Hauser. Berlin: Brandussche Verlagsbuchhandlung, [1904?] 68 S.

³⁶ Г. Рачинский, с. 24. Примечательно, что этот ритм и метр перевода (с соблюдением силлабического распределения 5-7-5-7-7), довольно близкий к

Итак, здесь были коротко охарактеризованы некоторые труды по японской литературе, предшествовавшие появлению обзорного елисеевского очерка. Как нам думается, значимость и новизна елисеевской концепции японской литературы могут быть увидены более отчетливо на фоне того, что именно говорилось о предмете до С. Г. Елисеева и какова была философия исследований зарубежной литературы в русских работах по японской литературе конца XIX — начала XX в.

Как видно из вышеизложенного, работа С. Г. Елисеева, появившись в России в 1920 г., оказалась отнюдь не в информационной пустоте, и более того — ряд представлений и установок уже стали достаточно стойкими, переходящими из книги в книгу, приобрели характер заведомой истины. Сам С. Г. Елисеев писал об этом так: «соседи с ней [Японией], мы не знали ее до войны, нам был неизвестен ее национальный лик, мы проходили мимо ее духовных богатств. Но можем ли мы сказать, что мы ее знаем теперь, после жестокого урока 1905 года? Мы по-прежнему остаемся в неведении и довольствуемся немногими компиляциями, составленными по европейским книгам и всегда полными ошибок»³⁷.

Этими резкими и решительными словами С. Г. Елисеев открыл новую эру в истории российского востоковедения — отрицая и отметая предшественников, он провозглашал новый путь изучения японской культуры, по которому впереди всех должны были пойти профессиональные исследователи. Его статья, можно сказать, и стала первым опытом такого исследования в отечественной японской филологии.

В сущности, в некотором смысле нам и теперь нечего поставить рядом с этим сочинением: краткая история японской литературы С. Г. Елисеева с тех пор так и осталась единственной работой монографического жанра, описывающей японскую литературу со времени ее возникновения вплоть до начала XX в. До Елисеева, как мы видели, такие попытки делались — взять хотя бы японский раздел из «Истории всемирной литературы» или работу Г. Востокова. Однако со времен Елисеева никто в России не брался за обзорный труд по японской литературной истории. В научном наследии акад. Н. И. Конрада, например, немало фундаментальных работ в этой области, но каждая из них посвящена определенному литературному произведению, течению или

нынешней манере ряда переводчиков с японского, мыслится Г. Рачинским как двуступенчатое — дактилический дистих, соединение гексаметра с пентаметром.
³⁷ С. Г. Елисеев. Японская литература, с. 45.

Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»

периоду; последующие же общие истории японской литературы (надо сказать, весьма немногочисленные) писались или в соавторстве, или вообще большим коллективом.

Елисеевская модель единого сквозного повествования о японской литературе как о едином объекте осталась пока уникальной в нашем японоведении. Первое после Елисеева предприятие этого рода — составленная Н. И. Конрадом в 1927 г. «Японская литература в образцах и очерках» — имеет дробное строение хрестоматии с обширными комментариями. Предисловие Конрада к этой его книге прямо и начинается словами: «В русской литературе по японоведению существует очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»». Елисеевский очерк охарактеризован там как «превосходный» и «суммарный». Конрад упоминает и «Историю японской литературы» К. Флоренца, но последняя оценивается Н. И. Конрадом всего лишь как «сводный обзор всего материала». То есть Н. И. Конрад, по-видимому, считает, что концептуальная история японской литературы в самом общем виде уже написана С. Г. Елисеевым, чей очерк, по сравнению с западными исследованиями, Н. И. Конрад считал именно аналитическим по преимуществу, задающим долговременные теоретические основания для исследований. Задачу же собственной хрестоматии Н. И. Конрад видел уже в конкретной проработке этих теоретических оснований и в освещении отдельных наиболее важных литературных периодов, как он сам об этом пишет, — в «детализированной работе над отдельными памятниками». При этом свою хрестоматию он мыслит «как первое звено в длинной цепи работ», которые «когда-нибудь в будущем» могут привести к созданию «по-новому значительной» японской литературной истории.

Не вызывает сомнения тот факт, что Н. И. Конрад на тот период времени полностью принял основные теоретические предпосылки С. Г. Елисеева. Впоследствии же, в силу обстоятельств, именно конрадовская книга стала основным, если не единственным литературным учебником для нескольких поколений японоведов, воспроизводя, тем самым, и дух елисеевской трактовки предмета.

Посмотрим, что же было самым существенным для С. Г. Елисеева, исследовавшего японскую литературу как целостный объект, взявшего на себя задачу написания первой профессиональной работы в этой области российской науки и наперняка осознававшего ответственность первопроходца.

Очевидно, что история литературы как жанр письменной культуры — это не просто набор литературных фактов с перечислением их в

хронологическом порядке, — она, как вид гуманитарного знания, в разные периоды времени понималась по-разному. Например, как один из разделов истории цивилизации, или как одно из выражений социально-классовой динамики, или как метаморфозы так называемого «национального духа», или просто как развертывание «литературных форм» и словесных техник при сохранении неких постоянных архетипов повествования, возводимых то к мифам, то к феноменам психики и т.д.

Как представляется, из области общих, можно сказать, философских предпосылок наиболее явственно С. Г. Елисеевым были обозначены следующие главные пункты:

— понятие «всемирный» не тождественно понятию «западноевропейский»;

— существует и всегда существовала некоторая «основа» японской души, которая «претворяет все чужеземное» и делает его своим;

— основное начало японской словесности — лирика;

— характерной чертой японской художественной эстетики является особое отношение художника к природе;

— для понимания японской литературы требуется определенная подготовка, а также отказ от «привычных нам трафаретов».

Долгое время, практически на протяжении всего XX в., эти принципы представлялись всем самоочевидными. Однако, как мы пытались показать выше, они далеко не всегда были сами собою разумеющимися. Именно в данной работе С. Г. Елисеева они были собраны вместе и сформулированы впервые как некое кредо или декларация. По поводу этих пунктов как системы и каждого из них в отдельности можно было бы рассуждать и теоретизировать подробно — они и теперь относятся к числу фундаментальных, а некоторые из них в последнее время переосмысляются заново и оказались в самом центре научных дискуссий. Здесь мы затронем только часть из этих положений ученого.

Горячая филиппика С. Г. Елисеева против европоцентризма, с которой начинается очерк, отличает его работу от предшествующих российских публикаций по Японии, подчеркивавших прежде всего если не слабость и незначительность, то необычность, экзотичность, «странность» японской словесности. В этом пункте очерк, пожалуй, отличается и от работ западных предшественников, большинство которых (даже В. Г. Астон), несмотря на явную любовь к избранному предмету, все же порой (быть может, вполне неумышленно) переходили на снизительно-оценочный тон. С. Г. Елисеев же прежде всего утверждает принципиальное равноправие культур в мировой истории, а также —

что чрезвычайно важно — провозглашает необходимость сознательного культурного релятивизма в гуманитарных исследованиях.

Этот основной принцип, впоследствии ставший чем-то вроде правила хорошего тона в науке XX в., впервые в отечественном японоведении был сформулирован именно С. Г. Елисеевым. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы имя его осталось в нашей памяти. Но это — всего лишь один из штрихов в картине.

С. Г. Елисееву принадлежит и осмысление связи между разными японскими религиозно-философскими воззрениями и особенностями японского поэтического языка. Он первый объяснил причину отсутствия олицетворения природы в японской поэзии, он первый открыл читателю японское ощущение себя как части космоса — мысль, которую потом так полюбили российские интеллигенты 60—70-х годов. Он же первый показал очарование парадоксов японского ума, приведя японское изречение: «Написать стихотворение, которое нравилось бы всем — нетрудно, а написать такое, которое нравилось бы одному — трудно». Поэтическое и интеллектуальное обаяние постулатов такого рода в глазах человека Запада тоже стало очевидно позднее, и скорее через труды других авторов. Но, думается, не будет преувеличением сказать, что в основе восточного образования у этих других авторов тоже был именно очерк С. Г. Елисеева или скрытые цитаты из его очерка.

С. Г. Елисеев определил и новый подход и требования к переводам японской литературы, заявив об особом, отнюдь не подчиненном или второстепенном значении «распространительного перевода, комментариев, примечаний», которые должны помочь читателю «войти в круг идей дальневосточного творчества», поскольку переводчик «транспонирует» произведение на свой язык и должен сохранить «не только содержание, но всю фактуру, все особенности стиля, выраженного в известной форме и в известных ритмах».

«Японец иначе смотрит на окружающий мир», — пишет С. Г. Елисеев, и в этом пункте, в сущности, совпадает со своими предшественниками XIX и XX вв., цитированными выше. Однако продолжение фразы у С. Г. Елисеева иное: «глаза его [японца] видят многое такое, мимо чего мы проходим, не обращая внимания; краски им воспринимаются в других соотношениях... Другие образы, иные сравнения, которые нам или мало говорят, или поражают своей необычностью, тогда как дальневосточному читателю они иногда могут показаться почти банальными»³⁸. Эти слова выражают принци-

³⁸ Там же, с. 44.

ально иной подход к чужой литературе, другое видение чужой культурной ситуации, выбор новой позиции наблюдателя. И именно такой тип филологического дискурса распространился затем в отечественной японистике и главенствовал в ней практически на протяжении всего XX века.

Разумеется, С. Г. Елисеев не был изобретателем этой позиции, и многие его современники придерживались ее же, но он стал первым и блестящим ее выразителем в японоведении. И заключительные слова его очерка могли бы послужить своего рода эпиграфом ко всем последующим отечественным исследованиям японской литературы. Слова эти таковы: «Знакомство с богатой и прекрасной по форме литературой Японии должно бережной рукою приподнять угол завесы над чужою душой; должно открыть нам ее красоту в иных отражениях человеческой мысли и помочь нам лучше понять Дальний Восток и тем увеличить многогранность нашей души...»³⁹.

³⁹ Там же, с. 89.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Действительно, прошло более 30 лет, как я раскрыла очерк С. Г. Елисеева «Японская литература», а раскрыв, более не закрывала¹. Так бывает. Одна встреча может больше означать, чем череда встреч. «Итиго итиэ» — говорят дзэнские мастера: у каждой встречи свой вид, или каждая встреча неповторима, раз увидишь, на всю жизнь запомнишь. Такой же незабываемой оказалась встреча с Елисеевым, судя хотя бы по тому, что примерно в той же манере свободного повествования я написала о японской литературе в первой же книжке, — за что и поплатилась². В те годы не принято было свободное повествование. Курирующий Японию работник ЦК тов. Романов (ирония судьбы!) никак не хотел пропустить написанное мною, а я, естественно, никак не могла принять его полуграмотных замечаний. Если бы не мудрость директора издательства, О. К. Дрейера, так бы и лежать этой книжке до скончания века.

Впрочем, с последующими было то же самое. Теперь молодым даже трудно представить, каких усилий стоило говорить то, что думаешь, просто говорить о японской литературе, как она есть. Неповиновение в лучшем случае каралось увольнением. Но я не могла иначе. К тому же рядом были достойные учителя, не изменявшие себе в самые тяжкие времена: Вера Николаевна Маркова, Анна Евгеньевна Глускина и, конечно, моя мама — Александра Петровна Орлова, светлейший человек, прививший мне любовь к Японии.

И в Издательстве восточной литературы я все время ощущала поддержку, и Лариса Филипповна Керцелли, и Ольга Сергеевна Ривкина стали моими друзьями.

Так или иначе, в следующей же книжке «Одинокий странник» — о писателе Куникида Doppo и эпохе Мэйдзи (1868—1911) я опять обратилась к очерку С. Г. Елисеева «Японская литература», теперь уже предметно. Мне захотелось понять тайну взаимоотношений японцев с

¹ С. Г. Елисеев. Японская литература. — Литература Востока, вып. 2, Пг. (Далее страницы указаны в тексте.)

² Т. Григорьева, В. Логунова. Японская литература. М., 1964. В 1969 г. моя часть — японская литература от древности до периода Сёва — была переведена на японский Мурамацу Томоцугу и издана в «Асахи сёппансё».

природой, и я привела следующий отрывок из очерка С. Г. Елисеева: «Характерным для японской литературы и изобразительного искусства нужно считать отношение художника к природе... Под влиянием любви к окружающей природе и чужеземных религий — как буддизма, так и даосизма — природа японцем не воспринималась как нечто преподнесенное ему создателем. Он чувствовал себя ее частью. Для него она была чем-то единым, цельным, за которым было скрыто вечное начало, названное китайцами *Дао*, и это начало проявлялось не только в природе, как таковой, но в жизни каждого цветка, каждого насекомого, в каждом звуке природы — «все было во всем», все выявляло органическую связь и причинную зависимость, и все совершало намеченный ему великий путь. Японец не олицетворял природы; он жил ее настроениями, не внося в нее своих чувств. Вот почему в японской поэзии мы никогда не встречаем олицетворения природы. В силу такого взгляда японец не мог обратиться к природе, как к чему-то живому, себе подобному». В поэзии «Манъёсю» (VIII в.) поэт описывал природу, «сравнивая себя с нею, стремился войти в нее. С собою он природу не сравнивал и ее не очеловечивал»³.

Действительно, даже влюбленный в природу И. С. Тургенев все же смотрел на нее иначе. Сравните: «Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын ее, сочувствие, которое возбуждает в душе жизнь существ низших, столь похожих на человека своим внешним видом, внутренним устройством, органами чувств и ощущений, несколько напоминает тот живой интерес, который каждый из нас принимает в развитии младенца. Все мы, точно, любим природу — по крайней мере, никто не может сказать, что он ее положительно не любит; но в этой любви часто бывает много эгоизма. А именно: мы любим природу в отношении к нам; мы глядим на нее как на пьедестал наш. Оттого, между прочим, в так называемых описаниях природы то и дело попадаются сравнения с человеческими душевными движениями («и весь невинный хохочет утес» и т.п.), либо простая и ясная передача внешних явлений заменяется рассуждениями по их поводу»⁴.

Оттого отношение русского писателя к природе и человеку поразило японцев, когда они познакомились с двумя рассказами Тургенева из «Записок охотника» — «Свидание» и «Три встречи», переведенные Фтабатэем Симэй. Под влиянием «Свидания» Доппо написал очерк

³ Цит. по: Т. П. Григорьева. Одинокий странник, М., 1967, с. 125. (Очерк Елисеева с. 41, 52).

⁴ И. С. Тургенев. Записки ружейного охотника, Соч., т. XII, М.-Л., 1934, с. 157.

Тридцать лет спустя

«Равнина Мусаси», где привел большой отрывок — описание березовой рощи. По собственному признанию, Доппо хотел освоить новую для японцев манеру письма: «До сих пор японцы никогда не восхищались красотой дубового леса, который особенно хорош во время листопада. В нашей классической литературе воспевалась сосна. Даже в песнях не встретишь, бывало, осеннего дождя, моросащего в дубовой роще. Сам я совсем недавно постиг красоту листопада, и помогли мне в этом следующие строки: «Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз...»⁵. Отрывок довольно велик и, как ни жалко, приходится прервать тургеневский рассказ. Скажу только, что «Равнина Мусаси» все же написана в другом ключе. Что-то помешало освоить тургеневскую манеру. Что же?

Дело не только в том, что японцы обожествляли природу, уверовав в вездесущих богов-ками, не отделяя себя от них. Традиционно они не дистанцировались от природы, не относились к ней как к объекту, приняв иной тип отношений: не *то* или *это*, а *то* и *это* или — одно в другом. Именно объективация природы, отношение к ней как к средству удовольствия или прибыли, непризнание ее самоценности роковым образом сказалось на европейской цивилизации, исказив природу человека, возмнившего себя властелином вселенной. И это отношение к миру как к объекту почти невозможно искоренить, настолько оно глубоко вошло в подсознание. Оттого и в конце второго тысячелетия так трудно приходится экологами доказывать, казалось бы, простую истину: разрушая природу, вы разрушаете себя. Гибель природы есть гибель человечества, ибо все едино, человек и природа — единый живой организм. Японцам и в голову не приходило, что одно может противостоять другому. Многое изменилось в жизни японцев в XX веке, но это благоговение перед природой осталось.

И все же, откуда появилось это ощущение «всеродства», за которое, кстати, на рубеже веков ратовали русские философы, начиная от все еще неопределенного Н. Ф. Федорова и Вл. Соловьева до Н. Бердяева? В «положительном всеединстве» они видели возможность спасе-

⁵ Цит. по Т. П. Григорьева. Одинокий странник, с. 121, 122.

ния человечества⁶. Я стала искать ответы на вопросы, в какой-то мере уже поднятые С. Г. Елисеевым. Прежде всего мне импонировала позиция честного непредвзятого описания: судить о предмете не по установленным правилам, а исходя из самой японской культуры, которая подчиняется своим законам. Т.е. нужно было не соблазниться европоцентристским подходом, который давал готовые решения, но искажал общую картину, с предупреждения о чем С. Г. Елисеев начинает свой очерк. «Некоторые слова, в силу тех или иных условий, вошли в наш обиход с определенным значением, более узким и несоответствующим полному объему понятия. Слово *всемирный* мы часто употребляем в значении *западноевропейский*, к чему нас приучили еще со школьной скамьи, где история Европы была для нас «всеобщей историей»... Но так ли это? Разве можно понять искусство, не зная основ дальневосточной эстетики, не будучи знакомым с духовной культурой, которая лежит в основе мирозерцания художника? Японское искусство европейцы знают так же мало, как и литературу» (с. 38—39).

Европоцентристский подход приводил к отрицанию или умалению иной культуры не потому, что она хуже, а потому что она не такая. Обыденное сознание в ту пору, незаметно для себя, возвело «часть» в «целое», абсолютизируя что-то одно. Это не могло не раздробить само сознание, утратившее способность схватывать целое. Каждая культура такая и не такая, как другие, в чем-то неизбежно уникальна, что и делает ее интересной другим народам. Подобное в принципе не может взаимодействовать, образовать единое поле культуры. Непохожест, своеобразие есть условие единства. И все же, меня интересовал вопрос: чем обусловлена непохожесть японской культуры? — и с него я начала свою «Японскую художественную традицию», которую также задержали более чем на 7 лет, и она чудом вышла в 1979 г.: «Почему так, а не иначе создавали японцы свое искусство, сочиняли стихи и повести, возводили пагоды, рисовали картины, разбивали сады, строили дома, относились друг к другу — словом, смотрели на мир и на себя?»⁷ Этой книгой пыталась показать, что традиционная модель мира, которая складывалась веками под влиянием обстоятельств и определенного рода учений, воздействовавших на сознание, и есть формообразующее начало, которое можно обнаружить в любом виде человеческой деятельности.

⁶ О «Философии общего дела» Федорова мне уже приходилось писать, в частности, сравнивать с буддизмом, который он формально отрицал, но, в сущности, был ему близок. — ж. «Всемирная литература», Минск, 1999, 5/6, с. 168—187.

⁷ Т. П. Григорьева. Японская художественная традиция. М., 1979, с. 3.

Вряд ли тогда я отдавала себе отчет в том, что многие идеи как-то перекликаются с интуициями С. Г. Елисеева, пока волею судьбы не вернулась к его очерку. Попробую выделить главные, с моей точки зрения, идеи и те, что вытекают из подтекста. Это прежде всего проблема «части» и «целого». В очерке сказано: «Трудность в понимании чужих неведомых форм, где главное часто лежит не там, где бы оно находилось у нас, где писатель только слегка касается того, что европейцем воспринимается, как самое важное. Отсюда другие пропорции частей и другое восприятие целого» (с. 40). Я имею в виду не особое отношение части и целого, а отсутствие понятия «части», представление о целом, как состоящем из целостностей. Т.е. особый тип структуры, где всё, каждая малость есть целое, уменьшенный образ мира. Потому, собственно, японцы не могли так же, как на Западе, смотреть на природу, ибо не воспринимали себя ее частью или ее частью себя, — не мыслили и не чувствовали в категории «части».

Сложившийся тип отношений всего со всем можно передать дзэнским изречением «одно во всем и все в одном». Иначе говоря, традиционному мышлению японцев чужд моноцентризм в любом его проявлении, от антропоцентризма до природоцентризма. Японскую модель можно назвать полицентрической, или «сингулярной», в которой отсутствует единый центр — центр везде, в каждой точке. А значит, и нет периферии, нет главного и второстепенного, что сказало, в частности, на грамматическом строе японского языка, на психологии человека. Это отсутствие центра и в архитектуре, в планировке городов и знаменитых садах камней, не говоря уже о живописи и поэзии.

Думаю, это не противоречит характеру социальной психологии с ее установкой на строгую субординацию «верха — низа», ибо и это отношение «господин — вассал» носит локальный характер, в идеале предусматривает равнодействие верха — низа, в каком-то смысле их единство, непротиворечивость (*фуни*). Могу сослаться на мнение такого видного ученого, как Уэда Ёсифуми, автора статьи «Индивидуум в махаянской философии», который отправляет нас к размышлениям по этому поводу буддийского патриарха Фа-цзана (643—712). Этот древний мудрец имеет в виду «взаимное становление господина и вассала». В том случае, когда один представляет всех, каждый индивид соответственно есть центр Вселенной. Когда индивид А — господин, все остальные индивиды и Природа, т.е. весь мир, — его вассалы. В то же

время А — вассал по отношению к Б и В. «Т.е. каждый индивид одновременно и господин, и вассал»⁸.

В каком-то смысле центром можно считать японского императора, но и здесь — связь по вертикали: можно говорить о его принадлежности Небу («сын неба»), а не о земных отношениях.

Однако это особая тема, слишком серьезная, чтобы говорить о ней, походя, но не принимая во внимание структуру сознания, невозможно ничего понять в японской действительности, никакой тип отношений, в том числе религий. Синто, как известно, чувствовало себя вполне уютно рядом с буддизмом и делилось с ним не только храмовым пространством, но и богами, воспринимая будд как воплощенных *ками* и наоборот. И, помимо, именно потому, что национальная форма сознания избегала двойственности, противостояния, следуя принципу *рёбу фуни*. Переводят как правило, «две части едины», тогда как смысл этого универсального принципа — в идее двуединства сущего: одно есть обратная сторона другого. Главное — и, на счастье японцев, их древние правители, как Сётоку Тайси, понимали это — всякая односторонность саморазрушается.

Что уж говорить об искусстве! И здесь нет чего-то одного, один вид искусства входит в другой, как, скажем, стихи и повести (*ута-моногатари*), живопись и поэзия, или театральные формы Но и Кабуки, где в созвучном единстве, не ущемляя друг друга, существуют слово, танец, пение, музыка, или застывшие позы — *ката*, позволяющие одно отделить от другого и дать волю чувству сопереживания. Все само по себе, и все звучит в унисон — эта особенность японского театра заставила учиться у него таких режиссеров, как В. Э. Мейерхольд или А. Я. Таиров.

В прозе это обусловило необычную для нас композицию, не последовательного, а как бы параллельного существования отдельного. И здесь нет единого центра, о чем пишет С. Г. Елисеев применительно к «военным повестям» (*гунки*): «Словно свиток, ровно разворачивались перед глазами читателя события, мало его задевая, и ему ясна была только карма, царствующая в мыслях автора, который знал, что каждому не избежать возмездия за все свои проступки» (с. 64). Действительно, вы не найдете характерного для европейской прозы последовательного развития действий, когда одно вытекает из другого — завязка-кульминация-развязка, — правило, изложенное еще Аристотелем. И в древних повестях, как знаменитая «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), переведенная на русский Т. Соколовой-

Тридцать лет спустя

Делюсиной, производит впечатление свитка, а ее внутренняя логика обусловлена той же идеей неизбежного действия кармы. Каждая сцена существует как бы сама по себе, «ни до, ни после», «здесь и сейчас». И этот непривычный нам тип композиции до сих пор ставит в тупик исследователей японской литературы.

Такова структура сознания, «одно во всем и все в одном», все остальное вытекает отсюда. Если все есть целое, ибо имеет свой центр, свое *кокоро-душу*, а всякая душа индивидуальна, неповторима, то уникален (*мэдзурасий*) и каждый миг — единичное выражение Единого. Отсюда и доверие не столько разуму, логике, аналитике, сколько непосредственному чувству. Развитое чувство, чувство прекрасного, достовернее, чем разум. Приходится удивляться, что уже в X в. Мурасаки Сикибу писала в «Гэндзи моногатари»: «Человек, глубоко проникший во внутренний смысл вещей, познавший их взаимосвязь, весьма часто приобретает чрезмерную прозорливость, одновременно утрачивая душевную тонкость и изящество ума, что скорее вредит ему в глазах окружающих»⁹.

Именно изящество ума, способность восторгаться скрытой прелестью вещей, «очарованием вещей» (*моно-но аварэ*) ценилось превыше всего. И в этом ученый-филолог XVIII в. Мотоори Норинага находит достоинство повести, о чем и пишет в «Драгоценном гребне Гэндзи-моногатари»: «Главная цель повести — передать очарование вещей. Этим она отличается от конфуцианских и буддийских книг... Гэндзи не назовешь добродетельным человеком, и все же в повести и речи нет о том, что его поведение безнравственно. Цель повести — выявить глубоко заложенное в человеческих отношениях *моно-но аварэ*... Повествуя о мирских делах, повести не поучают добру и злу, а подводят к добру, проявляя очарование вещей».

В чувственности и даже в чувствительности С. Г. Елисеев видит отличие японской литературы от китайской, на образцах которой она поначалу училась: «Познакомившись с совершенными по форме китайскими произведениями, японцы приняли, как аксиому, что только то будет истинной литературой (*бунгаку*), что совершенно по форме. Но этот взгляд на форму они ограничили тем, что считали также непременным условием для литературного произведения такое содержание, где бы говорилось о переживаниях человека. В этом частичном неприятии китайского взгляда, в этом его изменении, сказался эмоциональный характер японского духа» (с. 42).

⁸ The Japanese Mind. Essential of Japanese Philosophy and Culture. Ed. by Ch. A. Moore, Honolulu, 1967, p. 172.

⁹ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т. 3. М., 1993, с. 126

Целостному мироощущению свойственна *открытость*, которая дает о себе знать в таком качестве японской культуры, как склонность к асимметрии, нйчету, устремляющим в беспредельность. Истина (*макота*) во всем присутствует невидимо. Эта склонность к асимметрии сказалась и на удивительной устойчивости ритмического закона японской поэзии — чередования пяти и семи слогов, начиная с первой танки бога Сусаноо:

Якумо тацу.	Восемь облаков встают.
Идзумо язгаки.	В Идзумо — восемь ярусов.
Цума гоми-ни	Возвожу для любимой жены
Язгаки цукуру,	Тянутся грядой ввысь
Соно язгаки-о.	Восемь ярусов дворца.

Этот ритм никогда не исчезал, перешел и в современную поэзию, и нему тяготела и проза, и драма, и об этом пишет С. Г. Елисеев: «Японское ухо привыкло к этому ритму, который был для него «акустической зоной»; только в средние века (XII в.), под влиянием буддийских песнопений, слух привыкает к другим размерам, и в поэзии, как и в ритмической прозе, возникает новый ритм, слагающийся из 7 и 5 слогов. И это новое сочетание было всего лишь перестановкою старого привычного размера. Литературная речь вкладывалась в форму этого ритма для того, чтобы быть художественно воспринятой» (с. 44).

Не отсюда ли и открытость «чужому», умение сделать его своим, ибо не было отношения к другому, как к «части», которая зависима, которую можно подчинить или поглотить, а было отношение целого к целому. Стремление избегать односторонности сказалось и на отношении к китайской культуре. Время от времени Япония «закрывала двери», когда иноземное влияние угрожало самобытному духу. Так случилось и в IX в., когда поэт и министр Сугавара Митидзанэ, впоследствии обожествленный, настойчиво предлагал следовать принципу «*вакон кансай*» — «японская душа — китайские учения», т.е. эти учения хороши, пока не искажают исконные чувства японцев. Это же стремление не дать расшатать духовную основу нации, японскую целостность, привело к изоляции Японии в эпоху Токугава (XVII — пер. пол. XIX в.). И в предмэйзийский период звучало требование «*вакон ёсай*» — «японская душа — европейские науки» — из чувства самосохранения: как бы бездушная, чуждая морали наука не подорвала основу нации. (Кстати, в нынешней Японии, особенно в среде молодежи, самое время вспомнить об этом умении древних уравновешивать одно другим, чтобы нация не утратила традиционную опору и не распалась. То, что

Тридцать лет спустя

хорошо, скажем, для американцев, воспитанных совсем в другой традиции, может оказаться роковым для японской целостности.)

Итак, ничего одностороннего, завершеного, замкнутого, делающего невозможным совершенство. А что может быть совершеннее Природы, естественного ритма изначального Пути, которому всё следует, той Истины, которая невыразима в слове, но незримо присутствует и может быть выражена иносказательно, в намеке. Дайсэцу Судзуки, которому Запад обязан знакомством с Дзэн, уверяет: «в намеке заключена вся тайна японского искусства». Потому о завершенных стихах, где не оставалось места намеку, возбуждающему чувство, отзывались с пренебрежением, как о псевдопоэзии. Об этом напоминает еще один знаток Японии Лафкадио Хёрн в своей книге «Кокоро»: «Японский поэт был бы осужден за попытку законченности выражения в коротенькой поэме: его объектом должно быть только возбуждение воображения или чувства, без удовлетворения его. Поэтому термин «*иттакири*», обозначающий «все пройдено» или «совершенно исчерпано», в смысле «все сказано», презрительно прилагается к стихам, в которых автор «детализировал» свою собственную мысль; похвалы заслуживают те сочинения, которые оставляют в уме читателя «отголосок чего-то недосказанного». Подобно одиночному удару храмового колокола, настоящая короткая поэма должна остаться ропщущей волною в уме слушателя, каким-то долгим призрачным отзвуком»¹⁰.

Истинный мастер не называет прямо красное красным, но дает почувствовать красноту цветка, пробуждая способность к сопереживанию. Эту особенность поэтического метода, естественно, не обходит вниманием и С. Г. Елисеев: «Известный поэт и теоретик Фудзивара Тэйка ставил условием истинной поэзии пользование словарем предыдущих сборников, видя всю прелесть в ритме, в порядке слов, в намеках, так как сказанное лишало стихотворение прелести подразумеваемого» (с. 62—63). С. Г. Елисеев имеет в виду антологию «Синкокинсю» («Новая Кокинсю», прежняя «Кокинсю» составлена в 905 г., «Новая» в 1205). В «Синкокинсю» уже преобладают стихи, написанные в духе ёдзё — «сверхчувство», т.е. такой поэтический стиль, такие приёмы, которые способны вызвать эмоциональный отклик, сделать чувство тоньше, сделать его восприимчивым к красоте, которая скрыта в природе вещей. Больше ничего не нужно. Если человек способен чувствовать прекрасное, он не способен на злодейство, о чем говорит и Шекспир, и Мотоори Норинага.

¹⁰ Цит. по Т. П. Григорьева, В. Логунова. Ук. соч., с. 46, 47.

Наконец, представление о целостности сущего сказалось и на понимании природы самого искусства. Его назначение видели в том, чтобы сохранить найденное когда-то. Отсюда требование *хонкадори* — «следования изначальной песне» или постоянное воссоздание «Изначального образа», запечатленного в удивительной по своей простоте танке дзэнского мастера Догэна (1200—1253):

Цветы — весной,
Кукушка — летом,
Осенью — луна,
Чистый и холодный снег
Зимой.

Всякое словесное вторжение, словесное излишество повредило бы «изначальному образу», призванному сохранить ритм чередующихся времен года в чистом виде. Все остальное дополнит воображение, привыкшее воспринимать явления мира в красках определенного сезона. Не случайно это чередование времен года служит своего рода стержнем, вокруг которого вращаются образы древних антологий, начиная с «Манъёсю», блестяще переведенной А. Е. Глускиной, и знаменитой «Кокинсю». Намек на сезон — обязательное требование и современных *хайку* (по-русски трехстиший), пожалуй, одного из самых популярных жанров, и не только в Японии.

Итак, не забвение былого ради самоутверждения, а намеренное воссоздание лучшего из того, что уже было. Заметьте, совсем иное отношение к творческому акту, не самовыражение, а самозабвение ради оживления, охраны устоявшегося. И это невозможно понять, не принимая во внимание личное самоощущение человека, который не отделяет себя от остального мира и не ставит себя в центр, напротив, уступает место другому, что делает его причастным всему, тому духу, который материализуется в образах культуры как бы помимо его воли. В каком-то смысле *дзуйхицу* — «следование кисти», которым положили начало «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон (в переводе Веры Марковой, и тоже X век) — отражают характер всей японской культуры с ее склонностью к спонтанности, импровизации. Автор вверяет себя кисти или «душе слова» (*котодама*).

И это опять наводит на мысль об отсутствии «части», которая может не только подчиняться целому, но и вытеснять другие части (для «части» все средства хороши). Здесь же ощущение целого и невозможность нанести ему ущерб. В культурном поле действует закон равновесия, несуществования одного за счет другого. С одной стороны, следование традиции, невозможность ее нарушить, ибо традиция оду-

Тридцать лет спустя

хотворялась, воспринималась как нечто живое, — свидетельство самой Жизни. Не потому ли большее удовольствие доставляла не новизна сказанного, а процесс узнавания давно известного, как, скажем, пьесы *Но ёкёку*, стиль которых с восторгом называли «парчей из лоскутов» (*цудзурэ-нисики*), где оживали образы древних *моногатари*, песен и легенд? Мы бы могли назвать это плагиатом, а для японцев это признак мастерства, если автор сумел к месту и ко времени вспомнить полузабытый образ, вернуть его к жизни.

И об этом, естественно, пишет Елисеев: «Текст «лирических драм» (*Но*), который японцы называют «либретто для пения» (*ёкёку*), весь сплетен из разных цитат и заимствований, и начитанному и образованному японцу узнавать знакомые стихотворения, слова и обороты доставляло большое наслаждение. Перед ним бегут словно два потока мысли — один, возникающий у него от слышимых слов и дающий ему образы данного сюжета, другой — с ним сплетающийся и состоящий из ряда ассоциаций, вызванных извлеченными местами из богатой своей и чужой литературы» (с. 69).

С другой стороны, ценилось отступление от канона, если оно уместно и продиктовано не фантазией автора, а, скажем, природой жанра, умением найти такую деталь, такой штрих, который возродит угасающее дыхание образа. И об этом напоминает Елисеев: «Один из японских поэтов сказал: «написать стихотворение, которое нравилось бы всем — нетрудно, а написать такое, которое нравилось бы одному — трудно». Вот этим умением не отступать и не повторять славился мастер чайной церемонии Сэн-но Рикю (1522—1591), который до предела упростил устройство чайного дома, но так, чтобы ощутимее стал дух этого искусства, призванного очистить от дурных помыслов душу человека. Когда ученики мастера чайной церемонии Кобори Энсю стали хвалить его коллекцию: «Каждая вещь изумительна — не то, что у Рикю: его коллекцию может оценить лишь один из тысячи», мастер с горечью ответил: «Это говорит о моей заурядности. Великий Рикю любил те вещи, которые нравились только ему. Я же невольно приноравливаюсь ко вкусам других. Рикю в самом деле был один из тысячи мастеров чайной церемонии»¹¹.

Эта способность оценить уникальность, неповторимость каждого мига, как единичного выражения единого, умение заметить тончайшие нюансы, как прожилки на цветке, позволяет называть эту культуру ин-

¹¹ Цит. по Т. П. Григорьева. Красотой Японии рожденной, с. 364.

тонационной, или культурой нюанса. Действительно, важна не столько тема, которая может повторяться неоднократно, сколько аранжировка, интонация, игра слов, намёк. И опять обратимся к С. Г. Елисееву. На сей раз речь идет о Тикамацу (1653—1724): «Его называют иногда японским Шекспиром — это неверно; такой глубины у Тикамацу нет, он не погружается в пучины души человека, его больше привлекают к себе мельчайшие изменения и колебания настроений и переживаний японцев... Со смыслом текста, в котором говорится о переживании влюбленных, сливаются названия мостов, перекинутых через многочисленные каналы города Осака; получается постоянная игра слов, которая едва улавливается, но зато у слушателя, кроме содержания текста, идет второй поток ассоциаций, связанный с названием мест и вызывающий в нем впечатление, словно он идет вместе с влюбленными по знакомым местам. Этот прием стиля создавал нарастание настроения» (с. 77).

Собственно, это умение ценить неповторимое, неожиданное, редкое в самых, казалось бы, обычных вещах, что они стали называть словом *мэдзурасий*, идет от изначальной восторженности перед душой или «очарованием вещей», *аварэ* (или восклицание «Ахарэ!» — встречается уже в самых ранних памятниках). Это и от веры в божествами, присутствующие в деревьях и камнях, в цветах и травах, но прежде всего, в чем-то таинственном, необычном. Это ощущение мгновения как проявления вечности окрепло и под влиянием буддизма Махаяна, если иметь в виду веру в реальность лишь мельчайшего мига пространства-времени (*кшана*). Отсюда и склонность к сужению поэтического пространства, к стяжению в точку, где миг соприкасается с вечностью, что засвидетельствовано переходом от «короткой песни» (*танка*, 31 слог) к *хайку* (17 слогов, отделившаяся от танки первая строфа — *хокку*, как нередко называли этот жанр). Отсюда и то значение, которое придается незаполненному пространству в живописи или паузе (*ма*) в театральном искусстве, ибо именно в тишине, в беззвучии происходит общение человека с божественными силами, с «богом Красоты» или с «Красотой Небытия» (*Му-но би*), как скажет мастер театра Но Сэами. А первый по времени и по значению философ XX в. Нисида Китаро (1870—1945) обобщит эту особенность художественного мышления: «Конечно, в ярчайшем развитии западной культуры, которая воспринимает форму как бытие и верит в созидание добра, немало того, что заслуживает уважения и чему мы должны учиться у них. Но не скрыто ли в основе восточной культуры, доведенной нашими предками за прошедшие тысячелетия до совершенства, стремление

Тридцать лет спустя

видеть форму бесформенного, слышать голос беззвучного? Наша душа постоянно стремится к этому, и я хотел бы создать философию, отвечающую этому стремлению»¹². Разве можно полнее сказать о душе Японии (*кокоро*), чем это сделал Мотоори Норинага?

Сикисима-но	Если спросят:
Ямато гокоро во	В чем душа
Хито товаба,	Островов Японии?
Асахи ни ниоу	В аромате горных вишен
Ямадзакура бана.	На заре.

Минимум слов, но каждое возрастает до символа, символизирует неявленное, но истинно-сущее, благое. Главное, найти то самое слово, соответствующее этому месту и этому времени. Каждая весна та же и не та же, повторяется и не повторяется, как и все в этой жизни, одновременно изменчивое и неизменное. И слово вращается в кругу времен, меняя свое обличье, чтобы не утратить связь с Неизменным или с той Истиной, которая невидимо присутствует во всем. Так же и искусство следует Пути, естественному ритму и его отсутствию, движению и покою, что японцы назвали законом «неизменного в изменчивом» (*фуэки рюко*), о котором Басё сказал: «Без Неизменного нет Основы, без Изменчивого нет обновления».

Суть вещей остается неизменной благодаря тому, что форма вещей меняется. Но истинный мастер знает, что меняется лишь внешняя форма, Основа бытия остается неизменной, и если между ними прерывается связь и изменчивое начинает подчиняться своим собственным законам, то отрывается от Основы, отторгается Бытием. Отрываясь от Бытия, начинает все более дробиться, до полного исчезновения. Для того и нужно искусство, чтобы не дать забыть об Основе, не утратить Путь, вне которого все обречено на гибель. Потому для истинного мастера искусство есть прежде всего воплощение Пути, который все сущее ведет к спасению.

Путь же нельзя прервать, расчленишь, как нельзя расчленишь, вынув звено из «стихотворной цепи» — *рэнга*, популярного в средние века жанра. И ему уделяет внимание С. Г. Елисеев: «В XIV веке японские поэты увлекались «нанизанными стихотворениями» (*рэнга*). Такие стихотворения встречались и в прежних антологиях, но тогда они мало привлекали к себе поэтическое творчество, теперь же их поставили в центре поэзии. В «Новом сборнике старых и новых стихотворений»

¹² Нисида Китаро. Дзэнсю (Полн. собр. соч.), т. 1, Токио, 1948, с. 6.

(*Синкокинвакасю*) инверсия и цезура сделали верхнюю и нижнюю строфу самостоятельными частями стихотворения. С другой стороны, на придворных поэтических турнирах стало входить в обычай, чтобы поэты не только слагали стихотворения на заданные темы, но чтобы один слагал верхнюю строфу, а другой нижнюю, и, таким образом, из творчества двух поэтов создавалось «короткое стихотворение» (*танка*). В этой забаве японцы пошли дальше. Один поэт слагал верхнюю, другой нижнюю строфу, третий поэт слагал следующую строфу, которая для второй была нижней, четвертый слагал следующую, для которой третья была верхней строфой, и так нанизывались строфы одна на другую, давая стихотворения до 100 и 1000 строф. Так нанизанные строфы имели связь только с ближайшей строфой, оставаясь для остальных чужой. Начальная строфа, которая называлась «*хокку*», давала тон настроения всему стихотворению, невидимо соединяя все строфы в одно целое. Для этого рода стихотворения поэтом Нидзё Ёсимото (1330—1388) была написана поэтика» (с. 65).

Т.е. и *рэнга* олицетворяла традиционный тип встречной связи, когда одно входило в другое, чтобы составить с ним целое. Это и позволило Нидзё Ёсимото сравнивать *рэнга* с Путем-Дао: «Если вникнете в форму *Рэнга*, то увидите, что один стих продолжает другой, отражая великое разнообразие вещей: одно светится радостью, другое омрачается печалью, но все существует рядом друг с другом, в едином потоке. Это и есть Путь нашего мира. Прошлое становится настоящим, весна — осенью, цветы — желтыми листьями. Все уносит течение времени. Отсюда чувство быстротечности жизни (*мудзё*)». И он же говорил: «Цель *рэнга* — древнюю, хорошо известную истину выразить новым способом».

Одним из составителей *рэнга* был и Мацуо Басё. Три века спустя он записал в своем дневнике «По тропинкам севера»: «Может ли кто из людей запечатлеть взмах кисти или исчерпать словами Небесное искусство Творения!», — хотя он достиг совершенства в соединении разного, связывая поэтические строки единством «аромата» (*ниой*), «созвучием» (*хибики*), гармонией цвета (*уцури*), чтобы все звучало в едином сердечном ритме (*кокородзукэ*).

Наконец мы подошли к главному закону японского искусства — закону равновесия, или соответствия одного другому, закону *Ва*. Этот иероглиф переводят обычно как «гармония», но это кодовое для японского мышления понятие принципиально отлично от того, что принято называть гармонией в западном мире, ибо ориентировано не на человеческий вкус, а на естественный ритм вещей. И природа Пути дву-

Тридцать лет спустя

едина: есть безымянное, извечное Дао, пребывающее в абсолютном покое, и есть его земное воплощение, проявляющее себя в пульсирующем ритме жизни. Все оживает, приобщается к Жизни, когда приходит в созвучие, потому в поэзии главными становятся такие правила, как *ёдзё* (эмоциональный отклик) или *коо*, когда одно есть эхо другого.

И это универсальное, главное требование любого вида искусства японцев. Если нет способности уравновешивать ситуацию (*Ва сай*), говорит Сэами, то актер не достигнет мастерства, не сообразуясь с пространством и временем, которые все время меняются. Бывает «время женское» (*мэдоки*), бывает «мужское» (*одоки*), бывает светлое время суток, бывает темное, и актер должен уметь внести энергетическое равновесие своей игрой. Тогда успех будет обеспечен.

Собственно, если не было понятия «части», то и должно было отличаться представление о гармонии. Там, где доминировала «часть», гармонию понимали как правильное соотношение частей, правильную пропорцию, к которой привык человек. Для японцев же гармония есть правильное соотношение целого с целым или одного *кокоро* с другим. И у весны, и у осени, и у любого сезона свое *кокоро*, и слова должны соответствовать его ритму, чтобы душа слов могла прийти в соответствие с душой весны или осени. Здесь, собственно, важно не то, что соотносится, а как соотносится, не предметный мир сам по себе, а ситуации, отношения между предметами, чтобы одно не подавляло другое. Иначе невозможно свободное общение одного с другим, *дзидзи-мугэ* — говорят буддисты, когда между одним и другим нет препятствий и восстанавливается изначальное всеединство — «одно во всем и все в одном». Лишь тогда каждая вещь, сохраняя в свободном общении свой индивидуальный ритм, свою душу, может свободно сообщаться с душой или ритмом Вселенной.

Эта потребность свободного общения одного с другим не пропала и у писателей Мэйдзи, несмотря на интенсивную модернизацию или вестернизацию японской культуры. Такие писатели, как Нацумэ Сосэки, Мори Огай, объявили себя «антинатуралистами» (*хансидзэнсюги*), обвинив натуралистов в том, что они уподобились «рабам действительности», утратив художественную волю и полагаясь на «голые факты», которые далеки от Истины. Школу Нацумэ так и называют — *ёюха*, что означает духовную свободу, независимость от новоявленного духа практицизма, ввергающего человека в рабскую зависимость от вещей, чего не знало прежде искусство японцев. Появилась опасность, что неизменному предпочтут изменчивое, целому — часть, будут жить

сегодняшним днем, забыв, что каждый день, как и каждый миг, есть явление вечности, втянутся в мир суеты, все возрастающей зависимости от псевдожизни, против чего была направлена вся прежняя культура. Прежде, напоминает Нацумэ, мастер мог просто заваривать чай или расставлять цветы и приобщаться к высшему духу, испытывая наслаждение и радость бытия. Все преисполнено глубокого смысла, и нет ничего случайного в природе. Нужно лишь уметь видеть, как оно есть (коно мама), видеть внутренний смысл вещей. Ничего не навязывая, писать легко, непринужденно, с чувством радости, которое дает человеку внутреннее зрение и спокойствие духа.

Не оттого ли в наше время так притягивает к себе традиционное искусство японцев, что оно таит в себе возможность свободы, свободы от всеускоряющегося темпа того, что и жизнью уже трудно назвать? На протяжении веков японская культура хранила те свойства, которые оказались созвучны XX веку, современному искусству и современной науке, убедившись, что вне духа все обречено на гибель, что мир есть открытая система и подчиняется законам самоорганизации или самоестественности, естественному ритму, а не навязанному извне, который привел мир к последней черте. Иначе говоря, настало время открытого, целостного мышления, как единственного условия спасения человечества. Тем более что опыт им накоплен немалый и нужно лишь заглянуть в собственное прошлое.

Потому и очерк С. Г. Елисеева не утратил своего значения, и сам метод, позволивший ему на 50 страницах передать целостную картину японской литературы, являя тот самый переход от «части», как исходного аргумента, к целому. А как известно, Истина и есть Целое. Если бы С. Г. Елисееву не была присуща интуиция целого, то и не было бы понимания самого духа японской культуры, которая в чем-то оставалась неизменной, в чем-то менялась на напряженном фоне исторических перемен. Наше обращение к нему лишь подсказывает всеобщий закон: есть время идти вперед, есть время возвращаться, нет только времени идти в одну сторону. Возвращаясь к нашим предшественникам, мы идем вперед в постижении тайн Бытия или следуем Путем мирового становления, который всё со временем поворачивает на свой лад, ибо этот лад благодатен для человека и всего сущего. На этой ноте и хотелось бы закончить, а там будь что будет.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ МИРОВОГО ЯПОНОВЕДЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКИХ ЯПОНОВЕДАХ ЗА РУБЕЖОМ

Японоведение можно определить как всестороннее изучение Японии: ее языка, истории, литературы, искусства, культуры, политики, экономики, общества, международных отношений и т. д. Оно включает в себя изучение Японии не только иностранцами, но и самими японцами. Поскольку Япония — архипелаг, расположенный у восточных берегов Азии, это предопределило существование длительной истории культурных заимствований из Китая и Кореи; соответственно, можно выделить три разновидности японоведения:

- 1) изучение Японии ее азиатскими соседями (Китаем, Кореей и др.);
- 2) изучение Японии в западных странах (начиная с Голландии, поскольку та имела особые отношения с Японией в течение двух с половиной веков ее изоляции в эпоху Токугава);
- 3) изучение Японии самими японцами.

Что касается последней разновидности, то комплексное изучение Японии в самой Японии — это относительно новое явление. Так, получить докторскую степень в области японоведения там стало возможным всего лишь десять лет назад, когда был создан Международный центр японских исследований (Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта — буквально «Международный центр по исследованию японской культуры») в Киото. До тех пор изучение Японии было раздроблено между различными факультетами (историческими, литературоведческими, политологическими и т. п.) университетов. Важнейшим событием в истории японского японоведения стала конференция в Киото, организованная Международным центром японских исследований и Японским фондом в октябре 1994 г. по случаю 1200-летнего юбилея Киото — исторической

столицы Японии. Я имел честь участвовать в этой конференции¹. В эпоху Токугава* изучение Японии (кокугаку) конкурировало в стране с изучением китайского наследия во всех его аспектах: религиозном (например, дзэн), философском (конфуцианство и неоконфуцианство), в искусстве, литературе и т. п.

В Китае японоведение также является относительно новым делом. Эгоцентричный и самодостаточный Китай редко обращал внимание на платившие ему дань соседние государства, в том числе и на Японию. Правда, строго говоря, Япония была китайским вассалом только в культурном смысле. Но когда Япония начала представлять угрозу выживанию китайской нации, китайцы стали уделять определенное внимание её изучению. Теперь в Китае имеются исследовательские институты, специализирующиеся на изучении Японии – как при правительстве, так и в ряде университетов. По мере развития китайского бизнеса, несомненно, появятся и соответствующие экономические исследовательские подразделения внутри крупных деловых структур.

История Японии тесно переплетена с историей Кореи. Продолжается острая дискуссия между исследователями обеих стран относительно исторической роли Кореи в развитии японской культуры, религии и искусства. С одной стороны, в Японии существует тенденция преуменьшать её роль в качестве источника знаний японцев о китайской цивилизации. С другой – горькое наследие японского колониализма продолжает серьезно воздействовать на корейских исследователей, которые склонны недооценивать японские достижения.

Обращаясь к западным (в том числе и русским) японоведам, т.е. к людям, заинтересованным в изучении Японии, следует, прежде всего, заметить, что не все они были учеными или журналистами, а представляли собой весьма разномасштабную публику. Действительно, поскольку в течение двух с половиной столетий Япония, в основном, была отрезана от остального мира, если не считать ежегодных заходов голландских кораблей в Нагасаки и контактов с Китаем, первыми западными людьми, приступившими к её изучению, были торговцы, естествоиспытатели, военные – в общем, те, кому представилась воз-

¹ Berton, Peter. The Psychological Dimensions of Japanese Negotiating Behavior. In «Kyoto Conference on Japanese Studies, 1994». Kyoto, International Research Center for Japanese Studies and The Japan Foundation, 1996. Vol. 1, p. 1-273-1-274. Кроме того, см. выступления д-ра Дои Такэо (Международный госпиталь св. Луки) и посла Эдамурэ Сумио (Министерство иностранных дел Японии) в дискуссии по докладу. Vol. 1, p. 1-285-1-292. Материалы конференции в Киото были изданы в 4-х томах.
* 1603–1867 – прим. пер.

можность посетить страну. Лучший пример такого рода, хорошо известный в России, – капитан Василий Головнин, захваченный японцами и проведший у них в плену три года. Описание им своей жизни в Японии, опубликованное по-английски в 1818 г., в начале XIX в. было бесценным источником информации о Японии и японцах².

Когда мы говорим о западных исследователях Японии прошлых веков, мы должны включать в их число ученых, журналистов, деловых людей, военных, художников, миссионеров, дипломатов и иных представителей различных чиновников. Характерной чертой ранних японоведческих исследований было то, что некоторые лучшие книги о Японии были написаны не профессиональными учеными, а любителями в лучшем смысле этого слова, т.е. людьми, любившими то, что они делали. Одним из известнейших специалистов по истории Японии был мой учитель сэр Джордж Сэнсом (автор богатого по содержанию исследования «Япония: краткая история культуры» и других работ), который был английским дипломатом, а не профессиональным ученым³. Он рассказывал нам, как ему удавалось выкраивать время, чтобы заниматься изучением японского языка, истории и культуры. Он прибыл в Японию перед самым началом русско-японской войны в 1904 г. в качестве атташе по экономическим вопросам и должен был писать еженедельные доклады о состоянии японо-британской торговли и общих тенденциях в экономике. Однако корабль, с которым отправлялись его сообщения, приходил в Йокогаму только раз в месяц, и это обстоятельство позволяло ему писать в каждом своем третьем или четвертом докладе: Как я и предсказывал в моих предыдущих отчетах...» Освобождавшееся благодаря этому время он использовал для того, чтобы стать первоклассным исследователем. Сравните эту ситуацию с положением современных дипломатов, которым приходится иметь дело с настоящи-

* Русское издание вышло в свет в 1816 г. – прим. пер.

² Golovnin, Vasilii Mikhailovich. Narrative of My Captivity in Japan, During the Years 1811, 1812 & 1813, by Captain Golownin, R.N. To which is added an account of voyages to the coast of Japan, and of negotiations with the Japanese, for the release of the author and his companions, by Captain Rikord. L., H. Colburn, 1818. 2 vols.

³ Вот некоторые из работ сэра Джорджа Бэйли Сэнсома (Sansom, George Bailey, Sir, 1883–1965): An Historical Grammar of Japanese. Richmond Surrey, Curzon Press, 1995 (xiv, 347 pp.; впервые опубликована в 1928 г.); Japan: A Short Cultural History. N.-Y., Appleton-Century-Crofts, 1962 (558 pp.; впервые опубликована в 1931 г.); A History of Japan. Stanford, CA, Stanford University Press, 1958–1963. 3 vols. (Vol. 1, to 1334; Vol. 2, 1334–1615; Vol. 3, 1615–1867); The Western World and Japan: A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures. N.-Y., Knopf, 1950 (504 pp.).

ми горами почты (в том числе и электронной), газетами и журналами, секретными разведывательными сводками, множеством посетителей и которые чуть ли не ежедневно вынуждены отчитываться о своей работе. Тем не менее даже сегодня встречаются дипломаты, которым удается писать не только глубокие по содержанию доклады (некоторые из них позднее рассекречиваются и публикуются), но и мемуары, содержащие интересные и тонкие зарисовки японской жизни. Художники, приезжающие в Японию, чтобы овладеть новыми художественными приемами, также способны внести вклад в изучение Японии, как это сделал, например, Бернард Лич, написав книгу «Горшечник в Японии»⁴.

Важную роль играют связи между иностранными японоведами и японцами, выезжающими за границу. Последние зачастую стимулировали интерес к Японии и подстегивали иностранцев к тому, чтобы посетить Японию или учиться там. Более того, во времена кризисов, таких как революция в России или период непосредственно перед второй мировой войной, некоторые японцы побуждали своих иностранных друзей выехать в Японию, чтобы избежать грозившей им опасности. Интересно, что некоторые из этих иностранцев стали выдающимися японоведами. Так обстояло дело с Сергеем Елисеевым и Александром Ванновским (о них речь пойдет далее), а также с моим коллегой по Южнокалийфорнийскому университету Полом Лэнгером из «Рэнд Корпорейшн» и многими другими. Когда Лэнгер изучал японскую литературу в Сорбонне, он подружился с японским дипломатом в Париже, и тот посоветовал продолжить учебу в Токийском Императорском университете, что обеспечило ему незаурядную японоведческую карьеру. Он стал выдающимся экспертом по Коммунистической партии Японии и по военно-политическим отношениям между Японией и Соединенными Штатами⁵.

⁴ Leach, Bernard. A Potter in Japan, 1952–1954. L., Faber and Faber, 1960. Лич также опубликовал сокращенный перевод работы Янаги Мунэёси (Соэцу) «Неизвестный ремесленник: японское понимание красоты» с предисловием Хамада Сёдзи (Yanagi Muneyoshi. The Unknown Craftsman: A Japanese Insight into Beauty. Tokyo and N.-Y., Kodansha International, 1989). Со своей стороны, Янаги написал введение к «Книге горшечника» Лича (Leach, Bernard. A Potter's Book. N.-Y., Transatlantic Arts, L., Faber and Faber, 1946).

⁵ Совместно со своим коллегой Роджером Сверингеном Лэнгер создал капитальную работу по Коммунистической партии Японии – «Красный флаг в Японии: международный коммунизм в действии, 1919–1951» (Red Flag in Japan: International Communism in Action, 1919–1951. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1952). Ёсида Тосукэ перевел эту книгу на японский под заглавием «Нихон-но акаи хата:

Весьма важны также отношения между японскими специалистами по той или иной стране и японоведами из этих стран. Для русских японоведов, например, важно иметь сведения о японских специалистах по России. Этому посвящены работы об изучении России в Японии и подготовке кадров для этого, выполненные мною и моими коллегами по Южнокалийфорнийскому университету Роджером Сверингеном и Полом Лэнгером⁶, и о русском влиянии на Японию, подготовленные мною вместе с Полом Лэнгером и Джорджем Тоттенем⁷.

Сентенция «знай врага своего» применима и к японоведению, поскольку восприятие Японии как потенциального противника стимулировало изучение этой страны русскими, американцами, англичанами и др. Япония превратилась в региональную державу в результате ее победы над Китаем в конце XIX в., и по крайней мере на столетие японоведение стало важным направлением деятельности крупнейших разведывательных служб. Царская разведка обратила серьезное внимание на Японию после того, как война с Китаем привела к конфронта-

Нихон кёсанто сандзюнэн си, 1919-нэн–1952-нэн» («Японский красный флаг: история Коммунистической партии Японии, 1919–1952»), Токио, Космопоритан ся, 1953. Одновременно они выпустили книгу: Paul F. Langer, A. Rodger Swearingen. Japanese Communism: An Annotated Bibliography of Works in the Japanese Language with a Chronology, 1921–1952 (N.-Y., International Secretariat, Institute of Pacific Relations, 1953). Позднее Лэнгер написал книгу: Communism in Japan: A Case of Political Naturalization. Stanford, CA, Hoover Institution Press, 1972, вышедшую в «Серии сравнительного изучения политики коммунистических партий» (Hoover Institution Series, № 30). Он также написал: Japan, Yesterday and Today (N.-Y., Holt, Rinehart and Winston, 1966) для серии «Современная цивилизация» этого издательства, а также: Japan: New Problems, New Promises (N.-Y., Foreign Policy Association, 1959) (Headline Series, № 134). За долгое время своей работы в «Рэнд Корпорейшн» Лэнгер написал много секретных докладов для американского правительства и несколько открытых монографий и статей. Вот некоторые из них: The Japanese Communists and their struggle for power; Japanese national security policy – domestic determinants; The US/Japanese military alliance: Japanese perceptions and the prospective impact of evolving US military doctrines and technologies; US-Japanese cooperation in energy; research and development; The Japanese space program: political and social implications; The Japanese civilian nuclear program; Japan and her Soviet neighbor during the interwar years: Japanese images and reactions; Japan's relations with China: a look into the future. Другие работы упоминаются в двух последующих сносках.

⁶ Peter Berton, Paul Langer, and Rodger Swearingen. Japanese Training and Research in the Russian Field. L.-A., University of Southern California Press, 1956 (xii+266 p.).

⁷ Peter Berton, Paul F. Langer, and George O. Totten (translators, contributors, and editors). The Russian Impact on Japan: Literature and Social Thought. Two Essays by Nobori Shomu and Akamatsu Katsumaro. L.-A., University of Southern California Press, 1981 (190 p.).

ции Японии с Россией на Корейском полуострове, прямым следствием которой стала русско-японская война. Интересно, что царская разведка сумела взломать японский дипломатический код за несколько десятилетий до аналогичного эффектного успеха разведки американского флота во время второй мировой войны. После того, как по окончании первой мировой войны Япония в результате Версальской конференции стала мировой державой, разведки крупнейших стран стали уделять ей еще больше внимания, и эта тенденция сохранялась вплоть до конца второй мировой войны.

Особенно мощный толчок развитие американского японоведения получило после начала военных действий между Японией и США, поскольку американскому правительству понадобилось большое число военных и гражданских специалистов, владевших японским языком. Конечно, имелись десятки тысяч американцев японского происхождения в первом и втором поколениях, однако они были интернированы и отправлены в лагеря для перемещенных лиц. Все *иссэй*, т.е. американцы японского происхождения в первом поколении, подозревались в нелояльности по отношению к Соединенным Штатам, а многие молодые *нисэй* (американцы во втором поколении) вообще не обучались японскому языку за исключением тех, кто был послан в Японию на учебу и вернулся в США до начала войны (поэтому их называли *кибэй*, т.е. «вернувшиеся в Америку»). Так что американское правительство начало подготовку сотен молодых способных белых студентов в специальных армейских и флотских школах по изучению японского языка, расположенных, в частности, в штатах Мичиган, Миннесота и Колорадо. Именно в этих школах начали изучать Японию многие будущие американские японоведы. Они усовершенствовали свои познания в японском языке во время тихоокеанской войны, в качестве сотрудников разведки допрашивая японских военнопленных, и затем участвовали в американской (формально — союзной) оккупации Японии. Среди наиболее ярких людей, проделавших такой путь, были Дональд Кин, выдающийся литературовед и переводчик и почетный профессор японского языка в Колумбийском университете, а также Джеймс Уильям Морли, специалист по японской внешней политике, редактор многотомной серии работ под общим названием «Тайхэй сэно-э-но мити (Путь Японии к войне на Тихом океане)», прежний директор Института Восточной Азии и почетный профессор политических наук в том же Колумбийском университете.

Вторая мировая война оказала глубочайшее воздействие на американское японоведение. Например, правительство США заказывало

научные проекты по японской тематике, наиболее известным из которых стало исследование японского национального характера, выполненное антропологом Рут Бенедикт. Хотя Бенедикт мало что знала о Японии, она постаралась прочитать все сколько-нибудь существенное, написанное об этой стране, и провела ряд интервью с теми, кому случалось жить в Японии или посещать ее, а также с американцами японского происхождения в первом поколении. Ее секретный доклад правительству был опубликован после войны под названием «Хризантема и меч», и эта книга вскоре сделалась одной из наиболее широко известных работ о японцах⁸.

К сожалению, разыгравшаяся вскоре после окончания второй мировой войны «холодная война» оказала негативное воздействие на развитие японоведения как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе. Одним из ее последствий было то, что в США как федеральное, так и частное финансирование обучения и исследовательских работ было направлено на изучение в первую очередь СССР и коммунистического Китая — в известной мере в ущерб ассигнованиям на японоведение. Кроме того, в рамках японских исследований в первую очередь финансировались темы, так или иначе связанные с «холодной войной»: такие как русско-японские и советско-японские отношения, японское коммунистическое, социалистическое и рабочее движение и т. п. Забавно, что в Соединенных Штатах серьезные монографии по Коммунистической⁹ и Социалистической¹⁰ партиям появились раньше, чем по игравшей в Японии гораздо более важную роль Либерально-демократической партии¹¹.

К счастью, когда Япония стала более богатой страной, ее правительство создало Японский фонд — полуправительственную организацию для содействия распространению японской культуры, во многом похожую на американские культурные центры, франко-японские дома или Институт Гёте и Британские советы. До создания Японского фонда консульства и посольства содействовали распространению культуры

⁸ Benedict, Ruth. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston, Houghton Mifflin, 1946 (324 p.).

⁹ Книга Сверингена и Лэнгера «Красный флаг в Японии» была опубликована в 1952 г.

¹⁰ Cole, Allan B., George O. Totten and Cecil H. Uyehara (с включением главы Роланда Дора [Roland P. Dore]). Socialist Parties in Postwar Japan. New Haven, Yale University Press, 1966 (xvi, 490 p.).

¹¹ Thayer, Nathaniel B. How the Conservatives Rule Japan. Princeton, Princeton University Press, 1969 (xiv, 349 p.).

своей страны за рубежом, организуя курсы *икэбана*, чайной церемонии и т. п. Обладая стройной административной структурой и достаточным бюджетом, Японский фонд поддерживает обучение японскому языку и вообще японоведческие исследования как в Японии, так и за рубежом, финансирует научные обмены, художественные выставки и всю совокупность культурной деятельности. Фонд также комплектует иностранные библиотеки книгами по японской тематике и предоставляет научные гранты наиболее заметным исследовательским организациям во многих странах.

Как и в Соединенных Штатах, в Советском Союзе «холодная война» имела негативные последствия для развития японоведческих исследований. Прежде всего, еще до начала второй мировой войны господствовавшая марксистско-ленинская идеология оказала уродующее воздействие на изучение Японии — впрочем, как и других «буржуазных» обществ. Исследования были ограничены политически правильными темами, такими как крестьянские восстания, забастовки рабочих и другие «противоречия» в японском обществе. После второй мировой войны много внимания уделялось несущественным или надуманным темам, например «переворужению» Японии и его угрозе для безопасности СССР, японскому «монополистическому капиталу» и т. п. Конечно, и в Советском Союзе были ученые, которые видели разницу между японской реальностью и ее политически детерминированным изображением в советской прессе. Однако, похоже, они не обладали каким-либо влиянием на формирование советской политики в отношении Японии, которое полностью находилось в руках твердокаменных идеологов. К счастью, когда Япония превратилась в экономическую сверхдержаву, центр тяжести в исследованиях сместился в сторону изучения японского менеджмента и «секретов» японского «экономического чуда» (подобно тому, как это имело место в Соединенных Штатах). По мере того, как роль Японии в мире возрастала, КГБ (под всеми его разнообразными именами) вкладывал все больше средств в изучение Японии и в свою деятельность там.

Национальная принадлежность того или иного японоведа и взаимоотношения его родной страны с Японией (будь они дружественными, нейтральными или враждебными) естественным образом влияли на его восприятие Японии. Надо заметить, что на рубеже XIX–XX вв. были явно заметны различия в тональности сообщений о Японии: они были благосклонными, когда исходили от союзных тогда Японии англичан, и неприязненными, когда исходили от русских, находившихся на грани столкновения с ней.

Однако были и важные исключения из этого общего правила. Например, бывает, что дипломат или ученый, проживший долгое время в той или иной стране, начинает воспринимать аргументацию в пользу ее интересов. Такой человек часто становится критиком политики собственной страны (о таких говорят, что он «стал аборигеном»). В другом случае иностранный японоведа, особенно тот, который прожил в Японии долгое время, слишком сближается с японским обществом и оказывается обманутым распространенной в нем риторикой (тем, что называется *татэмаэ* — официальным фасадом). Хорошим примером такого рода была убежденность большинства западных экспертов по Японии во время войны на Тихом океане в том, что японцы, следуя традициям самураев, будут сражаться на Японских островах до последнего человека против союзных сил вторжения, в том числе и в отчаянной партизанской войне во время оккупации уже после капитуляции. Потребовался эксперт не из числа профессиональных японоведов, вышеупомянутая Рут Бенедикт, которая смогла не согласиться с мнением большинства экспертов по Японии и в своем секретном докладе правительству утверждала, что японцы, скорее всего, подчинятся силе без сопротивления и сдадутся. Именно так и случилось после окончания войны на Тихом океане, когда они стали сотрудничать с американскими оккупационными властями в 1945–1952 гг.

Что касается Японии, то существует также тенденция, противоречащая высказанному ранее утверждению, что иностранец, живущий долгое время в той или иной стране, начинает принимать позицию этой страны. Многие иностранцы, почти постоянно жившие в Японии, стали менее дружелюбно относиться к этой стране, поскольку оказались неспособны полностью принять реалии японского общества.

Время прибытия японоведа на японские берега также влияло на его восприятие Японии. Другими словами, текущее состояние дел в Японии: была ли она в то время богата или бедна, могущественна или бессильна, стабильна или охвачена беспорядками, открыта миру или изолирована — все это оказывало воздействие на исследователя и на его анализ и прогнозы. Так, отношение к Японии приезжего иностранца-японоведа зависело от того, побывал ли он там во времена строгого проведения в жизнь законов об изоляции, или во время преобразований конца эпохи Токугава и начала эпохи Мэйдзи, или в исполненной самоуверенности Японии после ее побед над Китаем, Россией и Германией, или в относительно демократической стране 20-х годов, или в милитаристской и шовинистической Японии 30-х — начала 40-х годов.

Что касается американских японоведов, то я считаю, что именно это обстоятельство, в какое время ученый прибыл в Японию, окрашивает его восприятие этой страны и влияет на научный анализ. Я разделил бы американских японоведов на четыре категории:

- 1) довоенные (1930–1941) – те, кто впервые приехал в Японию до второй мировой войны;
- 2) времен союзной оккупации и послевоенного восстановления (1945 – ко-нец 50-х годов) – те, кто впервые ступил на японскую землю во время оккупации или вскоре после ее окончания;
- 3) периода социальных волнений (60-е – начало 70-х годов) – те, кто стал свидетелями демонстраций и беспорядков, сопровождавших пересмотр американо-японского договора безопасности, и студенческих волнений;
- 4) эпохи японского изобилия (с середины 70-х годов вплоть до настоящего времени) – те, кто прибыл в Японию, когда она стала второй экономической державой мира.

Японоведы первой из названных категорий впервые увидели Японию в ее наихудшем империалистическом и милитаристском качестве. Японцы в ряде случаев, особенно в Корее, Маньчжурии и собственно Китае, вели себя нагло, и это придавало соответствующую окраску тому, что американцы писали тогда о Японии. Больше всего это повлияло на людей, которые писали о Китае, и о Японии, и которые в большинстве случаев испытывали симпатию к Китаю, а в отношении Японии были настроены резко критически. Гарвардский профессор и будущий американский посол в Токио Эдвин О. Рэйшауер, возможно, был исключением, поскольку он родился в Японии и жил там ребенком в относительно демократический период Тайсё. В его работах заметно сочувственное отношение к Японии, несмотря на то, что его брат, Роберт Рэйшауер, также японовед и автор получивших высокую оценку книг как по древней японской истории, так и по современной ему политике, погиб под японскими бомбами в Шанхае в 1937 г.¹²

Как уже говорилось, многие будущие американские японоведы начали изучать Японию в школах японского языка американской армии и флота во время второй мировой войны и в дальнейшем участвовали в союзной оккупации Японии. Они видели разгромленную Японию: города в руинах, промышленность в параличе, голодные японцы подобо-

¹² Reischauer, Robert Karl (1907–1997). *Early Japanese History*. Princeton, Princeton University Press, 1937 (2 vols.); *Japan: Government-Politics*. N.-Y., Nelson and Sons, 1939. Переиздано в 1978 г. нью-йоркским издательством AMS Press.

Методологические проблемы мирового японоведения

страстны по отношению к оккупантам. Я убежден, что эта категория американских японоведов по-иному анализирует предмет своих исследований, нежели те, кто впервые приехал в Японию во времена процветания. То же самое можно сказать и о третьей категории, которая прибыла в Японию в период социальных волнений, и о четвертой группе, у которой нет собственных воспоминаний о милитаристской Японии, разрушенной стране или социальной нестабильности в ней.

Я предполагаю, что подобные различия существуют и в среде советских и российских японоведов, в зависимости от того, прибыли ли они впервые в Японию с советской миссией в периоды оккупации, или экономического восстановления, или во время, когда японская экономика взяла верх над советской. Несомненно, есть разница в восприятии Японии теми советскими и российскими японоведами, которые жили в Японии и видели страну своими собственными глазами, и теми, у кого не было возможности посетить Японию и которые должны были полагаться на искаженное представление о японской действительности в советской прессе.

Александр Ванновский

Интересный пример японоведа-любителя из числа русских эмигрантов являет собой Александр Алексеевич Ванновский (1874–1967), автор весьма оригинальной монографии о классическом японском памятнике «Кодзи-ки» под названием «Вулканы и солнце: новая концепция мифологии „Кодзики“»¹³. Строго говоря, он не был японоведом, но сумел воспользоваться японскими оригинальными источниками с помощью своего друга М. П. Григорьева, профессионального японоведа и великолепного знатока классического японского языка.

Александр родился 11 сентября 1874 г. в Тульской губернии, где его отец служил старшим адъютантом командира гарнизона. Его мать была дочерью помещика из Саратовской губернии¹⁴. Его политические взгляды сформировались под влиянием старшего брата Виктора, который стал профессиональным революционером и, подобно брату В. И. Ленину, имел крупные неприятности с царскими властями. Александр

¹³ Vannovsky, Alexander. *Volcanoes and the Sun: A New Concept of the Mythology of the Kojiki*. Tokyo, Bridgeway Press, 1960.

¹⁴ Ванновский, Александр. Воспоминания. Рукопись объемом 23 машинописных страницы на русском языке, датированная «11 марта 1954 г., Иокогама». Хранится в Нью-Йорке в Архиве устной истории библиотеки Батлера Колумбийского университета.

был одним из основателей Российской социал-демократической рабочей партии (позднее — Коммунистическая партия Советского Союза) на ее первом съезде в Минске в 1898 г.¹⁵, и в 1905 г. возглавлял неудачные восстания в Киеве и Москве¹⁶. Александр был сослан в Вологду, которая была прозвана тогда «Северными Афинами», потому что там находились в ссылке многие выдающиеся интеллектуалы, в том числе Николай Бердяев, который повлиял на развитие взглядов Ванновского, и с которым последний поддерживал контакт до 30-х годов¹⁷. После начала первой мировой войны Ванновский вступил в армию и позднее был послан в школу связистов в Петрограде, по окончании которой был назначен начальником радиостанции в Хабаровске. Там он и стал свидетелем революции и гражданской войны и пережил нервное расстройство¹⁸. Благодаря знакомству с Симано Сабуро, будущим основателем Японского исследовательского центра по проблемам России и Советского Союза при Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, а в то время — японским студентом в России, Ванновский сумел поселиться в Японии, где сделал успешную карьеру в качестве профессора русской литературы в университете Васэда¹⁹. Это еще один

¹⁵ Ванновский, Александр. Из истории РСДРП. — «Социалистический вестник». 1950, февраль, N-Y.

¹⁶ Ванновский, Александр. Воспоминания.

¹⁷ Рассказ А. А. Ванновского «Японский богатырь» и два письма к Н. А. Бердяеву. — Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 1994, с. 503–512. Ванновский описал свой переход от марксизма к тому, что сам он называл «религиозным социализмом».

¹⁸ Яковенко М. М. Владимир Иванович Яковенко. М., Российское общество медиков-литераторов, 1994. Мира Мстиславовна Яковенко, племянница жены Александра Ванновского Веры, посетила Ванновского в Японии после второй мировой войны и получила от него объемистые записки, касавшиеся его революционной деятельности.

¹⁹ См. издание Симано Сабуро дэнки канкокай (Общество по изданию биографических материалов о Симано Сабуро) «Симано Сабуро: мантэцу Сорэн дзёхо кацудо-ка-но сёгай (Симано Сабуро: жизнь человека, собиравшего информацию о Советском Союзе на Южно-Маньчжурской железной дороге)» (Токио, Хара сёбо, 1984, ххvii+548 с.), осуществленное при финансовой поддержке Мантэцукай (Общества компании Южно-Маньчжурской железной дороги) и представляющее собой подборку работ Симано (1893–1982) и воспоминаний о нем под редакцией Иссики Тацуо. Симано также помог Ванновскому в литературной деятельности, издав его книгу об Апокалипсисе: Ванновский, Александр. Третий завет и Апокалипсис: новые данные о жизни, личности и учении Спасителя мира. Токио, Симано Сабуро, 1965 (101 с.). Ванновский опубликовал также: *The Path of Jesus from Judaism to Christianity, as Conceived by Shakespeare*. Tokyo, Kenkyusha Press, 1962 (327 p.). В этой книге Ван-

Методологические проблемы мирового японоведения

пример того, как японцы, находившиеся или проживавшие за рубежом, способствовали приезду в Японию иностранцев, которые позднее внесли свой вклад в японоведение. В данном случае японский студент в России сумел привлечь в Японию человека, который в дальнейшем внес заметный вклад в изучение японской мифологии.

Некоторые сведения о профессоре Сергее Елисееве

Педагогический вклад профессора Сергея Елисеева в японоведение ограничивается, в основном, Францией и Соединенными Штатами. По словам одного из бывших учеников Елисеева, почетного профессора Гарвардского университета Говарда Хиббета, «по иронии судьбы, работа Сергея Елисеева в гораздо большей степени пошла на пользу Европе и Америке, чем его родной России»²⁰. Поистине жаль, что профессор Елисеев не мог участвовать в развитии японоведения и внести свой вклад в университетскую жизнь в стране, где он родился. Но приятно сознавать, что его вклад в конечном итоге оказался признан и оценен в его родной России, о чем свидетельствует проведение в Москве посвященной ему конференции в июле 1999 г. Приятно также, что Японский фонд счел возможным поддержать это достойное мероприятие.

Вместе с тем, исследовательский вклад профессора Елисеева был должным образом оценен во Франции, Соединенных Штатах и Японии. В 1946 г. французское правительство наградило его Орденом Почетного Легиона. В Соединенных Штатах он был избран председателем Американского восточного общества на 1954–55 гг., а когда в 1957 г. он оставил свою работу в Гарварде, ему был посвящен специальный номер основанного им ранее «Гарвардского журнала азиатских исследований»²¹. Гарвардские славословия включали в себя такие выражения, как «плодотворное лидерство», «высокие исследовательские стандарты», «карьера первопроходца» и «впечатляющий объем научных публикаций». Как писал один из корифеев американского японоведения и первый ученик Елисеева профессор (в дальнейшем посол)

новский проследил скрытые иудаистские мотивы в трагедии Шекспира «Гамлет». А в 1967 г. Симано сделал все необходимые распоряжения, связанные с организацией похорон Ванновского рядом с членами его семьи на кладбище Тама близ Токио.

²⁰ Hibbert, Howard S. et al. Serge Elisseeff: A Japan Scholar of «Wit, Warmth, Unflinching Zest». — «Harvard Gazette», May 27, 1977, p. 11 (некролог факультета искусств и наук).

²¹ «Harvard Journal of Asiatic Studies», Vol. 20, Part 1 (June 1957) & 2 (December 1957).

Эдвин О. Рейшауер: «С ним навсегда останутся неувядающее восхищение и любовь его бывших студентов и коллег в Америке — тех, кто всегда будут помнить его как глубокого и дотошного исследователя, требовательного и строгого учителя, способного воодушевлять лидера, верного друга и непревзойденного знатока искусства жить элегантно»²². В Японии профессор Елисеев в 1968 г. был награжден Орденом Священного Сокровища, а в 1973 г. — первой наградой Японского фонда в категории «Иностранные граждане, содействовавшие распространению знаний о Японии и японской культуре среди своих народов»²³.

После смерти С. Г. Елисеева группа его бывших студентов из Гарварда (включая Э. Рэйшауера) подписали некролог, написанный Г. Хиббетом, и поместили его в издании факультета искусств и наук. Он был озаглавлен «Сергей Елисеев: японоведа, полный ума, сердечности и неослабевающей энергии». В нем отмечалось, что профессор Елисеев особенно любил преподавать. Он щедро отдавал свое время лекционной работе и постоянно читал студентам японскую историю и литературу с 11:00 до 12:30 по вторникам и четвергам, «со свойственными ему умом, сердечностью и энергией, пока бой часов не напоминал о наступавшем в час дня времени ленча»²⁴. Впрочем, его легко было отвлечь: один его бывший студент вспоминал, что однажды, когда он пришел неподготовленным на урок классического японского языка, он задал невразумительный вопрос, вроде «а как японские монахины завязывают *оби*?» Профессор погрузился в долгие рассуждения, и сложное место в переводе было забыто²⁵. С. Елисеев говорил по-русски, по-французски (на этом языке он говорил дома, чтобы прислуга его не понимала), по-немецки, по-английски, по-гречески, на латыни, по-японски, по-китайски, по-корейски и по-маньчжурски. Он читал лекции по-русски, по-французски и по-английски и говорил, что думает по-французски, за исключением тех случаев, когда устает и начинает думать по-русски. У него было прекрасное чувство юмора. Будучи отличным студентом, он удостоился места в первом ряду выпускников Токийского Императорского университета. В 1912 г. церемония присвоения

²² Reischauer, Edwin O. Serge Eliseeff. — "Harvard Journal of Asiatic Studies", Vol. 20, Part 1 (June 1957), p. 28.

²³ См. примечание 20.

²⁴ Там же.

* Матерчатый пояс. — Прим. переводчика.

²⁵ Об этом мне рассказал в частной беседе в июне 1999 г. профессор Генри Розовски.

Методологические проблемы мирового японоведения

ния дипломов стала последним появлением на людях императора Мэйдзи, и С. Елисеев в шутку предположил, что потрясение от того, что император увидел европейское лицо среди дипломантов, ускорило его кончину²⁶.

Профессор Сергей Елисеев был первым западным студентом, принятым в Токийский Императорский университет, и может считаться первым профессионалом (в отличие от любителей) среди японоведов во всем мире. Да, многочисленные административные и педагогические обязанности и неумное стремление наслаждаться жизнью (то, что французы называют *joie de vivre* — радость жизни) помешали профессору Елисееву создать какой-либо монументальный труд. Правда, профессиональному английскому дипломату и японоведу-«любителю» Джорджу Сэнсому каким-то образом удалось выкроить время среди своих служебных обязанностей, чтобы написать полдюжины книг о Японии, которые выдержали проверку временем и в дальнейшем переиздавались... Я подозреваю, что сама широта интересов Сергея Елисеева, возможно, привела к тому, что он не мог достаточно глубоко погрузиться в какой-либо один предмет, а его стремление сидеть за письменный стол лишь при благоприятных обстоятельствах было другой причиной, помешавшей ему отложить в сторону все другие дела и сконцентрироваться на долгосрочном проекте, результатом которого стала бы монументальная работа.

²⁶ См. примечание 20.

Исабель Шарье

СЕРГЕЙ ЕЛИСЕЕВ И СОВРЕМЕННОЕ ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО

Мой доклад посвящен работе Сергея Елисеева «Современная живопись в Японии» (Гэндай Нихон кайга соси), опубликованной в 1923 г. издательством Э. де Воккар (Париж).

Как явствует из предисловия Вада Эйсаку, книга увидела свет по случаю выставки японского искусства в Салоне 1922 г., проведенной в национальных выставочных залах Большого дворца в Париже. По словам этого профессора Токийской Школы изящных искусств, неинформированность французской публики о современной японской живописи вызвала необходимость прибегнуть к услугам одного из специалистов того времени, Сергея Елисеева, «выпускника Токийского Императорского университета, который провел многие годы в Японии и изучал литературу и японское искусство»¹.

С 1923 по 1991 г., когда появилась книга, написанная на основе моей диссертации, «Современная японская живопись с 1750 года до наших дней»², на эту тему не было опубликовано ни одной работы на французском языке. Как это ни парадоксально, несмотря на популярность искусства *укиё-э*, при увлечении Японией, которое пришло в конце шестидесятых годов XIX в., любители искусства и искусствovedы практически не интересовались эволюцией японского искусства эпохи Мэйдзи (1868–1911 – прим. пер.). Как отмечал сам Елисеев, критики и любители увлекались японским искусством прошлого и были весьма сдержанны в оценках его современного состояния и подверженности влиянию западного искусства.

¹ La peinture contemporaine au Japon, Editions de Boccard, Paris, 1923, p. 2.
² Editions La Manufacture. Besançon.

Сергей Елисеев и современное японское искусство

Выставка японского искусства в Салоне 1922 г. в Париже и ее японские организаторы

В ответ на приглашение французских художников их японским коллегам принять участие в Салоне Национального общества изящных искусств японское правительство и меценат из делового мира Кисимото дали согласие взять под свой патронаж организацию японской выставки. Ими были отобраны работы Кумэ Кэйитиро (1866–1934), Вада Эйсаку (1874–1958) и Нагатоти Хидэта (1873–1941) – преподавателей Токийской Школы изящных искусств и Школы декоративных искусств. Все эти художники придерживались европейских канонов и какое-то время жили в Париже, где изучали западную живопись.

Самым известным и влиятельным из них был Кумэ Кэйитиро, разделяя славу с Курода Сэйки (1866–1924). Приехав в Париж в 1886 г., он записался в академию Колларози, где брал уроки у Рафаэля Коллена, французского художника академического направления. Вернувшись в Японию в 1893 г., вместе со своим другом Курода Сэйки открыл мастерскую западного стиля – Тэнсин Додзё. В 1896 г. оба они возглавили отделение живописи западного стиля Токийской Школы изящных искусств. Тогда же они учредили сообщество художников «Белая лошадь» (Хакуба-кай), влияние которого до его роспуска в 1911 г. было преобладающим в художественных кругах Японии.

Вада Эйсаку, ученик Курода Сэйки, получил стипендию Министерства образования и, в свою очередь, брал уроки у Рафаэля Коллена. На всемирной выставке 1900 г. он выставил картину маслом «Вечерний паром»³, написанную в 1897 г. под руководством Курода Сэйки. В 1902 г. его картина «Ностальгия»⁴ выставлялась в Салоне французских художников.

Некоторое время Вада Эйсаку провел в небольшой деревушке Грез сюр Луэн, где занимался живописью вместе с Асаи Тю (1856–1907), еще одним известным японским художником западной школы. По возвращении в Японию в 1903 г. он стал одним из выдающихся художников Токийской Школы изящных искусств.

Нагатоти Хидэта был учеником Мацуока Хисаси (1862–1964), одного из первых японских художников западной школы, который брал уроки у итальянского художника Антонио Фонтанези, преподававшего в Школе искусств и ремесел Технологического университета Токио (Кобу бидзюцу гакко) в 1876–1978 гг. В 1892 г. Нагатоти, член первой Ассо-

³ Torô no yugure, 1897, huile sur toile, 126x190cm, Ecole des Beaux-Arts de Tôkyô.

⁴ Shikyo, 1902, huile sur toile, 95,8x67,3cm, Ecole des Beaux-Arts de Tokyo.

циации живописи западного стиля, поступил в Институт живописи Художественной ассоциации Мэйдзи (Мэйдзи бидзюцу-кай) и в 1894 г. защитил диплом. В 1902 г. он стал участником нового коллектива художников – Ассоциации живописцев Тихоокеанского региона (Тайхэй бидзюцу-кай). Его картины выставлялись в национальном салоне Бунтэн. В 1921–1923 гг. стажировался во Франции, получив стипендию Министерства иностранных дел Японии. По окончании выставки японского искусства Нагати Хидэта получил Орден Почетного Легиона.

Как явствует из каталога выставки, несмотря на трудности в получении старых работ, в Париж были направлены 97 произведений XVII и XVIII вв. из государственных и частных коллекций. Были выставлены также 388 современных работ, в том числе 27 кимоно, 43 зонтика, 97 свитков и десяток рисунков, 36 картин маслом, 14 скульптур из дерева, 7 – из бронзы, 22 – из алебаstra. Были представлены также 72 предмета декоративного искусства, в том числе 30 старинных.

История культурных отношений между Францией и Японией началась в 1867 г. с участием японцев в Парижской Всемирной выставке. Увлеченность Запада японским искусством, японский стиль стали важными факторами становления современной западной живописи в конце XIX – начале XX столетия. Вызывали восхищение, например, эстампы на народные темы, созданные великим художником Хокусая. Несмотря на такую увлеченность японским искусством, на Западе о нем, по существу, знали немного и лишь об отдельных периодах его развития. Отсюда вытекает особое значение выставки 1922 г., которая включала большое число работ современных художников, в том числе картины маслом.

Выставке были посвящены статьи в трех журналах – «Art et Decoration», «La Revue de L'art» и «La Gazette des beaux-Arts». Их авторы (Аман-Жан, Жанна Дуан и Луи Уртик) единодушно дают высокую оценку представленным на ней работам. Они отмечают высокую эстетическую ценность традиционного японского искусства и работ японских ремесленников. В этих суждениях они недалеки от выводов первых ценителей японского искусства последней четверти XIX в., в частности Самуэля Бинга, издателя знаменитого журнала.

Аман-Жан в «La Revue de L'art» определяет особенность японской живописи как искусство штриха. Его анализ основан на сравнении западной и восточной живописи. Он упоминает только одну работу – произведение Такзуты Сэйхо (1864–1942), патриарха школы традиционной живописи Киото. Не обладая глубоким знанием японской культуры и не в силах вынести профессионального суждения, он сознательно ограничивает себя общими местами.

Жанна Дуэн в «La Gazette des beaux-Arts» обращает внимание на разнородный характер выставленных работ. Акварели продолжают дело мэтров прошлого, картины же маслом представляют собой результат изысканий, осуществленных на Западе. В отличие от Амана-Жана, она пытается выявить традиционные темы в современной японской живописи. Она обращает внимание на отсутствие чувства в японской манере письма и подчеркивает, что Японии нечему учиться у Запада в области живописи и что её характер определяется «независимостью и изоляцией».

Луи Уртик уделяет еще большее внимание сравнению японского искусства с искусством западным. Подчеркивая, что на Западе со времен Возрождения пейзаж ставится в обрамление и строится методом геометрической перспективы, он отмечает: «...японский пейзаж необрамлен, расплывчив и лишен глубины». Фигуры даны плоскостно, нерельефно. При этом он признает техничность японских художников: «Японцы представляются мне мастерами, у которых преобладает страсть к техническому совершенству». По его словам, японцы превосходно изображают человека и животных: «впечатление жизненности изумительно». Последнюю часть статьи он посвящает влиянию японского искусства на искусство западное – на импрессионистов, Уистлера, Дега и Лотрека. Это взаимовлияние сыграло положительную роль для западного искусства, «ибо японский опыт помог нашим импрессионистам освободиться от строгой композиции и от геометрической перспективы». В то же время оно оказалось пагубным для японской живописи, которая, работая маслом и используя линейную перспективу, теряет свои национальные особенности. «Иными словами, он (японский художник) полностью становится европейцем, и его происхождение открывается только тогда, когда он рисует персонажей своего народа. Овладевая новым стилем и новым мастерством, – считает Уртик, – японец и мыслит иначе. Эти европеизированные японцы забывают о своей национальности».

Итак, критика того времени единодушно восхищалась старинным и традиционным искусством Японии и была скептически настроена в отношении современных работ. Ей представлялось, что японцы утрачивают душу, подражая западному искусству.

Контекст современного искусства Японии в эпоху Мэйдзи

В библиографии Сергей Елисеев упоминает работу Эрнеста Ферноллозы, выпускника Гарвардского университета, профессора политических наук, который приехал в Японию в 1879 г. и стал препода-

вателем Токийского Императорского университета. В 1882 г. он выступил с лекцией в защиту традиционного японского искусства – «Что есть подлинное искусство» (*Бидзюцу-но синсэцу*). Министерство образования Японии воспользовалось его услугами в качестве советника. «Феноллоза был переведен из университета в комиссию по вопросам изящных искусств, действовавшую под эгидой Министерства образования и императорского двора. В следующем году он с двумя японскими коллегами был направлен за границу для изучения европейского опыта в развитии художественного творчества и образования. Делегация посетила все крупные европейские города и приобрела для нужд Японии большое число фотографий и книг», – пишет в мемуарах его жена Мэри.

Феноллоза участвовал в создании крупных музеев: Императорского Токийского (Тэйкоку Токё хакубуцукан) в 1889 г., Императорского музея в Киото (Тэйкоку Кёто хакубуцукан) в 1897 г. и Императорского музея в Нара (Тэйкоку Нара хакубуцукан) в 1895 г. Вместе с Окакура Тэнсин (1913–1962) он основал Токийскую Школу изящных искусств (Токио Бидзюцу гакко) в 1889 г. По окончании пребывания в Японии Феноллоза получил из рук императора высшую награду – Орден Зеркала за заслуги в сохранении японских традиций.

По возвращении в 1890 г. в Соединенные Штаты он стал директором бостонского Музея искусств Дальнего Востока, где были помещены в основном его собственные собрания редкостей, которые по совету художника Кано Эйтоку он собирал во время своих поездок по стране. В 1912 г. в Лондоне он опубликовал книгу «Периодизация развития искусств Китая и Японии». Эта работа содержит интерпретацию истории искусства в духе Платона и Аристотеля, ставя на первый план проблему художественного идеала. Встав на защиту традиции, Феноллоза категорически отвергает современную японскую живопись, подверженную влиянию западной школы. Но в истории древнего искусства он отдает предпочтение школе Кано, не признавая «образованных художников», которых упрекает в дилетантстве и отрыве от традиции.

Феноллоза первым стал преподавать историю изящных искусств (*бидзюцу-си*) и эстетику. После его отъезда из Японии преподавание этих предметов продолжил его ученик Окакура Тэнсин, который в 1890–1894 гг. занимал пост директора Токийской Школы изящных искусств. В 1879 г. Феноллоза читал также курс эстетики (*синбигаку*) в Токийском Императорском университете. Через два года этот курс был назван «История эстетики и изящных искусств» (*бигаку-бидзюцу*

Сергей Елисеев и современное японское искусство

си). В Токийской школе изящных искусств речь шла о новом искусстве. Эстетика преподавалась по методике германского философа Эдуарда ван Гартмана (1842–1906).

Окакура Тэнсин основал журнал «Кэikka», на который неоднократно ссылается Сергей Елисеев⁵. Он упоминает также работу Окума Сигэнобу (1878–1922), одного из руководителей Министерства иностранных дел и видного политического деятеля эпохи Мэйдзи. Окума Сигэнобу был весьма активен в подготовке участия Японии в Венской Всемирной выставке 1873 г. Это он ввел в оборот неологизм *бидзюцу*, переведя таким образом немецкий термин «*kunotgewerbe*» («производство искусства»). Это определение приводится в циркуляре, направленном в правительственные ведомства (*сюппин сясидаси кандзёсё*) с предложением подготовить выставочные экспонаты: «*Бидзюцу* на Западе – это музыка (*онгаку*), живопись (*гагаку*), скульптура (*дзо-о цукуру бидзюцу*) и поэзия (*сигаку*)»⁶.

Следует упомянуть также «Историю искусства Японии», составленную Императорским музеем для Парижской Всемирной выставки 1900 г. Ее авторы – Фукути Матаити и Ки Ёсио. Вступление написано бароном Куки Рюти, который был куратором правительственных ведомств, занимавшихся охраной древностей, вступление – Хаяси Тадамаса (1851–1906), торговцем произведениями живописи, прославившимся продвижением на Запад гравюр Хокусаи. Книга, переведенная Эммануэлем Тронкуа, была опубликована Императорской комиссией Японии на Парижской Всемирной выставке 1900 г.

Дискуссия по проблемам современного искусства отражена на страницах журнала «*Revue Ebisu*»⁷.

В 1890 г. профессор филологического факультета Токийского Императорского университета Тояма Масакадзу (1848–1900) начал дискуссию о будущем японской живописи, выступив 27 апреля 1890 г. с лекцией, публиковавшейся в «Токио Асахи Симбун» с 30 апреля по 6 мая 1890 г. Хаяси Тадамаса ответил ему в речи, которую произнес 21 мая 1890 г. перед членами Ассоциации искусства эпохи Мэйдзи. Затем писатель Мори Огай (1866–1922) выступил в журнале «Сирагами» (майский и апрельский номера 1890 г.) с двумя памфле-

⁵ № 284, vol. XXIV, 1914, № 314, vol. XXVII, 1916–1917, № 280, 265, 1912.

⁶ Fifty years of New Japan, compiled by Count Shigenobu Okuma. English version by Marcus B. Huish, London, Smith Elder et cie, 1909.

⁷ Débat sur l'avenir de l'art dans le Japon de l'époque Meiji, *Revue Ebisu*, № 12, janvier–décembre 1996, pp. 154–180.

тами против Тояма Масакадзу. Дальнейшие дебаты выявили различия в позициях сторонников живописи, ориентированной на западные образцы.

Для Тояма модернизация искусства означала выбор сюжетов, отвечающих современной ему японской жизни. Призывая художников перейти от этапа подражания к подлинному творчеству, Хаяси Тадамаса провозглашал необходимость овладеть реалистическим мастерством западных художников, чтобы выразить японскую мысль своего времени. Мори Огай выступал против тезиса Тояма, требуя независимости живописи по отношению к вкусам дня. Все трое, однако, соглашались в том, что овладение техникой западного искусства необходимо для японского художника.

Все они при этом были убеждены в необходимости открытости по отношению к Западу и выступали против попыток реставрации, которой требовали неотрадиционалисты типа Окакура Тэнсин, что им казалось шагом назад. Проблема модернизации стояла перед японскими руководителями со времени эпохи Мэйдзи. При создании Школы искусств и ремесел (Кобу бидзюцу гакко) в 1876 г. министр технологии и образования заявил: «Школа искусств и ремесел создается для того, чтобы изменить стиль искусства древней Японии с помощью новых европейских технологий... исправить недостатки искусства нашей страны, начать поиск нового реалистического стиля и достичь уровня, подобного европейской школе»⁸.

По инициативе Феноллозы японское правительство проводит с 1882 г. политику защиты культурного наследия, что ставит под вопрос преподавание западного искусства. Школа искусств и ремесел закрывается в 1883 г., и художники, рисуящие маслом, лишаются возможности совершенствовать свое мастерство вплоть до 1896 г., когда было создано отделение западной живописи в Токийской школе изящных искусств. В 1890 г. они создают первую ассоциацию западного искусства – Ассоциацию живописи (Мэйдзи бидзюцу-кай), выступив за развитие современного искусства. Однако даже Окакура Тэнсин требовал адаптации традиции к условиям современности путем использования некоторых элементов западного стиля, таких, как интерес к анатомии и рисунок с натуры. Итак, неотрадиционалисты и поклонники западного искусства в равной мере были убеждены в необходимости адаптации к современности.

⁸ Aoki Shigeru, Fontanesi io bijutsu gakkō (Фантазии и школа изящных искусств), revue Nihon kindai bijutsu.

Книга Сергея Елисеева «Современное японское искусство»

Сергей Елисеев приступил к написанию своей работы в особой обстановке: Япония вступила в ряды великих держав, японское искусство повсюду вошло в моду. Западные ученые, такие как Феноллоза, говорят о великой традиции, и правительство приступает к политике сохранения культурных шедевров. Мы уже убедились, что в развитии искусства новой Японии с самого начала выделились два направления: изучение западной эстетики и поиск в области дальневосточного искусства. Игнорируемое академическим образованием и политикой сохранения культурного наследия, современное японское искусство оставалось уделом журналистов и критиков.

Сергей Елисеев проявил себя подлинным знатоком японской цивилизации и хорошо подготовленным художественным критиком. Проживая с 1920 г. во Франции как эмигрант, бежавший от новых властей своей страны, он преподавал в Сорбонне. Как студент Токийского Императорского университета, проживший много лет в Японии, он был хорошо известен в японских академических кругах, и Посольство Японии во Франции обратилось к нему с просьбой написать работу о современной японской живописи.

С. Г. Елисеев, работая над книгой, использует свой японский опыт и эрудицию и, казалось бы, вновь переживает то, что видел в Японии. В отличие от Феноллозы, который рассматривал японское искусство под определенным философским углом, он более восприимчив к японской эстетике. Наконец, будучи свидетелем эволюции Японии в эпоху Мэйдзи, он хорошо представляет себе значение модернизации для этой страны. В отличие от навязанных Феноллозой взглядов, консервирующих прошлое, он подчеркивает жизненность получающего развитие японского искусства.

С. Г. Елисеев отходит от концепции Феноллозы, хотя тот и считался самым крупным специалистом в области китайского и японского искусства. Он не применяет к Японии западные критерии (понятие искусства и т. д.). Наоборот, Елисеев рассматривает японское искусство в целом, изучая его именно в японском контексте, и, не высказывая категорических суждений, стремится выявить характерные особенности различных стилей.

Книга состоит из трех частей:

– Исторический аспект развития японской живописи.

- Японская живопись в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1900).
- Характерные черты современной японской живописи, японские художники.

В первой части С. Г. Елисеев кратко характеризует японскую живопись в ее главных составных частях, говоря о буддийском влиянии, появлении национальной школы *ямато-э*, развитии школы Кано с конца эпохи Муромати (1392–1568 – *прим. пер.*) до завершения эпохи Эдо (1603–1867 – *прим. пер.*). Он рассказывает также о различных художественных школах периода сёгуната, подчеркивая их эклектический характер.

Во второй части С. Г. Елисеев говорит о влиянии западного искусства на японскую живопись, в частности о роли реализма в развитии художественного направления западного типа. Одновременно он рассказывает о развитии традиционной живописи под влиянием Феноллозы – сторонника сохранения традиции японского искусства и его ученика Окакура Тэнсин, всячески пропагандировавшего традиционную живопись.

В третьей части анализу отдельных работ предпосланы краткие биографии японских художников, представленных в Салоне 1922 г. На выставку были направлены произведения художников обеих школ – западной и традиционной. Автор говорит, например, о Кусида Рюсэй (1891–1929), молодом художнике западной школы, выпускнике Токийской Школы изящных искусств, представлявшем крайний авангард. Упоминается также Ёкояма Тайкан (1868–1958), представлявший живопись традиционного типа, в которой он был лидером. Отзыв С. Г. Елисеева о работах японских художников неизменно предметен, ибо он характеризует их с точки зрения традиционной дальневосточной эстетики.

«История современного японского искусства» С. Г. Елисеева начинается с эпохи Эдо и завершается 1900 г. Здесь нужно кое-что пояснить. Влияние Окакура Тэнсин в художественном мире Японии постепенно ослабевало. Над ним брала верх более консервативная группировка, и в 1897 г. он вынужден был уйти с поста директора Школы изящных искусств. Окакура Тэнсин оставался в немилости до самой своей смерти. Основанное им направление новой традиционной живописи подвергалось суровой критике. Когда Окакура Тэнсин ушел из своей Школы изящных искусств в Институт изящных искусств (Нихон бидзюцуин), основанный в свое время на средства богатого американского коллекционера Уильяма С. Байджелуо и придерживавшийся этого же направления, также был подвергнут нападкам со стороны офи-

циальных лиц и влачил с тех пор жалкое существование. Только благодаря своему ученику Ёкояма Тайкан Окакура Тэнсин посмертно обрел славу патриарха современной японской живописи. То было время, когда Япония взяла на вооружение великодержавную идеологию, которая господствовала в стране с тридцатых годов до конца второй мировой войны.

С. Г. Елисеев упоминает также Такахаси Юити (1894–1928) как одного из наиболее талантливых представителей западной школы. Этот художник (а не Курода Сэйки, о котором идет речь в тексте) полностью выпал из сферы внимания японского искусствоведения, пока в 1964 г. не была организована ретроспективная выставка его работ по случаю семидесятилетия со дня смерти. Искусствоведы Хидзиката Тэйити и Хага Тору вернули ему роль пионера современного японского искусства.

Остановившись на рубеже столетий, С. Г. Елисеев не мог использовать журнал «Сиракаба» («Береза»), основанный в 1910 г. Этот ежемесячник знакомил читателей с авангардистскими направлениями в европейском искусстве, публикуя специальные номера о творчестве Гогена, Сезанна, Ренуара, Ван Гога, Тулуз Лотрека, Мане, Руссо, Матисса, Пикассо. Все представители нового поколения японских художников, такие, как Кисида Рюсэй, представленные на выставке 1922 г., читали эти издания. Ассоциация «Сиракаба» организовала выставки, на которых японская публика впервые знакомилась с репродукциями, литографиями, фотографиями и даже некоторыми оригинальными работами европейских художников. Вот что пишет Кисида Рюсэй: «Впервые я купил второй выпуск, затем третий, апрельский. Этот номер был посвящен импрессионизму, к которому я испытывал большой интерес. Помню, что мне достался также номер о жизни Ренуара, его картинах, которые произвели на меня большое впечатление. В том же году я купил выпуск о Ван Гогe (ноябрь 1911 г.)»⁹.

Итак, приступая к чтению «Истории современной живописи в Японии», удивляешься, как не раз, несмотря на разрыв во времени, автору удавалось выявлять тенденции, сохраняющие силу до наших дней. Уже в 1922 г. С. Г. Елисеев четко характеризует особенности современной японской живописи: различия между двумя школами, эклектизм и мастерство японских художников.

В 80-е годы, приступая к работе над диссертацией, я исходила из тех же посылок и пришла к схожим заключениям, используя докумен-

⁹ Toyama Usaburô, *Nihon yôga-shi* (История живописи западного стиля), Meiji gakki, Tôkyô, p. 182.

тальную основу, более широкую, чем та, которой располагал С. Г. Елисеев при написании своей книги — неплохого каталога японской выставки в Салоне 1922 г.

Я выявила ту же двойственность — западный стиль (*ёга*) и традиционный стиль (*нихонга*), и мне удалось пролить свет на качество современных японских работ. Эти работы получают сегодня международное признание. На протяжении последних пятнадцати лет в Европе и в Соединенных Штатах прошло несколько крупных выставок современного японского искусства. Упомянем среди них «Авангардистская Япония» (Центр Жоржа Помпиду, 1986–1987) и «Японское искусство после 1945 г.», которая, будучи организована Музеем Гугенхайма в Нью-Йорке (1995), совершила турне по Соединенным Штатам.

Я отметила живучесть японской эстетики, проявляющейся в самых современных работах, даже тех из них, которые выполнены в строгих канонах западной живописи.

Сергей Елисеев дистанцируется от японофилов, прославляющих одни и те же работы Хokusai и искусство народного эстампа, которым он находит место в общей истории японского искусства. Но, отмечая роль древнего искусства и искусства буддийского, как и школы Кано, он далек от того, чтобы считать, что современное искусство утрачивает свое значение. Так, С. Г. Елисеев подчеркивает: «В историческом развитии искусства Японии отмечается забота каждой новой школы о том, чтобы использовать достоинства других стилей и создать эклектический стиль с целью дойти до самых древних истоков и придать им современный вид. Такова была тенденция времен эпохи Мэйдзи».

В то же время, вопреки общепринятому мнению о том, что работы западного стиля вдохновлены только Западом, а традиционные — только традицией, С. Г. Елисеев отмечает, что в каждом из двух случаев присутствуют обе составляющие и работы традиционного стиля могут отражать западное влияние, как и работы западного стиля — влияние традиционное.

Заслуживает внимания вывод, который он делает в отношении современного японского искусства: вместо того, чтобы критиковать западную школу, как поступают японофилы, Елисеев подчеркивает, что замкнутость в традиции может перекрыть дорогу творчеству.

Качество произведения искусства, как известно, зависит от индивидуальности художника, каким бы ни был его стиль. Он говорит в заключение о художниках западного стиля: «Более того, душа художника сохраняет в неприкосновенности свою японскую сущность и в европейских формах, которые слегка изменены из-за традиционного поль-

зования кистью. Благодаря национальной манере письма, которая кажется европейцам странной и даже ущербной, японский художник с удивительной тонкостью умеет передать свои представления о мире, свое особое отношение к природе и вещам, что резко отличает его от художника Запада».

С. Г. Елисеев полностью расходится с критиками типа упомянутого выше Луи Уртика, который называл «европеизированными японцами» японских художников, пишущих маслом, ибо никому, считал он, не придет в голову называть «японизированными европейцами» Ван Гога или Моне за то, что в их работах отражается влияние японского эстампа. По его мнению, японские художники западного стиля по-своему понимают живопись маслом, как Ван Гог или Моне свободно вдохновлялись японскими эстампами, с которыми они могли ознакомиться. Но утверждать, как это делает Жанна Дуен, что японцы лучше всего выражают себя в изолированности, не имеет смысла, ибо контакты между культурами лежат в основе большей части великих работ XIX и XX столетий. Сергей Елисеев, таким образом, полностью отдает себе отчет в важности новаторских усилий японских художников западного стиля. Слова одного из первых представителей этого направления Такахаши Юити показательны в этом отношении: «Художественный гений, будучи даром неба, не может полностью исчезнуть из творческого произведения, каким бы ни был метод его автора и какими бы ни были новые выразительные средства, использованные в процессе творчества. Наоборот, в таких случаях, как это ни парадоксально, новаторство само по себе становится жизненно важным для совершенного проявления национального гения»¹⁰.

Интерпретация Сергея Елисеева идет в том же направлении, что и современные исследования в области японского искусства. Действительно, с восьмидесятых годов, с создания Общества истории искусства Мэйдзи, исследователи специально обратились к этой эпохе, которой ранее практически не уделялось внимания. Благодаря работам таких искусствоведов, как Такашина Сюдзи¹¹, Хара Тору¹², а также недавним и весьма интересным работам Китадзава Нориаки в «Мэ-но

¹⁰ Haga Tôry, «The formation of realism in Meiji painting: the Artistic Career of Takahashi Yuichi», in *Tradition and Modernization in Japanese Culture*, ed. par Donald H. Shively, Princeton university Press, 1976, p. 254.

¹¹ Débat sur l'histoire de l'art moderne japonais, Nihon kindai bijuisushi-ron, Kodansha, Tôkyô, 1969.

¹² Kaiga no ryôbun, [Le domaine de la peinture], Asahi Shinbunsha, Tôkyô, 1992.

Синдэн» («Храм зрения»)¹³ процесс развития современных тенденций в японском искусстве стал предметом многочисленных исследований¹⁴, которые проливают новый свет на произведения художников этого поколения. В их творчестве более не ищут влияния той или иной европейской школы. Наоборот, признается, что они обладают оригинальностью, свойственной современному японскому искусству.

Сергей Елисеев – выдающийся японовед и историк искусства

В ходе этой конференции была отмечена фундаментальная роль Сергея Елисеева в развитии мирового японоведения. Став профессором Гарвардского университета, он подготовил выдающихся специалистов американской школы.

Работа, написанная на заре его карьеры, может выглядеть, как выходящая за рамки его педагогической деятельности, которая принесла ему широкую известность. Мне представляется, однако, что книга «Современное искусство в Японии» является фундаментальным и уникальным исследованием, ибо Сергей Елисеев, в отличие от своих современников, не отнесся к избранной им теме с легкостью и создал труд, сохраняющий актуальность до наших дней. Он работал в контексте истории японского искусства, избегая обращения к европейским критериям. Только Сергей Елисеев в тот период использовал на Западе такой метод. Он не отдавал предпочтения какой-либо одной школе, в отличие от Окакура Тэнсин, который создавал художественное направление, выделяя одни аспекты японского искусства в ущерб другим. Наоборот, благодаря краткости, отточенности и ясности своего стиля, Сергей Елисеев представил нам панораму японского искусства, не упуская ни одного значительного имени и не отдавая предпочтения одной школе перед другой. Его работа доступна для любителей и представляет интерес для специалистов. Его дискурс лишен какой-либо консервативной идеологии, которая ставит в привилегированное положение традицию в ущерб современному творчеству.

Наконец, в его книге нет никакого следа даже скрытого европоцентризма, который исходит из того, что западная цивилизация обладает

превосходством над всеми другими. Естественно, он смотрит на вещи глазами европейца, но избегает при этом априорных или ограниченных западным видением суждений. Он занимает исключительно объективную позицию по отношению к дацневосточной эстетике. Его интерпретация западного влияния на японское искусство сыграла позитивную роль, ибо он понимал, что японские художники при всех условиях выражают свою собственную сущность.

Любой японовед может принять его методологию: в ее основе – местная культура, японо-китайская эстетическая традиция, древняя и новая история, эволюция современной Японии.

Весьма интересен его метод исторического анализа искусства, ибо он намного раньше других понял, что западное направление в японском искусстве есть движение, подобное японофилии в Европе. Его видение современного японского искусства сохраняет значение до наших дней: оно удивительно «современно».

¹³ Bijutsu Shuppan, Tōkyō, 1989.

¹⁴ Bijutsu no yukue, bijutsu no genzai, [le destin de l'art, l'actualité de l'art], Actes des symposiums 1994–1996, Maison franco-japonaise de Tōkyō, Dirige par Kitazawa Noriaki, Kinoshita Nagahirō, Isabelle Charrier et Yamanashi Toshio, Heibonsha, Tōkyō, 1999.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ ЕЛИСЕЕВЕ

Дорогие организаторы и все участники конференции!

Я был очень рад узнать от моего уважаемого друга Владимира Ерёмкина о том, что в Москве состоится международная конференция, посвященная Елисееву. Мне очень хотелось бы быть с вами на этой конференции и поделиться воспоминаниями о том времени, когда 27 лет назад в Париже я встречался с г-ном Елисеевым. Но, к сожалению, я очень занят и поэтому посылаю текст своего выступления.

Я впервые встретился с Сергеем Елисеевым, выдающимся россиянином, видным востоковедом и настоящим знатоком японской культуры, осенью 1972 г. В то время я вместе с Вадимом Елисеевым, директором городского музея восточных культур (Cernuschi musée), готовил выставку «Искусство Дэгути Ванисабуро и его окружения». Она была предоставлена Японской синтоистской организацией. Однажды Вадим спросил у меня «Знаете ли Вы о моем отце?» Я ответил: «Да, я читал публикации издательства «Тью корон», посвященные ему, я надеюсь, он в добром здравии?» — на что Вадим сказал: «Он сейчас живет в Париже. Не хотите ли Вы как-нибудь с ним встретиться?» И поскольку подготовка выставки была почти закончена, мы решили в удобное для нас обоих время поехать к нему домой.

Сейчас я уже не припомню, где С. Г. Елисеев жил в Париже. Возможно, благодаря вашим публикациям это станет известно. Я же хочу рассказать только о том впечатлении, которое осталось у меня от встречи с этим крупным ученым.

Помню, что приехали мы к нему ближе к вечеру. Ждавший Вадима и меня с нетерпением Сергей Елисеев, как только провел нас в комнату, обратился с приветствием: «Добро пожаловать в мой дом. Я не могу вам устроить подобающий прием, но будьте как дома, чувствуйте себя непринужденно». Я был потрясен, ибо это было сказано на изысканном японском языке. Я подумал, ведь он уже перешагнул 80-летний рубеж, а какие четкие интонации, отточенные фразы...

Воспоминания о Сергее Елисееве

Мы принесли с собой суси*. «О, какие прекрасные суси, какой деликатес!» — сказал Елисеев и, взяв тремя пальцами (большим, указательным и средним) хаси**, ловко подцепил ими суси и, обмакнув в соевый соус, отправил в рот. И, наслаждаясь едой, как истинный гурман, он давал разные пояснения. А я все продолжал удивляться и восхищаться.

Потом примерно с час С. Г. Елисеев вспоминал о своей жизни в Токио. Он, не прерываясь, рассказывал, как голубоглазый россиянин учил японский язык среди японцев, как он знакомился с их жизнью. Он рассказал также следующий эпизод: «Во время второй мировой войны американцы всю бомбили территорию Японии, но Киото этот ужас миновал. Я работал тогда в исследовательском центре Яньцзин при Гарвардском университете и обратился к американскому военному командованию с рекомендацией воздержаться от бомбардировок Киото, ибо этот город — культурное достояние страны, а уничтожать культурные памятники нельзя». И то, что именно этот человек защитил японскую традиционную культуру, тронуло меня до глубины души.

Мы еще говорили об очень многом, но с тех пор минуло много времени, и я, к сожалению, подробно обо всем не могу вспомнить. Очень досадно, но ведь в то время не было, как сейчас, ни аудио-, ни видеоаппаратуры, и я только слушал. Помню, что фотографировал, но найти фотографии пока не могу.

Шеф-редактор парижского отделения агентства «Киодо Цусин» (простите, но его имя я забыл; возможно, оно всплывет во время конференции) очень подробно писал о С. Г. Елисееве. Поэтому все, наверное, уже знают и о том, что он был спасителем Киото.

С тех пор, как я был у Сергея Елисеева, прошло 27 лет. За это время и сам он, и его сын Вадим были награждены высокими японскими орденами. После смерти Сергея Елисеева Вадим несколько раз приезжал в Японию и мы встречались как родные.

Я думаю, что в ходе этой Международной конференции, посвященной С. Г. Елисееву, появится много новых фактов и материалов. Был бы очень признателен, если бы я сумел с ними ознакомиться.

Заканчивая мое скромное послание, я хочу пожелать успеха конференции. Благодарю за внимание.

* Японское блюдо из сырой рыбы — прим. пер.

** Палочки для еды — прим. пер.

ЧИТАЯ ТРУДЫ ВАДИМА ЕЛИСЕЕВА ПО АРХЕОЛОГИИ ЯПОНИИ

(ОБ АВТОХТОННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРЯДА МОГАРИ)

Погребальный обряд, известный по письменным памятникам VIII в. («Нихон сёки», «Кодзики», «Манъёсю») под названиями *могари* и *араки* (распространенный перевод — «временное захоронение»), занимал важное место в культуре древней и раннесредневековой Японии. Он стал элементом или даже моделью нескольких мифов и легенд, определивших политическую, идеологическую и художественную культуру Японии: сокрытие *Аматэрасу* и других богов (например, *Оо-намути-но ками*), посещение *Идзанаки* мира мертвых, похороны *Амэ-но вакахики* и др.

Обряд (строго говоря, система обрядов) *могари* проводился в течение пограничного периода от смерти человека до его погребения. В этот период, продолжительностью от нескольких дней до нескольких лет, усопший не считался окончательно мертвым. Основным смыслом обряда состоял в возвращении умершего к жизни.

В VI–VII вв. обряд *могари* в его классической форме (придворный царско-аристократический обряд) вкупе с местом его проведения являлся одной из важных составляющих политической, ритуальной и литературно-художественной деятельности. Особенно важную роль этот обряд играл в престолонаследии; оглашаемые во время его проведения «траурные речи» (*синобикото*), обосновывающие право наследника на престол, содержали царские родословные, которые стали прототипом первых летописей. «Кодзики», возможно, были созданы как официальный канон для составления таких «речей».

В своей классической форме обряд *могари* сложился по китайскому образцу, заимствованному в начале VI в. из Пэкче, но на автохтонном субстрате¹. В исследованиях Вадима Сергеевича Елисеева по ар-

¹ Вада Ацуму. Кофун-но дзидай (Эпоха курганов). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Токио, 1988, с. 293; Иноуэ Мицусаса. Нихон кодай-но окен то сайси (Власть государя и обряды в Японии в древности). Токио, 1985, с. 125.

хеологии Японии приводятся ценные указания на существование в периоды Дзёмон и Яёй² практики захоронений, которую можно рассматривать как прообраз этого обряда. Опираясь на эти соображения, мы хотели бы рассмотреть древнейшие местные истоки обряда *могари* в контексте ранних религиозных представлений по двум направлениям: 1) первичные и вторичные захоронения; 2) магия возрождения.

Так, Вадим Елисеев отмечает, что «захоронения в глиняных сосудах практиковались, начиная со Среднего Дзёмон, для детских погребений»³. Раскопки показывают, что детские погребения в «урнах» (типа *умэгамэ*) появляются во второй половине Среднего Дзёмон и получают широкое распространение с центром в Тюбу⁴. Маленькие погребальные урны хоронились непосредственно в жилищах (захоронения типа *умэгамэ*), либо в ближайшей раковинной куче (обычные детские захоронения типа *ёдзи камэкан*)⁵. Причем в жилищах-землянках такие урны (типа *фукабати* — «глубокая миска») с отверстием в дне закапывались непосредственно у входа под порогом или в других местах, где особенно часто проходили люди⁶. Такой обычай имеет аналоги во многих неолитических культурах различных частей света, но в Японии⁷, по мнению В. Елисеева, — это «отражение практики, принятой в северном Китае, начиная с культуры Яншао до династии Хань»⁸. Такой тип захоронений интерпретируется как проявление родильной магии, воплощавшей веру в воскрешение/возрождение (*сайсэй*) ребенка, когда желали, чтобы мертворожденный младенец вернулся живым в ма-

² Период, который в японоведении традиционно называется Дзёмон, соответствует неолиту. Он охватывает хронологический отрезок от X–VIII (по разным датировкам) до середины I тысячелетия до н.э. и подразделяется на Начальный, Ранний, Средний, Поздний и Финальный; иногда добавляется еще Протодзёмон, а также Эпидзёмон (букв. «Последдзёмон») — для районов, где продолжала существовать культура Дзёмон, в то время как на большей обитаемой части Японских островов уже развивалась последующая культура Яёй.

³ Elisseeff Vadime. Japan (Archaeologia mundi series). Geneva, Paris, Munich, 1973, p. 109–110.

⁴ Нихон кокогаку кодзитэн (Краткий археологический словарь). Под ред. Эсака Тэруя и др. Токио, 1983, с. 30.

⁵ см. Elisseeff Vadime. Japan..., p. 110.

⁶ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 30.

⁷ Инерция погребальных магических технологий сказалась в том, что детские захоронения (иногда без урн) отмечались под входом в землянки даже в период Кофун (кон. III — VIII в.).

⁸ Elisseeff Vadime. Japan..., p. 140. Культура Яншао — IV–III тыс. до н.э.; династия Хань — 206 г. до н.э. — 220 г. н.э.

теринскую утробу⁹. Восстанавливая психологическую подоплеку таких магических представлений, японские ученые считают, что когда женщины, жившие в таком жилище вновь и вновь, наступали на зарытую под порогом урну с останками младенца, подразумевалось, что душа младенца (яп. *кон*, кит. *хунь*) опять попадала в их чрево, оплодотворяла его, и младенец мог снова появиться на свет. На некоторых урнах типа *умэгамэ* есть изображение, которое отчетливо иллюстрирует этот процесс. И внутри таких урн, и рядом с ними археологи находят (каменные палицы с фаллическими навершиями) — магические фетиши, стимулирующие зачатие и размножение. В самой землянке устраивали алтарь, у которого проводили обряды. По мнению исследователей, такое жилище уподоблялось чреву «Матери-богини земли», а вход в него — детородным органам: душа ребенка выходила из богини и попадала в чрево женщины. Такая вера в возрождение проявилась еще более отчетливо с конца Среднего Дзёмон по первую половину Позднего Дзёмон, когда землянки приобрели форму «зеркала с ручкой» (вход вытянулся и приобрел форму коридора), т.е. в конструкции жилища вход был акцентирован¹⁰.

Магия возрождения выступала и в других формах, например как магия воскрешения усопших: их останки засыпались красной охрой, очищенные в результате первичного (предварительного) захоронения кости окрашивались охрой перед вторичным (окончательным) захоронением¹¹, нефритовые изделия использовались в качестве погребального инвентаря и т. д.

В. Елисеев отмечает, что «мы можем получить некоторое общее представление о религиозной практике периода Дзёмон из многочисленных глиняных фигурок *догу*»¹². *Догу*, глиняные женские фигурки, имевшие различное ритуальное предназначение, в Позднем и Финальном Дзёмон были особенно тесно связаны с погребальным обрядом, причем их находят не только в обычных могильниках. В. Елисеев обращает внимание на то, что «некоторые фигурки помещались в подобие небольших гробниц, выстроенных из камня, как в Сугидзава

⁹ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 30.

¹⁰ Сува Харуо (ред.). Адзия Саммин каймин-но миндзоку то гэйн (Этнография и традиционные формы у горных и морских народов Азии). Токио, 1996, с. 46–48.

¹¹ Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958, с. 32; см. Kidder J. E. Japan Before Buddhism. London, 1959, p. 79; Брейд У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990, с. 208.

¹² Elisseff Vadime. Japan..., p. 110.

(преф. Ямагата)»¹³. В таких специальных миниатюрных кенотафах они фактически выполняли роль погребальных манекенов — заместителей усопших. Причем некоторые из них уже обладают реалистической трактовкой лица, близкой к индивидуальному портретному изображению¹⁴.

Догу, впервые появившиеся в начале периода Дзёмон, в его конце — в преддверии периода Яёй — обрели еще одно специфическое предназначение. Часть из них стали полыми, т. е. фактически трансформировались в фигурные оссуарии¹⁵ — сосуды, имеющие форму человеческого тела (*ёки-гата догу*). В северо-восточной Японии (районы Тюбу, Канто, преф. Фукусима) их находят погребенными с детскими останками внутри. Причем их небольшие размеры (высота ок. 25 см) и форма указывают на то, что это вторичные захоронения, когда в *догу-оссуарии* помещали только предварительно очищенные костные останки¹⁶. Захоронение детских останков в «утробе» женских фигурок подразумевает ту же логику смерти и магического возрождения, что и при захоронениях типа *умэгамэ*, и связывается исследователями с верой в Мать-богиню земли. Такой тип захоронений означает, что в то время представления о смерти и плодородии были взаимосвязаны¹⁷.

В. Елисеев отмечает, что методы кувшинных захоронений прогрессировали от детских захоронений к взрослым. Но, поскольку технический уровень Позднего Дзёмон не позволял изготавливать глиняные сосуды, достаточно большие, чтобы целиком вместить тело взрослого человека, очевидно, что с костей предварительно, перед тем как их поместить в сосуд, удаляли мягкие ткани¹⁸. Например, вторичные по-

¹³ Ibid., p. 111; см. также Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982, с. 160; Imamura Keiji. Prehistoric Japan. London, 1996, p. 101.

¹⁴ Васильевский Р. С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981, с. 135.

¹⁵ Под оссуарием в археологии понимают вместилище (обычно небольшой переносной объект) для погребения человеческих костей.

¹⁶ См. Васильевский Р. С. Ук. соч., с. 133; Деревянко А. П. Ук. соч., с. 345–346; Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 321; Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 120.

¹⁷ Ёсида Ацухико. Дзёмон догу-но синвагаку (Мифология догу периода Дзёмон). Токио, 1991, с. 20–21; Исэ дзингу то Нихон-но камигами (Святыни Исэ и японские боги). Токио, 1993, с. 136; Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 97. Мы обращаем внимание, что подобные представления сохраняются в японской мифологии (смерть *Оогэцу-химэ* и *Укэмоти*) и относятся к мотиву Хайнувеле (по имени героини индонезийских мифов).

¹⁸ Elisseff Vadime. Japan..., p. 110.

гребения, несомненно, имели место и в том случае, когда проводили сопогребение взрослого и ребенка в одном глиняном сосуде¹⁹.

В Позднем Дзёмон в восточной и северо-восточной Японии отмечаются случаи перезахоронений предыдущих погребений: в одних случаях в раковинных кучах созданы «неолитические остеотеки» (кости свалены грудой), но в других, в соответствии с непонятными пока для нас представлениями о возрождении или посмертном существовании, из костей скелета сложено подобие геометрических фигур²⁰. В Позднем и Финальном Дзёмон кувшинные захоронения под каменной наброской (преф. Аомори) содержат разрозненные выветренные кости взрослых людей, что указывает на вторичное захоронение²¹.

Когда способ захоронения предполагает не одноразовые действия, а определенный процесс, а погребальная система предусматривает вторичные действия в отношении останков, т.е. имеет место двустадийное захоронение (наличие костехранилища, обнаружение останков в несоразмерно малом вмещающем объеме, следы перемещения костных останков и др.), археологи выявляют вторичные захоронения (яп. *нидзимаисо*, *нидзюсо*, *фукусю*)²². Такой тип захоронений в Японии также называется, в частности для периода Дзёмон, *сэнкоцусо* (букв. «захоронение омытых костей»), т.е. захоронение костных останков после их экскарнации (освобождения от мягких тканей) и очищения (омывания). Вторичное захоронение до последнего времени было распространено в тихоокеанской зоне от островов Окинава и Амами до Тайваня, южного Китая и Юго-Восточной Азии включительно. При этом на первой стадии посмертного обращения деревянный гроб с телом выставляют под открытое небо или в естественной пещере на несколько лет, очищенные естественным путем кости моют водой, например в реке, а затем погребают в земле в глиняных сосудах²³. В археологии термин «вторичное захоронение» используется «для обычая собирать»²⁴ кости скелета после разложения тела и помещать их в осо-

¹⁹ Kidder J. E. Japan Before Buddhism, p. 80.

²⁰ Воробьев М. В. Древняя Япония, с. 34–36.

²¹ Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Ук. соч., с. 184; Воробьев М. В. Древняя Япония, с. 53.

²² См.: Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 187.

²³ Сахара Макото. Нихондзин-но тандзё (Рождение японского народа). – Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 1. Токио, 1987, с. 202.

²⁴ В Китае аналог *сэнкоцусо* называется «шигу» (яп. *дзюкоцу*) – «собирать кости» (Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 187).

бый сосуд типа *оссуария*²⁵. Обряды вторичного захоронения были отражением представлений о душе, которая не отлетает вместе с последним вздохом, а еще долго живет в теле до его разложения: «человек остается живым и после смерти»²⁶.

В Позднем Дзёмон в Тохоку вторичные захоронения останков взрослых людей проводились в глиняных сосудах типа *цубо* (узкогорлые) и *камэ* (широкогорлые)²⁷. По мнению японских исследователей, предпочтение узкогорлым *цубо*, куда крупные кости входили с трудом, отдавалось потому, что в повседневной жизни эти сосуды использовали для хранения посевного материала: как семена оживают, давая всходы, так же и усопший должен возродиться из костей²⁸.

В Среднем Дзёмон на территории современной преф. Тиба вторичные захоронения костей взрослых людей производились в раковинных кучах в глубоких остродонных глиняных сосудах типа *фукабати* (высота 60 см, диаметр горловины 50 см) с отверстием в дне, сделанном намеренно после обжига. В преф. Аомори обнаружено вторичное захоронение начала Позднего Дзёмон, которое представляет собой 22 составленные вместе урны типа *фукабати* (высота 40 см, диаметр тулова максимально 30 см), обложенные со всех сторон каменными плитками, образующими своего рода гробницу. В этих и других случаях в каждом сосуде содержались останки одного взрослого человека. Японские ученые считают несомненным факт существования со Среднего до Позднего Дзёмон, по крайней мере для восточной Японии, обычая вторичного захоронения в глиняных сосудах. По их мнению, этот обычай попал в Японию в Среднем Дзёмон из аустрической культуры приморского южного Китая (юг современной пров. Чжэцзян) вместе с башмаковидным каменным топором, катушковидными втулками для мочек ушей, обычаем татуировки и культурой батата²⁹.

В Среднем и Позднем Дзёмон в северо-восточной Японии (преф. Иватэ, памятник Нисида) строились поселения, имеющие концентрическую структуру³⁰. В центре находился круглый могильник, состоящий из могил под каменными кладками (кучами); он был окружен кольцом из нежилых деревянных строений на сваях; следующее кольцо – жи-

²⁵ Брейд У., Трамп Д. Ук. соч., с. 85.

²⁶ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976, с. 236–239.

²⁷ См.: Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 217, 267.

²⁸ Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 97.

²⁹ Эсака Тэруя. Нихон бунка-но кигэн (Истоки японской культуры). Токио, 1967, с. 135–138.

³⁰ Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 94.

лица типа землянок; внешнее, четвертое, кольцо — ямы-хранилища. Таким образом, нежилые свайные постройки как бы находились на границе двух миров — живых и мертвых; предполагается, что такие постройки использовались для хранения тел умерших в течение снежной и относительно холодной зимы, т.к. захоронения в земле проводились весной³¹. Японские ученые считают, что уже в то время в Японии проводилось подобие обряда *могари*, а свайные постройки были аналогом раннесредневековых *моя*, или *могария*.

В конце Финального Дзёмон — начале Яёй на некоторых глиняных сосудах для хранения посевного риса появились человеческие личины, которые интерпретируются как изображения «души риса» или слившегося с ней духа предка³²; на *цубо-оссуариях* такие личины могли служить погребальными масками. В Позднем — Финальном Дзёмон в Тохоку и на Хоккайдо появились глиняные маски и маски на кожаной или иной основе с глиняными деталями (нос, рот, уши), которые надевали на покойников (или возлагали на могилы)³³. Такой обычай можно рассматривать как действия по восстановлению тела усопшего («воссоздание плоти» посредством «маскарации»³⁴), что говорит в пользу существования до окончательного захоронения предваряющего этапа — аналога периода *могари*. Наличие отверстий по краям маски является дополнительным свидетельством их использования в «ритуальных танцах»³⁵ наподобие позднейших *асоби*, — т. н. «заместителем покойного» (*мономаса*, или *ёси*) в обрядах *могари*³⁶. Находят также догу (некоторые до 1 м высотой) с изображением масок на лице³⁷. Они использовались в различных обрядах, возможно, в качестве погребальных манекенов. У некоторых из этих догу, на плакетках с личинами, а также у глиняных масок (диаметр ок. 15 см) и догу в т.н. «снежных очках» (с глазами в виде кофейных зерен) глаза изображены, как нам представляется, закрытыми (зажмуренными), т.е. такие личины, очевидно, являются изображениями существ, принадлежащих к миру смерти: покойников, предков, духов смерти.

³¹ Сахара Макото. Нихондзин-но тандзё, с. 208–209.

³² Исэ дзингу..., с. 136.

³³ Сахара Макото. Нихондзин-но тандзё, с. 203.

³⁴ Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997, табл. 4.

³⁵ Сырицын И.М. Древняя Япония. — Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М., 1988, с. 11.

³⁶ См.: Бакшеев Е.С. О ритуальной терминологии обряда *могари* (рук.). М., 1998, с. 7.

³⁷ Эсака Тэруя. Нихон бунка-но кигэн, с. 140; Tsuboi Kiyotari(ed). Recent Archaeological Discoveries in Japan. Paris–Tokyo, 1987, Pl. 5,6.

В Позднем Дзёмон существовали и другие варианты неолитического прото*могари*. В Северном Тохоку памятник Исэдо представляет собой каменное кольцо, внутри и снаружи которого вырыто более сотни могильных ям, в которых не обнаружены человеческие останки. Однако они выглядят так, будто не были засыпаны вынутым из них грунтом, их по несколько раз расширяли, а дно перекапывали, т.е. использовали многократно. Кроме того, могильные ямы по периметру окружены следами от столбов, предположительно, для навесов. Можно сделать вывод, что в эти открытые могильные ямы под навесами на определенное время помещали тела покойников перед погребением в постоянных могилах³⁸.

Слово «*могари*» обычно переводят как «временное захоронение (погребение)». Между тем, в своей классической форме (придворный обряд VI–VIII в.³⁹) обряд *могари* предстает не захоронением, а ритуальным выставлением тела в специальной постройке *могари-но мия*. Выставлением, иначе экспонацией, называют процесс оставления тела умершего в незахороненном (т.е. неизолированном или частично изолированном) состоянии, а также его местонахождение⁴⁰. Таким образом, уже в Позднем Дзёмон появляется прото-*могари* в виде ритуального выставления в различных модификациях.

В раковинных кучах периода Дзёмон находят полуобгорелые или перегоревшие костяки и части скелета, а во вторичных кувшинных захоронениях встречаются обожженные кости взрослого человека. Это следы обряда неполного трупосожжения, когда тела усопших перед погребением сжигали или обжигали частично (на обожженном костяке сохранились остатки обгоревшей ткани)⁴¹. В русскоязычной научной литературе этот обряд, который сохранился и в Раннем Яёй, называется «кремацией», в японской — «*касо*»⁴². Таким образом, \полу\крема-

³⁸ См.: Хаккуцусарэта Нихон рэтто. '97-синхаккэн коко сокухо (Раскопки на Японском архипелаге. Отчеты о новейших археологических открытиях 1997 г.). Токио, 1997, с. 19.

³⁹ С начала VIII в. обряд *могари* продолжает практиковаться при царском дворе (при этом после ритуального выставления тела следовала кремация по буддийскому обычаю), но его объем и значение неуклонно снижались.

⁴⁰ Смирнов Ю. А. Ук. соч., с. 25, 156.

⁴¹ Воробьев М. В. Древняя Япония, с. 34–35, 53; Деревянко А. П. Древние культуры Японии. — Археология зарубежной Азии. М., 1986, с. 345; Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Ук. соч., с. 184.

⁴² Танака Мигаку. Вадзин соран (Смута у вожань). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т.2, 1991, с. 112. От *касо* (погребение с трупосожжением) японские ученые отличают обряд *сёкоцу*, который встречался в Финальном Дзёмон: очищенные от тка-

ция (неполное трупосожжение) была известна насельникам Японских островов задолго до появления буддийского ритуала полной кремации (вплоть до состояния пепла). При этом, если полная кремация направлена на деструкцию (разрушение) тела, то неполное сожжение может означать, что имела место термофикация, т. е. предваряющие действия в отношении тела, которые предусматривают его сохранение в той или иной форме, например когда «происходит мумификация трупа путем его высушивания с применением огня, как то: окуривание, копчение, обожжение и т. п.»⁴³ Тут вспоминается замечание Вадима Елисеева о том, что практика кувшинных захоронений (*камэкан*) Позднего Дзёмон «отчетливо придает большое значение сохранению останков, что указывает на развитие некоторых форм религиозных представлений»⁴⁴.

Действительно, в этот период появляются принципиально новые формы погребальной обрядности: наряду с погребениями в черте или у границ поселений на Хоккайдо возникают специальные некрополи, состоящие из кольцевой земляной насыпи, которая окружает несколько каменных выкладок-кругов, имеющих иногда форму каменной наброски («курганчика») с оградой из крупных камней; под «курганчиками» — могильные ямы (причем уже отмечается ориентация погребенных головой на Запад)⁴⁵. Другие аналогичные сооружения в виде каменных колец с каменными столбами⁴⁶, известные с Раннего Дзёмон, в Позднем становятся больше по размеру и более правильной формы и встречаются от Хоккайдо по Тюбу. С конца Раннего Дзёмон до второй половины Позднего Дзёмон многие каменные кольца были без следов могильных ям. С середины Позднего Дзёмон они приобрели функцию могильника⁴⁷. В могилах под каменными выкладками Хонсю не обнаружено останков, но химический анализ почвы доказывает, что это коллективные кладбища⁴⁸. Япон-

ней в результате временного выставления или захоронения кости собирали и сжигали (Сахара Макото. Нихондзин-но тандзё, с. 202).

⁴³ Смирнов Ю. А. Ук. соч., с. 30.

⁴⁴ Elisseeff Vadime. Japan..., p. 110.

⁴⁵ Васильевский Р. С. Ук. соч., с. 100–102; Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Ук. соч., с. 183.

⁴⁶ Некоторые сооружения подобного типа (в виде «солнечных часов») традиционно связывают с культами Солнца и плодородия (Июфан Н.И. Культура Древней Японии. М., 1974, с. 19–20).

⁴⁷ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 76.

⁴⁸ Сахара Макото. Нихондзин-но тандзё, с. 204; Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 117.

ские археологи, хотя и с оговорками, относят подобные сооружения Хонсю и Хоккайдо к мегалитическим⁴⁹.

Мегалитические сооружения широко распространены в Индии, Индокитае, Юго-Восточной Азии и Океании и непосредственно связаны с погребальным культом, культом предков и вторичными захоронениями. Так, у некоторых народностей Ассама кромлехи (каменные ограды) служили местом захоронения, а менгиры (каменные столбы) и дольмены устанавливались в момент перенесения в кромлех костей при обряде вторичного захоронения⁵⁰. На Калимантане воздвижение мегалитов непосредственно связано с обрядами вторичного захоронения и верой в то, что душе умершего при путешествии в другой мир грозит опасность. Именно представления о том, что душа живет в теле до его разложения, лежат в основе мегалитических культов. Мегалиты должны способствовать сохранению души, которая поселена в такое вечное тело, как камень, — оберегать ее от злых духов, от уничтожения⁵¹.

Мегалитические сидения Ю.-В.А. и Океании считаются сидениями для душ умерших⁵². В Японии *ивакура*⁵³ («каменное сидение») интерпретируется как камень (каменный столб), куда спускается и восседает дух-божество *ками*. Оба Ивао считает, что гигантские каменные сооружения в Японии служили своего рода святилищем, где почитали *ками*, а также исполняли обряд отправки душ усопших на небо и возносили мольбы об их возрождении⁵⁴. Р. С. Васильевский также полагает, что каменные круги — это символы вечного круговорота, перевоплощения душ умерших сородичей в живых членов рода⁵⁵. Каменные столбы также традиционно связывают с фаллическим культом плодородия.

В. Елисеев отмечает, что «изменения в религиозной сфере сопровождались изменениями в погребальной практике. ...На Кюсю мегалитические камерные гробницы, похожие на корейские, начали строиться в конце периода Дзёмон»⁵⁶. Речь идет об еще одном виде мегалитических погребальных сооружений — дольменах (*сисэкибо*) с захоронениями в керамических урнах (*камэкан*) и каменных ящиках, которые сохраняются

⁴⁹ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 326.

⁵⁰ Чеснов Я. В. Ук. соч., с. 217.

⁵¹ Там же, с. 236–239, 244.

⁵² См. там же, с. 227.

⁵³ Это слово встречается в «Кодзики», «Нихон сэки», «Энгики».

⁵⁴ См.: Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 76.

⁵⁵ Васильевский Р. С. Ук. соч., с. 102.

⁵⁶ Elisseeff Vadime. Japan..., p. 139.

до начала Позднего Яёй. Считается, что *сисэкибо* на Кюсю берут свое начало от дольменов «южного типа» («модифицированных») Корейского полуострова. Эгами Намио указывает, что прототипом таких сооружений в Ю. Корее и на Кюсю являются дольмены Индокитая и Ю.-В.А.⁵⁷ Исследователи обращают внимание на то, что в дольменах и менгирах Кореи «всегда встречаются» вторичные погребения⁵⁸. Конструкция *сисэкибо* и способ захоронения на северо-западном Кюсю во многом схожи с южнокорейскими дольменами⁵⁹. В каменных гробах-ящиках малого типа (40x80 см) под *сисэкибо* на Кюсю также обнаружены вторичные погребения, причем собраны все кости скелета⁶⁰, что можно связать с распространенными на Дальнем Востоке представлениями о том, что недостача какой-либо части тела (скелета) может помешать посмертному существованию или возрождению.

Таким образом, в конце Дзёмон – начале Яёй и в восточной, и в западной Японии создавали погребальные сооружения мегалитического типа, связанные со вторичными погребениями. О непосредственной связи мегалитической традиции захоронения в каменных гробницах под насыпными курганами периода Кофун (кон. III – нач. VIII в.) с практикой вторичного захоронения хорошо известно из письменных источников VIII века.

В. Елисеев указывает, что ранние формы религии, проявляющиеся в погребальном обряде Позднего Дзёмон, «предполагают глубокую интеллектуальную трансформацию человека, который теперь стремился организовать и понять окружающий мир, свое прошлое и будущее». В этот период появилось «общество со своими четкими эстетическими и религиозными нормами»⁶¹. Увеличение количества ритуальных объектов в Позднем и Финальном Дзёмон объясняется не только накоплением или развитием «духовных практик», но и возникновением социального порядка со все более жесткими нормами⁶².

Традиция вторичных захоронений и связанных с ними обрядов *про-то-могари* продолжается в период Яёй. По мнению В. Елисеева, «частые находки нескольких костяков в одной и той же могиле или глиняном сосуде (район Канто того периода – Б. Е.) указывают на то, что за-

хоронение проводилось в две стадии, до и после исчезновения мягких тканей»⁶³.

Действительно, начиная с Финального Дзёмон и в период Раннего Яёй (III–I в. до н.э.) в восточной Японии с ее мощными традициями культуры Дзёмон вторичные погребения (*сайсобо*, *фукусобо*) в урнах (керамические сосуды типа *цубо*) в круглых ямах стали широко распространённой практикой в обществе *вадзин* (носителях культуры Яёй) от Тюбу и Канто до Хокурику и Тохоку (совр. преф. Ибараки, Тиба, Тотиги, Фукусима и др.)⁶⁴.

На восточном Хонсю (напр., преф. Тиба, г. Сакура) обнаружены общинные могильники Раннего Яёй, включающие несколько могильных ям, в каждой – до 14 узкогорлых керамических сосудов типа *цубо* (высота 40–60 см). В каждом сосуде – фрагменты костей одного взрослого человека (мужчины). На основании состояния этих оссуариев и способа захоронения сделан вывод о том, что погребение в одной яме составляли «возрастную группу» (*нэнрэй сюдан*). После смерти каждого члена такой группы его останки экскарнировали (посредством ингумации или выставления под открытым небом, иногда обжига), закладывали в оссуарий, который временно помещали в хранилище. Когда умирал последний член группы, все оссуарии разом погребали. Предположительно такую возрастную группу составляли мужчины, одновременно прошедшие обряд инициации. Такие возрастные группы являлись базовой единицей общества, оставившего вторичные погребения (*сайсобо*) на Восточном Хонсю с Позднего Дзёмон по Ранний Яёй. Несколько таких возрастных групп, в свою очередь, составляли возрастные коллективы более высокого порядка: молодежные и мужские союзы, «совет» старейшин⁶⁵, традиции которых сохранились в Японии до нашего времени.

В таких общинных могильниках Восточного Хонсю с вторичными погребениями среди одинаковых сосудов-оссуариев встречается один или два с личинами, что видимо, указывает на особый социальный или ритуальный статус покойного. Традиция изготовления «лицевых урн» – сосудов типа *цубо* с человеческими личинами у горловины (*дзиммэн-цубо*) и их использования в качестве оссуариев (*цубокан*) для

⁵⁷ Egami Namio. The Beginnings of Japanese Art. NY–Tokyo, 1973, p. 123.

⁵⁸ Чеснов Я. В., Ук. соч., с. 233.

⁵⁹ Бутин Ю. М. Древний Чосон. Новосибирск, 1982, с. 152, 155; Воробьев М. В. Япония в III–IV вв., с. 269; Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 138.

⁶⁰ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 139.

⁶¹ Elisseeff Vadime. Japan..., p. 110–111.

⁶² Imamura Keiji. Prehistoric Japan, p. 120.

⁶³ Elisseeff Vadime. Japan..., p. 139.

⁶⁴ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 19, 187, 217; Танака Мираку. Вадзин соран, с. 112–113; Сайто Тадаси. Гэнси бидзюцу (Первобытное искусство). Токио, 1972, с. 64–65; Деревянко А. П. Ук. соч., с. 348; История Японии. Т. 1. М., 1998, с. 51.

⁶⁵ Танака Мираку. Вадзин соран, с. 115–116.

вторичного захоронения экскарнированных останков была тесно связана с использованием догу-оссуариев в Финальном Дзёмон⁶⁶. Эта традиция не прервалась и продолжалась с начала Среднего Яёй⁶⁷ от Канто до Южного Тохоку⁶⁸. В Среднем Яёй высота лицевых урн составляла от 25 до 70 см; встречаются сосуды с двумя личинами, обращенными в противоположные стороны⁶⁹. По мнению исследователей, лицевые урны применялись в обрядах вторичного захоронения, чтобы воссоздать (*сайгэн*) облик покойного и почтить его память (*цуйбо*)⁷⁰, т.е. с функцией *катами* (в письменных источниках VIII в. — «видимый образ», «зримый облик усопшего»; обычно переводят как «памятка»). Стиль изображений меняется от условно-схематичного к более реалистическому и индивидуальному. Например, *цубо* с детской маской (преф. Канагава), судя по выражению лица, очевидно, специально изготовлен для вторичного захоронения конкретного ребенка; изображение хорошо передает младенческие черты⁷¹. Фактически, это погребальная скульптура, которая запечатлела не только индивидуальный облик данного ребенка, но и выражение его младенческой беззащитности.

На Северном Кюсю в Раннем Яёй вторичные захоронения проводились в каменных ящиках, которые являлись ритуальным центром могильника (*гунскобо*) и были окружены кувшинными и ямными погребениями⁷². «Ящики делались не для одного определенного лица, в них оказываются останки ряда лиц, умерших в разное время»⁷³.

На городище Ёсиногари (Сев. Кюсю) между могильной насыпью⁷⁴ (*функюбо*) с захоронением вождя и могильником с кувшинными захоронениями рядовых общинников (все захоронения относятся к Среднему Яёй, I в. н.э.) обнаружены следы здания на сваях (6 столбов диа-

⁶⁶ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 321.

⁶⁷ Такие сосуды изготавливались и в период Кофун. Вторичные захоронения с использованием оссуариев типа *цубо* и погребальных сооружений «ёкоанабо/ёкоана кофун малого типа» (малых горизонтальных гробниц-«пещер») проводились в периоды Кофун и Нара (Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 51, 322–323).

⁶⁸ Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 19, 166; Сайто Тадаси. Гэнси бидзюцу, с. 65–67; Мори Коити (ред.) Вадзин-но тодзё (Появление вождя). — Нихон-но кодай (Древность Японии). Т. 1. Токио, 1985, с. 8–9.

⁶⁹ Egami Namio. The Beginnings of Japanese Art, Fig. 12

⁷⁰ Сайто Тадаси. Гэнси бидзюцу, с. 66–67.

⁷¹ Мори Коити (ред.). Вадзин-но тодзё, с. 8–9.

⁷² Нихон кокогаку кодзитэн..., с. 258.

⁷³ Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. М., 1980, с. 104.

⁷⁴ Насыпь построена по китайской технологии.

метром 30 см, размеры здания 3,5 м х 4 м). Рядом с этим зданием найдено много ритуальной керамической посуды красного цвета, что указывает на многократное проведение погребально-поминальных обрядов. Могильная насыпь, свайное здание и могильник расположены по оси север–юг; к зданию от поселения через могильник в направлении насыпи идет дорожка. Японские ученые считают, что свайное здание — это культовая постройка типа *тамая* (*сидотэкина татэмоно*), т.е. *могария* (помещение, где проводится обряд *могари*), или храм предков⁷⁵.

* * *

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Существуют несомненные археологические данные о том, что, по крайней мере, со Среднего Дзёмон по Яёй, как в восточной, так и в западной Японии в погребальном обряде существовала стадия предваряющих действий в отношении усопшего в различных формах (экспонация, ингумация, фумигация/кремация и др.), которая соответствует стадии *могари* в придворном царско-аристократическом погребальном обряде VI–VIII вв.

В течение периодов Дзёмон–Яёй отмечено значительное развитие погребального обряда: шло все большее разделение миров живых и мертвых, отдаление покойников от живых — от совместной жизни с покойным (захоронение внутри/вблизи жилища) перешли к созданию специальных ритуальных погребальных комплексов. В период Дзёмон сформировался культ костей — представления о том, что духовная сущность (душа) человека после смерти заключена в мягких тканях, легко подверженных тлению. Таким образом, несмотря на известное отставание в историческом развитии от Китая и даже Кореи, к середине I тысячелетия до н.э. у насельников Японских островов уже сложилась достаточно развитая система верований, в частности представления о переходе от жизни к смерти, о посмертном существовании человека, о возможности его возрождения, что проявилось, в частности, в двухстадийном погребальном обряде (с предваряющей стадией).

В период Дзёмон двухстадийный погребальный обряд бытовал как в результате преимущественно внутреннего развития автохтонной культуры (восточная Япония), так и под влиянием материковых куль-

⁷⁵ Хагивара Хидэсабуро. Инэ то тори то тайё-но мити (Дорога риса, птицы и солнца). Токио, 1996, с. 8, 11.

тур (западная Япония). Как свидетельствуют археологические данные, в восточной Японии отмечается преемственность в погребальном обряде, в том числе в двухстадийном между периодом Поздний Дзёмон и Яёй; некоторые его элементы сохранились до периодов Кофун и Нара.

Если археологические данные, приведенные В. Елисеевым, говорят о глубокой древности истоков обряда *могари* и его автохтонном происхождении, то этнографические и письменные — о его широком распространении в различных архаичных и простонародных формах и глубокой укорененности в культуре Японии. Эти обстоятельства сыграли свою роль в том, что обряд *могари* занял столь важное место в ритуальной, художественной и социальной культуре раннего средневековья. Традиции предваряющих действий в отношении усопшего и захоронений типа *сэнкоцусо* и *сайсобо* периодов Дзёмон и Яёй получили свое мощное развитие в практике временного предварительного ритуального выставления усопшего (*могари*) и его окончательного захоронения периодов Кофун-Асука, «сама идея повторного захоронения еще долго сохраняла свое значение»⁷⁶.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ ПИСЬМЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЯПОНИИ VIII–X вв.

Среди многогранной деятельности С. Г. Елисеева числится и такое замечательное достижение, как основание им первоклассного журнала «Harvard Journal of Asiatic Studies». В ряду статей, печатаемых в нем, было много таких, которые посвящались истории и литературе классической Японии. С. Г. Елисеев справедливо полагал, что именно фундаментальные штудии по древней и средневековой Японии способны выявить корневые особенности её культуры.

Нам уже приходилось писать о том, что природные условия Японии, способ хозяйственной адаптации к вмещающему ландшафту, а также геополитическая обстановка на Дальнем Востоке способствовали тому, что информационные процессы в этой стране протекали с упором на обмен письменными сообщениями. При этом грамотность получила в Японии очень высокий статус и достаточно широкое распространение начиная с VIII в. Основным фактором такого информационного поведения была изолированность Японии от материка (географическая, хозяйственная и геополитическая) и ограниченные возможности по перенятию китайского опыта (управленческого и технологического) с помощью контактов между людьми. В значительной степени поэтому правящая элита взяла курс на усвоение чужеземного опыта с помощью письменного слова. При этом мы констатировали, что информационные процессы в Японии отличались высокой степенью интенсивности¹.

В настоящей статье данная проблематика получает дальнейшую разработку и конкретизацию применительно к Японии VIII–X вв., т.е. периода, который согласно традиционной японской историографии

¹ Мещеряков А. Н. Ранняя история Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс. — Восток, 1995, №5, с. 5–22; Мещеряков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии — Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996, с. 17–56; Мещеряков А. Н. Информационно-коммуникативные процессы в эпоху Нара (710–784) — Корея. Сборник статей. К восьмидесятилетию со дня рождения профессора М. Н. Пака. М., 1998, с. 82–95.

⁷⁶ История Японии. Т. 1. М., 1998, с. 51.

определяется как период Нара – начало Хэйан или как эпоха «*рицурё кохка*», т.е. время формирования, расцвета и начала упадка высокоцентрализованного государства, деятельность которого всесторонне регламентируется законодательствами «Тайхо рицурё», 701–702 г. и «Ёро рицурё», 757 г.², а также дополнениями к ним³.

Публикация состоит из трех основных частей. В первой определена роль японского государства в организации коммуникативных процессов, представлены основные партнеры по осуществлению коммуникативного процесса и типы документов, которыми они обменивались. Во второй мы дали описание той дорожной инфраструктуры, которая обеспечивала быстрый и бесперебойный обмен информацией между центром и периферией. В третьей предпринята попытка оценить объем этой информации.

Следует оговориться, что работа по оценке объема письменной информации, продуцируемой государственными учреждениями, предпринимается впервые. В связи с неразработанностью методики, которая наверняка потребует определенных корректировок, конкретные результаты наших оценок будут, по всей вероятности, уточняться в будущем. Однако сама выработка такой методики представляется нам совершенно необходимым шагом, способствующим более глубокому пониманию природы древнего государства.

Государство и коммуникативные процессы. Скорость и интенсивность протекания информационных процессов представляет собой чрезвычайно важный признак устойчивого развития общества. Только при наличии разветвленных информационных сетей обеспечивается надежная передача навыков, умений, технологических новаций, идей, распоряжений правительства и т.д. В осуществлении этого коммуникативного процесса организующую роль государства трудно переоценить. Разумеется, государство преследует при этом прежде всего свою собственную выгоду: необходимость держать в повиновении определенную территорию и обеспечивать бесперебойное поступление налогов. Отсюда – его объективная заинтересованность в создании медиаторов, опосредующих отношения между правителем и подданными, между центром и периферией.

Выбор определенных типов медиаторов оказывает огромное влияние на весь последующий исторический и культурный процесс. Там,

² Рицурё (Законы рицурё). Т. 3, Токио, 1976; Свод законов «Тайхорё». Т. 1, 2, М., 1985.

³ Энгисики (Церемонии годов Энги), Токио, 1977.

где был сделан выбор в пользу силовых отношений (скажем, в России), ситуация существенно отличается от положения в тех традиционных обществах, где определяющим способом взаимного воздействия стала информация (в самом широком смысле этого понятия). Разумеется, не существует «чистых» вариантов – силовые и информационные отношения дополняют друг друга. Но своеобразие конкретной культуры в значительной степени определяется соотношением между различными типами медиаторов.

Похоже, что начиная со второй половины VII в. в Японии (после отказа от военного присутствия на Корейском полуострове и завершения ожесточенной борьбы за верховную власть среди различных представителей правящего рода, когда престол занял Тэмму (673–686), делается стратегический (хотя во многом и подсознательный) выбор в пользу письменных средств коммуникации. Общегосударственное информационное поле, обеспечивающее общий фонд памяти с помощью знаковой системы, все более вытесняет установку на применение силовых методов (хотя мы совершенно не намерены сбрасывать их со счетов).

Чрезвычайно характерно, что постоянный эпитет государя *касикоси* («грозный») постепенно сменяется на *ясумисиси*: в поэтической антологии «Манъёсю» (середина VIII в.) зафиксировано 27 случаев употребления этого эпитета⁴. Это определение истолковывается двояким образом: «спокойный, мирный» и «ведающий восемь углов», т.е. знающий – видимо, имеется в виду сакральный дар видения – все, что творится в его стране⁵. Наглядным символом этого были восьмиугольные царские курганы VII в. и трон государя с восьмиугольным балда-

⁴ Кого дайджитэн (Энциклопедия древне-японского языка). Токио, 1983, с. 1661.

⁵ О значимости темы видения, смотрения для культуры Японии см.: Ермакова Л. М. Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности. – Сад одного цветка. М., 1991, с. 212–224; Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М., 1995, с. 219–232; Мещеряков А. Н. Нихон бунка то Россия бунка-но хикаку рон. Кинсиган то энсиган (Сопоставительный анализ японской и русской культуры: близорукость и дальнорукость) – Гэнго бунка кэнкю, 1991, № 5–6, с. 73–83; Мещеряков А. Н. Взгляд и нечто. Близорукость и дальнорукость японской культуры. – Ориентация-поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992, с. 7–14; Alexander N. Meshcheryakov. Space and Time Pattern in Russian and Japanese Cultures – State, Religion and Society in Central Asia: a Post-Soviet Critique – Itaka Press Reading, 1993, p. 37–55; Мещеряков А. Н. Взгляд на пространство и пространство взгляда – Иностранная литература, 1993, №5, с. 251–255; Главева Д. Семантика взгляда в истории японской культуры. Трктат Хакуина «Оратэгама». Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1998.

хином. Однако логика интеллектуального развития человека с неизбежностью приводила к некоторому вытеснению сакрального «ведания» прагматическим знанием.

Управление в Японии VIII в. осуществлялось с упором на письменные средства коммуникации. Согласно законодательству, устные распоряжения даже государя не имели юридической силы и не должны были быть принимаемы к исполнению. Циркуляция документов между центральными ведомствами, между центром и периферией осуществлялась постоянно.

В самом общем виде основных партнеров по коммуникативному процессу внутри Японии можно подразделить на две категории: центральные ведомства (т.е. учреждения, располагавшиеся во дворце императора в Нара) и местные органы власти (управления провинций — *кокуфу*, управления уездов — *гунга* и села — *сато*). При этом число провинций составляло в разное время разное число (не меньше шестидесяти и не меньше семидесяти), уездов — около шестисот. Властная вертикаль была образована строго иерархически, закреплена законодательно и поэтому ни один орган не обладал свободой в выборе партнера по коммуникативному процессу. Правила составления письменной документации были зафиксированы в законодательных сводах. Центр имел своим партнером провинцию, провинция — уезд, уезд — село. Документы, исходящие из вышестоящего ведомства, назывались *дзё*, а донесения из нижестоящего — *гэ*. При этом обмен документами не мог, как правило, осуществляться по горизонтали — скажем, между отдельными провинциями или уездами. В случае же, если партнерами по коммуникативному процессу выступали все-таки одинаковые по своему статусу учреждения, то такие документы назывались *и*. Обычно это были документы, для передачи которых требовалась промежуточная инстанция — например, если путь документа из Центра до адресата лежал через несколько провинций, тогда каждая провинция посылала соседней уведомление об отправке документа.

В зависимости от ситуации каждое ведомство могло выступать то в роли источника, то в роли получателя информации. Таким образом осуществлялась обратная связь в этой коммуникативной системе. Однако характер посылаемой информации, естественно, различался в зависимости от положения на коммуникативной вертикали. Вышестоящие органы порождали распоряжения, нижестоящие — отчеты о «проделанной работе» и донесения различного рода (скажем, списки налогооблагаемого населения). Одним из самых массовых видов информации, распространяемых Центром, являлись также календари.

призванные обеспечить создание единого общегосударственного времени, «вмещающего» в себя всю остальную информацию, необходимую для функционирования государства⁶.

Примером того, какими документами обменивались провинция и Центр, может послужить сохранившийся до нынешнего дня список тех документов, которыми в 734 г. обменивалась провинция Идзумо со своими партнерами по коммуникативному процессу. Этот список носит название «Идзумо-куни кэйкайтё» («Реестр документов провинции Идзумо»). Он состоял из 45 свитков и был привезен в столицу управителем провинции в 10-й луне. В этом реестре перечислены все «входящие» и «исходящие» за год документы, связанные с функционированием управления провинции Идзумо. К входящим документам следует отнести прежде всего распоряжения вышестоящих ведомств (высший государственный совет *дадзёкан*, восемь министерств, другие вышестоящие учреждения). Например, распоряжение военного министерства о необходимости прислать стражника для охраны государева дворца взамен сбежавшего Кацубэ-но Оми Отомаро (отправлено 23-го числа 3-й луны, доставлено 10-го числа 4-й луны). В ответ на это распоряжение управление провинции Идзумо отправило исходящий документ от 20-го числа 4-й луны, свидетельствующий о том, что такой стражник в сопровождении армейского пятидесятника по имени Оки-кабэ-но Оми Мидзусаси в столицу послан. Документы такого толка поступали в конечном счете в *дадзёкан*. После истечения трехлетнего срока хранения они уничтожались (разрезались на удобные для письма листочки и использовались как «оборотки»).

В качестве документа образца *и* можно привести следующий пример: 8-го числа 4-й луны в Управлении Идзумо были получены 2 документа из министерства народных дел (*мимбусё*) и 1 из военного министерства, которые были адресованы в соседнюю с Идзумо провинцию Хоки, а также в провинцию Оки. В них говорится о необходимости представить одного работника взамен сбежавшего от несения трудовой повинности и отремонтировать склад для хранения зерна. Дело-производителями Идзумо сделана запись о получении этих документов и об отправке их по назначению. Эта запись свидетельствует, что одним из основных принципов делопроизводства был принцип «уд-

⁶ О календарях в системе государственного управления древней Японии см. Хиракава Минами. Ёмигазру кобунсё. Уруси-ни тодзико-мэарэта нихон сякай (Ожившая документация древности. Японское общество в «текстах на бумаге, пропитанной лаком»), Токио, 1994, с. 63–84.

воения исходной информации», или принцип обратной связи – на всякое распоряжение и обращение непременно должен был последовать ответ.

Среди других документов в состав «Реестра» входили и такие, как, например, перепись домашней птицы и лошадей.

За два месяца до упомянутого визита управителя Идзумо в Нара в столицу было доставлено еще 18 свитков документов, имевших отношение к налогообложению во вверенной ему провинции (списки тяглого населения и освобожденных от налогов по причинам траура по родителям, преклонного возраста и физических увечий, а также список рабов, сменивших своего владельца)⁷.

Дорожная инфраструктура. Создание единого общегосударственного информационного поля сопровождалось значительной активностью государства в области дорожной инфраструктуры. Она была призвана облегчить обменные процессы между центром и периферией, между отдельными регионами, различными хозяйственными укладами. Однако, судя по всему, планомерное строительство дорожной сети было начато не ввиду экономической потребности в ней периферии, но поскольку они были нужны прежде всего Центру – исходя из соображений престижности и управленческих нужд. Строительство дорог осуществлялось крестьянами, мобилизованными для несения трудовой повинности.

Еще в начале VII в. (в правление Суйко) было проложено несколько прямых дорог. Одна из них была построена из дипломатических соображений и соединяла расположенные в Асука резиденции японских правителей с Нанива (совр. Осака), где находилась морская гавань, куда в то время прибывали китайские и корейские послы. Другие дороги были также абсолютно прямыми. Они проходили по равнине Нара. О выдающемся значении, придававшемся раннеяпонским государством строительству дорог, свидетельствует знаменитый «Манифест Тайка» (645 г.), знаменующий собой начало реформ и перехода к «современному» государству. В этом указе наряду с радикальными реформами прежней системы социально-политического и экономического устройства (отмена частной собственности на землю, введение надельной системы землепользования и др.) большое внимание уделяется созданию сети почтовых дворов, призванных обеспечить бесперебойное сообщение – быстрое прохождение информационного сиг-

нала (доставку распоряжений правительства и отчетов с мест) и налогово-товарных потоков.

В VIII в. в стране было сооружено семь так называемых государственных дорог (*кандо*), соединявших столицу Нара с основными регионами. Они назывались следующим образом: Токайдо (проходила вдоль берега Тихого океана от столицы через провинцию Хитати до провинции Муцу, соединяясь с Тосандо), Тосандо (проходила по центру Хонсю от столицы до северных провинций Муцу и Дэва), Хокурикудо (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Этиго), Санъиндо (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Нагато), Санъёдо (проходила по побережью Хонсю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, от столицы до провинции Нагато), Нанкайдо (проходила от столицы до Авадзи и затем по побережью о-ва Сикоку, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря с ответвлениями во все четыре расположенные там провинции) и Сайкайдо (проходила по провинциям острова Кюсю). Исходя из значимости, дороги были ранжированы как «большие», «средние» и «малые». Статус «большой» имела только Санъёдо – поскольку Кюсю был основным источником информации с материка, а также потому, что во второй половине VII–VIII вв. Япония постоянно опасалась вторжения из Силла и Китая (в этом случае она могла быть использована для переброски войск). Статус «средних дорог» был присвоен Токайдо и Тосандо – ввиду военной экспансии Японии на север Хонсю, направленной против племен *эмиси* (айнов), эти направления были признаны стратегически важными. Остальные дороги считались «малыми».

На «государственных» дорогах были возведены управления провинций. От управлений провинций были проложены дороги к управлениям уездов. На дорогах располагались почтовые дворы, предназначением которых было обеспечение государевых гонцов ночлегом и лошадьми. В зависимости от статуса дороги на них содержалось от 5 до 20 лошадей (всего же – около 4200). Как правило, почтовые дворы располагались на расстоянии приблизительно 16 км друг от друга (их общее число составляло чуть более 400).

Раньше считалось, что данные законодательных сводов об устройстве дорожной инфраструктуры являются в значительной степени фикцией, а их ширина не превышала 1–2 метров. Однако аэрофотосъемки и археологические разыскания недавнего времени показали, что дороги того времени действительно были прямыми и достаточно широкими (дорога Нанива – Нара – 18 метров, Фудзивара – Нара – 23 метра, На-

⁷ Ёсида Такаси. Кодай кокка-но акюми (Введение /в историю/ древне /японского/ государства), Токио, 1996, с. 462–473.

ра – управления провинции – управления уездов – 6–13 метров), т.е. они в значительной степени сложились не в результате «естественного» и стихийного хода экономического развития, но как последствия планомерной деятельности государства (частичное исключение составляют существовавшие издавна дороги внутри уездов, которые затем были усилены государством спрямлены и соединены в одну сеть с вновь построенными)⁸.

Формирование в древности централизованного государства с абсолютной неизбежностью сопровождается широкомасштабным строительством дорог. Ведут же они всегда в столицу. Однако их более конкретное функциональное предназначение может быть различным. Начало строительства государственных дорог в Римской Империи (их протяженность оценивается в 290 тысяч километров при ширине 3–5 метров) было вызвано прежде всего пространственной экспансией и военными нуждами. Циньская династия, объединившая в 221 г. Китай, также занималась активным строительством дорог, но при этом 54% дорожной сети протяженностью 120 000 километров предназначалась для церемониального объезда императором подчиненных ему территорий⁹.

В Японии VIII в. явно не существовало потребности в ритуальном осмотре императором своей страны. Часто встречающийся в других культурах ритуал объезда (обхода) царем своего царства имеет в японской архаике форму «осматривания страны» – *куними*, когда правитель, забравшись на священную гору, «присваивает» территорию взглядом¹⁰. Начиная же с VIII в. правитель постепенно лишается функции движения – он пребывает в столице, реализуя по преимуществу речевую сторону (отдача распоряжений) своего сакрального бытия.

На сегодняшний день можно сказать, что «государственные дороги» реально использовались для передачи на места распоряжений центральных властей и отчетов местных властей в столицу, для доставки налогов, транспортировки людей и грузов при проведении общественных работ (строительство столицы, центров местной власти, буддийских храмов, ирригационных сооружений). Землемерные работы, связанные с надельным землепользованием и проведением административных границ между провинциями, также имели своей точкой отсчета именно государственные дороги. Дороги, ведущие на север

⁸ Кодай дорю (Древние дороги). Токио, 1996.

⁹ Там же, с. 3.

¹⁰ См. Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей, с. 219–451.

Объемы письменной информации в Японии VIII–X вв.

Хонсю, использовались также для перемещения войск во время завоевательных экспедиций против *эмиси*, а дороги на Кюсю – для перемещения войск, мобилизованных для подавления мятежей племен *хаято* (юг Кюсю) и мятежа Фудзивара-но Хироцугу (740 г., когда на Кюсю было послано 17-тысячное войско). Вкупе со строительством столицы, других населенных и административных пунктов, прокладка дорог была одним из наиболее зримых свидетельств создания антропогенной среды обитания.

Примером, каким образом осуществлялись экономические коммуникации между Центром и периферией, могут послужить сравнительно хорошо документированные его контакты с провинцией Вакаса (преф. Фукуи), прослеженные Татэно Кадзуми¹¹. Расположенная между побережьями Японского моря и озера Бива, эта провинция относилась к разряду «ближних». Процесс доставки налога начинался во второй декаде 8-й луны, при этом «ближние» провинции должны были закончить доставку к концу 10-й луны, «среднеудаленные» – к концу 11-й луны, «дальние» – к концу года. Основным продуктом, который традиционно доставлялся из Вакаса в качестве налога (*мё*), была соль (поскольку залежи каменной соли в Японии отсутствуют, ее там всегда производили с помощью выпаривания из морской воды). Каждый тягловый крестьянин в возрасте от 21 года до 60 лет был обязан поставить около 21 кг соли. Крестьянские дворы доставляли соль в управление уезда. Там к каждому мешку с солью прикрепляли деревянную табличку (*моккан*), на которой указывалось, в каком году, от какого крестьянина, из какого села и в каком количестве поступил налог. После того, как эта процедура была завершена во всех уездах, начиналась доставка соли в столицу, причем эту операцию возглавляли сам управитель провинции и управители уездов. Доставка соли в столицу осуществлялась выделяемыми из своей среды крестьянами, причем община должна была предоставить средства на их прокорм в пути. Ввиду широтного расположения японских рек водные пути при транспортировке налогов использовались чрезвычайно редко, однако в данном случае в часть маршрута могла проходить по озеру Бива. Поскольку лошади в Японии были дороги, а количество их – не так велико, то обычно считалось, что ответственным за доставку налоговых поступлений приходилось тащить груз на себе (нам такое предположение кажется сильным преувеличением ввиду явной невозможности обработки такого количества грузов только с помощью мускульной силы). Путь до сто-

¹¹ Тодзё-но сэтай, с. 442–451.

лицы занимал около четырех дней. Ночевать же приходилось в открытом поле, использование для ночлега почтовых станций запрещалось (находившиеся там лошади также не могли быть использованы в качестве тягловой силы). После складирования налога в столице крестьяне не возвращались домой, причем им выдавались средства для закупки провианта в дороге (специальный государев указ обязывал крестьян в придорожных селах продавать продовольствие). Источники, однако, свидетельствуют о многочисленных случаях голода, смерти от голода и болезней среди тех, кто занимался доставкой налогов, что говорит о предельной тяжести этого занятия.

В связи с этим, а также по причине тяжести труда тех, кто был занят строительством столичных объектов, на дорогах Нарской Японии можно было обнаружить немало беглых крестьян. Для их поимки на границах важнейших провинций были учреждены заставы, пройти которые можно было лишь с предъявлением соответствующего пропуска. В случае же если беглеца поймать не удавалось, то пятидворка, к которой он был приписан, представляла человека ему на замену.

Вход в столицу и во дворец, равно как и выход оттуда, также осуществлялся в режиме пропускной системы. Поскольку значительная часть населения Нара обладала земельными наделами (а низкоранговые чиновники зачастую сами занимались обработкой земли), покидать пределы столицы им приходилось довольно часто. Сохранившиеся пропуска, выписанные на *моккан* (с 715 г. они стали выписываться на бумаге с приложением печати), свидетельствуют, что там указывались не только сведения по данному человеку (имя, ранг, место приписки, цель путешествия), но и масть и возраст его лошади (если, конечно, таковая имелась). Все это, разумеется, создавало определенные неудобства, в том числе и для еще одной категории людей, которым приходилось отправляться в путь — для тех, кто вез товары на рынок (с целью продажи или обмена).

Сделав столицу основным хранилищем налоговых поступлений, Двор затем занимался их распределением в соответствии со своими нуждами. Помимо потребления в самой столице (именно на нее приходилась основная доля потребления налогов), существовала и определенная необходимость доставки соли в другие места. Наиболее показательный пример представляет собой табличка-моккан, обнаруженная в провинции Кавати. Отправителем соли указана при этом провинция Вакаса. Поскольку Кавати расположена на пути из Вакаса в Нара, наиболее экономически целесообразным было бы привезти соль из Вакаса прямо в Кавати. Однако логика централизованного государства с точки зрения эко-

номики часто бывает несколько абсурдной: сначала все налоговые поступления складываются в самой столице, а уже потом отправляются туда, куда сам Двор сочтет это необходимым.

Созданная дорожно-транспортная система функционировала достаточно эффективно с точки зрения скорости доставки распоряжений правительства. В VIII в. в случаях срочной нужды расстояние между Кюсю и Нара покрывалось государевыми гонцами за 4–5 дней, а между северо-восточными районами Хонсю и столицей — за 7–8 дней.

Вместе с эрозией государственных институтов и структур в период Хэйан в начале IX в. этот срок увеличился до 6–12 дней в первом случае и до 13 дней — во втором¹². Это произошло за счет сокращения количества почтовых дворов и ухудшения дорог, которые стали уже и искривленнее. Многие из них были заброшены. В «Дневнике путешествия из Сарасина» его автор Сугавара Такасуэ описывает свое возвращение в столицу после окончания срока службы в Кадзуса, во время которого ему приходится останавливаться на ночлег в личных домах и даже строить шалаши, что было немисливо в VIII в., когда путешествующих чиновников обязательно ждал ночлег на почтовых станциях.

Следует иметь в виду, что функционирование «государственных дорог» было связано прежде всего с управленческими, а не с экономическими нуждами. Ширина этих дорог явно превышала практическую потребность в продвижении товарных потоков. Эта «внеэкономическая» логика была характерна для модуса поведения государства во всех областях его деятельности. В VIII в. был короткий период (740–745 гг.), когда резиденция императора Сёму покинула Нара. И тогда началось строительство столицы в Куни. Однако в связи с тем, что помыслы Сёму были направлены в тот момент к сооружению огромной статуи Будды и возведению буддийского храма Когадэра, строительство Куни было приостановлено. И тогда Сёму предпринял не слишком характерное для государственной организации централизованного типа действие — опрос чиновников госаппарата и торговцев на рынке в Куни относительно того, где должна располагаться столица. Мнение чиновников разделилось приблизительно поровну между Куни и Нанива. Торговцы же практически единогласно высказались за Куни¹³. Совершенно понятно, что именно торговцы в наибольшей мере руководствовались соображениями экономической целесообразности,

¹² Коцу, унсо (/Система/ коммуникаций /в древней Японии/). Токио, 1985, с. 102.

¹³ Сёку Нихонги. Тэмпё (Анналы Японии. Годы Тэмпё). 16-1 доп. — 1, 4.

а само обращение к ним свидетельствует об определенном желании учета и их мнения (столица с ее ограниченными возможностями по самообеспечению не могла существовать без рынков). Однако принятое «волевое» решение (сначала о переносе резиденции в Нанива, а затем о возвращении ее в Нара¹⁴) говорит о превалировании «внерыночного» компонента в устройстве государства «*рицурё*».

При создании общегосударственной системы сообщения водные пути коммуникации были почти полностью проигнорированы (это касается как рек, так и моря). Текущие в широтном направлении японские реки не обладают большой протяженностью и, в силу большого перепада высот, малоудобны для сообщения. Хотя и существовали расположенные на реках водные почтовые станции, число их было крайне невелико. Что касается моря, то, по всей вероятности, морские пути не считались достаточно надежными. Данная стратегия была, несомненно, стратегией чисто сухопутного, земледельческого государства.

Одним из символических (да и практических) выражений такой стратегии явилось прекращение посольств в Китай в IX в. и прямой запрет на контакты с ним без специального разрешения: достигнув на какой-то период политическо-социальной стабильности, государство абсолютно потеряло интерес к подвижной стихии воды, соединявшей его с внешним миром, стало испытывать страх перед открытыми пространствами, все более замыкаясь «на внутреннем» во всех его проявлениях. На самом-то деле такой подход реально игнорировал природные условия архипелага, что и послужило впоследствии одной из причин глубокого кризиса властных структур аристократии (полная замкнутость системы и отсутствие информации из внешнего мира ведет, как известно, к ее гибели), завершившегося выходом на историческую арену сословия самураев. И тогда товарные потоки стали все чаще направляться водным путем. Считается, что негосударственный каботажный флот получил большое развитие к XI в. Однако основные культурные стереотипы были уже сформированы — самурайство как социальная группа тоже не имела особого желания выходить за пределы Японии. Милитаристская направленность самурайства реализовалась не во внешней экспансии (единственное исключение — поход Тоётоми Хидэёси в Корею), а в продолжительной серии междоусобных войн. Море воспринималось в целом как враждебная стихия, что привело в результате в XVII в. к закрытию страны, т.е. к новой переориентации на сухопутное сообщение.

¹⁴ Там же. 16-2-26, 17-5-11.

Объем письменной информации. Для периода Нара лучше всего документированы условия труда работников (низкоранговых чиновников) «ведомства по переписке буддийских сутр» (*сякёдзё*). Это ведомство было создано в 736 г. для Комё, набожной супруги государя Сёму (724–749), а потом попало в подчинение самого крупного столичного храма Тодайдзи. Существование этого органа было обусловлено той государственной поддержкой, которая оказывалась в то время буддийской церкви.

В состав *сякёдзё* входили работники четырех основных категорий. Во-первых, это были собственно переписчики (*кёси*), наиболее многочисленная категория работников. Их число в разные периоды составляло от нескольких десятков до сотни человек. Во-вторых, это были работники «отдела кадров» (*сидзи*), занимавшиеся подбором переписчиков по результатам экзаменов (многие из них первоначально служили в других государственных учреждениях). В-третьих, обслуживающий труд переписчиков персонал (*соко*), в обязанности которого входили подготовка предназначенной для копирования бумаги и окончательное оформление рукописи (брошюровка). В-четвертых, корректоры (*косэй*). В-пятых, «художники» (*дайси*), писавшие заголовки рукописей.

Поскольку во всех правительственных учреждениях велся табель выходов на работу, то сохранились данные по загруженности персонала *сякёдзё*. Согласно подсчетам Саказара Тобао, в среднем в один месяц работник *сякёдзё* по имени Ното-но Осихито выходил на работу 22,5 дня в утреннюю смену и 20,6 раза — в вечернюю. Не совсем ясно, какое время занимала продолжительность рабочего дня при совмещении утренней и вечерней смен, но, предположительно, эта цифра превышала 10 рабочих часов. Что касается «настоящих» выходных, когда работник имел право покинуть общежитие и навестить семью, то данные по другому работнику — Урабэ-но Осие — показывают, что 2-3-дневный отпуск предоставлялся ему один раз в 2-3 месяца¹⁵.

Об объеме работы, выполняемой переписчиками, сохранились вполне удовлетворительные данные за 772 г. Из них следует, что между отдельными писцами существовала довольно существенная разница (отклонение от средних показателей для самых «трудолюбивых» и самых «ленивых» составляет до 50%). В среднем же ежедневная выработка на одного переписчика составляла 8,6 страницы (около 3800 иероглифических знаков)¹⁶. Если условно принять, что количест-

¹⁵ Тодзё-но сэйтай, с. 227–233.

¹⁶ Там же, с. 234–235.

во писцов составляло 50 человек, то получится, что ежедневная продукция Сякёдзё составляла 430 страниц (190 000 знаков). При занятости в 20 дней в месяц (240 дней в год) получается, что ежемесячная выработка переписчиков сутр составляла 8600 страниц (3 800 000 знаков), а годовая – 103 200 страниц (45 600 000 знаков). Приведенные цифры дают некоторое представление о том, в каких объемах осуществлялось внедрение письменной культуры в VIII столетии усилиями только одного правительственного учреждения. Специфика его работы заключалась в том, что оно занималось переписыванием уже готовых текстов, т.е. не производило новой информации, а только распространяло старую.

При допущении, что каждый переписчик на государственной службе выполнял один и тот же объем работы, данные Ведомства по переписке сутр позволяют сделать приблизительные расчеты по объему производимой письменной информации центральными и провинциальными учреждениями в целом, поскольку известно, какое количество переписчиков состояло там на службе согласно законодательным сводам. Разумеется, работа переписчиков сутр и бюрократических документов имеет свою специфику. Так, переписка сутр должна была, вероятно, вестись несколько более медленными темпами, поскольку от этой работы в силу сакрального характера копируемых текстов требовалась особая тщательность (переписчики документов в учреждениях имели дело с документами разной важности). С другой стороны, переписчики сутр были заняты исключительно копированием, в то время как работающие в государственных учреждениях наверняка могли отвлекаться и для других мелких поручений. Однако, как нам представляется, допускаемое нами приравнивание не может принципиально исказить объем выполняемых работ.

Для нашего исследования именно фигура переписчика является ключевой, поскольку без его участия на конечной стадии подготовки документов ни один из них не мог появиться на свет. Согласно законодательным сводам, в обязанности переписчиков (*сисё*) входило «перебеливание документов, их копирование, окончательное оформление и подписывание у начальства»¹⁷.

Во время составления сводов в начале VIII в. бюрократическая машина еще находилась в состоянии становления – писцы были приданы в основном только палатам (*кан*) и министерствам (*сё*), в то время как подчиненные последним управления (*рё*, *цукаса*, *сики*) были

¹⁷ Рицурё, П-2.

Объемы письменной информации в Японии VIII–X вв.

почти полностью проигнорированы (полное отсутствие переписчиков в палате, занимавшейся делами синто, объясняется опорой синтоизма прежде всего на устную традицию передачи сакральной информации, что сказалось и на способах управления внутри этого учреждения). Однако уже после составления сводов мы неоднократно встречаемся с просьбами различных ведомств об увеличении количества переписчиков, что свидетельствует о возрастающем объеме работы с бумагами. Сводные данные о количестве переписчиков в X в. содержатся в «Энгисики». Поэтому для уяснения динамики возрастания количества письменной информации имеет смысл расчет сопоставительных данных по законодательным сводам и «Энгисики».

Название учреждения	Количество Писцов ¹⁸	Количество писцов ¹⁹	Объем копируемой информации ²⁰	Объем копируемой информации ²¹
Дзингикан (палата небесных и земных божеств)	0	4	0	15 200
Дадзёкан (палата большого государственного совета)	10	11	38 000	41 800
Сабэнкан (палата левого цензора)	10	18	38 000	68 400
Убэнкан (палата правого цензора)	10	18	38 000	68 400
Тюмусё (главное министерство)	20	20	76 000	76 000
Найки (переписчики при секретариате тюмусё)	0	2	0	7 600
Гэнмоцусики (управление ключарей)	0	8	0	30 400
Тюгусики (управление двора государыни)	0	8	0	30 400

¹⁸ Данные законодательных сводов.

¹⁹ Данные «Энгисики».

²⁰ По данным законодательных сводов (количество знаков в день).

²¹ По данным «Энгисики» (количество знаков в день).

Охотонзирё (большое управление охранников-тонзри)	0	4	0	15 200
Дзусёрё (архивное управление)	0	5	0	19 000
Курарё (управление дворцовых кладовых)	0	10	0	38 000
Нухидоно-цукаса (швейное управление)	0	4	0	15 200
Оммёрё (астрологическое управление)	0	4	0	15 200
Утикура-но цукаса (управление внутренней сокровищницы)	0	7	0	26 600
Сикибусё (министерство церемоний)	20	20	76 000	76 000
Дайгакурё (управление школами чиновников)	0	8	0	30 400
Сангирё (управление рангов)	6	0	22 800	0
Дзибусё (министерство управления гражданскими делами)	10	10	38 000	38 000
Гагакурё (музыкальное управление)	0	4	0	15 200
Гэмбанрё (управление по делам монахов и чужеземцев)	4	4	15 200	15 200
Мисасаги-но цукаса (управление государевых усыпальниц)	0	4	0	15 200
Мимбусё (министерство дел народа)	10	20	38 000	76 000
Сюжэйрё (счетное управление)	6	11	22 800	41 800
Сюсайрё (налоговое управление)	4	7	15 200	26 600
Хёбусё (военное министерство)	10	20	38 000	76 000
Хаяхито-но цукаса (управление по делам племен хаято)	0	5	0	19 000

Кюбусё (министерство наказаний)	10	10	38 000	38 000
Хандзи (отдел судей)	0	4	0	15 200
Сюкокуси (тюремное управление)	0	2	0	7 600
Охокура-но цукаса (министерство большой сокровищницы)	6	20	22 800	76 000
Ориба-но цукаса (швейное управление)	0	4	0	15 200
Кунайсё (министерство двора)	10	18	38 000	68 400
Дайдзэнсики (управление дворцового стола)	0	8	0	30 400
Мокукурё (управление государевых строительных работ)	0	11	0	41 800
Охохирё (продовольственное управление двора)	0	5	0	19 000
Сюдэнрё (хозяйственное управление)	0	5	0	19 000
Тэньякурё (аптекарское управление)	0	4	0	15 200
Канимори-но цукаса (управление по уборке дворца)	0	5	0	19 000
Охокими-но цукаса (управление по делам государственной семьи)	0	2	0	7 600
Найдзэнси (управление стола государя)	0	2	0	7 600
Сакэ-но цукаса (винокурное управление)	0	4	0	15 200
Унэмэ-но цукаса (управление женского персонала двора)	0	2	0	7 600
Мохитори-но цукаса (управление снабжения водой)	0	2	0	7 600
Дандзёдай (ведомство инспекции)	6	6	22 800	22 800

Сакёхики (управление левой части столицы)	0	11	0	41 800
Укёсики (управление западной части столицы)	0	11	0	41 800
Химугаси-но ити-но цукаса (управление восточного рынка)	0	2	0	7 600
Ниси-но ити-но цукаса (управление западного рынка)	0	2	0	7 600
Сюнгубо (управление делами престолонаследника)	0	4	0	15 200
Тонзри-но цукаса (ведомство охранников-тонзри)	0	2	0	7 600
Сюдзэнкэн (ведомство стола престолонаследника)	0	2	0	7 600
Сюдзюкэн (ведомство сокровищницы престолонаследника)	0	2	0	7 600
Сюдэндзё (ведомство дворца престолонаследника)	0	2	0	7 600
Сюмэдзё (ведомство конюшни престолонаследника)	0	2	0	7 600
Всего	152	390	577 600	1 482 000

Исходя из приведенных данных, количество письменной информации, производимой двором, составляет, по нашим оценкам, следующие цифры. Для VIII в.: 11 552 000 знаков в месяц и 138 624 000 знаков в год (при допущении, что работа продолжалась 20 дней в месяц и 240 дней в год). Для начала X в. эти цифры составляют 29 640 000 и 355 680 000 знаков.

Чтобы лучше представить себе объем производимой государственными учреждениями информации, сравним его с количеством знаков, содержащихся в «Сёку нихонги». Согласно нашим подсчетам, оно составляет около 359 000 знаков. Таким образом, еще в VIII в. объем ежедневно производимой только столичными чиновниками информации намного превышал объем хроники, охватывающей события при-

близительно в 90 лет. Это, в частности, показывает, какой активной была работа государственного аппарата по продуцированию письменной информации и какая ничтожная ее часть (менее 10%) находится ныне в нашем распоряжении (следует, разумеется, иметь в виду, что документы могли переписываться в нескольких экземплярах, часть их наверняка переписывалась вновь с учетом исправлений и дополнений высшего начальства, что снижает показатель продуцируемости новой информации).

Кроме того, нельзя забывать и о том, что значительная часть документов, продуцируемых двором, представляла собой распоряжения, требующие ответа от управления провинций, которые выступали непосредственным партнером Центра по коммуникативному процессу и где концентрировалась основная информация, туда посылаемая (штаты управлений уездов не предусматривали специальной должности переписчика, функции которого выполняли другие чиновники). Причем, судя по всему, количество грамотных людей в самом низу бюрократической пирамиды было настолько велико (превосходило потребности государственного аппарата), что первоначальный срок службы переписчика (6 лет) в 758 г. был сокращен до 4 лет, поскольку «количество желающих велико, а мест весьма мало»²².

Согласно законодательным сводам, все провинции делились в Японии на четыре категории: «большие», «верхние», «средние», «нижние». Поскольку законодательство не приводит списка такого ранжирования, мы вынуждены обратиться к «Энгисики», где одним из основных его критериев является, видимо, количество податного населения. Ранжирование «Энгисики» выглядит следующим образом (в скобках указано количество уездов в провинции). К «большим» относятся 13 провинций: Ямато (15), Кавати (14), Исэ (13), Мусаси (21), Кадзуса (11), Симоса (11), Хитати (21), Ооми (12), Кодзукэ (14), Муцу (35), Этидзэн (6), Харима (12), Хиго (14). К «верхним» относятся 35 провинций: Ямасиро (8), Сэцу (13), Овари (8), Микава (8), Тооми (13), Суруга (7), Каи (4), Сагами (8), Мино (18), Синано (10), Симодзукэ (9), Дэва (11), Кара (4), Эттю (4), Этиго (7), Тамба (6), Тадзима (8), Инаба (7), Хоки (6), Идзумо (10), Мимасака (7), Бидзэн (8), Биттю (9), Бинго (14), Аки (8), Сува (6), Кии (7), Ава (9), Сануки (11), Иё (14), Тикудзэн (15), Тикуго (10), Будзэн (8), Бунго (8), Хидзэн (11). «Средних» провинций насчитывалось 11: Ава (4), Вакаса (3), Ното (4), Садо (3), Танго (5), Ивами (6), Нагато (5), Тоса (7), Химука (5), Оосуми (8), Сацума (13). И к

²² Сёку нихонги. Тэмплё-Ходзи (Годы Тэмплё-Ходзи), 2-10-25.

«нижним» относилось 9 провинций: Идзуми (3), Ига (4), Сима (2), Идзу (3), Хида (3), Оки (4), Авадзи (2), Ики (2), Цусима (2).

Если оценить количество провинций на момент составления «Тайхо рицурё» в начале VIII в., то получим цифру в 61 провинцию: Дэва выделилась из Муцу в 712 г., Танго из Тамба, Мисака из Бидзэн, Оосуми из Химука в 713 г., Идзуми из Кавати в 716 и 757 гг. (были вновь объединены в 740–757 гг.), Ава из Кадзуса в 718 и 757 гг. (были вновь объединены в 741–757 гг.), Ното из Эттидзэн в 718 г., из Эттю в 757 г. (была объединена с Эттю в 740–757 гг.), Кага из Эттидзэн в 823 г. (Танэгасима слилась с Оосуми в 824 г.).

Количество переписчиков во всех провинциях составляло, согласно законодательным установлениям VIII в., 3 человека (т.е. первоначально предполагалось, что независимо от ранга провинции количество производимой там информации будет более или менее одинаковым). Кроме того, в провинции Тикудзэн находилось управление делами *дадзайфу* (9 провинций на юго-западе страны: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Хюга, Оосуми, Сацума, Ики, Цусима). С учетом этого получается, что, помимо столицы, в провинциях находилось 203 переписчика, что сопоставимо с количеством переписчиков в Нара, но несколько превышает его. По всей вероятности, это свидетельствует о том, что количество информации, вырабатываемой в провинции, приблизительно соответствовало ее объему в Центре.

Довольно быстро, однако, пришло осознание необходимости того, что количество работы в разных провинциях было разным. В связи с этим к количеству переписчиков в провинциях стал применяться дифференцированный подход. Согласно указу 724 г., в «больших провинциях» должно было находиться 4 переписчика, в «верхних» – 3, в «средних» и «нижних» – по 2²³. В указе 766 г. отмечалось, что «хотя имеется много людей, которые могли бы исполнять должность переписчиков, а потому [подходящих] людей достаточно, но штатное расписание недостаточно». На этом основании количество переписчиков было увеличено во всех провинциях на 2 человека по сравнению с указом 724 г.²⁴ В 779 г. количество переписчиков в провинциях было вновь несколько изменено: в «больших провинциях» находилось по 5 переписчиков, в «верхних» – 4, в «средних» – 3, в «нижних» – 2²⁵.

²³ Там же. Дзинги (Годы Дзинги), 5-8-9.

²⁴ Там же. Тэмпей-дзинго, 2-5-11.

²⁵ Там же. Хоки (Годы Хоки), 10-5 вставной – 27.

Объемы письменной информации в Японии VIII–X вв.

Что касается X в., то, по данным «Энгисики», количество переписчиков в провинциях совпадало с распоряжением 779 г. (при этом сведений по *Дадзайфу* не приводится – по всей вероятности, в связи с фактической утерей юго-западом своего особого статуса). Таким образом, в 68 провинциях имелось 256 переписчиков, что уступает на сей раз их количеству в столице.

Получается, что при общем росте числа переписчиков как в Центре, так и на местах, их намного больше увеличилось в столице (256,6%), чем в провинциях (126,1%). Из этого можно заключить, что и основной прирост письменной информации происходил в столице. Прежде всего, вероятно, за счет увеличения межведомственной документации в самой столице и за счет увеличения документации, относящейся к непосредственному обслуживанию персоны государя, его семьи и двора. Об этом свидетельствуют следующие данные: штат переписчиков Министерства государева дворца (*Кунайсё*) и приданных ему ведомств увеличился с 10 до 68 (680%) человек – самое большое увеличение среди всех ведомств (штат переписчиков *дзингикин* увеличился с 0 до 4 человек, *дадзёкан* – с 10 до 11 (110%), *сабэнкан* и *убэнкан* – с 10 до 18 (180%), *тёмусё* – с 20 до 72 (360%), *сикибусё* – с 26 до 28 (107,7%), *дзибусё* – с 14 до 22 (157%), *мимбусё* – с 20 до 38 (190%), *хёбусё* – 10 до 25 (250%), *кэйбусё* – с 10 до 16 (160%), *оокура-но цукаса* – с 6 до 24 человек (400%). Если же учесть штаты переписчиков дворца государыни и престолонаследника, то окажется, что документированием жизни и телесных потребностей государя занималось большее количество людей, чем в любом другом ведомстве, которое занималось «общенациональными» проблемами.

Эта закономерность видна в самых разных областях жизни социума, культуры вообще. В период Хэйан организация высокоцентрализованного государства предыдущего периода приходит в упадок – большинство начинаний правителей Нара не находит своего продолжения. Однако выработанная при самом непосредственном участии государства установка на коммуникацию с помощью письменных сообщений не только сохраняет свое значение, но и получает дальнейшее развитие. Однако формы этой коммуникации претерпевают серьезные изменения. С упадком общегосударственной дорожной инфраструктуры информация, имеющая отношение к государственной жизни, все больше сосредотачивается непосредственно в столице (при этом сама идея «государственного» становится несколько иной), но, одновременно с этим, письменные сообщения личного свойства приобретают все большее значение.

Е. М. Дьяконова

ПИСЬМА С. Г. ЕЛИСЕЕВА К В. М. АЛЕКСЕЕВУ
1933–1936

В архиве семьи Алексеевых-Дьяконовых-Баньковских сохранилась подборка писем С. Г. Елисеева к крупнейшему отечественному китаеведу академику Василию Михайловичу Алексееву. Его дочь, Марианна Васильевна Баньковская, любезно предоставила их в мое распоряжение.

К сожалению, мы ничего не знаем о судьбе писем Василия Михайловича к Сергею Григорьевичу, хотя о содержании некоторых и можем судить по контексту посланий последнего. Не сохранились (не дошли до адресата?) и некоторые (судя опять-таки по контексту, – вовсе не одно-два) письма Сергея Григорьевича к Василию Михайловичу, – хотя времена, по известному выражению Ахматовой, были еще вполне «вегетарианские».

Кроме того, почти без риска ошибиться можно утверждать, что первое по времени письмо в нашей подборке¹ – на самом деле вовсе не первое из написанных С. Г. Елисеевым другу и коллеге после отъезда из России. Тому есть несколько доказательств. Само начало письма от 21 января 1931 г. ясно свидетельствует о длящейся переписке, в которой просто случился перерыв продолжительностью в несколько лет: «Простите, что так запоздал с этим письмом...», «Не помню, писал ли я Вам, что с 1929 мне предложили...» и т. п. Кроме того, в книге 2 журнала «Восток» за 1923 г. в заметке без подписи (но явно принадлежащей перу В. М. Алексеева) «Русское востоковедение за границей» можно прочесть следующее: «Русский японист, проф. С. Г. Елисеев, принимал участие в организации грандиозной выставки японского искусства, бывшей в Париже прошлой зимой. Как отличный знаток языка Японии и специалист по ее искусству, С. Г. Елисеев был, вероятно, в высшей степени полезным организатором и каталогизатором выставки, и надо надеяться, что ее каталог, чуть ли не впервые составленный лицом, соединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японологии. Остается ждать прибытия каталога».

С этой осени С. Г. Елисееву в Парижском университете поручен курс «Роман Токугавского периода». Как лектор он известен Парижу по лекциям в музее Гиме, где он состоит каталогизатором» (с. 132).

¹ Здесь и далее нумерация писем принадлежит публикатору.

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

Если о выставке и участии в ней Сергея Григорьевича В. М. Алексеев мог узнать из сообщений прессы, то о новом курсе и о службе в музее Гиме почти наверняка ему стало известно из писем самого С. Г. Елисеева.

Только догадываться можем мы и о причинах, по которым писем после 8 июля 1936 года не сохранилось вовсе. Прервалась переписка? Но ее очевидная сердечность совершенно не предполагает столь внезапного разрыва. Но поблагодарим людей и обстоятельства, сохранившие для нас, пусть во фрагментах и не «в дуэте» переписки, голос С. Г. Елисеева, одного из выдающихся востоковедов нашего века, обращенный к коллеге и другу, поверх разделившей их границы, год от году становящейся все более непреодолимой – для личной встречи уже давно, для писем покуда, в первой половине 30-х, еще проникаемой...

Итак, 15 писем, охватывающих период с 21 января 1933 г. по 8 июля 1936 г. Все письма написаны на бланках Harvard-Yenching Institute. 13 с половиной писем написаны от руки, это, так сказать, личный пласт переписки; полтора письма напечатаны на пишущей машинке и по-английски – это полуофициальные послания Сергея Григорьевича в качестве директора института и редактора только что организованного при его живейшем участии Harvard Journal of Asiatic Studies с предложениями о сотрудничестве к самому Василию Михайловичу и его коллегам из Азиатского музея (так по старой привычке почти в каждом письме именует С. Г. Елисеев прежнее место своей службы, хотя и осведомлен о его переименовании в 1930 г. в Институт востоковедения) в Ленинграде.

Скажем несколько слов о том, что остается за рамками переписки, ибо хорошо известно обоим корреспондентам, но, возможно, не всегда столь же понятно современному читателю.

В. М. Алексеев, родившийся в 1881 г., был на восемь лет старше своего коллеги и к моменту знакомства не только окончил уже в 1902 г. факультет восточных языков Петербургского университета, но и провел там два года в магистратуре, где был оставлен для приготовления к профессорскому званию; два года (1904–1906) усовершенствовался по специальности в Англии, Франции (занимался у Поля Пеллио, с которым сохранил дружбу на долгие годы; слушал лекции Э. Шаванна), Германии; с 1906 по 1909 г. Василий Михайлович командирован в Китай, где усердно занимается с китайскими учителями языком, закладывает основу своих изумительных коллекций книг, народной картины, эпиграфики, почтовых конвертов и пр.; в 1907 г. по приглашению сво-

его парижского наставника профессора Э. Шаванна принимает участие в археологической экспедиции по северо-восточному Китаю; по возвращении, с 1910 г., – приват-доцент Петербургского университета. В 1911 г. – знакомство Василия Михайловича с Сергеем Григорьевичем (об этом – в последнем по времени из наших писем: «Я часто вспоминаю нашу первую встречу в 1911 году...»).

Если В. М. Алексеев, по словам его друга академика И. Ю. Крачковского, был «человеком, который сам себя создал, без всякой посторонней помощи» («Я воспитывал себя сам, меня не надо было ни хвалить, ни ругать; ни поощрять, ни заставлять; ни высмеивать, ни жалеть»), то С. Г. Елисеев, родившийся в семье Григория Григорьевича Елисеева, одного из всероссийски известных «братьев Елисеевых», рано почувствовал на себе тиранический нрав отца, точно знавшего, что лучше для его многочисленных отпрысков. Как писали в 1912 г. в связи с громким скандалом в семействе Елисеевых «Биржевые ведомости», «отец (Г. Г. Елисеев. – Е. Д.) был доволен, когда старший сын ушел из дома. Он и второго сына, Сергея, по окончании гимназии отправил в Японию для изучения восточных языков. Потом третий сын, по настоянию отца, переехал в Берлин и поступил там в университет. Слава Богу, в случае с Сергеем отцовская воля совпала с устремлениями сына и мы не стали свидетелями драмы в духе пьес Островского!»

Как бы то ни было, в 1912 г. С. Г. Елисеев окончил Токийский университет со степенью бакалавра литературы (*бунгакуси*), представив работу «О поэзии Басё, великого народного поэта Японии»; затем в течение двух лет (1912–1914) совершенствовался при Токийском Императорском университете. Он был первым европейцем, окончившим университет в Японии. С 9 декабря 1915 г. С. Г. Елисеев приступил к преподаванию на факультете восточных языков Петроградского университета в должности приват-доцента на кафедре японской словесности.

Надо думать, с этого времени знакомство Сергея Григорьевича с Василием Михайловичем превращается если не в дружбу, то в доброе приятельство. Можно предполагать, к примеру, что отъезд в 1915 г. на стажировку в Японию любимейшего алексеевского ученика Н. А. Невского не обошелся без советов и консультаций опытного С. Г. Елисеева.

В 1916 г., 20 ноября, в открытом заседании факультета восточных языков Петроградского университета состоялась защита В. М. Алексеевым магистерской диссертации «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908)». С. Г. Елисеев был одним из двух (второй – А. И. Иванов) назначенных советом факультета официальных оппонентов. По семейному преданию, его отзыв оказался довольно-таки «кислым», но

в добрых нравах того времени – уважать мнение критика, если таковой остается в рамках этики научного спора, и отношения В. М. Алексеева к младшему коллеге отнюдь не ухудшились. (Позволю себе добавить в скобках и «во след» давнему диспуту, что время с определенностью доказало правоту В. М. Алексеева (сколь бы аргументированными ни были соображения его оппонента): книга о стансах Сыкун Ту – синологическая классика XX столетия, по сей день непревзойденный образец исчерпывающего филологического анализа средневекового китайского текста в широком культурологическом контексте.)

В уже упоминавшемся последнем, пятнадцатом, письме из нашей подборки Сергей Григорьевич, оглядываясь на минувшие годы, следящей после знакомства вехой отношений с Василием Михайловичем отмечает: «...наши лекции летом 1918 года и возвращения пешком через мост на Петроградскую сторону». За короткой этой фразой – памятное обоим корреспондентам время после переворота 1917 г.: гомотопия, разруха, растерянность. И если не иллюзии в отношении новой власти, то глубоко укоренившаяся в сознании профессуры мысль о необходимости народного просвещения вместе с желанием найти применение своим знаниям побуждает преподавателей уже Петроградского университета «в наступающем летнем семестре (15 мая – 15 июня)» открыть двери своих аудиторий, «доселе принимавших в себя только студентов-востоковедов, перед широкою публикой» и объявить «ряд публичных, научно-популярных курсов, имеющих целью привить... интерес к изучению Востока, к которому в России пора отнестись с глубочайшим вниманием»².

Среди лекторов – лучшие силы тогдашнего российского востоковедения: Марр, Орбели, Крачковский, Щербатской. В цитированной выше и опубликованной только спустя 60 лет после написания статьи об этих лекциях для журнала «Восток» В. Алексеев среди прочего пишет: «Лекции приват-доцента С. Г. Елисеева "Главнейшие течения японской литературы" будут посвящены прежде всего выяснению тех обстоятельств, которые были созданы заимствованием японцами у китайцев их письменности и всей культуры. Далее лектор остановится на древнейших японских песнях и гимнах и проследит их развитие в утонченную поэзию уже при помощи китайских знаков, вплоть до культурно-национального пункта (IX в.), с которого начинается подъем национального самосознания, приведший к созданию своей собственной письмен-

² В. М. Алексеев. Публичные лекции о Востоке в Университете. – Он же. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 259.

ности и даже к разрыву с отцом культур — Китаем. Будет выяснено громадное влияние пришедшего все из того же Китая буддизма, который в судьбах японской культуры играл весьма значительную роль. Особенный интерес для слушателей представят японские поэтессы, создавшие увлекательные дневники, которые пользуются до сего дня искренним почитанием (вне галантной снисходительности), а также положившие начало японскому роману, который с этого момента начинает царствовать в японской литературе, отражая и придворную жизнь утонченных эстетов XI в., и суровые подвиги самураев, и мировые фабулы буддизма, и, наконец, жизнь буржуазных классов, создавших ему реалистические формы. Лектор остановится, конечно, с должным вниманием на всем известном импрессионизме японской поэзии и ее причудливых формах, странных и пленительных. Будет уделено также время изложению особо интересующих самого лектора вопроса о развитии японской драматической поэзии и литературы, начиная от древних лирических драм "но" и кончая бытовыми пьесами современности. Наконец, лектор познакомит слушателей с теми формами, которые приняла японская литература под влиянием приобщения к европейской культуре и увлечения европейскими писателями, причем особенно интересно будет узнать об увлечении японцев целым рядом русских писателей: Достоевским, Л. Толстым, Тургеневым, Чеховым, Горьким, Андреевым, Зайцевым. Эти лекции по японоведению, которое после войны приобрело у нас большое количество адептов, особенно будут интересны в устах молодого лектора, всего лишь несколько лет назад окончившего университет в Токио и увлекающегося японским искусством, поэзией, литературой³.

В те трудные годы для востоковедов существовали два оазиса — Азиатский музей и горьковская «Всемирная литература». Разумеется, там было почти столь же голодно и холодно, как повсюду в тогдашнем Петрограде, но общение с душевно близкими людьми, сходно судящими о событиях, вместе с возможностью заниматься любимым делом давало силы жить.

В. Алексеев с 1913 г. состоял в Азиатском музее младшим ученым хранителем, а с 1918 г. — старшим ученым хранителем и действительным членом Коллегии востоковедов. Обратимся к воспоминаниям регулярно поминаемой в письмах Сергея Григорьевича жены Василия Михайловича Наталии Михайловны Дьяконовой: «Еще из папиных (отец Наталии Михайловны, известный историк России, академик

М. А. Дьяконов. — Е. Д.) старых товарищей поддерживалась известная близость с Ив. Мих. Гревсом и Серг. Фед. Ольденбургом. С этим последним мне пришлось близко столкнуться, так как он директорствовал в Азиатском музее, куда в 1918 г. я и была им принята. С поступлением в Аз. муз. открывается новый цикл знакомств. Прежде всего, я нашла там своего мужа (В. М. Алексеева. — Е. Д.) и приобрела таких друзей, как Ф. А. Розенберг, И. Ю. Крачковский, Б. Я. Владимирцов, С. Г. Елисеев и П. В. Ернштедт. Из всего этого чудесного коллектива существует только Елисеев, и тот в Париже, так что только в письмах мы можем вспоминать этот райский уголок» (Н. М. Дьяконова. «Уходят, уходят, уходят друзья...» Воспоминания. Рукопись хранится у М. В. Баньковской, дочери Наталии Михайловны).

Значит, вплоть до бегства С. Г. Елисеева с семьей в 1920 г. за границу (как сам он описывает в своем дневнике, ночью, на лодке, под выстрелы, крики и плач испуганных детей) они с В. Алексеевым, кроме университета, весьма и весьма тесно общались и по службе в Азиатском музее.

Наконец, задуманная и осуществленная Горьким, чтобы дать жизненную цель и кусок хлеба ученой и творческой интеллигенции «Всемирная литература». В. Алексеев с 1919 по 1925 г. — член редколлегии экспертов издательства, член редколлегии издававшегося при «Всемирной литературе» журнала «Восток». Сергей Григорьевич — среди авторов-востоковедов, он написал одну из первых в России обзорных статей «Японская литература», которая была опубликована во втором выпуске выходившего под патронажем Восточной коллегии «Всемирной литературы» сборника «Литература Востока»⁴. Заметим, что, несмотря на эмиграцию С. Г. Елисеева, его имя дважды упоминается в рецензии на этот сборник Д. К. Петрова⁵, опубликованной в книге третьей журнала «Восток»: «...у С. Г. Елисеева, автора статьи, излагающей судьбы японской литературы, есть много остроумных мыслей, ведущих прямо в глубь эстетических проблем» (с. 169). — и далее: «...ученые, которые занимаются драматургической проблемой, воспользуются статьей С. Г. Елисеева, потому что японская драма ("но" и "дзёрури") — во многом — развиваются параллельно драматическому творчеству других народов» (с. 170).

⁴ Литература Востока. Вып. П. Сб. статей. Пр. 1920, с. 38–89

⁵ Д. К. Петров (1872–1925) — испанист и арабист, первый директор основанного в 1921 г. Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при Петроградском университете.

³ Там же, с. 262–263.

Стоит, пожалуй, упомянуть в качестве постоянного места общения уже в домашней обстановке и МалАк'у – Малую (в отличие от Большой Академии наук) Академию, в которой начиная с 1918 г. дружески встречались и – вопреки всему – веселились крупнейшие ученые-востоковеды Петрограда. Об особой атмосфере МалАк'и, о стихах, капустниках, розыгрышах по архивным материалам много писала М. В. Баньковская, дочь Алексева.

Итак, Сергей Григорьевич навсегда покидает Россию, а Василий Михайлович остается дома. В 1923 г. из Лондона, находясь в научной командировке (в те годы еще возможной), он и в самом деле написал жене такие строки: «Теперь расскажу тебе следующее. Ко мне обратились с предложением выставить мою кандидатуру на пост профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке. Я поблагодарил за честь и отказался, убежденный теперь более чем раньше, что за границей мне жить будет трудно и что моя деятельность – на родине»⁶. В другом его письме находим, может быть, еще более определенное признание: «Мое место, говорил я, в России, и хотя жизнь в Париже соблазнительна, особенно после Петербурга, все же я буду жить только там... Будем верить в новую жизнь»⁷.

С. Г. Елисеева пригласят в Гарвард, и он будет сомневаться, удобно ли оставить только что созданную специально для него кафедру в Сорбонне, в то время как его старший коллега П. Пеллио станет горячо убеждать русского ученого ехать в Соединенные Штаты и даже остаться, если сможет «устроиться там на более выгодное место» и «что это также важно для японистики и парижским друзьям будет приятно, что в Харварде сидит их бывший коллега» (Письмо № 1 от 21 января 1933 г.).

15 писем С. Г. Елисеева свидетельствуют о нормальных трудностях ученого. Он скучает в разлуке с детьми, тяготится административными обязанностями, которые отрывают его от письменного стола; ворчит на лекционную загруженность – 6 часов в неделю! (заметьте в скобках, что, по собственному признанию Василия Михайловича, его преподавательская нагрузка доходила до 30 и даже 36 часов в неделю! Справедливости ради стоит указать, что в Европе для крупных ученых-востоковедов и шесть часов считались немыслимой

нагрузкой: Э. Шаванн, к примеру, имел всего 2 лекционных часа, а он не был исключением); недоволен отсутствием в Кембридже настоящей синологии и даже вынужден консультироваться с Василием Михайловичем по проблемам китайского языка; жалуется на непонимание миссионерами, имеющими несколько голосов в директорате института, его научных целей и задач. И подобного немало в письмах (вот один из наиболее «говорящих» примеров: «В конце сентября (1932 г. – Е. Д.), – пишет Сергей Григорьевич, – я начал свой курс по японской истории, выдвигая главным образом новые японские работы и подчеркивая, что нельзя заниматься историей Японии, не зная японского языка. Это, конечно, трюизм, но здесь, в Соединенных Штатах, приходится иногда говорить такие очевидные истины, потому что большинство книг по истории Японии написано людьми, не знающими языка и которые пользуются устарелыми документами». (Письмо № 1 от 21 января 1933 г.)

Из писем С. Г. Елисеева мы узнаем о его путешествии с женой из Америки в Японию и Китай; об условиях работы над китайско-английским словарем; о покупке необходимых для работы книг, подчас целыми коллекциями; об организации научного востоковедного журнала, к сотрудничеству в котором его редактор С. Г. Елисеев мог привлечь по собственному усмотрению любого и даже заплатить гонорар. Он много пишет о разнообразии своих творческих и преподавательских устремлений: «Раз в неделю читаю китайский текст биографии Сянь Юйя из Ши-цзи»; «...осенью (1931 г. – Е. Д.) в Стокгольме – лекции по истории буддийского искусства в Японии и по археологии Кореи и устроил японскую выставку, которая имела большой успех»; «В конце октября и в начале ноября (1932 г. – Е. Д.) прочел восемь лекций о влиянии японской литературы на сюжеты японской живописи. Это было в Бостоне в Lowell Institute» – и т.д. и т.п. почти в каждом письме.

Иной раз поражаешься, как быстро теряют люди связь с родной почвой. Уж, казалось бы, хлебнувший послереволюционного лиха Сергей Григорьевич с какой-то прямо-таки американской наивностью пишет, например: «Yale'ский профессор F. Edgerton сказал мне, что один из его учеников по санскриту, очень бы хотел ехать в Ленинград, чтобы продолжать свои занятия по санскриту под руководством русских ученых и кроме того поучить тибетский, монгольский и китайский. Он меня спрашивал, может ли американский студент поступить в Ленинградский университет или в Школу живых восточных языков и если может, то какие нужно шаги предпринять и какими бумагами заставить». Правда, судя по следующему письму, не менее наивный, хотя и

⁶ Из письма В. М. Алексева жене, Н. М. Дьяконовой, из Лондона в Петроград, в 1923 г. – Цит. по: Традиционная культура Китая. Сб. статей к 100-летию со дня рождения акад. Василия Михайловича Алексева. М., 1983, с. 12.

⁷ Там же.

вдвойне хлебнувший лиха Алексеев бросился с присущей ему энергией выискивать возможности приезда для чудака-американца.

Повторяю, у нас нет ответных писем В. Алексеева, но благодаря опубликованным его дочерью и учениками статьям и материалам мы можем судить о многих обстоятельствах жизни Василия Михайловича и в первой половине 30-х годов, и позднее. Удивительным образом наблюдаем мы сходство научных устремлений и жизненных обстоятельств, – радующих и угнетающих, но в разном, так сказать, градусе.

В 20-е годы еще были возможны заграничные командировки, и только что избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР В. Алексеев едет в Германию, Англию, Францию для работы в библиотеках и музеях. В эту поездку они свиделись и с Сергеем Григорьевичем: «Я вчера был у Елисеевых в Гетари, куда и сам собираюсь. Там чудесно. Море зеленое и сердитое, пляж великолепный — лучше отдыха не придумаешь. Провел целый день, завтракал и обедал. Они чувствуют себя отлично. Дети окрепли, выросли. Вадим говорит по-французски с русским акцентом, а по-русски с французским. Никита больше чувствует себя во французской стихии, очень толковый и интересный мальчик. Здорово играет в шашки, между прочим... Острый мальчик» (из письма В. Алексеева к жене от 21. 08. 1923 г. Дх. — Архив М. В. Баньковской).

В 1926 г. В. М. Алексеев в последний раз в жизни (разумеется, не зная об этом) едет читать лекции в Англию, участвует в этнолингвистической экспедиции по Монголии и Китаю, а затем командировается во Францию для чтения лекций (эти замечательные лекции, позднее опубликованные в Париже, станут в конце 30-х и в конце 40-х постоянным сюжетом погромной критики — посмел напечататься во Франции по-французски!).

Но пока еще жизнь идет по восходящей: в 1929 г. В. М. Алексеев становится действительным членом Академии наук СССР, но теперь мы знаем, что такое были выборы 1929 г., когда в последний раз академическое сообщество безуспешно пыталось отстоять свободу своей корпорации перед государством. Тем не менее звание академика су-

В 30-е годы начинается и будет длиться до смерти Василия Михайловича в 1951 г. работа над Большим китайско-русским словарем. Он принимается за него с энтузиазмом, но с годами все чаще в письмах и дневниковых записях звучит отчаянье – словари не обеспечен нужными ресурсами, съедает огромное время («сиду над палками (со словарными материалами. – Е. Д.) с остервенением. Одолеl 143 страни-

цы»), отвлекает от собственной работы (план — 1000 словарных карточек в месяц, и это не считая редактуры карточек, поданных другими участниками словаря!), но главное — люди, не сведущие в лексикологии, но имевшие власть, точно знали и понимали, какой словарь обязан сделать В. М. Алексеев.

В эти годы Василий Михайлович уже почти ничего не может напечатать (в 1949 г. сам В. М. Алексеев определил количество своих непечатанных трудов как 90%), хотя архив ученого и по сей день, после выпуска его учениками огромного тома избранных трудов «Китайская литература» (М., 1978) хранит великое множество подготовленных и обработанных материалов по разным отраслям синологии. Но хотя в 1932 г., когда вышла последняя прижизненная крупная работа В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация», ученый прочитал в рецензии на нее в журнале «Проблемы марксизма», что он апологет конфуцианства и его жалкий идеалистический лепет «солидаризируется с идеалистическим бредом Ли-цзи и его буржуазного интерпретатора Расселя» и т.д. и т.п., он все же продолжал надеяться. В письме Сергея Григорьевича от 3 марта 1936 г. читаем: «Спасибо за последнее письмо о китайских народных картинах». Что начали печатать Ваши работы о китайских народных картинах? Если написал, значит, в очередной раз поверил, что увидит свет его любимое детище, но, увы, — мы-то знаем: книга о народной картине вышла только после смерти ученого (см. примеч. 2 к письму 10)... Точно так же, вопреки очевидным обстоятельствам, продолжает В. М. Алексеев хлопотать о зарубежных командировках — уже не для себя, для учеников. Как трогательно звучит его аргумент в письме в инстанции, когда он, в который уже раз объясняя, почему Щуцкий должен поехать в Японию, уверяет начальство, что в Японии тот сможет лечиться на грязях, а заодно и собирать нужный для работы материал. Потом он переберется — благо близко! — в Китай и там доведет материал до необходимой полноты⁸.

Но, верно, и он, такой наивный, усмехнулся, прочитав в письме Сергея Григорьевича: «Надеюсь, что Ваше недомогание не слишком Вас мучит, и был бы рад, если бы Вам удалось съездить полечиться грязями Дах'а!»

«Время шло, подлирая историю, наступили годы, когда "охота на зубров" – погромная критика старой профессуры – стала не только мо-

¹⁸ Цит. по: М. В. Баньковская. Семь ярких вспышек. – Петербургское востоковедение. Вып. 4., с. 413.

В публикуемых письмах сохраняются особенности авторской орфографии и пунктуации, исправлены только явные ошибки и опечатки.

В примечаниях к письмам даны сведения о большинстве людей, в них упомянутых, о книгах и журналах, объяснены написанные иероглифами китайские и японские названия и термины. Без комментирования оставлены имена людей, сведения о которых отсутствуют в доступных справочниках, тех, кто упомянут лишь вскользь, или тех, о ком все необходимое понятно из текста писем.

Неоценимую помощь в работе мне оказали великолепные комментаторы В. В. Петрова к «Науке о Востоке» В. М. Алексеева и многочисленные публикации М. В. Баньковской о самом В. М. Алексееве, его друзьях и учениках. Ей же хочу еще раз выразить глубокую признательность за предоставленное право первой публикации писем С. Г. Елисеева.

Когда настоящая публикация была подготовлена к печати в ПФА РАН были обнаружены ещё девять писем С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву. При возможности они также будут опубликованы.

«Письмо 1»

21 января 1933.

Дорогой Василий Михайлович и дорогая Наталия Михайловна, примите наше запоздалое, но самое сердечное поздравление с наступившим Новым Годом и наши наилучшие пожелания вам и вашим милым деткам. Простите, что так запоздал с этим письмом, но как всегда бывает с русскими людьми, решил написать хорошее и длинное письмо, когда будет посвободнее; подошли праздники и я, простудившись, слег с жестокой инфлуэнцей, а после меня слегла Вера Петровна². Вот как прошло начало января. Но теперь все это позади и я снова сижу за занятиями в своем новом кабинете.

Как вы все поживаете? Как ваше здоровье? Я слышал от Pelliot³, что Вы, бедный мой, мучились с воспалением седалищного нерва и ездили лечиться на Кавказ. Надеюсь, что теперь эти ужасные боли Вас оставили в покое, и Вы снова в Ленинграде и спокойно работаете в Азиатском Музее⁴. А как детки? Совсем уж большие. Наши мальчики стали совсем взрослыми. Никита в этом году должен сдавать экзамены на аттестат зрелости, а Вадим перейдет по-нашему в седьмой

класс. Они оба на классическом отделении и изучают латынь и греческий, но всё это изучается в Париже не так жестоко, как в «доброе старое время» в наших гимназиях.

В моей жизни за последние годы произошло не мало перемен, и я совершенно неожиданно для себя очутился в здешнем университете. Начну по порядку. Не помню, писал ли я Вам, что с 1929 мне предложили читать временный курс в *École des Hautes Études*⁵ в Сорбонне на религиозном отделении. Это было очень приятно, хотя, должен сознаться, я вообще историей религий интересовался очень мало. Летом 1930 года я ушел из заведующих японским студенческим домом, потому что это отнимало у меня все мое время, доставляло много хлопот и неприятностей и очень посредственно оплачивалось. Весною 1931 года в *École des Hautes Études* освободилась штатная доцентура (*maitre de conférences*), Sylvain Levy⁶ предложил меня, но все голосовали против, потому что M. Granet⁷ предложил своего ученика Mestre, который занимается аннамитским (т.е. вьетнамским языком. — Е. Д.). Granet красноречиво убедил всех в важности для Парижа иметь кафедру сравнительного изучения религий Индокитая и не жалел похвал таланту своего ученика. Как потом выяснилось: всё было несколько преувеличено, в особенности таланты молодого Mestre. Это оставило осадок горечи у многих членов *École des Hautes Études* и сильно обидело Sylvain Levy, который считал себя лично задетым.

Осенью я уехал в Стокгольм, где прочел несколько лекций по искусству Японии и по археологии Кореи и устроил японскую выставку, которая имела большой успех. Вернувшись в ноябре в Париж, я снова стал читать лекции в *École des Hautes Études*, мой сюжет был в 1930–31 году: история буддийского искусства в Японии, в особенности иконографии. Для меня лично это был чрезвычайно интересный и полезный курс, пришлось много прочесть, над многим подумать и узнать много нового. Слушателей было много, и лекции имели успех. В это время я получил предложение из Harvard Yenching Institute⁸ приехать на год, прочесть курс по японской истории и курс по-китайски. Я потом советовался с Pelliot, он мне горячо рекомендовал согласиться и принять предложение. Я согласился. Мои французские друзья заволновались. Как же так, Елисеев уезжает, американцы его переманивают, у нас в Париже нет японистов, а он теперь будет в Харварде и т. д. Я стал готовиться к Харварду. Начал заниматься английским языком (какой удивительный язык и как они пишут свои «essays»!), стал брать частные уроки китайского, чтобы возобновить пекинское произношение. В феврале получил новое предложение: прочесть восемь публичных

лекций в Бостоне, в Lowell Institute⁹ по японскому искусству. Это было очень заманчивое и почетное предложение. Я, конечно, согласился. Прибавилось еще работы, нужно было их продумать и написать.

Весною 1932 неожиданно умер Alphondery, который читал средневековую философию на религиозном отделении École des Hautes Études. Sylvain Levy внес предложение переменить эту кафедру, сделав из нее кафедру «религий Японии» и затем предложил меня. Все это было принято подавляющим большинством голосов, и я оказался выбранным «directeur d'études», это равняется штатной ординатуре. Я, конечно, был очень счастлив этому назначению, но меня смущало, что у меня уже был подписан контракт с Harvard'ом. Pelliot и S. Levy успокоили меня, сказав, что это не важно, что все это можно устроить, что я могу спокойно ехать в Америку. Pelliot мне сказал с глазу на глаз, что если я смогу устроиться в Харварде на более выгодное место и если мне это покажется интереснее, чтобы я не стеснялся, так как это также важно для японистики и моим парижским друзьям будет приятно, что в Харварде сидит их бывший коллега. Вместо меня в École des Hautes Études временно читает лекции Hauguénauer¹⁰, который был назначен в апреле месяце профессором японского в школе восточных языков, после ухода на покой старика Dautremer'a.

Во всяких приготовлениях и заботах незаметно промелькнуло лето. Дети и Вера Петровна съездили на шесть недель в St. Jean de Luz, где как всегда было чудесно. Я провел с ними неделю. Ездили в Гэтари, которое сильно застроилось. В сентябре вернулись в Париж. Никиту устроили у моей свояченицы, сестры Веры Петровны, а Вадима поместили к знакомым в Etampes — это 40 километров от Парижа, там отличное учебное заведение. Он очень доволен и хорошо учится. В середине сентября Вера Петровна и я погрузились на «Lafayette» и, потрясаяемые его «дизелями», поплыли в Америку. 18-го прибыли в Нью-Йорк и сразу же на поезде поехали в Бостон, который в шести часах езды. В Бостоне нас встретил Р. К. Блейк¹¹ и повез нас в Cambridge. Бостон и Кэмбридж — это, собственно, один большой город, расположенный на обоих берегах «Charles River». В Кэмбридже мы сначала устроились в пансионе, но потом сняли небольшую меблированную квартирку. В конце сентября я начал свой курс по японской истории, выдвигая главным образом новые японские работы и подчеркивая, что нельзя заниматься историей Японии, не зная японского языка. Это, конечно, трюизм, но здесь, в Соединенных Штатах, приходится иногда говорить и такие очевидные истины, потому что большинство книг по истории Японии написано людьми, не знающими языка и кото-

рые пользуются устарелыми документами. Курс этот я читаю три раза в неделю по часу. Это требует большой подготовки и приходится много читать и перечитывать. За последнее время вышло много интересных работ и появилось несколько интересных статей о ранних китайско-японских сношениях. За время первого семестра я успел прочесть от начала японской истории до XII-го века. Во втором семестре постараюсь кончить. Кроме этого курса — раз в неделю читаю китайский текст-биографию Сянь-Юйя из Ши-Цзи¹². Перевод Шаванна¹³ и японские комментарии очень помогают. Стараюсь объяснять моим студентам китайскую грамматику, пользуясь японскими грамматиками. Кроме этого исторического текста читаю со студентами японский современный текст: два часа в неделю. Всего я занят шесть часов в неделю. Это отнимает много времени. В конце октября и в начале ноября прочел восемь лекций о влиянии японской литературы на сюжеты японской живописи. Это было в Бостоне в Lowell Institute. Нужно было облачаться во фрак и белую жилетку. Лекции имели успех, так как я старался объяснить моим слушателям то, чего нет в книжках. Должен сказать, что эти восемь лекций меня утомили изрядно, и я потом две недели не мог очухаться. Кроме университетских лекций комитет, заведующий Yenching Institute, попросил меня составить список книг по японологии. Я посидел над этой работой около месяца и составил серьезный список: всего на 8 тысяч иен. Институт раскошелится и купил эти книги. Уже три ящика прибыло; это большое удовольствие распаковывать ящики с новыми книгами и просматривать их. Много книг по истории Китая, по философии, по даосизму, написанных японскими учеными. Получили книгу по истории шаманства в Японии, где помещена фотография Н. А. Невского¹⁴. Кроме этих списков составил для Yenchin'a примерную программу преподавания китайского и японского языков. Что будет в дальнейшем? не знаю. — Ведь это учреждение гибридного характера. С одной стороны «Yenching University» в Пекине, где всем заведуют американские миссионеры и где мало думают о синологии и много о китайско-американской пропаганде, и с другой стороны «Harvard Yenching Institute», находящийся в Харварде, имеющий свою библиотеку и желающий делать свое дело, но он находится под контролем комитета, где три голоса принадлежат профессорам, три деловым людям и три — миссионерам. Эти последние хотят, чтобы всё было поручено их ставленникам. Харвард хочет иметь своих людей и хотел бы развить научную деятельность Института, но ни у тех, ни у других нет ученых ориенталистов. Pelliot им посоветовал обратиться ко мне, что они и сделали. Я приехал на год сюда, но сейчас трудно

развивать большую деятельность, в силу тяжелого финансового положения. Что будет дальше, не знаю? Во всяком случае, в июне я собираюсь возвращаться в Париж. Вот и все новости. Вера Петровна от реле ждем сюда Pelliot, который сейчас в Индокитае, потом поедет в Китай и затем заедет в Harvard.

Целую ручку Наталии Михайловне, целую Ваших деток и сердечно обнимаю Вас, дорогой мой Василий Михайлович и шлю вместе с Верой Петровной наш искренний привет.

Преданный Вам Ваш

<подпись>.

P.S. Посылаю фотографию, снятую летом недалеко от испанской границы.

Дети выросли – мы постарели, но не унываем. Сердечно Ваш

<подпись>.

¹ Н. М. Дьяконова (1890–1973) – жена В. М. Алексеева, дочь известного историка России акад. М. А. Дьяконова (1855/56 – 1919).

² Жена С. Г. Елисеева, актриса и художница, ученица Петрова-Водкина.

³ Поль Пеллио (1878–1945) – выдающийся французский синолог, член-корреспондент РАН (с 1922 г.). В. М. Алексеев называл П. Пеллио «китаистом абсолютно мирового размаха». Сведения о болезни В. М. французский ученый сообщил С. Г. Елисееву после своей поездки в Ленинград в 1932 г.

⁴ В. М. Алексеев состоял сотрудником (младшим, а потом старшим ученым хранителем) Азиатского музея с 1913 по 1930 г., когда музей был преобразован в Институт востоковедения АН; ко времени написания настоящего письма В. М. Алексеев – заведующий Китайским кабинетом Института востоковедения.

⁵ Школа высших исследований в Париже.

⁶ Сильвен Леви (1863–1935) – выдающийся французский востоковед-индолог, известен исследованиями в области буддизма.

⁷ Марсель Гранз (1884–1941) – известный французский синолог, историк китайской религии и мифологии, специалист в области древней китайской поэзии.

⁸ Гарвард-Яньцзинский институт, американское подразделение американско-китайского научно-исследовательского и учебного учреждения (его китайское подразделение именовалось Яньцзин-Гарвардский университет), которое было организовано американскими протестантами-миссионерами в начале XX в. Яньцзин (букв. Ласточкина столица) – старое название Пекина.

⁹ Институт Лоуелла в Бостоне, известен своими публичными лекциями, которые начались в 1836 г.

¹⁰ Ш. Хагенауер (Агеноэр) (1896–1976) – известный французский японист, в числе прочего автор фундаментальной работы «*Origin de la Civilisation japonaise*» (Париж, 1956).

¹¹ Правильно: R. P. Blake, Р. П. Блейк (1886–?) – гарвардский профессор-историк, специалист по истории Византии; входил в Попечительский совет (Trustee) Гарвард-Яньцзинского института.

¹² Имеется в виду глава 7 «Основных записей о Сян Юе» (Сян Юй бэнь цзи) из «Исторических записок» (Ши цзи) великого китайского историка Сыма Цяня (145?– 86? до н. э.).

¹³ Э. Шаванн (1865–1918) – выдающийся французский синолог, среди прочих замечательных работ в разных областях китаеведения осуществивший перевод первых шести томов «Исторических записок» (V. 1–5, Paris, 1895–1905; v. 6 – 1969). В. М. Алексеев слушал в Париже лекции Э. Шаванна и участвовал (в 1907 г.) в его экспедиции по Китаю.

¹⁴ Н. А. Невский (1892–1937) – выдающийся японист и тангутовед, ученик В. М. Алексеева, друг С. Г. Елисеева.

<Письмо 2>

75 Bld. Pereire Paris 17

11 мая 1934.

Дорогой мой Василий Михайлович, очень порадовали, прислав мне Ваш отклик перевода поэмы¹ о китайской музыке. Большое спасибо. В примечании третьем на стр. 541 (продолжение на стр. 542) Вы упоминаете о книге J. H. Levis и пишете, что автор Вам неизвестен. Я встретил J. H. Levis'a в Нью-Йорке в апреле 1933 года на годовом съезде американских восточных обществ. Он прочел отличный доклад о народной китайской музыке. По-видимому он сам человек очень музыкальный, это не редкость среди его однофамильцев, и отличный теоретик музыки. Доклад его был прост, ясен, отлично пояснен нотными начертаниями и видно было, что он дело свое знает и имеет отчетливое представление о теории музыки. Он прожил в Китае два года, потом был год в Америке и осенью 1933 снова уехал в Пекин.

Ровно год тому назад я покинул Кембридж (Массачусетс) и через Нью-Йорк, Вашингтон и Сан-Франциско поехал в Японию, откуда мы с Верой Петровной проехали в Китай. Высадились в Шанхае, откуда проехали в Нанкин, где провели чудесных пять дней. Мне Нанкин очень понравился. Ездили за город смотреть знаменитых каменных львов Лян'ской династии², описанных Segalen'ом³. Потом приехали прямо в Пекин, где провели две недели. Видел несметное количество людей, участвовал во всяких завтраках и обедах, познакомился со

многими китайскими учеными. Осматривали, конечно, дворцы, храмы и всё что полагается. Из Пекина поехали в Цинань, где провели день. Интересный город. Отличная провинциальная библиотека. Потом поехали в Тайань⁴, по дороге видели горы удивительных форм и то место, где жил и писал Ляо-Чжай⁵. Из Тайаня поднялись на Тайшань⁶. Незабываемая экскурсия. Каждый камень, каждый поворот дороги связан с историческими личностями и событиями! На вершине горы переночевали и вернулись в Тайань под проливным дождем на следующее утро. Из Шанхая на итальянском пароходе через Индийский океан и Суэц прибыли в Венецию, где провели отличные два дня. В. П. и я остались в восторге от всего путешествия и увлечены южным Китаем. Тому, кто начал свое знакомство с Дальним Востоком сквозь японскую культуру, Нанкин кажется более китайским, Пекин полон манчжуромонгольских реминисценций.

С ноября начал снова читать лекции в École des Hautes Études, уже в качестве ординарного профессора, читал курс по буддийской иконографии. Во втором семестре читал кроме того в École du Louvre курс по истории китайской живописи. Через три недели занятия кончаются и нужно будет готовиться к отъезду в Америку, так как в сентябре буду читать опять в Харварде, где меня выбрали ординарным профессором и директором Harvard Yenching Institute. Сыновья остаются в Париже. Никита сдал первую часть экзаменов на «бакалавра», в июле будет сдавать вторую, если благополучно выдержит, то будущей осенью будет студентом. Вадим кончит среднюю школу через два года в 1936. Вера Петровна снова взялась за кисти и пишет портреты. Какживаете Вы? Как Ваше здоровье, мой дорогой? Как себя чувствует Наталия Михайловна? Дети? должно быть, тоже совсем большими стали? Слышал мельком, что Академию наук собираются переводить в Москву⁷, а библиотеки? А Азиатский музей тоже? Читал где-то заметку, что в Ленинграде будет издан китайско-русско-английский словарь⁸ и что вся предварительная работа закончена и что приступлено к печати. Верно это?

Вера Петровна и я шлем Вам, Наталии Михайловне и деткам наш сердечный привет. Передайте мой привет Конраду⁹, Невскому¹⁰, Щуцкому¹¹, Ф. А. Розенбергу¹² и всем, кто еще помнит меня.

Обнимаю Вас крепко.

Сердечно Ваш

<подпись>.

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

¹ Речь идет о статье В. М. Алексеева «Китайский поэт о китайской музыке» из «Сборника статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова» (Л., 1934). Статья перепечатана в книге: В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978, с. 242–245.

² Династия Лян правила в Китае с 502 по 556 г.

³ В. Сегален (1878–1919) – французский синолог.

⁴ Тайань – административный центр одноименного округа и уезда в провинции Шаньдун.

⁵ Ляо-Чжай (в совр. написании Ляо Чжай), псевдоним великого китайского новеллиста Пу Сун-лина (1640–1715), автора «Рассказов Ляо Чжая о чудесах», известных в нашей стране по блистательным переводам В. М. Алексеева (последнее по времени наиболее полное издание вышло в свет в 1988 г.: Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.). – Место, где жил и писал... – Цзычуань в пров. Шаньдун.

⁶ Тайшань – одна из пяти священных гор в Китае, так называемая Восточная священная гора, Дун юэ.

⁷ Соответствующее постановление СНК было принято 25 апреля 1934 г.; библиотека Академии, Институт востоковедения (б. Азиатский музей) и его библиотека остались в Ленинграде.

⁸ Вероятно, до С. Г. Елисеева дошли в искаженном виде сведения о подготовке группой сиологов, сотрудников Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе под руководством В. М. Алексеева, китайско-русского словаря; издание не было осуществлено.

⁹ Н. И. Конрад (1891–1970) – академик (с 1958 г.) японист и синолог.

¹⁰ См.: примеч. 14 к письму 1.

¹¹ Ю. К. Щуцкий (1897–1938) – китаист, ученик В. М. Алексеева, переводчик и исследователь «Книги перемен».

¹² Ф. А. Розенберг (1867–1934) – иранист, член.-корр. АН (с 1924 г.), сотрудник Азиатского музея – ИВ АН (1902–1934).

<Письмо 3>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
October 3, 1934

My dear Colleague,
I have just come to Cambridge from Paris in order to take the Directorship of the Harvard-Yenching Institute, as you know from my previous letter from France. I saw your letter of the 13th of April, addressed

Дьяконова Е. М.

to Dean Chase¹, in which you give a detailed survey of your sinological activities. We shall be very glad to have more Russian books on China and Japan in our library, and I think that you will not refuse to send us the different scientific publications as, for instance, the bulletins of the Association of the Soviet Orientalists² and other monographs on China and Japan as well as on Chinese Turkestan and linguistics.

I thank you for your letter that you sent me personally here. I will answer you tomorrow, giving you some personal details.

Under separate cover, we are sending, for the library of the Asiatic Museum, a copy of the first twelve publications of the Sinological Index Series of the Institute³.

Please remember me to all your colleagues who have not forgotten me.

With kind regards, believe me,
Sincerely yours, <подпись>.

Professor Basil M. Alexéiev,
Asiatic Museum, of the Academy of Science,
Vassili Ostrov,
Leningrad, U.S.S.R.

<3 октября 1934 г.

Дорогой коллега,

Я недавно прибыл из Парижа в Кембридж с тем, чтобы вступить в должность директора Гарвард-Янъцзинского института, о чем сообщал Вам в моем предыдущем письме из Франции. С Вашим письмом от 13 апреля на имя декана Чейза с подробным отчетом о Вашей синологической деятельности ознакомился. Мы были бы рады пополнить нашу библиотеку русскими книгами по Китаю и Японии; думаю, Вы не откажетесь снабжать нас изданиями вроде «Вестника Ассоциации советских востоковедов», монографиями на китайские и японские сюжеты, а, равно, и работами по Китайскому Туркестану, и по лингвистике.

Благодарю Вас за письмо, адресованное мне лично. Завтра напишу ответ и сообщу о некоторых частных обстоятельствах.

Отдельной посылкой направляем для библиотеки Азиатского музея первые двенадцать выпусков Серии синологических индексов нашего Института.

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

Прошу приветствовать от моего имени тех из коллег, кто меня еще помнит.

С наилучшими пожеланиями и уверениями в совершенном почтении.

Профессор Василий М. Алексеев, Азиатский музей Академии наук, Васильевский остров, Ленинград, СССР>

¹ Дж. Чейз (1874–?) – декан Школы искусств и наук Гарвардского университета, археолог.

² Вероятно, имеется в виду Всесоюзная (до 1924 г. Всероссийская) научная ассоциация востоковедения при Наркомнаце, затем при ВЦИК'е. В 1921–1930 гг. координировала исследования по современному Востоку; издавала журнал «Новый Восток» (1922–1930).

³ Имеется в виду издание Гарвард-Янъцзинского института, выходившее в 1931–1950 гг. и включавшее разного рода указатели к классическим конфуцианским книгам, историческим сочинениям, литературным антологиям. Серия состоит из 41 основного и 23 специальных выпусков.

<Письмо 4>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
25 января 1935.

Дорогой Василий Михайлович,
извините за долгое молчание и за слишком поздние поздравления, но верьте, что Вера Петровна и я шлем Вам, дорогой Наталии Михайловне и Вашим милым деткам наши самые искренние и сердечные поздравления всего всего наилучшего в Новом 1935 году, желаем от всей души всякого счастья и исполнения всех желаний.

Спасибо большое за присылку статьи и за поздравления к Новому Году. С большим интересом и со вниманием прочел о «трагедии конфуцианской личности»¹. Много кажется таким близким и понятным в настроении Ляо-Чжая! Очень интересен выбор иероглифа Ляо для своего псевдонима². Проф. Джайлз выдумал, конечно, анекдот, вместо

Дьяконова Е. М.

того, чтобы обратиться к филологическому методу и поискать, какой смысл имело слово Ляо среди интеллигентных китайцев³.

Я должен Вас также поблагодарить за Ваши письма от 30 октября и 15 ноября и за присылку Вашего отличного *ex-libris*'а⁴. Кто Вам его нарисовал? Рисунок очень продуманный и много говорящий. Было очень приятно узнать, что Вы предложили Николая Александровича в действительные члены Академии наук⁵. Я думаю, двух мнений о нем быть не может. Он первоклассный ученый и его знания дальневосточных языков совершенно исключительные, не говоря уж о его специальных познаниях в области Си-ся⁶. Приглашение Вас в качестве обер-консультанта в Эрмитаж приветствую от всей души и прошу передать Иосифу Абгаровичу мой привет⁷.

В моем последнем письме я обещал Вам написать о себе и о моей деятельности здесь. Начну с педагогической. Я читаю в этом году общий курс по истории Японии — 3 часа в неделю. Много времени уделяю проблемам искусства, особенно архитектуре, которая всегда отражает общественные и классовые вкусы. Кроме того читаю 2 часа в неделю японские средневековые тексты, увлекаясь грамматическими объяснениями. В качестве китайского курса читаю текст *史記*⁸ с объяснениями. Кроме меня, как Вам должно быть известно, читает китайские курсы проф. Мей Мей, Prof. Ware⁹ и M. Gardner¹⁰. В прошлом году японский язык преподавал японец Кисимото, зять проф. Анэзаки¹¹, но в этом году его нет и мне приходится читать его шесть часов в неделю, что в общей сложности составляет 12 часов в неделю, это, конечно, слишком много. В будущем учебном году я буду читать всего 6 часов. В ноябре было заседание нашего исполнительного комитета (*trustees*), я должен был представить отчет о деятельности шести университетов в Китае, которые получают от нас субсидии. Пришлось внимательно перечитать их отчеты и, на основании прочитанного, дать общий очерк. Во время заседания выяснилось что Gest, который купил огромную библиотеку в Китае (100.000 томов) и поставил ее в помещении McGill University¹² в Montreal'e, желает ее продать и предлагает Harvard-Yenching Institut'у. Я сказал, что прежде чем вступать в какие-нибудь конкретные переговоры, нужно осмотреть библиотеку и сравнить, что имеется у них и что у нас. Было постановлено командировать библиотекаря Chiu, M. Gardner'a и меня в Montreal для осмотра библиотеки Gest'a. Кроме того «trustees» отпустили деньги на начало работы по изданию словаря и на издание журнала. В конце ноября мы с

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

библиотекарем просмотрели наши каталоги, отметили все важное и, захватив часть карточного каталога, поехали в Montreal, где сверили, что имеется в библиотеке Gest'a и что у нас. Работали мы два дня. Результат был, что 80% его книг мы уже имеем и нам не имеет смысла покупать его библиотеки. Со словарем дело обстоит так: бюро проф. Хун'а¹³ в Бейпине (Yenching University), где они составляют указатели, в течение трех месяцев будет работать на нас. Пей вень юнь фу¹⁴ будет разрезан и наклеен на карточки, также японский *字源*¹⁵. Всего предполагается наклеить 500.000; потом эти карточки будут пересланы сюда в Харвард, где мы будем их переводить и отыскивать точные русские и ссылки. В следующем году разрежем другие словари. Это работа на много лет, но надеюсь, что удастся ее довести до благополучного конца. Журнал начнем осенью, первый номер будет посвящен памяти скончавшегося в Токио 13 янв. с. г. проф. Вудза (Woods), который интересовался буддийской философией и был создателем изучения Востока в Харварде. В январе выпустим регулярный номер. Мы предполагаем издавать четыре номера по 96 страниц каждый, размера Tong Rao¹⁶. Я буду рад иметь Вас и других советских синологов сотрудниками журнала. Денежные средства нам отпущенные небольшие и потому издавать статьи с иллюстрациями мы не можем. Статьи могут быть написаны по-русски, мы их здесь переведем. Относительно гонорара мы еще не знаем, сколько будем платить, должно быть что-нибудь от 2 до 3 долларов за страницу. Как только окончательно выяснится этот вопрос, пришлю вам официальное приглашение участвовать в журнале. Вот и все новости. Праздники мы провели скромно, сидя дома, хрипя и недомогаясь от инфлуэнцы. Дети пишут, что усердно учатся в Париже, Никита проявляет филологическую наследственность и увлекается греческими переводами. Вера Петровна и я заочно целуем детей и шлем сердечный привет Наталии Михайловне и Вам. Привет помнящим меня синологам и японистам.

Обнимаю Вас.

Искренне Ваш Сергей Елисеев.

¹ Имеется в виду статья В. М. Алексеева «Трагедия конфуцианской личности и мандаринская идеология в новеллах Ляо Чжэя», опубликованная в 1934 г. в «Известиях Академии наук СССР» (серия УП, отделение общественных наук, № 6, с. 437–454).

² В вышеназванной статье В. М. Алексеев писал: «Ляо в переводе из иероглифа в слово, кажется, лучше всего значит нечто вроде "пусть хоть так"».

<Письмо 5>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
4-го февраля 1935.

³ Речь идет о сильно к тому времени устаревшей, со множеством ошибок книге английского синолога Г. Джайлза «A Chinese Biographical Dictionary» (London-Shanghai, 1898), в которой со значительными неточностями изложена и биография Ляо Чжэя.
⁴ Экслибрис для В. М. Алексеева нарисовал и гравировал на дереве Ю. К. Щуцкий, изобразивший китайского ученого-литератора со связкой книг, идущего в горы навстречу другу-отшельнику; мальчик указывает ему дорогу. Иероглифическая надпись «бу юнь чжай» — «кабинет того, кто не хмурится (не ропщет)» отсылает к словам Конфуция: «Люди его не знают, а он не хмурится. Не считать ли такого человека достойнейшим?» («Беседы и суждения», Лунь юй, 1.3).

⁵ 11 ноября 1934 г. В. М. Алексеев составил и подписал (предполагались и другие подписи) «Записку о предлагаемом нижеподписавшимися к избранию в действительные члены АН СССР профессоре Николае Александровиче Невском» (см.: В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982, с. 85–87).

⁶ Речь идет о трудах Невского по истории тангутского государства Си Ся (1029–1127), его языку, литературе и культуре. Были опубликованы посмертно в двухтомнике «Тангутская филология. Исследования и словарь» (М., 1960).

⁷ И. А. Орбели (1887–1961) — академик-востоковед, директор Государственного Эрмитажа (1934–1951). По его инициативе в 1926 г. в Эрмитаже был создан Отдел истории культуры и искусства Востока. В 1928 г. В. М. Алексеева избрали действительным членом Ученого совета Восточного отдела.

⁸ Ши цзи, «Исторические записки», см. примеч. 12 к письму 1.

⁹ Джеймс Уэйр (1901–?) — синолог, известен как составитель (совм. с Вэн Ду-цзянем) двухтомного «Индекса к "Сводному каталогу всех книг четырех разделов"» (Си ку цюань шу цзун му цзи вэй шу му иньдэ), вышедшего в 1932 г. в серии индексов Гарвард-Янцзинского института (см. примеч. 3 к письму 3).

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Ч. Гарднер (1900–?) — гарвардский профессор, специалист по китайской истории и китайской традиционной историографии.

¹¹ Анэдзак Масажару (1873–?) — известный японский буддолог, почетный профессор Токийского университета.

¹² Университет Макгилла в Монреале, основан в 1821 г.

¹³ Хун (William Hung, 1893–?) — возглавлял вместе с Не Чун-ци в Пекине (Бэйпине) редакционный комитет («бюро») по изданию серии индексов Гарвард-Янцзинского института.

¹⁴ «Сокровищница рифм с приложением литературных текстов» (1711 г.), глоссарий литературных цитат, составленный авторитетной коллегией в составе Цай Шэнюаня, Чжан Юй-шу и др. ученых. Содержит около 550 тыс. слов и словосочетаний.

¹⁵ Имеется в виду «Дзигэн» («Источник иероглифов») — известный китайско-японский словарь.

¹⁶ Правильно T'oung Pao — научный журнал по истории, языкам, географии, этнографии и искусству Восточной Азии, основанный французским синологом А. Кардье и голландским синологом Г. Шлегелем в 1890 г. и выходящий поныне как совместное франко-голландское издание.

Дорогой Василий Михайлович,
большое спасибо за присылку Ваших двух рецензий¹. В 1933 году по дороге в Китай я прочел на пароходе оба романа Pearl Buck² «Good Earth» и «Sons». Романы не плохи, хотя они и не понравились многим китайцам, но у бедной американки нет, конечно, достаточной силы описать по-настоящему китайскую жизнь. Невольно думаешь, как сильны такие писатели, как покойный Толстой или М. Горький. Она многое не понимает и не чувствует потому, что у нее самой этих стон жизни нет и не возникает всех тех проблем, а с ними и переживания, которыми звучит сердце китайца. Только живя здесь в Америке начинаешь понимать, как американцы, воспитанные на протестантской морали, лишены чувства красоты и смелости мысли, далеки от нас, русских, и тем более чужды китайцев. Мне припоминается один из наших разговоров с покойным Оттоном Оттоновичем Розенбергом³ относительно понимания чужой и чужеземной психики. Он сравнивал это с отношением актера к своей роли. Актер воплощает Отелло и дает тип ровнивого человека. Сходя со сцены, он снова делается обыкновенным человеком. Так и мы, читая или исследуя китайскую или японскую литературу, можем на время войти в мироощущение китайца или японца и почувствовать ту красоту, которая волнует его, чтобы потом снова стать самими собой. Это, конечно, возможно и просто, но это возможно только в том случае, если у Вас есть хоть немного того чувства, которое есть у изучаемого Вами объекта. Если Вы лишены совершенно чувства ревности, Вы никогда не поймете и не воплотите Отелло, если у Вас нет тех чувств, которые волнуют китайцев, Вы никогда не поймете их. Когда я читаю P. Buck, мне всегда кажется, что это как-то не так, что это вроде описания детских игр взрослыми, которые детей не понимают и все объясняют на свой лад. Книжки ее пользуются большим успехом и они, конечно, лучше ужасной макулатуры, которую выпускают другие «знатоки» Китая.

В пятницу первого февраля был на годовичном собрании American Council of Learned Societies⁴, где видел Graves'a⁵ и других. Между прочим Yale'ский

профессор F. Edgerton⁶ сказал мне, что один из его учеников по санскриту очень бы хотел ехать в Ленинград, чтобы продолжать свои занятия по санскриту под руководством русских ученых и кроме того поучить тибетский, монгольский и китайский. Он меня спрашивал, может ли американский студент поступить в Ленинградский университет или в Школу живых Восточных языков⁷ и если может, то какие нужно шаги предпринять и какими бумагами запастись. Я буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне относительно такой возможности.

У меня к Вам еще один вопрос. Я Вам писал, что у меня проект начать работу по китайско-английскому словарю. Деньги мне на это отпустили с 8 июня месяца китайцы в Пекине под руководством профессора Хун⁸, который состоит директором «Indexes Bureau»⁹, начнут резать и клеить на отдельные карточки «Пей вень юнь фу»¹⁰ и японский словарь. Мы предполагаем, что в три месяца они кончат эту работу и затем эти карточки (для начала мы купили 500.000) будут присланы сюда, где мы будем их переводить и искать точные указания для ссылок и цитат. У меня возникает вопрос: как группировать слова или, верно, иероглифы по ключам или, как Giles и Палладий¹¹, по пекинскому произношению? Если по произношению, то как группировать сочетания и иероглифы одного произношения? Так, как Giles, принимая во внимание «фонетическую» часть иероглифа? или по ключам? Хотел бы знать Ваше мнение. Мне как японисту все равно: по пекинскому ли произношению или по «ключам», но хотелось бы сделать так, чтобы это было наиболее приемлемо Китаистам.

Журнал тоже начинает все больше и больше оформляться, думаю, что в ближайшие дни все окончательно выяснится.

В субботу днем уехали с Верой Петровной в горы на снег и провели чудесное воскресенье недалеко от границы Канады. Вчера вечером усталые, но довольные вернулись в Кэмбридж.

Сердечный привет от нас обоих Наталии Михайловне и Вам.

Поцелуйте деток.

Обнимаю Вас.

Ваш <подпись>.

¹ Судя по контексту, одной из присланных рецензий могла быть опубликованная в «Библиографии Востока» (Л., 1934, вып. 5–6, с. 137–143) заметка В. М. Алексеева «Американский роман о китайской деревне: [Pearl S. Buck. The good earth. New York. 1931. (Пэл С. Бак. Добрая земля)]». В том же томе «Библиографии Востока» на-

печатана и вторая рецензия: «Очередное опубликование текстов из Дуньхуанских коллекций» (с. 91–93). Других рецензий в 1934 г. В. М. Алексеевым написано не было; за 1933, 1932, и 1931 гг. библиография вообще не упоминает ни об одной рецензии В. М. Алексеева.

² Pearl Buck (1892–1973) – американская писательница, дочь миссионера; детство провела в Китае. Писала романы о китайской жизни «Земля» (The Good Earth, 1931; рус. пер. 1936), «Сыновья» (Sons, 1932; рус. пер. 1935), «Мать» (The Mother, 1934; рус. пер. 1936). Лауреат Нобелевской премии (1938 г.). В отличие от С. Г. Елисеева В. М. Алексеев весьма высоко отзывался о творчестве писательницы («большое впечатление, произведенное на всех нас прекрасными романами женщины-синолога Пэрл Бак...», см.: В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982, с. 143).

³ О. О. Розенберг (1888–1919) – востоковед, буддолог, японист. В одно время с С. Г. Елисеевым (в 1912–1916 гг.) находился в Японии, где учился в аспирантуре при Токийском университете. Автор фундаментального труда «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам» (Ч. 1. Токио, 1916; ч. 2. СПб, 1918).

⁴ Американский совет научных обществ – организация, координирующая научные исследования в США, основана в 1919 г.

⁵ Мортимер Грейвз (1893–?) – историк-востоковед, организатор научных исследований в Гарварде.

⁶ Франклин Эджертон (1885–?) – американский индолог и санскритолог.

⁷ Вероятно, имеется в виду организованный в 1920 г. Петроградский (с 1924 г. – Ленинградский) институт живых восточных языков им. А. С. Енукидзе; закрыт в 1938 г.

⁸ См.: примеч. 13 к письму 4.

⁹ См.: примеч. 3 к письму 3.

¹⁰ См.: примеч. 14 к письму 4.

¹¹ Имеются в виду выдержавший несколько переизданий «Китайско-английский словарь» проф. Г. Джайлза (1845–1935) и «Китайско-русский словарь» архимандрита Палладия (П. И. Кафарова, 1817–1878).

<Письмо 6>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
8 февраля 1935.

Дорогой мой Василий Михайлович,
спасибо большое за столь быстрый ответ относительно возможности молодому американцу приехать в Ленинград учиться у Вас и у Федора Ипполитовича¹. Как это было бы им полезно! Они здесь совершенно не знают настоящего филологического метода и переводят с китайского, как им заблагорассудится. Когда им объясняешь, они часто задают вопрос: Why? на который не знаешь что ответить. Вроде того это, почему свинья называется свиньей, а не как-либо иначе.

Спасибо большое за сведения о словаре и о наилучшей системе классификации иероглифов. Я уже отправил деньги в Пекин с просьбой к проф. Хун² начать резать и наклеивать Пей-вень юнь фу³. Штат работников его «индексного бюро»⁴ привык к такому роду работы и сделает это, должно быть, хорошо. Ваша цифра в 5 миллионов карточек для такого словаря меня немного испугала. Я лично надеялся, что можно будет обойтись с меньшим количеством карточек. Я лично был бы очень рад получить Вашу статью о словаре, но сейчас ничего определенного сказать не могу, так как первый номер нашего журнала будет посвящен памяти профессора Woods'a, умершего в январе этого года в Токио. Только второй номер, который мы собираемся выпустить в январе 1936, будет носить общий характер. Журнал наш будет называться *Harvard Journal of Asiatic Studies*.

Относительно Р. Бук⁵ Вы правы: это лучшее, что было написано до сих пор, но нет нужной мощи в ее творчестве. Хорошо, очень хорошо, но нет чего-то еще, как это бывает у женщин-пианисток, и техника, и чувство, и «тушэ», но нет того, что было у Рубинштейна, Бузони или что есть у Падеревского. Я Вам посылаю ее книжку, конец трилогии⁶. Она только что вышла. Этот ее роман не изменил моего мнения об ее творчестве.

По-дружески беспокою Вас снова синологическим вопросом. Меня очень беспокоит, что западноевропейские синологи переводят 是 вспомогательным глаголом «быть». Мне лично всегда казалось, что это чистое местоимение и что если западные языки должны пользоваться вспомогательным глаголом, то это вследствие их индоевропейской структуры. 是木 По-русски можно сказать «Это дерево», по-французски *C'est un arbre*; но нужны ли китайцу «est un». Если бы это действительно воспринималось как глагол, зачем тогда такая фраза, как 晉國之命未 是有也 (史記游來傳喪十四年) «Некто по имени Цюй сказал следующее»⁷; в Лунь-юй в главе «Вэй цзы»⁸ 微子 встречается фраза с 為 и с 是, где ясно, что один иероглиф глагол 為, другой местоимение 是.

Мне кажется, в первой фразе 長沮日夫與者為誰 子路日為孔丘是 孔丘與欠日是也 можно передать русским глаголом «будет»: Кто это будет, кто правит повозкою? Цзы-лу ответил: Это будет Кун-цю. Тот Лу'ский Кун-цю? Тот (самый). Конечно, француз переводит *C'est lui*, но есть ли у китайца это чувство вспомогательного глагола⁹? На днях постараюсь выслать index'ы.

Поцелуйте от нас деток, привет от Веры Петровны и меня Вам обоим. Обнимаю Вас.
Искренне Ваш <подпись>.

¹ Ф. И. Щербатской (1866–1942) – санскритолог, буддолог, создатель и руководитель (до 1934 г.) Института буддийской культуры (ИНБУК).

² См.: примеч. 13 к письму 4.

³ См.: примеч. 14 к письму 4.

⁴ См.: примеч. 3 к письму 3.

⁵ См.: примеч. 2 к письму 5.

⁶ Речь идет о романе «Мать» (The Mother, 1934).

⁷ Приведена фраза из «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня (гл. 120).

⁸ «Беседы и суждения» – один из основных памятников китайской и всей дальневосточной культуры, содержит записи разговоров Конфуция (VI–V вв. до н. э.) с учениками. Приведенную фразу см.: Лунь юй, 18.6.

⁹ Рассуждения С. Г. Елисеева безусловно верны для определенного этапа развития древнекитайского языка, когда 是 действительно выступает только как указательное местоимение, дублируя в этом качестве подлежащее. Но уже в позднеклассическом языке (III в. до н. э. – III в. н. э.), к которому ученые относят и «Исторические записки» Сыма Цяня, исследователи находят «признаки превращения указательного местоимения 是 в связку», а в постклассическом языке (III – V вв. н. э.) эта функция 是 закрепляется: новая связка формализует отношения между подлежащим и сказуемым (см.: М. В. Крюков, Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М., 1978, с. 169, 314–315).

<Письмо 7>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
22 февраля 1935.

Дорогой мой Василий Михайлович,
сегодня получил Ваше письмо от 7-го февраля, спасибо за высылку каталога¹, он еще не получен, но, должно быть, на днях мы его полу-

Дьяконова Е. М.

чим. Относительно «указателей» пишу Вам в официальном английском письме².

Относительно Вашего ремня для правки бритв могу сообщить следующее. Сначала моя секретарша довольно долго искала эту фирму, потом мы наконец ее нашли, фирма ответила нам, что она ремней больше не делает и весь свой запас отправила за границу, так как американцы не бреются больше опасными бритвами, а употребляют исключительно скобилки типа «Gillette». Фирма обещала поискать для меня, нет ли где еще таких ремней, но потом не ответила, а я, замоставшись со всякими административными и прочими заботами, забыл о ремне. Напишу фирме и узнаю, нашла ли она ремень или нет. Как только получаю от них ответ, так приму соответствующие меры; если имеется ремень, то вышлю Вам его немедленно, если же нет, то напишу об этом.

Приятно было узнать из Вашего письма, что у Вас все благополучно и что дети увлекаются хореографией. Как хорошо, что Вы их учите языкам! Как потом они Вам будут благодарны за эти «инструменты», которые им будут чрезвычайно полезны в жизни. На днях вспоминали Вас с Bruce Hopper³, который читал доклад в East-Asiatic Society⁴ в Бостоне.

В одном из моих летних писем⁵ из Парижа я писал Вам, что много времени я провел на выставке китайской бронзы и сделал много замечаний. Летом же мне удалось высидеть статью о некоторых мотивах, которые встречаются на бронзовых сосудах. Я всё это суммировал и напечатал в *Revue des Arts Asiatiques*⁶. Наконец статья эта вышла, и мне прислали сегодня номер журнала и оттиски. Посылаю Вам сегодня же оттиск с дружеским посвящением. Не знаю, понравится ли Вам эта статья, я старался показать смешанность мотивов в китайской орнаментике и возможность их классификации, которая вместе с другими данными должна облегчить датировку бронзовых ваз и сосудов. Можно, конечно, написать об этом целую книгу, я постарался только наметить наиважнейшее.

Лето, проведенное без отдыха в Париже, и усиленная работа здесь во время первого семестра стали давать себя чувствовать и я решил освежиться. По субботам из Бостона уходят в горы «Snow Train», они увозят на снег любителей лыжного спорта и природы. Две субботы подряд мы с Верой Петровною уезжали в горы, где отдыхали, дышали чистым холодным горным воздухом и гуляли по лесу, одетому снеж-

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексею

ною ризой. Было удивительно хорошо и целебно. Я отдохнул и прибавилось энергии.

Сейчас нужно готовиться к годовичному съезду American Oriental Society⁷, на котором собираюсь прочесть доклад об японском произношении китайских иероглифов 漢吳.

Мы уже мечтаем с Верой Петровною, как мы скоро поплывем обратно в Париж, чтобы провести летние каникулы с сыновьями.

Поцелуйте от нас Ваших деток.

Сердечный привет дорогой Наталии Михайловне.

Вас обнимаю и шлю дружеский привет

Сергей Елисеев.

¹ Вероятно, речь идет о каталоге выставки китайской живописи, которая была привезена в СССР художником Сюй Бэй-хуном и после экспонирования в мае 1934 г. в Москве в июне-июле того же года проходила в Государственном Эрмитаже. В ленинградском каталоге В. М. Алексеев напечатал вводную статью «К выставке китайских картин в Эрмитаже» и свой перевод трактата великого художника и поэта Ван Взя «Тайны живописи» (Л., 1934).

² См. письмо 8.

³ Б. Хупер (1892-?) — профессор Гарвардского университета.

⁴ Восточно-Азиатское общество.

⁵ Эти «летние письма» или не дошли до адресата, или не сохранились.

⁶ Журнал выходил как издание парижского Музея Гиме, известного своими восточными коллекциями. С. Г. Елисеев служил в 20-е гг. в Музее Гиме каталогизатором.

⁷ Американское восточное общество, старейшая (осн. в 1842 г.) научная организация в США, поддерживающая исследования по востоковедению и объединяющая ученых-востоковедов.

<Письмо 8>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
February 21, 1935.

Dear Colleague,

Thank you for your English letter of February 7th, acknowledging the receipt of nine indices and Supplement No. 7 of the Institute's Index Series, which I sent you some month ago. I shall be very glad to send you more of the series, but, as you know, they are quite expensive and our committee has voted that the extra copies we have here are to be given only in

Дьяконова Е. М.

exchange for other publications. We have received from you the Bibliography of the Orient for 1933, Nos. 2-4, but we have not received No. 1, as well as the Zapiski of the Oriental Institute of the Academy of Science. Vol. 2, No. 4. We shall be glad to have the complete set of both these publications. We have also received the volume on Ferdousi and the volume on Sogdien studies. I shall be glad to have the continuation of these studies as soon as possible in order to make the exchange for the volumes you mention of our indices. I call your attention, however, to the fact, that I sent you the first twelve numbers of the indices, with the exception of 5, and no No. 5 has been published. 3 and 7 I sent with the others, and they must have been lost in transit.

I am sending you under separate cover the reprint of my last article on Chinese bronzes.

With best wishes and greetings, I am

Sincerely yours,

<подпись>.

Professor Basil M. Alexéiev,
Asiatic Museum, of the Academy of Science,
Vassili Ostrov,
Leningrad, U.S.S.R.

<Дорогой коллега, благодарю Вас за письмо по-английски от 7 февраля с подтверждением о получении девяти выпусков и дополнения № 7 из Серии Индексов¹ нашего института, каковые я выслал Вам около месяца назад. Был бы рад послать больше, но, как Вам известно, эти выпуски весьма дороги, и наш комитет вотировал сверх определенного количества экземпляров исключительно их обмен на иные издания. От Вас мы получили №№ 2-4 «Библиографии Востока»² за 1933 г., но покуда нет № 1, равно как и № 4 тома 2 «Записок Института востоковедения Академии наук»³. Нам бы хотелось иметь полные комплекты обоих этих изданий. Получили мы и том Фердоуси⁴ вместе с согдийскими исследованиями⁵. Было бы хорошо иметь, по возможности быстро, и продолжение этих исследований, чтобы совершить обмен на отмеченные Вами выпуски наших индексов. Хочу обратить Ваше внимание на то, что Вам были отправлены все двенадцать первых выпусков за исключением № 5, который еще не напечатан. 3-й и 7-й были посланы вместе с остальными, но, вероятно, затерялись в пути.

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

Отдельно отправил Вам репринт моей последней статьи о китайской бронзе.

С наилучшими пожеланиями и приветами,
Искренне Ваш
(подпись).

Профессору Василию М. Алексееву,
Азиатский музей Академии наук, Васильевский остров, Ленинград,
СССР>

¹ См.: примеч. 3 к письму 3.

² Научный журнал, издавался в ИВ АН в Ленинграде с 1932 по 1937 г. под редакцией акад. А. Н. Самойловича. Вышло десять выпусков в шести переплетах.

³ Периодическое издание, пришедшее на смену «Запискам Коллегии востоковедов» при Азиатском музее Академии наук СССР; Тт. 1-4, М.-Л., 1932-1935; тт. 5-7, М.-Л., 1936-1939.

⁴ Имеется в виду вышедшая к тысячелетнему юбилею великого персидского поэта, автора «Шах-намэ» книга «Фердоуси. 934-1934» (Л., 1934). Ныне принято: Фердоуси.

⁵ Имеется в виду «Согдийский сборник. Сб. статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР» (Л., 1934).

<Письмо 9>

Harvard Journal of Asiatic Studies
17 Boylston Hall
S. Elisséeff, editor
Cambridge, Massachusetts
3 июня 1935.

Дорогой Василий Михайлович,
сегодня получил письмо от т. Яковкина, директора библиотеки Академии наук, который удивлен, что мы послали в Академию только один том наших изданий, монографию Ecke and Demieville¹, он просит выслать ему на имя библиотеки Академии наши указатели № 20, № 2 и

Supplement № 9, я ему послал эти указатели², а также монографию Coomaraswamy о буддийской иконографии³. К этому письму я присоединяю официальное английское. Дело в том, что в наших книгах, где помечаются издания, высылаемые как обмен, те «указатели», которые были высланы Вам, помечены как книги, высланные в обмен на академические издания. Я сказал заведующему обменом, что возможно, что эти издания поступили в Институт востоковедения, а не в общую библиотеку. В моем письме Яковкину я не упоминал о том, что мы Вам выслали наши «index»ы. Некоторые из наших изданий можно будет послать по второму экземпляру, под предлогом, что Академия Наук и Институт Востоковедения, не то же самое, но выслать весь комплект index'ов, я думаю, будет очень трудно. Яковкин просил тоже выслать библиотеке Академии наш журнал⁴. Это просто и я уже дал распоряжение, чтобы журнал высылался Вам и Академии отдельно. Не откажите в любезности, дорогой Василий Михайлович, черкнуть мне, как было бы для Вас наиболее приемлемым и удобным наладить наш обмен изданиями. Я Вам уже писал, что мы послали письмо W. Hung⁵ издателю наших index'ов, чтобы он высылал Вам из Пекина все последующие тома. Осенью должны выйти еще две монографии, которые мы тоже собираемся послать, но на чье имя? Институт востоковедения или Библиотека Академии наук?

В конце прошлой недели сдали в печать все рукописи второго номера журнала, на мой вкус, он будет лучше и интереснее первого, выйдет он около 15 июля. Вера Петровна наслаждается жизнью в Париже и возможностью быть вместе с сыновьями. Она серьезно взялась за лечение и очень довольна результатами, ей намного лучше и она очень оптимистично настроена. 29 июля она и мальчики приедут в Нью-Йорк, а потом в Кэмбридж. Как Ваше здоровье? Как Ваша кавказская поездка? Поцелуйте деток. Сердечный привет дорогой Наталии Михайловне.

Обнимаю Вас, дорогой мой, и желаю Вам всего наилучшего. Искренне Ваш

<подпись>.

¹ Речь идет о кн. G. Ecke, P. Demieville. «The Twin Pagodas of Zaytone: A Study of Later Buddhist Sculpture in China». Cambridge. Mass., 1935.

² См.: примеч. 3 к письму 3 и письмо 8.

³ Имеется в виду книга: A. K. Coomaraswamy. «Elements of Buddhist Iconography». Cambridge. Mass., 1935.
⁴ Имеется в виду «Harvard Journal of Asiatic Studies».
⁵ См.: примеч. 13 к письму 4.

<Письмо 10>

Harvard Journal of Asiatic Studies
17 Boylston Hall
Elisséeff, editor
Cambridge, Massachusetts
3. III. 1936

Дорогой мой Василий Михайлович, спасибо большое за все Ваши письма и за присылку отписок Ваших интересных статей¹. Спасибо за последнее письмо от 12 февраля, где Вы пишете, что начали печатать Ваши работы о китайских народных картинках². Надеюсь, что Ваше недомогание не слишком Вас мучит и был бы рад, если бы Вам удалось съездить полечиться грязями Дах'а.

Извините, дорогой мой, что так давно Вам не писал. Чувствую себя виноватым и глубоко сконфужен, что не удосужился засесть за письмо. Приятно было узнать, что Ник. Алекс. Невский выпустил свой труд³, был бы очень признателен Вам, если бы Вы могли мне его выслать. Я бы о нем написал заметку в нашем новом журнале. Постараюсь Вам описать в общих чертах, что со мною было за эти последние восемь месяцев.

В июне 1935 я уехал на летние каникулы из Харварда в Европу, взяв каюту на «Normandie». Чудесный пароход, чудо техники и чистоты; в машинном отделении, где все приводится в движение электричеством, чисто и тихо, как в лаборатории. На большом ходу трясет корму — это неприятно, но для пассажиров I и III класса это неощутимо. Страдают пассажиры второго класса, но эта неприятность теперь, кажется, устранена, потому что корму перестроили и укрепили. В конце июня я был в Париже на заседании нашего отделения в École des Hautes Études в Сорбонне. Предварительно у меня были разговоры с некоторыми из профессоров и меня просили не подавать в отставку. На заседании, покойный Sylvain Levy⁴ предложил продлить мне командировку в Америку на год 1935 и перевести меня в распоряжение Мин.

Иностранных Дел. Это устраивало всех, так как сохраняло мою кафедру неприкосновенною, сохраняло за мною право на пенсию и позволяло назначить вместо меня временного заместителя. Лекции были предложены Naguenauer⁵, который интересуется японским фольклором и занимался когда-то у Maun и Granet⁶. В конце июня было открытие новых зал в музее Cernushi⁷ и мне удалось на открытии познакомиться сразу почти всех синологов и других востоковедов. У Вадима были в июле экзамены на аттестат зрелости (baccalauriat — premiere partie), которые он отлично выдержал.

В конце июля Вера Петровна, Никита, Вадим и я погрузились на английский пароход в Шербурге и через три дня благополучно приехали в Лиссабон, где нас встретили наши знакомые португальцы. Мы сразу же были очарованы чудным южным климатом, богатой растительностью и чудесными солнечными днями. Недельку прожили в Лиссабоне, посещая музеи и другие достопримечательности. Вера Петровна и я были счастливы быть вместе с сыновьями. Они оба серьезные и хорошие молодые люди, любят историю, искусство и понимают его, так что нам было чрезвычайно приятно всюду бывать вместе с ними и потом беседовать о виденном. Из Лиссабона мы переехали на 10 дней в Эсторил, морской курорт на берегу океана в 40 минутах езды от Лиссабона. Почти каждое утро я уезжал в Лиссабон, где я работал в библиотеке Ajuda, куда был сдан архив Макао, где были все донесения иезуитов из Китая и из Японии начиная приблизительно с 1545 года. Среди писем и донесений много интересных материалов. За короткое время мне удалось познакомиться очень поверхностно, но я успел составить для себя перечень главнейших документов. Возвращался я из Ajuda около 4 часов дня и тогда мы шли с детьми купаться. Из Эсторила я съездил в Evora, где тоже хранятся кое-какие документы. В Evora я видел письма Matheo Ricci⁸. Из Лиссабона мы поехали на север и остановились на 20 дней в маленьком местечке São Martinho do Porto, где было очень хорошо, потом поехали в Coimbra, где осматривали город, университет и съездили посмотреть знаменитый лес Bussaco; потом поднялись выше на север и провели два дня в Опорте, откуда на поезде проехали в Испанию и осмотрели Сарагоссу. Очень интересный город. Потом через Пиренеи проехали в Saint Jean de Luz, где провели неделю, успев взглянуть и в Guethury. В начале сентября мы приехали в Париж. Нашли прислугу для сыновей и устроили их своим хозяйством на нашей старой квартире на Bld. Pereire 75. Они очень довольны и чувствуют себя

счастливыми. 10 сентября мы уехали из Гавра в Америку. 23-го сентября начались занятия в Харварде и я сразу окупился в свою работу и в административные обязанности. James Ware⁹, который был летом в Пекине, тоже вернулся к этому времени и сообщил, что работа над большим китайско-английским словарем начата при помощи сотрудников «бюро индексов». Начали разрезать и клеить на карточки Пей-вень юнь фу и японский словарь 字源 Дзигэн¹⁰. (Месяц тому назад я получил письмо от Dr. Хун'а из Пекина, что оба эти словаря разрезаны и наклеены и что всего израсходовано 500.000 карточек. Будущей весной они будут продолжать эту работу.) Я думаю, всего нам нужно будет около 5 миллионов карточек. Весь материал будет переслан сюда и под моим руководством будет переведен на английский язык. Это, конечно, огромная работа и я думаю что потребуется лет десять на ее осуществление, но я доволен, что мы ее начали.

Кроме словаря, о котором мне бы хотелось с Вами побеседовать подольше и узнать Ваши «desiderata», мне нужно было подготовить к печати первый номер нашего журнала. Еще весной 1935 «исполнительный комитет» Института решил, что первый номер будет посвящен памяти покойного профессора J. H. Woods, который, хотя и не был востоковедом, но много сделал для востоковедения в Харварде. Я написал многим его друзьям и бывшим ученикам и всю осень получал, то письмо с отказом, то статью. Китайцы-ученые прислали статьи по-китайски — их нужно было перевести на английский, проф. Хаттори¹¹ из Токио прислал статью о 天命¹² по-японски, я засел за ее перевод. Время бежало, а работа подвигалась медленно. Я должен был тоже написать что-нибудь и по возможности о буддизме, потому что покойный проф. Woods интересовался главным образом буддизмом и в особенности 天台¹³. Я засел за статью о 梵網經¹⁴ и о влиянии этой сутры на японскую скульптуру. Наконец к началу февраля все рукописи были собраны, переписаны на машинке и все иероглифы вписаны и набраны (кит. иероглифы набираем мы). В последних числах февраля все было сдано в печать. Типография обещала сделать всю работу в три недели так, чтобы номер журнала был готов к первому апрелю. Всего отпечатаем 1500 экземпляров, чтобы можно было разослать всем востоковедам. На списке помечены конечно Вы, Невский, Конрад, Шуцкий, Драгунов¹⁵, Колпакчи¹⁶, Институт Вост. Языков¹⁷, Азиатский музей¹⁸, Щербатской, Поппе¹⁹, в Москве библиотека имени Ленина, А. И. Иванов²⁰, проф. Мацохин²¹. Я буду Вам очень благодарен, если

Вы мне пришлете список библиотек и лиц, которым было бы приятно получить первый номер нашего журнала. Я Вам, кажется, уже писал, что я был бы очень рад получить от Вас статью по синологии. Мы по мере возможности будем печатать статьи филологического характера и всегда с кит. иероглифами. Я часто цитирую Вашу статью о 文²², которая была напечатана в журнале Мин. Нар. Просв. Вот бы нам такую статью! Или что-либо о китайской поэзии с хорошим «филологическим аппаратом». Мы будем платить иностранным сотрудникам 3 доллара за печатную страницу журнала, это не так чтобы уже слишком роскошно, но американцы слегка обеднели. Первый номер выйдет 1 апреля, второй номер 1 июля, третий 1 ноября и четвертый 1 января. В каждом номере будет около 96 страниц, так что ежегодно будем выпускать около 400 страниц.

Кроме этого наш Институт создал «Historical and Commercial Atlas of China»²³, составил его Dr. A. Hermann в Берлине, я написал нашему агенту в Leipzig от Otto Harranowitz, чтобы Вам лично был выслан один экземпляр, а другой для Академии, надеюсь, что Вы его вскоре получите, хотя у нас и были затруднения с немцами из-за разных платежей. Осенью Вам выслали на имя Азиатского музея книгу Coomaraswamy Buddhist Iconography²⁴ и книгу Ecke и Demieville Twin Pagodas of Zayton²⁵, которые, если мне память не изменяет, Вы получили. Собираюсь написать Невскому и попросить дать нам какую-нибудь статью по тангтоведению. Сообщите, пожалуйста, конфиденциально, кого можно еще попросить сотрудничать? Шуцко го?

Все эти хлопоты по журналу отняли довольно много времени. Кроме того в ноябре было у нас очень серьезное заседание. В связи с политической экспансией (простите за этот ужасный варваризм) два из китайских университетов, которые получают от нас субсидии, Яньцзин в Пекине и Чжилу в Шандуне оказались в тяжелом положении. Было много разговоров по этому поводу, но всё уладилось. Много времени отняла библиотека. Мы решили пополнить отдел 縣志²⁶ и послали письма книжным лавкам в разные провинции, истратили около 5000 китайских долларов. Теперь с каждой почтой получаем книги. Как бы мне хотелось показать Вам нашу библиотеку! Конечно, в ней еще много пробелов, но она уже начинает принимать приличный вид и наш отдел «цуншу»²⁷ очень приличен.

Dr. Ware и Dr. Gardner продолжают читать лекции по китайскому языку и по китайской истории, у меня в этом году 9 часов в неделю,

только лекции по японскому языку, так что готовиться особенно не приходится и есть время на чтение и административную работу.

Когда слишком устаю и чувствую, что нужен отдых, то уезжаю вместе с Верой Петровной куда-нибудь на границу Канады, где чудесные горы и леса. Уезжаем в субботу рано утром и возвращаемся поздно в воскресенье. Два дня, проведенные в снежных горах, хорошо подкрепляют. Чудесно гулять по лесу, покрытому снегом, и глубоко вдыхать богатый кислородом горный воздух.

Дети довольны своею жизнью в Париже. Никита продолжает греческий и арабский и надеется отбывать воинскую повинность в Сирии. Вадим кончает в этом году лицей и собирается заниматься китайским и японским. Вот, кажется, и все новости. А как поживает Наталия Михайловна? Как Ваши детки? Вера Петровна и я желаем Вам, Наталии Михайловне и детям всего всего наилучшего.

Обнимаю Вас. Искренне Ваш

Сергей Елисеев.

P.S. Прилагаю при сем увеличение с маленькой фотографии. Никита, Вадим и я на пароходе «Alcantara» по дороге в Лиссабон. Все жмурится от сильного солнца.

¹ Судя по контексту переписки (см. письмо 14) В. М. Алексеев послал С. Г. Елисееву две свои работы — «Актеры-герои на страницах китайской истории» (Вестник Дальневосточного ФАН, 1935, № 11, с. 107–120) и «Принципы перевода сочинений В. И. Ленина на китайский язык» (Записки Института востоковедения, 1935, т. 3, с. 5–12).

² В 1935 г. в «Вестнике АН СССР» (№ 4) была напечатана статья В. М. Алексеева «Китайский фольклор и китайская народная картина». Однако большинство исследований ученого о китайской народной картине увидели свет только после смерти В. М. Алексеева, когда стараниями его дочери и его учеников появилось фундаментальное издание: В. М. Алексеев. Китайская народная картина: духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М., 1966.

³ Речь, вероятно, идет о составивших отдельный XI том «Трудов Института востоковедения АН» «Материалах по говорам языка цоу» (М.-Л., 1935).

⁴ См.: примеч. 6 к письму 1.

⁵ См.: примеч. 10 к письму 1.

⁶ См.: примеч. 7 к письму 1.

⁷ Музей «Cernushi» был основан в особняке с коллекцией восточного искусства, который был завещан Парижу итальянским банкиром и политическим деятелем Энрико Сернуши (1821–1896), эмигрировавшим после революции 1848 г. в Ламбардию из Италии во Францию.

⁸ Маттео Ричи (1554–1610) — первый миссионер-иезуит, получивший возможность проповедовать христианство в Китае; знаток китайского языка и канонической литературы.

⁹ См.: примеч. 9 к письму 4.

¹⁰ См.: примеч. 15 к письму 4.

¹¹ Хаттори Унокити (1867–?) – профессор Токийского университета, крупнейший специалист по конфуцианской классике; учился в Германии, читал лекции в Гарварде.

¹² Тянь мин – «небесное предопределение», один из главных регулирующих факторов передачи императорской власти в Древнем и средневековом Китае; японцы заимствовали это понятие из Китая, но практического применения оно не нашло – власть в Японии продолжала передаваться по древним японским установлениям.

¹³ Речь идет об одном из главных направлений буддизма в Китае (Тянь тай цзун) и Японии (Тэндай сю). В Японии школа Тэндай сю была основана в 805 г. монахом Сайтё (767–822), который воспринял истины учения в Китае у девятого патриарха Чжаньжана. В XIII в. Нитирэн (1222–1282) реформировал некоторые стороны догматики Тэндай, но основные идеи остались в неприкосновенности. Главный канонический текст – «Сутра Лотоса Благого Закона» («Саддхарма пундарика сутра»), или «Лотосовая сутра».

¹⁴ Кит. *Фань ван цзин*, яп. *Боммокё*, санскрит. Брахмаджала-сутра – «Сутра о сетях Брахмы», считается сутрой заповедей, описывает «путь бодхисаттвы». В 406 г. переведена на китайский язык Кумарадживой.

¹⁵ А. А. Драгунов (1900–1955) – синолог-лингвист, ученик В. М. Алексеева.

¹⁶ Е. М. Колпакчи (1902–1952) – японистка, в соавторстве с Н. А. Невским написала два учебника японского языка.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду ЛИЖВЯ (см. примеч. 7 к письму 5).

¹⁸ С 1930 г. Институт востоковедения АН.

¹⁹ Н. Н. Поппе (1897–1991) – известный монголист, тюрколог; во время войны окзался на оккупированной территории, после войны жил и работал в США.

²⁰ А. И. Иванов (1878–1937) – профессор Петербургского университета, специалист по истории китайской философии, китайскому и маньчжурскому языкам; в 30-е гг. работал в Москве.

²¹ Возможно, речь идет о японисте Н. П. Мацокине (1886–1937), авторе известной работы «Японский миф об удалении богини Аматерасу в небесный грот и солнечная магия», опубликованной в «Известиях Восточного факультета Государственного дальневосточного университета» (Т. 66, вып. 3. Владивосток, 1921).

²² Речь идет о работе В. М. Алексеева «Об определении китайской «литературы» и об очередных задачах ее историка» (Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Ч. 69, май).

²³ «Исторический и коммерческий атлас Китая».

²⁴ См.: примеч. 3 к письму 9.

²⁵ См.: примеч. 1 к письму 9.

²⁶ Сянь чжи, «описание уездов», особый жанр деловой прозы; в подобных «описаниях» сообщались историко-географические, этнографические, политико-административные сведения об определенной местности с биографиями выдающихся деятелей, ее уроженцев.

²⁷ «цуншу» – китайские серийные издания классической литературы и науки.

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

<Письмо 11>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
March 26, 1936

My dear Colleague,

Thank you very much for your letter of March 10th, which brings us the good news that you have succeeded in collecting for us the *Mélanges Asiatiques* series. I am profoundly thankful for this friendly gesture and shall patiently await their arrival.

I never accused you of cunctatorship, for I myself know how difficult it is sometimes to do what people ask you to do in a short time. I am far from being always as prompt as it is necessary to be in this modern world.

I don't remember exactly when I wrote you my Russian letter, but you probably already have it in your hands. I hope you will send us some interesting articles for our journal, which is already finished and will be put on sale at the beginning of April. I am sending a number to you personally and a number as an exchange to the library of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Science.

Yours very sincerely,

<подпись>

Director

Professor Basil M. Alexiev,
ul. Blohina, 17/1, Idg. 5,
Leningrad, Russia, USSR.

«Дорогой коллега, весьма благодарен вам за Ваше письмо от 10-го марта, которое доставило нам добрую новость о том, что Вы преуспели в подборе для нас серии «*Mélanges Asiatiques*»¹. Глубоко признателен за этот дружеский жест, буду с волнением дожидаться прибытия посылки.

Никогда не упрекал Вас в медлительности, тем более знаю сам, как иногда бывает трудно в короткий срок исполнить чью-то просьбу. Мне куда как далеко до необходимого в современной жизни проворства.

Дьяконова Е. М.

Не помню точно, когда написал Вам письмо по-русски, возможно оно уже достигло Вас. Надеюсь на получение от Вас интересных статей для нашего журнала, который уже готов и поступит в продажу в начале апреля. Один экземпляр вышлю для Вас лично, другой — в библиотеку Института востоковедения Академии наук для обмена.

Искренне Ваш,

[подпись]

Директор

Профессор Василий М. Алексеев,
ул. Блохина, 17/1, кв. 5,
Ленинград, Россия, СССР>

¹ Из контекста письма не вполне ясно, имеются ли в виду старая серия «*Mélanges Asiatiques*» — издававшиеся с 1849 по 1894 г. сборники, включавшие в себя статьи по востоковедению, опубликованные ранее в основном печатном органе Академии наук «*Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*» (изд. с 1837 г.), которых было выпущено всего десять (тома с XI по XVI за 1895–1914 гг., подготовленные к печати, так и не увидели света), или пришедший им на смену «Азиатский сборник» (Т. 1, 1918 г., включает статьи по востоковедению из «Известий Академии наук» за 1895–1914 гг.), который является новой серией «*Mélanges Asiatiques*».

<Письмо 12>

<Б. м., б. д>

Дорогой Василий Михайлович,

На днях отправил Вам книжечку с географическими вопросами, которую Вы меня просили, надеюсь, что она благополучно дойдет. Все последние дни был занят чтением корректур. В конце прошлой недели все ушло в типографию и теперь надо ждать окончательной присылки сброшюрованных экземпляров. Первый номер посвящен памяти профессора James H. Woods, который интересовался Востоком и сделал много для организации китайских и японских студий. Откровенно говоря, я не слишком доволен статьями первого номера, но я должен был их принять, потому что большинство сотрудников были друзьями

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

покойного и хотели почтить его память. Статья о философии Чжу-си¹ — слабая, но автор ее почтенный профессор философии. Второй номер, по-моему, будет лучше. Сейчас готовим все нужные материалы для него, и я погружен в чтение журналов, чтобы написать несколько рецензий. Н. Масперо² в своем последнем письме обещал мне прислать статью для журнала! Поговорите с окружающими вас серьезными китаистами, может быть, они смогут написать что-нибудь интересное о даосизме (Шуцкий³, например) или по лингвистике (Драгунов⁴). Вам виднее, кто захочет сотрудничать с Харвардом из молодых синологов, или монголоведов, например. Третий номер собираемся выпустить в ноябре, а четвертый в январе.

Завтра у нас кончаются лекции перед весенними каникулами и следующая неделя будет свободная. Как всегда у меня много добрых намерений, но не знаю, насколько удастся их претворить в жизнь. Пишу сейчас кой-что для французских издателей.

Поцелуйте деток. Сердечный привет Наталии Михайловне и Вам от Веры Петровны и меня.

Обнимаю Вас, мой дорогой, и крепко жму руку.

Искренне Ваш

<подпись>.

¹ Чжу-си (Чжу Си, 1133–1200) — выдающийся китайский мыслитель, стремившийся придать новый импульс конфуцианскому учению.

² Анри Масперо (1883–1945) — известный французский синолог, ученик Э. Шаванна.

³ См.: примеч. 11 к письму 2.

⁴ См.: примеч. 15 к письму 10.

<Письмо 13>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
17 апреля 1936 (18. IV 1936).

Дорогой мой Василий Михайлович,
спасибо большое за Ваше милое письмо от 3 апреля и за книжку Нев-скаго о языке Цой¹; какая чудесная книжка! Очень был рад, что «1001 questions to answer» Вами получена, на днях вышлю остальные. У американцев очень много отличных практических руководств.

Первый номер *Harvard Journal of Asiatic Studies* вышел и Вам выслан экземпляр. Номер мог бы быть лучше, но, к сожалению, нужно было его посвятить памяти Woods'a и потому нельзя было отказать некоторым из его коллег. (Простите что пишу другими чернилами, но не успел дописать письма вчера). Как я Вам уже писал, мы будем очень рады, если Вы нам пошлете какую-нибудь статью. Надеюсь ее получить! Вы меня просите сообщить относительно Graves'a². Вы, должно быть, знаете, что такое *Council of Learned Societies*³, который был учрежден, чтобы объединить научную работу в Америке, где нет настоящей Академии наук и каждый университет или ученое общество работает изолированно. В этом «*Council of Learned Societies*» существуют разные комиссии, между прочем «*Committee on Chinese and Japanese Studies*»⁴, где я состою членом. К сожалению, большинство членов комитета — китаисты-любители и не имеют настоящей филологической тренировки, их интересы направлены на изучение истории Китая 19 века. Я не знаю точно, какой циркуляр Вам послал Graves. Сегодня (18 апреля) в Нью-Йорке было собрание японо-китайского комитета на котором обсуждалась программа дальнейшей деятельности комитета и какие труды он может напечатать, какую оказать поддержку и т. д. Между прочим недели две тому назад была разослана брошюра: *Some Eminent Chinese of the Seventeenth Century* (specimen biographies from a proposed Dictionary of Ch'ing Dynasty Biography)⁵. Этот словарь предполагается издать, редактор Dr. Hummel⁶, библиотекарь в Вашингтоне, который получил степень в Лейдене, переведя биографию Гу Чжи-чан'а. Когда я стал просматривать некоторые биографии, меня неприятно поразил немного любительский тон статей. Я решил проверить и просмотрел биографию Чжу Чжи-юй 朱之瑜 1600–1682, этот китаец был в Японии и помогал японцам при составлении *大日本史*. Я нашел в биографии ряд неточностей и в библиографической заметке ряд важных пропусков. Об этом я заявил сегодня на заседании. Остальные все молчали, а Hummel счел это за личную обиду. Не знаю, послал ли Вам Graves эту брошюру — если нет, напишите ему, и я со своей стороны попрошу его выслать Вам этот «specimen». Мне было бы интересно Ваше мнение. Словарь Giles⁶ (я думаю о биографическом), конечно, устарел и полон ошибок, но этот американский будет только о людях манчжурского периода. У меня не было времени проверить, насколько отчетливо-научно сделаны другие биографии, но те три, которые я проверил могли бы быть лучше составлены.

M. Graves секретарь всех этих комиссий. Он читает по-русски и следит за всем тем, что делается за границей и старается всеми силами заинтересовать в деятельности разных комитетов тех богатых американцев, которые дают на это деньги. До того как быть назначенным секретарем, он, кажется, где-то преподавал, если мне память не изменяет, историю XIX века. Научный вес его не велик, но он деятельный организатор и хороший исполнитель. Вот всё, что я могу сообщить о Graves'e.

В прошлый четверг (16 апреля) я был в New-Haven'e, где Yale University. Был годовой съезд American Oriental Society. Прослушал девять небольших докладов, довольно интересный доклад был библиотекаря нашего Харвард-Яньцин'ского Института: «о времени появления очков в Китае». Он нашел ошибку в Кансицзыдянь⁷. Недурной доклад был об одном из диалектов Фуцзяня⁸. Я в тот же день вернулся в Кэмбридж. Вчера вечером мы с Верою Петровною приехали в Нью-Йорк. Сегодня утром я ее посадил на «Lafayette» и она поплыла во Францию к детям. 26 апреля она будет в Париже. Она была счастлива поехать к сыновьям, так как в этом году, как-то особенно остро по ним скучала. Она останется в Париже до середины июля и потом вместе с Никитой и Вадимом приедет в Америку, где мальчики проведут с нами месяца 2 с половиною — три. Я останусь все лето в Кэмбридже. До первого июня у нас лекции, потом экзамены. 6 июля начнется «Summer School» — это популярные лекции, для учителей, которые хотят пополнить свои знания. Я буду читать общий курс по истории Японии. Будберг из Калифорнии будет читать историю Китая. 15 августа это будет кончено. В начале сентября начнутся торжества 300-летия Харварда. Pelliot⁹ приедет на 2 недели, из Китая ждем Ху-ши¹⁰. Сердечный привет Наталии Михайловне и Вам. Поцелуйте деток.

Обнимаю крепко. Искренне Ваш

<подпись>.

¹ См.: примеч. 3 к письму 10.

² См.: примеч. 5 к письму 5.

³ См.: примеч. 4 к письму 5.

⁴ «Некоторые выдающиеся китайцы семнадцатого столетия (Образчики биографий для предполагаемого «Словаря Цинских биографий»)».

⁵ А. У. Хаммел — синолог-библиограф, известен описаниями книг Восточного отдела Библиотеки Конгресса (1938, 1941). Издание, о котором идет речь, было осуществ-

Дьяконова Е. М.

лено: A. W. Hummel, ed. «Eminent Chinese of the Ch'ing dynasty». 1. Washington, 1943. P. Washington, 1944. Диссертация была издана: A.W. Hummel, «The Autobiography of Chinese Historian». Leiden, 1931.

⁶ См.: примеч. 3 к письму 4.

⁷ «Словарь Кан-си» (1716) — полный иероглифический словарь, составленный по указу императора Кан-си коллегией из 30 ученых. Общее число включенных в словарь иероглифов — 49 030.

⁸ Одна из южных провинций Китая; южные диалекты весьма сильно отличаются фонетически от нормативного пекинского произношения.

⁹ См. примеч. 3 к письму 1.

¹⁰ Ху-ши (Ху Ши, 1891–1962) — один из видных деятелей «литературной революции» в 10–20-е годы в Китае, крупный ученый, автор ряда работ по истории китайской философии и литературы.

<Письмо 14>

17 Boylston Hall
Cambridge, Massachusetts
22 мая 1936.

Дорогой мой Василий Михайлович,
не удосужился ответить Вам на Ваше письмо от 11 апреля, как получил второе Ваше послание от 8 мая. Спасибо большое за оба письма. Спасибо за присылку книжки Н. А. Невского¹, которая мне очень и очень понравилась, примите глубокую и искреннюю благодарность от меня и моих коллег за присылку «Melanges Asiatiques»². Я Вам послал официальное английское письмо, в котором сообщил Вам, что все издания и все индексы Н. Y. Institut'a будут Вам высылаться по мере их появления.

Работа в Пекине над словарем продолжается и отпущен новый кредит на этот текущий год. За это время в Китае вышел новый словарь 字海³, где указано после цитат не только заглавие книги, из которой взята цитата, но упомянута и глава сочинения, что значительно уточняет лексикографическую работу и позволяет легче находить приведенное выражение, которое без полного контекста не всегда бывает понятным.

Спасибо за милые строки о журнале, который внешне выглядит серьезно, но который мне бы хотелось сделать исключительно интерес-

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

ным и важным. Редактируя его, многому учусь и многое делается более ясным и отчетливым. Все последние дни был занят подготовкой к печати второго номера журнала. Много времени взял просмотр статьи Eberhardt'a⁴ о Ханьской астрономии. Написал несколько заметок и рецензий, между прочим, написал о Вашей статье заметку: «актеры-герои», а также «о переводах сочинений В. И. Ленина на китайский язык»⁵. Кажется, недолго написать заметку, а смотришь, нужно справиться о том или другом, не напутать в английской транскрипции, выравнять свой английский стиль. По-дружески сообщаю Вам, всегда страдаю, что приходится писать не на родном языке, да еще после долгих лет жизни в Париже переходить теперь на английский! Для следующего номера жду Вашей статьи и статей других советских ленинградских синологов. Может быть, Н. А. Невский, получив мое письмо, пришлет нам что-нибудь о Си-ся.

Наш библиотекарь сейчас усиленно работает над составлением списка 志書⁶, и к сентябрю у нас их будет более тысячи, будет чем козырнуть перед приезжими гостями. На 300-летие Харварда приедут: Pelliot, Ху-ши, кой-кто еще из японцев и китайцев. Кто приедет из Москвы и из Ленинграда? Кроме 志書 мы сейчас усиленно покупаем «цуншу»⁷, наша коллекция цун-шу уже сейчас богаче коллекции Library of Congress, у нас около восьмисот цуншу, все статьи разнесены на карточки. Каталог у нас состоит из трех каталогов: один по иероглифам, другой по пекинскому произношению, причем каждая статья и книга имеет две карточки: одна в алфавитном порядке по фамилии автора, другая по заглавию, третий — предметный каталог. Конечно, Library of Congress богаче нас, и благодаря своему положению как центральной или национальной библиотеки, имеет много возможностей, к сожалению, она пополняется недостаточно планомерно, и вначале было куплено несколько библиотек частных лиц, что повлекло, конечно, за собой наличие довольно значительного числа экземпляров одних и тех же сочинений; о дублетах не приходится и говорить, некоторые книги имеются в пяти экземплярах. Не помню, писал ли Вам, что наш библиотекарь Цю едет в будущем году на побывку в Пекин и собирается напечатать там каталог нашей библиотеки, который будет одновременно и библиографией, потому что книги будут расположены по содержанию, а указатель будет по авторам и заглавиям. Надеюсь, что он справится с задачей и сделает хороший каталог.

Specimens of Chinese Biographies⁸, конечно, большой прогресс по сравнению с Giles'ом⁹, но Giles работал один и сколько лет тому назад, и составил словарь для всей истории Китая, а Вашингтонский словарь будет только для Манчжурской династии¹⁰. Сколько за это время вышло работ, сборников, указателей! К сожалению, многие сотрудники молодые, начинающие синологи и не умели использовать имеющийся материал, хотя бы такое издание, как 碑集¹¹, изданное в Пекине Янцзинским университетом. Библиографические заметки после биографий составлены наспех и грешат пробелами или упоминаниями ненужных второстепенных сочинений. Я послал Graves'у мои критические заметки, надеюсь, что они будут приняты во внимание. Коллективная работа хорошая вещь, если все сотрудники одинаково высоко квалифицированные работники, а то редактору не справиться, так как все проверять заново по китайским источникам просто невыносимо, проще тогда самому написать биографию данного китайца наново. Hummel¹² очень милый и симпатичный человек, бывший миссионер, хорошо знающий разговорный китайский язык, но у <него> нет школы, нет того, что Вам дает парижская тренировка у Pelliot или четыре года хорошего университетского курса у отменного синоведа. Кроме того Hummel сидит в Вашингтоне один, с китаёзами и не с кем ему даже мыслями обменяться, нет научно-синологической среды.

Надеюсь, мой дорогой Василий Михайлович, что лечение на Кавказе Вам помогло, что стало легче. Подумать только, в будущем году исполнится 35 лет Вашей академической деятельности! Время бежит, не останавливается! Из Вашего письма я вижу, что Вы морально удовлетворены отношением к Вам молодежи, а уж не говорю, что всё, что Вы сделали по синологии, должно цениться другими и доставлять сознание Вашей глубокой и большой полезности. Я не жалею, что годы идут вперед, каждый год оставляет за собою что-нибудь сделанное, и, оглядываясь назад, видишь, что всё-таки не зря прошло время, а оно далеко не всегда было легким и удобным для научной работы. Я часто вспоминаю нашу первую встречу в 1911 году, а также наши лекции¹³ летом 1918 года и возвращение пешком через мост на Петроградскую сторону.

Сегодня у меня кончились лекции. Теперь студенты будут готовиться к экзаменам, а я засяду за ряд недоконченных личных работ и за подготовку летнего курса, так как 19 век японской истории и период Мейдзи¹⁴ знаю слабее остального. От Веры Петровны получил не-

сколько бодрых писем. Она глубоко счастлива быть с сыновьями. Вместе с ними выходит, по вечерам много с ними беседует. Вадим очень способный и был выбран на «сopscours général», как лучший из всех Парижских лицеев. Для «сopscours général» в Париж съезжаются ученики лицеев со всей Франции. Я часто думаю о том, как-то мальчики будут с нами и меня глубоко тронуло, что Вы поняли мои переживания и почувствовали их. Да, хорошая семья это большое счастье, и иметь друга-жену тоже большое счастье. Я так искренно понимаю Ваше отношение к Наталии Михайловне, которая исключительно хороший человек. Книжки, которые Вы просили выслать, заказаны.

Привет всем друзьям. Поцелуйте ручку Наталии Михайловне. Ребяток поцелуйте. Обнимаю Вас, дорогой мой, и шлю самые искренние и сердечные пожелания здоровья и дальнейшего процветания. Жму крепко руку. Искренне Ваш <подпись>.

¹ См.: примеч. 3 к письму 10.

² См.: примеч. 1 к письму 11.

³ Речь идет об энциклопедическом и толковом словаре «Цы хай» («Море слов»), составленном под редакцией Шу Синь-чэна и др. Первое издание в 2-х тт. вышло в Шанхае в 1936–1937 гг.

⁴ В. Эберхард (1909–?) – немецкий и американский синолог, фольклорист и философ. Имеется в виду его статья: «Beitrage zur kosmologischen Spekulation der Chinesen in der Han Zeit». «Baessler Archiv». Vol. 16. Berlin, 1933.

⁵ См. примеч. 1 к письму 10. Рецензии С. Г. Елисеева на работы В. М. Алексеева появились в «Harvard Journal of Asian Studies» (1936, vol. 1, No 2, pp. 257, 261).

⁶ Чжи шу, жанр историко-географических описаний различных местностей.

⁷ См.: примеч. 27 к письму 10.

⁸ См.: примеч. 4 к письму 13.

⁹ См.: примеч. 3 к письму 4.

¹⁰ Династия Цин – последняя императорская династия в Китае (1644 по 1912).

¹¹ Бэй цзи, «собрание эстампов», т.е. оттисков надписей с каменных стел.

¹² См.: примеч. 5 к письму 13.

¹³ Речь идет о публичных лекциях в Петроградском университете. Подробнее см. вступление к настоящей публикации.

¹⁴ Мэйдзи – «просвещенное правление», название периода японской истории, когда у власти находился император Муцухито (1868–1911).

Дьяконова Е. М.

<Письмо 15>

Harvard Journal of Asiatic Studies
17 Boylston Hall
S. Elisséeff, editor
Cambridge, Massachusetts
8 июля 1936.

Дорогой мой Василий Михайлович,
спасибо большое за Ваше милое письмо от 19 июня; надеюсь, что курс лечения, проделанный Вами на Кавказе, если и не излечил радикально Ваши недуги, то улучшил настолько Ваше общее состояние, что Вы не будете чувствовать всех Ваших недомоганий этой зимой и будете спокойно работать на пользу синологии. Спасибо также за милую китайскую цитату. Да, я только теперь начинаю чувствовать, как тяжела и неустойчива была моя жизнь и какие неблагоприятные условия были для научной работы. Здесь потихоньку начинаю разворачиваться. Конечно, Париж дал мне неоценимые сокровища: лекции Pelliot¹, лекции Maspero², постоянное личное общение со всеми светилами дальневосточной науки, это всё незабываемое и которое теперь служит мне на пользу. Стараюсь работать вовсю и наверстать многое не сделанное и ушедшие часы работы. Очень рад, что атлас Вам понравился³, я лично не большой поклонник немецких синологов и в частности считаю, что A. Negtmann не справился с задачей. Изучая древнюю историю Китая, Вы не можете положиться на его карты, и всякому серьезному китаисту-историку придется проделать самостоятельную работу и проверить всё по старым китайским атласам. Его, Negtmann'a хронология тоже не всегда точна, и можно было бы использовать многие не только китайские, но и японские труды. Атлас будет полезен студенту и для справок при чтении текстов, но и только. Жалею, что Вы так загружены работой, что не можете нам прислать статью для журнала. Вы, должно быть, получили No 2 Harvard Journal of Asiatic Studies, который был разослан первого июля. В отделе библиографий найдете заметку о Ваших статьях⁴. Если где-нибудь в советских журналах или других изданиях появилась какая-нибудь заметка о нашем журнале, не откажите в любезности сообщить. Сейчас начали подготовку третьего номера, где будет интересная ста-

Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву

тья Стом-Томстейна об имени Гуань-инь⁵ – Avalokitesvara. Boodberg⁶ обещал дать статью, кажется, Ware⁷ что-то пишет, я потею над библиографией. Читаю Петрова – Ван Би⁸, напишу о Невском. Почему он не ответил на мое письмо? Обижен на меня, не хочет переписываться с ново-французским гражданином? Мне бы очень хотелось получить от него что-нибудь для журнала. Журнал Харвардский и я думаю никакого odium'a нет в нем сотрудничать. С большим интересом прочел о диссертации Шуцко⁹. Что она, уже напечатана или еще нет, вот ее бы получить и почитать! Черкните мне его адрес, пожалуйста.

Весь июнь я проработал в Кэмбридже (Mass.) никуда не уезжая, к сожалению, работа была малоплодотворная, так как около двух недель прохворал – почему-то кровяное давление полезло к низу и это вызвало жестокую десятидневную мигрень, которая то проходила, то снова начиналась. К концу июня все наладилось и теперь снова работаю. Был здесь у лучшего врача (Нобелевский приз), он взял дорого, но заинтересовался мною, и может быть, поможет. В понедельник 6-го начал читать курс по истории Японии. Общий курс в течение шести недель. 15 августа кончим это удовольствие. Курс не только для студентов, но и для публики, так что 50% слушателей женщины.

Я знаю, что приглашения советским ученым приехать на Харвардские торжества были посланы еще прошлой осенью, и многие ответили, что будут, но большинство, кажется, естественники. Когда составлялись списки гостей, то я, конечно, поместил Ваше имя, Pelliot и Maspero, но потом, когда соединенная комиссия просматривала списки по научным дисциплинам, то в синологии остались двое: Ху-ши и Pelliot, и я ничего добиться уже не мог.

На днях получил телеграмму из Парижа от Веры Петровны, что она и сыновья приедут в Нью-Йорк 21 июля. Я уже радуюсь заранее повидать сыновей после 9-месячной разлуки, а Веру Петровну после трехмесячной разлуки.

Надеюсь, что все Ваши в полном здравии и благоденствии. Сердечный привет Наталии Михайловне и Вам. Кланяйтесь от меня японистам и китаистам.

Дружески обнимаю Вас и желаю всего наилучшего.

Искренне Ваш <подпись>.

¹ См.: примеч. 3 к письму 1.

² См.: примеч. 2 к письму 12.

³ См.: письмо 10.

⁴ См.: примеч. 5 к письму 14.

⁵ Гуань-инь, бодхисаттва Авалокитешвара (Внимающий Звукам Мира), в Китае наделяется женскими чертами, становится богиней милосердия, чадоподательницей, в женском облике под именем Канон известна и в Японии.

⁶ П. А. (Peter Alexis) Будберг (1903–?) – родился во Владивостоке, специалист по дальневосточной филологии и истории, профессор Калифорнийского университета (Беркли).

⁷ См.: примеч. 9 к письму 4.

⁸ Имеется в виду кандидатская диссертация синолога-философа А. А. Петрова (1907–1949) «Ван Би (226–249). Из истории китайской философии» (Труды Института востоковедения. Т. 13. М.–Л., 1936). Ван Би – философ, один из родоначальников сюань сюэ – «учения о сокровенном», синтезирующего конфуцианство и даосизм.

⁹ Защита Ю. К. Щуцким докторской диссертации «Китайская классическая «Книга перемен». Опыт филологического исследования и перевода» состоялась 3 июня 1937 г. Вскоре после защиты (2 августа) ученый был арестован и 18 февраля 1938 г. расстрелян. Работа увидела свет только в 1960 г. в сильно сокращенном виде, и лишь в 1993 г. впервые была напечатана в полном объеме.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЯПОНОВЕДЕНИЕ

С СЕРЕДИНЫ 50-Х гг. XIX в. ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

(по архивным материалам и письмам российских японистов)¹

Историю отечественного японоведения как академической науки можно, пожалуй, вести с издания в 1857 г. первого большого японско-русского словаря, которому суждено было стать основным пособием для нескольких поколений русских японоведов². Его появление связано с именем первого российского консула в Японии И. А. Гошкевича (1814–1875)³, которому помогал в этой работе Татибана Косай⁴. При печатании своего словаря И. А. Гошкевич столкнулся с большими

¹ Принятые сокращения названий архивов и библиотек: АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи; Архив востоковедов СПб. филиала ИВ РАН – Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук; ГПБ – Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства; РГИА – Российский государственный исторический архив; СПб. филиал АРАН – С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук; ЦГАДВ – Центральный государственный архив Дальнего Востока.

² Баро цугэн хико (Японско-русский словарь), составленный И. Гошкевичем при пособии японца Татибана-но Косай. СПб., 1857.

³ Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875) – видный востоковед и дипломат. По окончании Петербургской духовной академии он в течение 10 лет (1840–1850) состоял членом Российской духовной (православной) миссии в Пекине, где изучал восточные языки. В 1853–1855 гг. его услугами в качестве переводчика китайского и японского языков пользовался вице-адмирал Е. В. Путятин во время поездки в Японию и Китай для ведения дипломатических переговоров. С декабря 1857 г. он – российский консул в г. Хакодате, первый из россиян дипломат, аккредитованный в Японии (См.: АВПРИ, ф. ДПС и ХД, оп. 464, д. 998).

⁴ Татибана Косай (1820–1885) после принятия православной веры в январе 1858 г. стал известен как Владимир Иосифович Яматов (фамилия взята им по древнему названию Японии). В течение ряда лет ему удавалось совмещать службу в Азиатском департаменте с преподавательской работой. После отъезда в 1874 г. в Японию он регулярно получал от российского правительства пенсию в размере 300 руб. в год, установленную указом от 7/19 мая 1874 г. (См.: АВПРИ, ф. Главный архив IV-I, 1858, д. 8, л. 2; Там же, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 507, л. 1–2) – Из написанных В. И. Яматовым работ (на русском языке) до наших дней дошла одна рукопись, посвященная распространению христианства в Японии.

трудностями, о чем свидетельствует его докладная записка, представленная в декабре 1856 г. директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому. Главная проблема, по словам И. А. Гошкевича, состояла в том, что «в типографии Академии наук есть японские буквы, но нет китайских слов – по недостатку сведущих людей – будет и медлен, и ошибочен. Поэтому я предполагаю соединить действия типографии и литографии таким образом: набрав в типографии русский текст, для этого пробелы японские и китайские слова, перевести на камень и окончательно печатать в литографии»⁵. Иначе говоря, русский текст словаря И. А. Гошкевича (423 стр.) набирался типографским способом, а японский (катакана и иероглифы) из-за отсутствия шрифтов был написан от руки, а затем литографирован. Словарь открывает краткое введение, где дается общая характеристика японского языка. В 1858 г. И. А. Гошкевичу за этот словарь была присуждена Демидовская премия.

За 7 лет консульской службы в Хакодате И. А. Гошкевич собрал богатую коллекцию японских рукописей и книг (главным образом, ксилографов), посвященных различным проблемам японского языка, классической литературы и истории, а также китайской философии, представленной в японских изданиях.

После возвращения в Россию И. А. Гошкевич написал ряд статей. Одна из них («О корнях японского языка») была напечатана в Вильно в 1899 г., через 24 года после его смерти. В феврале 1910 г. Азиатский музей приобрел у наследников И. А. Гошкевича его библиотеку, насчитывавшую более тысячи томов, а также 47 листов «японских географических карт с неизвестными названиями»⁶.

Под влиянием растущего интереса к истории Японии в Петербурге начинают появляться различные публикации об этой стране. Среди них можно выделить «Очерк истории Японии», вышедший в свет в 1888 г. Его написал по японским источникам тогдашний российский консул в Нагасаки В. Я. Костылев (1848–1918), окончивший Петербургский университет в 1874 г.⁷ Этот «Очерк» начинается изложением кон-

цепции заселения Японских островов пришельцами с юга Кореи и доводится автором до 1869 г.

К сожалению, отсутствие ссылок на использованные документы и источники в тех случаях, где это необходимо, снижает достоинства данной работы. Не случайно Д. М. Позднеев в письме к В. В. Попову от 7 ноября 1909 г. указывал: «Старая школа ученых почти никогда не считала нужным указывать цитаты подлинника, и последним из таких произведений у нас является история Японии Костылева. Да и в западной литературе ни Папино, ни Мердок, а зачастую и Чемберлен не указывают нам своих первоисточников»⁸.

Серьезный импульс растущему интересу россиян к Японии был дан удачной для этой страны войной с цинским Китаем (1894–1895). Пока зателем возросшего внимания российской общественности к соседней стране может служить, например, появление в указанные годы двух книг, написанных К. А. Военским, служившим секретарем Российской дипломатической миссии в Токио с 1882 по 1885 г. Первая из них – «Страна Восходящего солнца и ее прошлое» (СПб., 1894), вторая – «Китай и Япония в их поэзии» (СПб., 1896).

Успехи Японии в военной области не могли не привлечь внимания российских военных, особенно на флоте. Для лучшего знакомства с соседней страной вскоре потребовались люди, владеющие японским языком. В российской столице велась активная подготовка наиболее простых и удобных учебных пособий, например «Русско-японского переводчика» (1899 г.), подготовленного Н. А. Волошиновым. Позднее, в марте 1903 г., в книжные магазины Порт-Артура поступил обширный русско-японский словарь, заключающий в себе «литературное наречие Японии в отглаженных формах и образцах наиболее употребительных фраз». Его составителем был мичман А. Де-Ливрон. Через год этот словарь вышел вторым изданием: он был значительно расширен за счет введения знаков ударения для правильного произношения японских слов. О дальнейших занятиях составителя упомянутого словаря можно судить, например, по дневниковой записи главы Российской православной миссии в Японии архиепископа Николая (И. Д. Касаткина), который 9 (22) февраля 1906 г. оставил такую информацию о своих встречах с российскими коллегами-японистами: «Четверг. Угощал сегодня блинами Дмитрия Матвеевича Позднеева... Когда он еще сидел у меня, посетил /нашу обитель/ лейтенант Андрей Де-Ливрон, знаток японского языка, прибывший пожить в Токио, чтобы усовершенствовать

⁵ АВПРИ, ф. Главный архив II-11, оп. 50, 1856–1864, д. 6, л. 5.

⁶ Архив востоковедов СПб. филиала ИВ РАН, ф. 152, оп. I/a, АМ, ед. хр. 51, л. 22–24.
⁷ С 1 августа 1874 г. В. Я. Костылев был причислен к генеральному консульству в Японии в качестве студента миссии и в октябре того же года отправился туда через Монголию и Китай по маршруту Петербург – Кяхта – Пекин – Тяньцзинь и далее морем в Иокогаму. (См.: АВПРИ, ф. Главный архив IV-2, 1874, д. 3, л. 1–2.)

⁸ ГПБ, ф. 590, оп. 1, д. 117, л. 301.

свои знания»⁹. Между тем факультет восточных языков Петербургского университета, учрежденный в 1855 г., сталкивался с серьезными трудностями, возникавшими, главным образом, из-за недостатка опытных педагогов-востоковедов. В полной мере это относилось и к подготовке японоведов. Нехватка лиц, практически владеющих языками Восточной Азии, дала себя знать уже в начальный период русско-японской войны (1904–1905), когда для боевых операций в Маньчжурии и Корее потребовались в значительном числе переводчики-японисты, которых невозможно было сыскать почти ни в одном столичном ведомстве или учреждении, имевшем прямое отношение к военному делу.

Еще в ходе русско-японской войны в различных городах России (в С.-Петербурге, Москве, Одессе и др.) в книжных лавках появилась масса дешевых научно-популярных брошюр, памфлетов и книг, посвященных различным аспектам жизни современного японского общества, его истории и быта. Среди последних было немало переведенных на русский язык сочинений западных авторов, в том числе приезжавших в Японию на короткий срок либо живших там в течение длительного времени. При всей ценности публикуемых западными авторами сведений, их выводы и оценки вызывали порой недоумение даже у мало подготовленной к серьезному чтению публики, проявлявшей обычный интерес к событиям на Дальнем Востоке.

Из-за некритического подхода к этим сведениям многие компилятивные труды отечественных журналистов, прибегавших к «японским» источникам при изложении того или иного материала, страдали не только противоречивыми суждениями, но и грубыми ошибками, искажающими облик Японии и ее народа. На это, в частности, указывал бывший член Российской православной миссии в Токио архимандрит Андроник, опубликовавший в мае 1904 г. свои воспоминания о Японии. Он, в частности, констатировал: «Есть множество книжек и заметок, описывающих Японию и характеризующих ее население. Их суждения о Японии разнятся до /взаимной/ противоположности. Объясняется это чисто объективными причинами у каждого автора, также расовыми особенностями и национальными симпатиями или антипатиями к японцам тех народов, к которым принадлежат авторы. Одни, например, настолько в восторге от японцев, что называют их милыми, симпатичными «душками». Готовы даже подражать японцам или перенимать все у них. Как раз теперь телеграф сообщает нам, что Лондон так увлекся японцами, что скоро обещает сделаться совершенно японским

⁹ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1166.

по нарядам, манерам и т. п. Рядом с таким крайним взглядом уживается и другое, тоже крайнее мнение, которое ничего хорошего не хочет заметить у японцев... Нам судил Господь пробить в Японии год в качестве православного миссионера... в японцах мы ясно видим и худое, даже унижающее человека, но вместе усматриваем и многое такое, что их особенно приближает к церковной ограде»¹⁰.

Несмотря на военные действия на Дальнем Востоке, либеральная российская пресса, публикуя военные сводки и сообщения военных корреспондентов о насилиях, творимых японскими солдатами и офицерами над мирными жителями, и особенно над военнопленными, всячески стремилась к объективной оценке происходящих событий. При этом довольно регулярно сообщала о выходе новых книг, касающихся непосредственно японской тематики. 11 сентября 1904 г. «Московские ведомости» поместили рецензию на книгу Г. Генкеля «Боги Японии», содержавшую популярный очерк верований японцев (в том числе синто)¹¹. Журнал «Летопись войны с Японией», призванный освещать события русско-японской войны, в 1904 г. сообщал о выходе сборника японских народных сказок (с 6-ю рисунками японских художников). В 1904 г. литератор Н. И. Поздняков сообщил С. Н. Шубинскому, издателю «Исторического вестника», о подготовке им статьи, посвященной поэзии Японии. «В настоящее время, — писал он, — я занят довольно большой статьей «Японская поэзия», размером приблизительно от листа до полутора. В очерк о японской поэзии включены мои стихотворные переложения, числом с лишком 20... Дерзая предложить эту статейку Вам: она теперь переписывается»¹².

Появление публикаций о традиционной культуре японского народа на фоне довольно резких статей, осуждающих жестокие нравы японских военачальников и их подчиненных, дают основание говорить о том, что война Японии с Россией не помешала пропаганде разнообразных сведений о соседней восточной стране и ее культуре, что вполне корреспондировалось с широким разбросом мнений российской общественности в вопросе отношения к Японии, ее современной политике, истории и культуре.

Важным шагом по пути объединения творческих усилий востоковедов и координации их деятельности стало учреждение в феврале 1900 г. в Петербурге Общества востоковедения, с которым вскоре связали

¹⁰ Архимандрит Андроник. В Японии (Воспоминания и впечатления бывшего японского миссионера). — «Русский вестник», 1904, май, с. 43.

¹¹ «Московские ведомости», № 251 (11 сентября 1904 г.), с. 5.

¹² ГПБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 98, л. 665.

свою судьбу многие лица, занимающиеся изучением Востока. Уже в январе 1901 г. при этом Обществе, имевшем целью сближение России с восточными странами на основе общих экономических и духовных интересов, стали функционировать курсы персидского и турецкого языков, а также японского. С основами последнего знакомил Ёсибуми Куруно, преподававший японский язык на факультете восточных языков Петербургского университета. Из-за небольшого числа учащихся на курсах, которым приходилось платить за свое обучение, в начале 1906 г. по инициативе А. М. Позднеева программа преподаваемых дисциплин была значительно расширена за счет введения в нее географии, новейшей истории и основ современного политического устройства изучаемых стран Востока. В весеннем семестре 1908–1909 учебного года впервые в России в число преподаваемых дисциплин был введен курс консульского и дипломатического права. Общее руководство учебным процессом на курсах востоковедения осуществлял А. М. Позднеев, которому активно помогал китаист и японист А. И. Иванов. Среди слушателей курсов были студенты восточного факультета Петербургского университета, чиновники государственных учреждений и ведомств, военнослужащие и даже лица женского пола, при этом наибольшая часть учащихся занималась изучением китайского и японского языков. В период осеннего семестра 1909–1910 учебного года на курсах востоковедения обучалось 95 слушателей.

В январе 1910 г. курсы востоковедения при Обществе востоковедения были преобразованы в Практическую Восточную Академию на основе устава, утвержденного министром торговли и промышленности В. И. Тимирязевым 28 октября 1909 г. В академию принимали лиц, окончивших курс обучения в среднем или высшем учебном заведении, при этом к занятиям допускались в качестве вольнослушателей лица, не имеющие указанного образовательного ценза. Полный курс обучения (так наз. академический) был рассчитан на три года, после чего выпускники получали звание «восточника». Что касается лиц, окончивших подготовительные или практические курсы, то им присваивалось звание «переводчика».

Радостным событием в жизни тех, кто самостоятельно занимался изучением японского языка, явился выход в свет в 1913 г. «Самоучителя японского языка», над которым в течение более десятка лет трудился преподаватель Петербургского университета Куруно Ёсибуми (к

последнему на завершающей стадии подключился В. П. Панаев)¹³. С научной точки зрения этот труд знаменовал собой важный рубеж в разработке основ японского языка. Отдельные его аспекты, неудовлетворительно описанные либо вообще отсутствующие в зарубежных учебных пособиях, Куруно Ёсибуми осветил самостоятельно. «До сего времени, — подчеркивалось в предисловии составителей учебника (стр. V), — не было еще ни одного курса как в России, так и на Западе, где бы японское «наречие» было столь детально, полно разработано и квалифицировано, как в нашем».

В развернутом введении высказывалось мнение о том, что «изучение японского языка должно быть разделено на изучение двух языков: разговорного и письменного». Это обосновывалось наличием разных стилей письменного языка и спецификой разговорной речи (особые местоимения, глагольные формы, «строгое иерархическое словоупотребление», женская лексика и т.п.). Особое внимание во введении уделялось проблеме собственно русской транскрипции японских слов. «Раз японские слова и тексты передаются латинскими буквами, то, — писал Куруно, — вполне возможно передавать таковые и русскими».

Как считают специалисты, русскую транскрипцию Куруно разработал гораздо детальнее, чем Е. Г. Спальвин, который основывался на западноевропейской транскрипции японских слов (*ромадзи*). Предлагаемая Куруно транскрипция точнее, чем любая из предшествующих, передавала особенности японского произношения. С другой стороны, эта транскрипция была сложна и для усвоения, и для типографского набора. По-видимому, это и явилось камнем преткновения для ее практического признания русскими японоведами.

Внимание Куруно Ёсибуми к проблеме адекватной передачи средствами русской графики особенностей японского произношения не было случайным, т.к. в это время среди востоковедов Петербургского университета стало заметным увлечение проблемами фонетики, связанное с деятельностью замечательного русского лингвиста Л. В. Щербы в области экспериментальной фонетики.

Во втором десятилетии XX в. преподавание японоведческих дисциплин в Петербургском университете поднялось на новую ступень благодаря появлению талантливой плеяды молодых педагогов, обладавших разносторонней теоретической подготовкой, глубокими познаниями в области японской филологии и традиционной духовной культуры

¹³ Самоучитель японского языка, составленный Ёсибуми Куруно, преподавателем японского языка при имп. С.-Петербургском университете, и В. П. Панаевым, действительным членом Имп. Географического общества. СПб., 1913.

Японии. Помимо творческих замыслов их объединял энтузиазм в исследовании новых наиболее сложных проблем, касающихся Японии.

Одним из первых представителей нового поколения был О.О. Розенберг. Он окончил Петербургский университет в 1910 г. по китайско-санскритскому разряду. Во время учебы он посещал занятия по японскому языку и продолжил их в 1911 г. у проф. Р. Ланге в Берлине. Буквально через несколько месяцев выехал в длительную командировку в Японию, где пробыл около четырех лет, серьезно занимаясь изучением японской культуры, ее письменности и философии. О.О. Розенберг в 1913 г. подготовил исследование «Буддийские системы и теория "дхарм". Введение в философию Васубандху». Через три года им было опубликовано «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам» (ч. 1, Токио, 1916, ч. 2, 1918, П.)¹⁴, а затем другое важное исследование «Проблемы буддийской философии» (Пг., 1918). Этими трудами до сих пор пользуются исследователи, интересующиеся историей и философией японского буддизма.

С января 1917 г. О.О. Розенберг в качестве приват-доцента Петербургского университета приступил к чтению лекций по истории духовной культуры Японии. Знакомая студентам с китайской литературой, переведенной с санскрита, а также достижениями в области японской филологии, он на семинарских занятиях читал с ними тексты на камбуне по классической литературе и художественной литературе Японии конца XIX в. Обширным творческим замыслом молодого японоведа не суждено было осуществиться: он умер в 1919 г., оставив неоконченными работы в разных областях востоковедения¹⁵.

¹⁴ Азиатский музей, представляя собой преимущественно академическое направление в российском востоковедении, за время своего существования активно занимался созданием материальной базы для научной работы востоковедов, в том числе японистов. Его фонды, помимо богатой коллекции И. А. Гошкевича (1910), были хорошо представлены японскими синологическими и рукописными из Азиатского департамента МИД (1864 г.), собранием книг наследника-цесаревича Николая Александровича, полученных им в дар во время своего визита в Японию в 1891 г., коллекцией адмирала К. Н. Посыета (1899 г.), книжным собранием Русского географического общества (1906 г.), частью библиотеки российского консула в Китае и Корею П. А. Дмитриевского (1907 г.). (Подробнее см.: Горегляд В. Н. Японоведение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, М., 1972, с. 187.)

¹⁵ Упомянутая работа была представлена О.О. Розенбергом в марте 1918 г. в качестве диссертации на степень магистра японской словесности (См.: РГАЛИ, ф. 118, оп. 2, ед. хр. 32, л. 231).

¹⁶ Подробнее см.: Михайлова Ю. Д. К столетию со дня рождения О. О. Розенберга (1888–1919). — Япония. Ежегодник, 1987, М., 1989, с. 255–264.

В 1916 г. к преподаванию на факультете восточных языков приступил выпускник 1912 г. Е. Д. Поливанов (1891–1938), отличавшийся широтой научных интересов. Он читал лекции по японской диалектологии, исторической грамматике японского языка, фонетике токийского говора и т.д. «С Е. Д. Поливанова, — справедливо отмечал А. А. Бабинцев, — в русском японоведении началась глубокая научная разработка возникающих при изучении японского языка задач теоретического и прикладного характера»¹⁷. Достаточно указать, что им создана применяемая по настоящее время русская транскрипция японских слов, называемая по имени ее автора — Поливановской.

В том же 1916 г. на должность приват-доцента Петроградского университета был зачислен С. Г. Елисеев (1889–1975), единственный к тому времени иностранец, получивший высшее образование в Японии. Вначале он учился в Берлинском университете (1907–1908), а затем, по совету С. Ф. Ольденбурга, поступил в Токийский Императорский университет. О том, как проходили его занятия в японском высшем учебном заведении, позволяет судить, например, письмо С. Г. Елисеева от 13 июня 1911 г. к С. Ф. Ольденбургу, неременному секретарю Российской Академии наук. «С этого года, — сообщал он, — в Токийском университете ввели вновь на филологическом факультете обязательные экзамены, и мне пришлось все экзамены сдавать на японском языке. Было всего шесть письменных экзаменов, и на всех экзаменах я писал иероглифами. Что касается разговорного японского языка, то я им вполне овладел и совершенно свободно читаю современные беллетристические произведения»¹⁸.

Любопытные сведения о пребывании С. Г. Елисеева в Токио находим в дневнике главы российской православной миссии в Японии архиепископа Николая (И. Д. Касаткина). Так, в его записи от 9/22 мая 1910 г. относительно празднования дня святого Николая Чудотворца сообщалось: «Новое против прежних лет... было то, что иподьякон Николай Ёсида с некоторыми другими /православными/ затеяли устроить музыкально-вокальный концерт. Оный и был с половины третьего часа до пяти. И концерт вышел хоть куда. Прекрасно пели ученики и ученицы: отлично играли на скрипке и пианино /дьякон, руководитель хора/ Д. К. Львовский и учащийся быть регентом Савва Сайто. Во время концерта приезжала Евгения Николаевна, дочь посла /Н. А. Малевско-го-Малевича/ со своей воспитательницей Надеждой Владимировной

¹⁷ Японская филология. М., 1968, с. 133. — Подробнее о Е. Д. Поливанове см.: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.

¹⁸ СПб. филиал АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 207, л. 1–2.

Мухановой и по просьбе распорядителей концерта тоже сыграла на фортепиано. Были на концерте и другие русские. Между ними Сергей Григорьевич Елисеев, студент здешнего университета, которого я познакомил здесь же с возведением его отца за коммерческие заслуги в потомственное дворянство, о чем я прочитал в полученном номере "Московских ведомостей", и чего еще не знал /С. Г. Елисеев/. Интересно и другая запись архиепископа Николая от 13 /26/ апреля 1911 г.: «В 7-м часу, вернувшись домой, нашел у себя подарок из Петербурга от Марии Андреевны Елисеевой: коробку икры, коробку сельдей и большую коробку яблочной пастилы. Прислала через сына своего – студента здешнего университета Сергея Григорьевича Елисеева, прилежно занимающегося и безукоризненно ведущего себя»¹⁹.

Касаясь своих планов на 1912 г., С. Г. Елисеев 13 июня 1911 г. сообщал С. Ф. Ольденбургу: «В будущем году собираюсь кончать университет; для окончания нужно представить зачетную работу и затем сдать еще несколько экзаменов, между прочим китайский язык... В этом году я написал зачетную работу по семинару японской литературы "О духовной жизни дворян в период Хэйань на основании Окагами". Написал 87 страниц иероглифического письма».

После окончания Токийского университета в 1912 г. С. Г. Елисеев был оставлен в Петербургском университете на два года для подготовки магистерской диссертации. Студентам восточного факультета он читал лекции по грамматике японского языка и истории японской литературы, занимаясь также с ними разговорным языком и разбором японских классических и современных литературных текстов. В 1917 г. в качестве хранителя Азиатского музея ему удалось основательно познакомиться с собранием японских рукописей и ксилографами. Заинтересовавшись еще в годы обучения в Токийском Императорском университете творчеством знаменитого японского поэта Мацуо Басё (1644–1694), он стал усердно работать над «Историей японской литературы», которая вышла несколько лет спустя, в 1920 г., в серии «Всемирная литература». О широте и многообразии научных интересов С. Г. Елисеева в тот период свидетельствуют материалы его архива по истории японской поэзии (с древнейших времен до X века), по японской литературе XII–XIII вв., а также по истории и политической жизни Японии.

Выпускник Факультета восточных языков (1912 г.) и приват-доцент Петербургского университета (1913–1917) М. Н. Рамминг впоследствии долго и плодотворно занимался ориентальными студиями в Гер-

¹⁹ РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, л. 146, 283.

мании, специализируясь на проблемах истории и идеологических течений Японии периода средневековья и нового времени²⁰.

В 1910 г. на факультет восточных языков университета поступил Н. А. Невский (1892–1937), пожелавший пройти курс обучения по китайско-японскому разряду. Уже в студенческие годы он обратил на себя внимание приват-доцента, впоследствии известного востоковеда В. М. Алексеева (1881–1951). Ознакомившись с дипломным сочинением Н. А. Невского о творчестве китайского поэта Ли Бо (115 стр.), он признал его «весьма удовлетворительным» и написал на нем красными чернилами следующий отзыв: «Работа... выполнена прекрасно. Усилия, употребленные на понимание трудных, оторванных от контекста стихов, и на создание искусного перевода, увенчались полным успехом, особенно благодаря добросовестному отношению... к каждому слову и выражению. Погрешности, отмечаемые на полях, имеют характер более, нежели извинительный, ибо обязаны только вполне понятному недостатку опытности»²¹.

Чтобы представить, насколько требовательным к своему первому самостоятельному научному труду был Н. А. Невский, достаточно обратиться хотя бы к тексту его введения, в котором, он, в частности, констатировал: «Впервые я приступил к работе еще в весеннее полугодие 1913 г., когда мною была собрана европейская библиография (по "Bibliotheca Sinica"), касающаяся Ли Бо и его поэтического творчества, и в черновике было закончено несколько стихотворений. Поездка моя в Японию прошлым летом и подготовка к обязательному докладу для русско-японского общества не позволяли мне возобновить занятия ранее половины ноября 1913 г.». Признавая известную спешку в написании дипломной работы, Н. А. Невский критически оценивал свои познания в китайском языке. «При своем слабом знании китайского языка я, – подчеркивал автор дипломного сочинения, – не мог дать безукоризненного дословного перевода. Мой перевод является только приблизительно дословным»²².

Оставленный в университете как возможный претендент на занятие в будущем профессорской кафедры, Н. А. Невский одновременно

²⁰ Причисленный к одному из отделов МИД России после службы в качестве и.о. драгомана при Российском посольстве в Токио Мартин Николаевич Рамминг в апреле 1917 г. просил своих коллег-японистов, находившихся в Японии, подписаться на выходящую в г. Осака газету «Нити-нити симбун» для пересылки ему в Петербург. (См.: АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1917, д. 1028, л. 3.)

²¹ СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 4, ед. хр. 83, л. 124.

²² Там же, л. 4.

работал в нумизматическом отделе Эрмитажа. В 1915 г. его направили в Японию для усовершенствования в японском языке и изучении религии синто. К этому времени японским конфуцианством уже занимались В. М. Мендрик и Е. Г. Спальвин из Восточного института во Владивостоке, а буддизмом в Японии – О. О. Розенберг, поэтому ориентация Н. А. Невского на изучение синто как бы завершала комплексную задачу всестороннего анализа религиозно-философских систем Японии, оказавших решающее влияние на формирование ее культуры.

Решение индивидуальной научной задачи Н. А. Невский начал с письменных памятников – молитвословий древних японцев «норито», с «Записей о делах древности» («Кодзики»), «Анналов Японии» («Нихонги», VIII в.) и работ японских филологов XVIII в., интерпретировавших указанные памятники. В силу ряда обстоятельств пребывание Н. А. Невского в Японии затянулось на многие годы, что дало ему возможность значительно расширить круг изучаемых проблем, среди которых важное место прочно заняла тангутская филология.²³

В 1912 г. китайско-японское отделение Петербургского университета (и одновременно – японское отделение Практической восточной академии) окончил Н. И. Конрад (1891–1970). Занимаясь японским и китайским языками, он слушал лекции по античной и западной литературе, по языкознанию, философии и другим дисциплинам. После окончания университета Русско-японское общество направило его на год в Японию. Одним из результатов этой поездки стала статья Н. И. Конрада «Современная начальная школа в Японии». Она вышла в 1913 г. в двух номерах «Журнала Министерства народного просвещения», а также отдельным изданием (в Сенатской типографии).

В 1913–1914 учебном году Н. И. Конрад вел занятия в Киеве, в Коммерческом институте, где читал лекции по китайскому и японскому языкам и по этнографии Дальнего Востока.²⁴ В 1914 г. он вернулся в Петербургский университет и начал подготовку для получения профессорского звания. В том же году он отправился в научную командировку в Японию, где пробыл до лета 1917 г., слушая лекции по японской литературе в Токийском Императорском университете. Одновременно он интересовался китайской философией, корейским языком и корейской этнографией.

²³ Подробнее см.: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978, с. 45.

²⁴ Глушкина А. Е. Николай Иосифович Конрад (К 70-летию со дня рождения). – «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 217

По возвращении в Петербург Н. И. Конрад сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской словесности и через несколько лет стал ведущим японоведом, плодотворно трудившимся на ниве востоковедения в течение почти полувека.

Завершая этот краткий очерк о Петербургском японоведении, отметим, что если историю русско-японских отношений можно начать с официальной миссии Н. П. Рязанова в Японию в начале XIX в., то историю японоведения как академической науки – с установления русско-японских дипломатических отношений в середине этого века. В это время наиболее важной проблемой стала подготовка переводчиков-японистов, необходимых для морского ведомства и Министерства иностранных дел, проявлявших особую заинтересованность в поддержании добрососедских отношений с Японией.²⁵

Особое значение для развития японоведения имело учреждение кафедр японской словесности (сначала во Владивостоке, позднее в Петербурге), что позволило подготовить квалифицированные кадры для дипломатической, коммерческой и военной службы.

Заметное улучшение русско-японских отношений на официальном уровне (к 1910 г.) позволило обеим странам наладить не только обмен туристами и бизнесменами, но и специалистами, работавшими в различных областях знаний. Например, в 1912 г. сотрудник этнографического отдела Русского музея В. Н. Васильев посетил о. Хоккайдо с целью сбора материалов об айнах, которые позже были опубликованы. Определенную лепту в налаживание научных связей внесло созданное в марте 1912 г. Японо-русское общество, которое поставило своей целью «поощрение взаимного научного и практического изучения России и Японии и содействие сближению и дружбе обоих народов». В результате усилий обеих стран стабилизировалась посылка студентов-японистов на практику в Японию. Среди стажировавшихся была и первая в России японистка Зинаида Николаевна Попова, слушательница учрежденной в 1909 г. в Петербурге Практической Восточной Академии, где преподавали китаисты, основательно знавшие японский язык, Д. М. Позднеев и А. И. Иванов.²⁶

С появлением квалифицированных переводчиков японской художественной и исторической литературы в России сформировался моло-

²⁵ Подробнее см.: Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX – начала XX в.). – «Восток», 1994, № 5, с. 64–74.

²⁶ Подробнее см.: «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года». М., 1997, с. 113–114.

дой костяк научных кадров, заявивший о себе серьезными исследованиями в разных областях японоведения. Японский журналист Оба Кэйсю, посетивший разные российские города незадолго до октября 1917 г., в опубликованной им после возвращения на родину книге высоко оценивал уровень накопленных российскими востоковедами знаний о Японии. Поражаясь их эрудиции в области японоведения, он, в частности, подчеркивал: «Такие ученые, как Спальвин, профессор Восточного института во Владивостоке, не только знатоки японского языка, но и специалисты по Японии, имеющие много превосходных публикаций об этой стране. Поливанов, находящийся сейчас в российской столице, специально изучает диалектные различия, существующие в разных частях Японии. Розенберг, проведя три года в Токио, основательно изучил буддийскую литературу. Профессор Петроградского университета Иванов – знаток Японии высочайшего уровня. Вышеперечисленные ученые – лучшие специалисты по Японии и знатоки ее в современной России»²⁷.

При всей энциклопедичности интересов горстки молодых российских японоведов и их огромной работоспособности, блестящем знании языков и теоретических дисциплин они своими первыми публикациями лишь открывали горизонты огромной будущей работы, которая легла на их плечи уже в первые годы после октября 1917 г. Не к каждому из них была милостива судьба, но каждый пронес любовь к науке и избранной профессии до конца дней своих, вопреки всем превратностям времени.

После Октябрьской революции в силу разных политических и житейских обстоятельств за рубежом оказались многие представители российской интеллигенции, в том числе и востоковеды, которые, несмотря на неблагоприятные условия для творческой активности, серьезные материальные трудности и невероятные лишения эмигрантской скитальческой жизни, самоотверженно продолжали свои ориентальные штудии.

Уехал в 1921 г. во Францию и С. Г. Елисеев, здесь он начал читать лекции в Сорбонне. В середине 30-х годов по приглашению Гарвардского университета он переехал в США, где возглавил научно-исследовательский институт. За выдающиеся достижения в области японоведения С. Г. Елисеев в 1973 г. был удостоен годичной премии Японского фонда. Находясь за пределами России, он сильно тосковал

²⁷ Оба Кэйсю. Россия-ни асэбитэ (Путешествие по России). Токио, 1917, с. 112. Считаю приятным долгом выразить благодарность В.М. Алпатову за помощь в переводе цитируемого нами пассажа из упомянутой японской книги.

по родине и до последних лет своей жизни не терял связей со своими коллегами-востоковедами, особенно китаистами и японистами. Свидетельством тому может служить его письмо от 5 декабря 1959 г., отправленное жене Н. И. Конрада – Н. И. Фельдман, текст которого приводится ниже:

«Многоуважаемая Наталия Исаевна,

Спасибо большое за Ваше любезное письмо и за две Ваши работы, которые как только их получу, прочту с большим удовольствием. На днях купил «Японский лингвистический сборник» и прочел Вашу поучительную и интересную статью об отглагольных послелогах в современном японском языке. У нас в Париже по японской лингвистике почти никто не работает, кроме С. М. Haguenaue²⁸. Если в советских журналах были напечатаны отзывы о его работах, не откажите в любезности сообщить мне, в каком журнале они были напечатаны.

Прошу передать мой сердечный привет Николаю Иосифовичу.

Уважающий Вас
Сергей Елисеев»²⁹.

* * *

Предлагаемое ниже выборочное собрание писем российских японистов, найденных нами в различных центральных и местных архивах Москвы и Петербурга, позволяет, на наш взгляд, конкретнее представить их творческие планы и свершения, серьезные трудности, встречавшиеся им на пути к достижению поставленной цели, и их реальный вклад в изучение японской филологии и духовной культуры японского народа. Представленные в письмах некоторые бытовые детали из жизни того или иного ученого дают возможность лучше понять колорит и характер переходной эпохи, охватывающей бурные два десятилетия, разделенных между собой октябрьской межой 1917 г. За исключением письма, принадлежащего Н. И. Конраду, представленная в виде приложения личная переписка российских японистов публикуется впервые с кратким комментарием, не претендующим на исчерпывающую полноту сообщаемых им сведений относительно содержания того или иного письма.

²⁸ Шарль Агеноэр (1896–1976) – французский японист-лингвист, выпускник Школы живых восточных языков в Париже, в 1925–1932 гг. проживал в Японии.

²⁹ РГАЛИ, ф. 2817, оп. 1, ед. хр. 33.

<Письмо 1>

В. Я. Костылев¹ – П. Ф. Унтербергеру²
14 июня 1908 г., СПб.

Милостивый государь, Павел Федорович!

В первые дни войны с японцами, в январе 1904 г., я обратился к своему знакомому, состоящему при Генеральном Штабе полковнику Ванновскому, прося его, если можно, исходатайствовать разрешение напечатать в штабной типографии руководство по японскому яз., чтобы люди могли объясняться с японцами по тем вопросам, по которым придется. Корректуру я брал на себя, а за весь труд просил по 100 экз. каждого издания. Несколько недель спустя, с таким же предложением я обратился к доктору Зандеру, прося его – через очень высокопоставленного лица – исходатайствовать 600–800 руб. от Министерства земледелия и торговли на это издание, но ответа тоже не получил. Не имея своих средств на издание, я должен был бросить все дело, потратив на него месяцы труда.

В начале 1907 г. я узнал, что некоторые японцы даже в официальных изданиях, благодаря игре иероглифами, величают (издавна) Россию глупым, тупым государством (*Ро* – иероглиф, значащий тупой, глупый и коку – государство, страна) и решился усиленно взяться за работу, чтобы дать своим соотечественникам возможность скорейшего и легчайшего изучения японского яз. Теперь работа моя длится уже 17 месяцев, и я сделал, смею надеяться, кое-что путное. Издал упрощенную грамматику японского яз. (письменный стиль), но еще не имею ее под руками. Самое главное, чего я добивался, это издание на русском языке «Handbook of Colloquial Japanese» by Chamberlain, но оказалось, что в Академии наук не могут отпечатать более листа в месяц, т.е. на издание потребуется три года. В типографии г. Стасюлевича тоже нашел типографа, который может отпечатать скорее, но стоимость издания будет более 2.000 руб. Не располагая такой суммой, я должен был отказаться от печатания, а для своих студентов – слушателей литографией издал прилагаемую часть руководства, половину которого сам же переписал для литографии³. Так как при этом руководстве, которое у меня готово в переводе, есть словарь разговорного языка, то этот словарь я расширяю и готов ввести, насколько возможно, все военные термины.

Помимо того, что работа над этим займет много месяцев труда, она значительно удорожит самое издание. Я, несмотря на всё, готов взять

на себя весь труд и риск издания, если бы военное ведомство нашло возможным купить у меня тотчас по выходе 300–400 экз. издания. Деньги на это могут потребоваться не ранее будущего января, но я должен иметь уверенность в получении их. Иначе не могу взяться /за дело/ из-за того, что не имею денег на издание⁴.

АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, 1907–1908, д. 28, лл. 84–85.

¹ Костылев Василий Яковлевич (1848–1918) – российский дипломат и востоковед. Его педагогическая деятельность как знатока японского языка началась в Петербургском университете в начале 1908 г. Подробнее о нем см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 305, 340–341.

² Унтербергер Павел Федорович – с 1907 г. приамурский генерал-губернатор, позднее занимал пост нижегородского генерал-губернатора. С 1898 г. – почетный гражданин Владивостока. (См.: «Владивосток», № 15, 12 апреля 1898 г.)

³ См.: «Грамматика японского разговорного языка. Перевод с англ. Handbook of Colloquial Japanese by B. H. Chamberlain приват-доцента Петербургского университета В. Костылева. СПб., 1908 (Серия: Издания Факультета восточных языков имп. Петербургского университета, № 28)». К этой публикации В. Я. Костылева примыкает изданная тогда же в этой же серии (№ 31) другая его работа: «Упрощенная грамматика японского языка (Новый письменный стиль) Б. Х. Чамберлена. Перевод приват-доцента Петербургского университета В. Костылева».

⁴ Подробнее об издании В. Я. Костылевым русско-японского словаря, вышедшего в свет лишь в 1914 г. см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 347–349. Для характеристики контактов В. Я. Костылева с главой Российской православной миссии в Японии архиепископом Николаем (И. Д. Касаткиным), рецензировавшим вышеупомянутый словарь, представляются весьма интересными дневниковые записи последнего. О высокой требовательности, предъявляемой архиепископом Николаем к изданию работ о Японии, позволяет судить, например, его дневниковая запись от 24 мая /6 июня/ 1911 г. о словаре В. Я. Костылева: «Огромная связка тетрадей и по первому взгляду – сырье... Но придется вникнуть и разобрать поподробнее». В другой записи от 3 /16/ июня 1911 г. имеется такое суждение автора дневника о рукописи русско-японского словаря В. Я. Костылева: «Разбирал словарь Костылева. Много труда он вложил, но далеко не довел словарь до такого состояния, чтобы он мог быть напечатан.» В третьей записи от 6 /19/ июня 1911 г. архиепископ Николай сообщает об отсылке своего письменного отзыва (вместе со словарем) российскому посланнику в Токио Н. А. Малевскому-Малевичу для отправления его в Петербург в Министерство иностранных дел, из-за чего возник вопрос об издании словаря В. Я. Костылева за счет казны. (См.: РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, лл. 299, 301, 303.)

<Письмо 2>

Д. М. Позднеев¹ – Леле /брату А. М. Позднееву/²
12 ноября 1908 г., Иокогама.

Твои отношения к Верочке³ были мне известны по личным наблюдениям, когда я жил в Петербурге у Вас в 1904 г. Затем помнишь ли ты наше последнее прощание на Московском вокзале, когда я просил тебя в случае моей смерти позаботиться о Гальке...⁴

Твоя жена, или человек, которого ты любишь как жену, для меня всегда будет сестрою, а твои дети всегда будут для меня детьми, о которых я при /несчастном/ случае заботиться как о своих буду /и/ считать /это/ своим неизменным и прямым долгом...

Ребятики твои – славные. Приятно мне также, что ты последнего сына назвал Митькой. Дай бог, чтобы новые Алексей и Дмитрий Позднеевы были ориенталистами и чтобы жизнь их была легче нашей...

Я еще не писал тебе, что первый том твоих трудов «Монголия и монголы»⁵ вышел в свет в переводе общества «Тоа-добункай»... Один из главных переводчиков японец Уэда очень просил меня исходатайствовать у тебя для него твою фотографическую карточку с автографом... Иероглифы в предисловии написаны тургутским ваном /князем/ и начальником штаба Фукусима. Издание – очень чистенькое, но без монгольских текстов. Интерес к Монголии всё больше и больше возрастает. В издающейся газете «Зизи-симпо» уже в течение нескольких месяцев идет ежедневно статья об исследовании русскими Монголии...

Я уже напечатал 2-ю часть «Токухона»⁶ и сегодня выходит из типографии набор последней страницы текста по счету 464. Дальше идут приложения и вместе со введением книга составит около 500 страниц...

Дальше на очереди у меня стоит японо-русский алфавитный словарь... Половина работы уже сделана. На издание ее я просил у И. П. Шипова 3.000 руб. с его на то личного разрешения⁷. Ответа на ходатайство до сих пор не имеется... Если бы мне удалось получить эти деньги, то издание словаря сослужило бы /принесло/ большую пользу делу изучения японского языка русскими...

Затронутый тобою вопрос о диссертации представляет... для меня, конечно, самое больное место... та тема, которую рекомендовал мне ты о культурном росте Японии слишком велика, чтобы с ней можно было совладать за короткое время... Подобного рода книгу можно

было бы написать только после чтения в течение нескольких лет курса истории Японии в XIX в. с университетской кафедры... Я нашел тему животрепещущую, совершенно новую, полную громадного интереса и огромной государственной важности для России. Она может быть названа так: «История отношений России и Японии до 1868 г. по японским источникам». Я отыскал довольно редкую книгу под названием «Материалы для истории острова Хоккайдо в связи с японо-русскими отношениями»...

Уже в течение полугода я занимаюсь ею ежедневно... И мне кажется, что если я ее окончу и издам, то в степени магистра мне не откажут... Выполнить же эту работу не легко, особенно потому, что мне недостаточно знать только одну японскую сторону дела, но необходимо по возможности и познакомиться и с русскими источниками... В димо по возможности в Сибири я написал Котвичу⁸, прося его выслать мне те книги по данному вопросу, которые он может найти, но доселе еще не получил ничего. Если бы ты мне мог оказать в этом содействие, то благодарность моя тебе будет безгранична. Для этого тебе стоит лишь зайти в канцелярию министра /финансов/ и узнать у Котвича, что им именно сделано.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 134–140.

¹ Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1937) – видный востоковед. По окончании факультета восточных языков Петербургского университета в 1893 г. его направили в Англию, Францию и Германию с целью сбора материалов по истории Китая. Благодаря последующей длительной службе в Китае и Японии он досконально изучил китайский и японский языки, при этом в разные годы своей научной деятельности проявлял интерес и к корейскому языку. Подробнее о нем см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 56–58, 294–295, 342–346.

² Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – видный востоковед-монголист, прекрасно владевший, помимо монгольского языка, китайским и маньчжурским. После окончания факультета восточных языков Петербургского университета в 1876 г. он в течение многих лет преподавал в университете, а в 1899–1904 гг. руководил Восточным институтом во Владивостоке. (Подробнее см.: Хохлов А. Н. А. М. Позднеев – основатель Восточного института во Владивостоке. – «Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета» (Владивосток), 1994, № 1, с. 37–47.)

³ Вера Николаевна – жена А. М. Позднеева.

⁴ Галька – дочь Д. М. Позднеева от первого брака (Анна Дмитриевна), ее мать – Любовь Яковлевна Соколова умерла 11 августа 1905 г. от чахотки, явные признаки которой обнаружились в период службы мужа в Китае в 1898–1904 гг. (См.: ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 101, л. 35.) Сведения об этой дочери Д. М. Позднеева можно найти в дневнике архиепископа Николая (И. Д. Касаткина) и, в частности, в его следующей записи от 27 ноября /10 декабря/ 1905 г.: «Воскресенье. Из собора после обедни

зашел ко мне директор Восточного института во Владивостоке Дмитрий Матвеевич Позднеев с маленькой, шести лет, дочкой Анной и гувернанткой Алисой Антонов-ной Глюк. Говорил, что он из духовных, учился в Киевской /Духовной/ Академии вместе с отцом Симеоном Мии. Рассказывал про возмущение (забастовку. — А. Х.) студентов института... Приехал он в Японию, чтобы несколько изучить ее, а инсти- тут закрыт». (См.: РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1166, л. 61.)

⁵ Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. I-II. СПб., 1896–1898.

⁶ Позднеев Д. М. Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в япон- ском языке. Ч. 1–2. Токио — Иокогама, 1907–1908.

⁷ Шипов Иван Павлович — тогдашний товарищ (заместитель) министра финансов, один из известных деятелей российского правительства. Еще в ноябре 1897 г. его, тогда вице-директора особенной канцелярии по кредитной части, назначили ди- ректором общей канцелярии Министерства финансов, где служил впоследствии Д. М. Позднеев. См.: «Владивосток», № 44 (6 ноября 1897 г.), 3-е Прибавление, с. 3. Во время пребывания в Японии в ноябре 1907 г. И. П. Шипов встречался с многими влиятельными государственными и общественными деятелями страны и даже был принят японским императором. Среди японских деятелей, проявлявших особый ин- терес к высокому российскому гостю, находился член Палаты представителей и издатель экономического ежемесячника Мосидзуки, который для беседы с И. П. Ши- повым пригласил в качестве переводчика Д. М. Позднеева. (См.: АВПРИ, ф. Япон- ский стол, оп. 493, 1907–1908, д. 1223, лл. 13–14.)

⁸ Котвич Владислав Людвигович (1872–1944) — известный монголовед-алтаист. (Подробнее о нем см.: Санжеев Г. Д. В. Л. Котвич — пионер нового направления в алтаистике. — «Проблемы алтаистики и монголоведения». М., 1975; История отече- ственного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 369–370.)

<Письмо 3>

Епископ Николай¹ — А. Н. Шварцу²
1 декабря 1908 г., Токио.

Ваше Высокопревосходительство изволите спрашивать: «Какие из имеющихся учебных пособий могли бы быть с наибольшей пользою применены у нас к начальному изучению японского языка». Смело можно ответить: г-на Позднеева: 1-я и 2-я части «Токухона», «Япон- ская историческая хрестоматия» с книжками японского текста и «Япо- но-русский иероглифический словарь»³. Поль/за/ сих учебников испы- тана здесь в миссийской /Токийской/ семинарии, при преподавании японского языка русским воспитанникам, присланным сюда от военных начальств из Харбина и Хабаровска⁴.

«Кому из русских специалистов-японистов могли бы быть пору- чены как составление таких учебников, если бы оно потребовалось».

Петербургское японоведение

так и выработка программ преподавания японского языка в средних и низших школах...» Очевидно, вышеозначенных учебников японского языка весьма недостаточно, и требуется /со/ставление дальнейших. ...При несомненной уже компетентности г-на Позднеева в теоретиче- ском и практическом знании японского языка, и при достаточно дока- занной им любви к занятиям в сем направлении, можно с уверенно- стью сказать, что он успешно исполнит все вышеозначенное, и что в продолжение 4-5 лет образуется пол/ная/ серия японских учебников для русских, если автору даны будут средства на отпечатание их. От него же, мне кажется, могут быть ожидаемы и наиболее компетент- ные программы преподавания японского языка...

«Кому из русских специалистов-японистов могло бы быть вверено на будущее время руководство делом изучения в России и Япо- нии по сему предмету». Г-н Позднеев до того увлечен нынешним сво- им делом — составлением японских учебников для русских и изучени- ем Японии вообще, что заявляет твердую решимость не оставлять Японию еще несколько лет.

ГПБ, ф. 590, ед. хр. 117, лл. 178–181 (копия).

¹ Архиепископ Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) (1836–1912) — россий- ский миссионер-японист, жил с 1861 г. в течение многих лет в Японии, лишь два- ды приезжая в Россию по служебным делам. Он — автор ряда статей по Японии и переводчик богослужебной христианской литературы, для издания которой активно использовал помощь своих учеников на ниве миссионерской православной пропа- ганды и научной деятельности.

² Шварц Александр Николаевич — тогдашний министр народного просвещения в российском правительстве.

³ См.: Позднеев Д. М. Японская историческая хрестоматия. Токио, 1906; Его же. Ro- yaku kanwa jiten — Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.

⁴ Подробнее см.: Хохлов А. Н. Роль Токийской Православной семинарии в подготов- ке переводчиков-японистов. — «Православие на Дальнем Востоке». Вып. 2. Памяти святителя Николая, апостола Японии, 1836–1912. СПб., 1996, с. 64–78.

<Письмо 4>

Д. М. Позднеев – С. Н. Сыромятникову¹
6 апреля н.с. 1909 г.

Главное, что Спальвин² доселе не дал ни строки, запомните, ни строки перевода, а ведь только по переводу и можно судить /о/ знании восточных языков. Возьмите Иакинфа³, возьмите Палладия⁴, они велики именно своими переводами. Дать японский текст и словарь – ничего не доказывает...

Из присланных мною Вам трех книг позволю себе обратить Ваше внимание на японский письмовник⁵. Мне здесь делают упреки в том, что я одновременно не издал и скорописного текста... на это я должен сказать, что японский скорописный текст письмовника может быть приобретен за 45 сэн в любой книжной лавке в Японии, т.к. он самый популярный здесь, что название его мною дано в предисловии, а издать его сам я не мог, т.к. фирма, его издавшая, отказала мне в таком праве. Во всяком случае это – первая попытка ознакомления с японским письмовным слогом русской публики...

Вы мне писали о том, чтобы я принял участие в работе «России». Я написал, что на предложенных Вами условиях, без определенного/жалования, быть регулярным корреспондентом нельзя. Теперь, после значительной серии учебных работ, я предполагаю устроить себе некоторый перерыв, и хотел бы написать ряд очерков по текущим вопросам японо-китайских отношений... Я позволю себе воспользоваться Вашим любезным приглашением сотрудничать в «России» и посылаю Вам первый очерк из серии: «Япония и Россия». Если найдете интересным, поместите его... Я буду пока посылать Вам эти очерки раз в неделю, и было бы приятно, если бы они появлялись по определенным дням. Материала здесь много, и у меня месяца на два готовых очерков почти имеется.

Не откажите черкнуть, как смотрите Вы на это дело...

Постскриптум: Мои очерки «Япония и Россия» могут идти только под указанным псевдонимом: А. Новый⁶.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 226–228.

¹ Сыромятников Сергей Николаевич – известный столичный журналист, проявлял интерес к исследованиям, посвященным странам Дальнего Востока, особенно после поездки с князем Э. Э. Ухтомским, редактором «С. Петербургских ведомостей», в 1897 г. в Китай, Японию и Корею. Об этом, в частности, свидетельствуют его многочисленные заметки и рецензии по разным сюжетам отечественного и зарубежного

востоковедения, появлявшиеся преимущественно в газете «Россия». После октября 1917 г. С. Н. Сыромятников как знаток многих западных языков и немного китайского (благодаря личному знакомству с В. М. Алексеевым) активно участвовал в составлении академического китайско-русского словаря под руководством своего знаменитого учителя-китаиста.

² Спальвин Евгений Генрихович (Феликс-Евгений-Леопольд Спальвин) – видный японовед, уроженец Латвии. В 1891 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через три года перешел на восточный факультет, где приступил к изучению японского языка под руководством Куруно Ёсибуми. В 1899 г., через год после окончания учебы его отправили в научную командировку в Японию. По возвращении в Россию возглавил первую в стране кафедру японской словесности в Восточном институте, открытом во Владивостоке 21 октября /3 ноября/ 1899 г. После выхода в свет «Японской исторической хрестоматии», написанной Д. М. Позднеевым, Е. Г. Спальвин выступил с резкой критикой этой работы, несовершенство которой признавал и ее автор в своих письмах друзьям. (См.: Спальвин Е. К характеристике трудов и направления г-на Димитрия Позднеева в области японоведения. 1. Критический разбор «Японской исторической хрестоматии» (Часть 1. Отделы I и II) г-на Димитрия Позднеева. Владивосток, Типо-литография Восточного института, 1908, с. 1–81.) По настоянию знакомых-коллег и особенно архиепископа Николая (И. Д. Касаткина) Д. М. Позднеев опубликовал свой ответ на критические замечания Е. Г. Спальвина. Этим воспользовались некоторые российские газеты в своих корыстных целях, придав серьезному научному спору характер академической склоки. На такой поворот дела обратил внимание С. Н. Сыромятников, неоднократно выступавший в газете «Россия» с дельными рецензиями на труды российских востоковедов и прежде всего касающихся стран Дальнего Востока. Полагая, что «благожелательность есть лучшее и необходимое свойство истинных ученых», известный журналист-востоковед в статье, опубликованной в этой газете в октябре 1908 г. под псевдонимом «Книгочей», указывал: «Спор между гг. Спальвиным и Позднеевым должен быть разрешен беспристрастным специалистом, который бы выяснил, что полезного и хорошего заключается в трудах г. Позднеева и что в них ошибочного. Но каждый публицист, интересующийся у нас изучением Японии, не может не признать, что вместо траты казенных денег на многотомную яростную критику чужих трудов, наши японоведы должны бы были издавать свои лучшие, более совершенные труды, которые естественным путем всегда вытесняют в науке и преподавании труды менее совершенные».

³ Иакинф – монашеское имя основоположника научного китаеведения в России Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853). Подробнее о его научных заслугах см.: Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения). – Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 1. М., 1977, с. 3–53.

⁴ Палладий – монашеское имя Петра Ивановича Кафарова (1817–1878), выдающегося китаеведа, автора многих серьезных трудов по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока. Подробнее о его жизненном пути и творческой деятельности см.: Хохлов А. Н. П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. 1. М., 1979, с. 3–90. Из публикаций последнего времени, посвященных архимандриту Палладью (в миру П. И. Кафаров) см.: Хохлов А. Н. Китайско-русский словарь П. И. Кафарова – П. С. По-

пова в оценке современников (по архивным материалам). — Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Москва, 25–26 июня 1996 г. М., 1996, с. 156–160.
⁵ См.: Тэгами но бун. Японский письмовник. Ч.1. Частная переписка. Иокогама, 1909 (161 стр.).
⁶ Цикл из шести статей, опубликованных Д. М. Позднеевым под псевдонимом А. Новаый и объединенных общим названием «Япония и Россия», см.: «Россия», № 1039 (14/27/ апреля 1909 г.); № 1121 (18/30/ июня 1909 г.).

< Письмо 5 >

Д. Н. Позднеев — Сергею Николаевичу /Сыромятникову/
 20 июля /2 августа/ 1909 г. Иокогама.

Благодарю Вас за напечатание объявления о книгах вперед: дай бог, чтобы у Вас была легкая рука и чтобы по Вашим объявлениям нашлись покупатели...

Что касается до поездки в Хаконэ, то там ведь промышленности и фабрик найти было трудно. В след/ующий/ раз, когда поеду в фабричные округа, напишу и о фабриках... Мне очень жаль, если /статья о/ Хаконэ не удовлетворяет требованиям, но в этом отношении право решения вопроса за Вами, и как говорят японцы, «си ката га наи» (ничего не поделаешь, по-китайски: мэй-ю фа-цзы)...

Что касается до Ваших слов, будто я у Вас был в 1898 г. в Черноморском переулке, то здесь какое-то недоразумение... Я совершенно не знаю, где Черноморский переулок и совершенно не помню Вашего лица и фигуры, равно как и того, чтобы я когда-либо говорил с Вами о Ваших письмах о Корее. Чжэн ши ци гуай!²

... Я ведь 10 лет не видел Россию, т.к. с 1898 г. наезжал туда только на 2-3 недели, да и то всегда с большой семьей и делами, так что из-за деревьев и леса мог не видеть...

В 1898 г. я фактически прекратил занятия в канцелярии министра финансов с 1 апреля. В конце июня уехал из Петербурга, в июле женился и 22 июля выехал в Китай.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр.117, лл. 282–283.

¹ Объявление о вышедших 12 работах Д. М. Позднеева с указанием его японского адреса (в английской транскрипции) появилось также в газете «Россия» 2 /15/ октября 1909 г. (№ 1186) и затем продублировано 23 октября /5 ноября/ 1909 г. (№ 1204).

² «По истине удивительно» — (кит. яз.).

<Письмо 6>

Д. М. Позднеев — В.А. Завадскому-Краснопольскому¹
 22 июля 1909 г., Иокогама.

Отец/ П. Булгаков² показал мне Ваше письмо, в котором Вы так добро отзываетесь о моих работах по Японии. Благодарить за это я не смею, т.к. слова эти являются результатом Вашего убеждения, но не могу не сказать, что они возбудили во мне чувство глубокого самодовольствия. Мы все работаем порознь, и это, по моему убеждению, во многом вредит успешности нашей работы, а иногда и вызывает такие неприятные инциденты, как совпадение переводных трудов, чего едва не случилось с Вами и о/тцом/ П. Булгаковым.

Из Ваших писем я доселе имел удовольствие получить только одно, написанное 9 сентября 1908 г., с просьбой о высылке на Ваше имя моего японо-русского иероглифического словаря... Согласно Вашему письму, 4 ноября 1908 г. я отправил Вам словарь на Ваш адрес...

В письме о. П. Булгакову Вы пишете, что желали бы иметь несколько экземпляров 2-й части моего «Токухона»... я немедленно же отправлю Вам пять экз. второго «Токухона», из которых прошу один принять от меня на память... ненужные экземпляры прошу отправить от моего имени в Общество востоковедения (Свечный, 6)...

Очень был бы Вам благодарен за сообщение о том, как идут дела в отношении к изучению Японии. Интересуются ли ею, кто именно и в какой мере? Кто это г-н Попов, открывающий уроки японского языка в гимназии Евфросиньи Суздальской и действительно ли надеется он найти среди девушек лиц, интересующихся данным предметом?

В Японии самым тщательным образом следят за каждым шагом России в деле изучения японского языка. В доказательство этого могу указать на то, что заметка «России» об изучении японского языка в гимназии Александра I была перепечатана в иокогамской газете «The Japan advertiser» от 17-го июня 1909 г. в № 5661 с таким началом: «Россия, очевидно, начинает, наконец, отдавать серьезное внимание изучению японского языка» и пр. Газета эта получается в Петербурге в редакции «России», где Вы можете, вероятно, отыскать номер. В статье упомянуто даже о Вашем переводе японской географии.

ГБЛ, ф. 218 (Собрание Отдела рукописей), картон 1312, ед. хр. 28, л. 1–3 (маш., с авт. правкой черным карандашом).

¹ Завадский-Краснопольский Валериан Андреевич – преподаватель японского языка в одной из гимназий Петербурга. Более подробную информацию об этом японисте-энтузиасте можно почерпнуть из статьи Д. Г. Янцевецкого «Японский язык в С.-Петербурге», опубликованной 4 мая 1908 г. в газете «Россия». Ранее обучавшийся китайскому языку в Петербургском университете, Д. Г. Янцевецкий (старший брат известного автора исторических романов о Чингисхане и др. В. Яна) в указанной статье писал: «В России нет ни одного учебного заведения, где бы русские мальчики с юных лет изучали язык самураев и постепенно овладевали им как родным. Этот пробел по собственному почину решил восполнить энергичный преподаватель 2-й Петербургской гимназии В. А. Завадский-Краснопольский и на собственные средства этот человек идеи открыл бесплатные курсы японского языка. Курсы существуют уже четвертый год и разделяются на две группы: старшую, где в настоящее время занимаются два воспитанника гимназии и младшую (шесть гимназистов и один гардемарин Морского кадетского корпуса). Японский язык проходит по руководству ректора Православной семинарии в Токио И. Сэнума и по хрестоматиям Д. М. Позднеева и японского Министерства народного просвещения... Курсы Завадского, изучавшего постановку преподавания японского языка в Берлине, Париже и Лондоне, заслуживают особенного внимания».

² Булгаков Петр Иванович (умер в 1930 г. в США) – зять Д. М. Позднеева. После службы инспектором начальных духовных училищ в Белгороде ему предложили преподавать закон Божий в Восточном институте. По материалам поездок по Забайкалью (в период русско-японской войны, когда Восточный институт был эвакуирован в Верхнеудинск), он подготовил статью «О нуждах Забайкальской духовной миссии», которая была опубликована в «Известиях Восточного института» (т. 15, вып. 5) в 1907 г. По просьбе Д. М. Позднеева, приехавшего в Японию после закрытия Восточного института в связи с устроенной студентами в феврале 1905 г. забастовкой, и по ходатайству епископа Николая (И. Д. Касаткина) о. Петр (П. И. Булгаков) был назначен настоятелем российской посольской церкви в Токио и в этой должности находился до октября 1917 г. и значительно позже.

³ Общество востоковедения учреждено 29 февраля 1900 г. в Петербурге. Имело целью «содействовать всеми доступными средствами сближению России с Востоком на почве общих экономических и научных интересов» (См.: АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 719, л. 1). В более конкретном плане, если следовать программе этого общества, оно ставило свою цель «распространением среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомлением русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока – содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народов как в пределах России, так и вне ее пределов» (там же, л. 2). Помимо наблюдения за работой курсов по изучению восточных языков Общество востоковедения, имевшее свои филиалы в ряде крупных российских городов, занималось организацией публичных лекций о странах Востока, а также отправкой преподавателей и слушателей курсов в изучаемые страны для сбора материалов по той или иной актуальной теме.

<Письмо 7>

Д. М. Позднеев – Василию Васильевичу /Кривенко/¹
2 августа н.с. 1909 г.

С тех пор как Вы уехали, на нас посыпались болезни детворы. У Веды – скарлатина, у Любы – сыпь и простуда, у Константина Булгакова – воспаление слепой кишки, у Николая – ангина и прочие прелести...

Сегодня получил письмо /С. Н./ Сыромятникова... Пишет, что поездка в Хаконэ, как описание природы, мало интересна и длинна для газеты; не знает, сделает ли что с нею... Жаль написанной статьи, да и она действительно полна исторических сведений, очень интересная. Дневник японца переводится подобным образом также впервые...²

Нет ли у Вас связей с «Вестником Европы» или другим нашим хорошим /печатным/ органом? Большие статьи в журналах, конечно, пошли бы лучше. У меня есть идея перевести «Нихон Рэкиси Моногатари», т.е. рассказы из японской истории, популярные, почти детские, обо всех выдающихся героях истории. Серия – рассказов 20, листов печатных на 20. Нельзя ли порасспросить, не возьмет ли кто? Тогда пришлю немедленно же первый рассказ.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 279–291.

¹ Кривенко Василий Васильевич – капитан Генштаба. После стажировки (в качестве слушателя) в Восточном институте во Владивостоке его в 1908 г. направили на один год в Японию для усовершенствования знаний в японском языке. В следующем году командировка в эту страну была продлена ему еще на один год. (См.: АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1016, с. 7.)

² Речь идет о небольшой книге молодого японского офицера – поручика Тадаёси Сакураи под названием «Никудан» (Пули из мяса), посвященной русско-японской войне и, в частности, боям японской армии за овладение Порт-Артуром. Разошедшаяся в 48 тыс. экземплярах, эта книга принесла популярность ее автору в Японии. В газете «Россия» это произведение в переводе Д. М. Позднеева было опубликовано в 27 главах (начиная с вышедшего 14 февраля 1908 г. № 682).

<Письмо 8>

Д. М. Позднеев – Леле /брату А. М. Позднееву/
4 /17/ декабря 1909 г.

Не балуем мы друг друга письмами, не балуем настолько, что даже забываем, когда получаем последнее письмо. Об отправлении

своих писем я сказать этого не могу, т.к. имея приобретенную в /Русско-Китайском/ банке¹ привычку, я все их копирую, а потому всемо мое отправлено тебе 2 апреля, с 25 экз. моего ответа на Спальвинскую критику²... Я разослал ответ и знакомым и Шведову³ в прессу, но ответ получил от Сыромятникова, который откликнулся в газете на мою книжку. Остальные адресаты не обмолвились ни словом, ни уведомлением, ни благодарностью. Я уже так привык к заброшенности и общему невниманию, что меня больше это не беспокоит. Когда-нибудь разберемся, кто у нас прав и кто виноват.

Отъезд мой... отложен по причине совершенно неизбежной. Разначав писать и печатать свою диссертацию, я уже не могу не окончить ее... Она, по моей идее, является завершением первого цикла моих работ по изучению Японии, и потому я хотел бы ее издать такую, какою мне представляется действительно хорошая диссертация... «Материалы по...» вылились в три книжки, 1200 стр., из них 300 страниц – переводов с японского...⁴

...Я и все мои здоровы. Старые старятся, молодые растут. Дочки мои меня утешают. Галка учится в немецкой школе, что дает ей возможность по возвращении в Петербург немедленно поступить в одну из немецких гимназий. Поступив в прошлом году с полн/остью/ забытым немецким языком, она перешла в следующий класс первую из 11 немок-подруг. В музыке также показывает успехи, так что на ученическом вечере ее только одну из сверстниц выпустили играть соло. Вера⁵ и Любашка⁶ тоже растут и подают надежды на смышленность. С Алисою у нас тишь и любовь, результатом чего явится к Новому году 3-й ребенок⁷. Словом, если бы не проклятые мысли о будущем, то я считал бы себя счастливейшим человеком в мире. Однако и о будущем темно думается только в минуты хандры...

...Поездку свою в С. Петербург я уже определил в конце этого года. Хотел ехать до родов Алисы, но доктор и акушерка просят меня остаться... Решил, что поеду один, а семья или приедет весною одна, или если сие будет возможно, то вернусь за нею... устал я от девяти месяцев напряжения с диссертацией страшно. Занят я был так сильно и до такой степени монотонно, что положительно не знаю, как протекли эти месяцы. Семья летом жила под Иокогамой на берегу моря, а я в городе, и вечером, по закрытии типографии, ходил к ним на час-два, а потом возвращался домой, чтобы с шести без четверти утра садиться за работу с «сенсэй» (японский «сяньшэн»)⁸. И так изо дня в день девять месяцев, с развлечениями в виде корректур...

Я, как тебе уже писал, стал посылать в Россию корреспонденции под псевдонимом А. Нового. Их теперь также набралось уже на 200 печатных страниц. Всё ожидал, что ты пришлешь мне предложение сотрудничать в «Голосе правды», где состоишь редактором Отдела Дальнего Востока, но не дождался...

Ты пишешь о том, что получал «Восточное обозрение» и что не знаешь от кого⁹. Ну, от кого же больше, как не от меня? Оно печаталось у меня в типографии почти под моим руководством, и во всяком случае добрая половина трех книжек принадлежит мне, если не по исполнению, то по идее. Редактор журнала давно уже уехал в Париж, и все предприятие лопнуло, не найдя себе ни малейшего отклика в России...

Не можешь ли ты поместить об /моих/ изданиях по Японии в «Голосе правды»? Все-таки перед диссертацией это было бы полезно.

Читал ли ты «Вестник Азии» Харб/инского Общества ориенталистов¹⁰? В № 2 нас с тобою продернули... Ориенталисты разругали всю Бартольда¹¹... Ты знаешь, что Петр Иванович /Булгаков/ подвизается уже открыто в области японологии¹². Я помог ему издать книжку, и теперь он готовится другую. Он очень удивлен, что в своем письме ты также ни словом не обмолвился о получении его книжки, ведь для него-то это вопрос огромной важности...

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 324–327.

¹ После возвращения из научной командировки в страны Европы и первых лекций в стенах восточного факультета Петербургского университета Д. М. Позднеев поступил на службу в Министерство финансов, которое направило его в Пекин в распоряжение Русско-Китайского банка, учрежденного в 1896 г. Работая под началом Д. Д. Покотилова (бывшего стажера Российской дипломатической миссии в китайской столице, а затем консула в г. Фуцжоу), Д. М. Позднеев в течение ряда лет фактически руководил деятельностью Пекинского отделения этого банка. С началом русско-японской войны его определили кандидатом на пост директора Восточного института во Владивостоке, однако указ о назначении Д. М. Позднеева на этот пост последовал лишь в июне 1904 г., когда военные действия на Дальнем Востоке шли полным ходом.

² Ответ на статью Е. Г. Спальвина «Критический разбор «Японской исторической хрестоматии», помещенной в «Известиях Восточного института» (т. XXIII, вып. III), Д. М. Позднеев издал в Иокогаме в 1909 г.

³ Шведов Николай Константинович – с 1900 г. председатель Общества востоковедения. Ранее, в 1896 г., в звании генерал-майора возглавлял экспедицию русского Красного Креста по оказанию помощи населению Абиссинии, пострадавшему от эпидемии. Благодаря энергичным действиям российских врачей и студентов-медиков более 26 тыс. местных жителей получили необходимую медицинскую и иную помощь, за что Н. К. Шведов по возвращении на родину был удостоен ордена

Св. Станислава 1-й степени. См.: «С.-Петербургские ведомости», № 6 (7/19) января 1897 г.)

⁴ Речь идет о книге «Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материке Азии и России» (т. I-II, Иокогама, 1909). Весьма высоко оценивал этот труд Д. М. Позднеева архиепископ Николай, который 28 декабря 1899 г./10 января 1900 г. в своем дневнике оставил такую запись: «Понедельник. Д. М. Позднеев принес в подарок три книги своего сочинения "Материалы" по описанию северной части Японии и пр. Капитальный труд, показывающий и большую даровитость, и великую трудоспособность автора» (см.: РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, л. 101.)

⁵ Вера — дочь Д. М. Позднеева (Вера Дмитриевна Позднеева, 1906–1943 — японистка, одна из наиболее способных учениц Н.И. Конрада, под руководством которого писала свою дипломную работу. Материалы этой работы впоследствии частично вошли в ее доклад «План Токугава Наризки об обороне Эдзовских островов», прочитанный на заседании Азиатского общества Японии в Токио в 1929 г. (См.: ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 143.) До наших дней дошла машинописная копия ее диссертационного исследования, посвященного анализу экономического развития Японии до революции Мэйдзи. (См.: ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 144.)

⁶ Любаша — дочь Д. М. Позднеева (Любовь Дмитриевна Позднеева) — китаист, видный специалист по китайской традиционной и современной литературе, преподаватель разных вузов с востоковедным уклоном. Подробнее о ней см.: Померанцева Л. Е. Любовь Дмитриевна Позднеева (1908–1974) — «Вестник Московского университета», 1999, № 3 (Серия 13. Востоковедение), с. 3–32; Л. Д. Позднеева в начале творческого пути (публикация А. Н. Хохлова по материалам архива акад. В. М. Алексеева). — Там же, с. 44–47.

⁷ Алиса — Алиса Антоновна Глюк — вторая жена Д. М. Позднеева (служила в его доме гувернанткой после того, как он овдовел в 1905 г., оставшись с малолетней дочкой Анной).

⁸ Сэнсэй — учитель (по-японски, а по-китайски — сяньшэн).

⁹ Журнал «Восточное обозрение» издавался в 1909 г. в Иокогаме в бывшей типографии Подпахы. После банкротства ее владельца она перешла к Д. М. Позднееву и была зарегистрирована у местных властей на имя сестры его жены — Жозефины Антоновны Глюк. В первых трех номерах журнала вышли три статьи Д. М. Позднеева. Первая из них называлась «...Дух Ямато. Бог грома», третья — «Чертов смех» (Перевод с японского одного комического рассказа).

¹⁰ Общество русских ориенталистов в Харбине было учреждено в январе 1909 г. и до ноября 1911 г. действовало самостоятельно, независимо от того, что с января 1910 г. в Петербурге стало функционировать Общество русских ориенталистов, созданное с целью объединения разрозненных групп российских ориенталистов. Существовавшее в Харбине Общество русских ориенталистов издавало свой журнал «Вестник Азии», в котором публиковались главным образом статьи бывших воспитанников Восточного института во Владивостоке. (П. В. Шкуркина, И. А. Добролюбовского, А. П. Хионина, А. М. Баранова и др.). Подробнее о харбинской школе русского востоковедения после октября 1917 г. см.: Хохлов А.Н. Общество изучения Маньчжурского края в Харбине и значение его реорганизации для судеб русских востоковедов (по материалам русской эмигрантской печати и архивным данным). — Тихоокеанский путь развития: концепции и реальность. Тезисы XXII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1996, с. 47–52.

Петербургское японоведение

¹¹ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) — выдающийся востоковед-тюрколог. В Петербургском университете читал курс лекций по истории востоковедения, который вышел первым изданием в 1911 г.

¹² О характере научных интересов П. И. Булгакова позволяет говорить изданная им в США в 1929 г. книга «Христианство и Япония», где о своих первых шагах в японоведении он пишет следующее: «После приезда в Японию в 1906 г. я, подобно многим европейцам, впал в большое заблуждение, навеянное... "знатоками" Японии... Знатки загипнотизировали меня японским буддизмом, единственною будто бы религиею в Японии. К моему великому счастью, мне пришлось учиться два года в школе, основанной для обучения миссионеров японскому языку. Руководитель этой школы г-н Мацуда, теперь покойный, был человек в высшей степени интеллигентный... он-то и помог выбраться на правильный путь указанием, что не буддизм, а синто есть истинная идейная подкладка, основа всей Японии. В синто находится альфа и омега не только японской идеологии, но и важнейших сторон ее материального быта. Ввиду таких указаний я и занялся изучением, а потом изданием на русском языке учебников нравственности, преподаваемой в официальных школах Японии». Не случайно в востоковедном наследии П. И. Булгакова встречаются такие книги, как «Нравоучительная хрестоматия для начальных школ Японии», «Материалы по вопросу о нравственном воспитании в Японии» и другие.

«Письмо 9»

Д. М. Позднеев — /о. Симеону Мии в Киото/¹
16/29/ января 1910 г., Иокогама.

Я окончил ныне печатанием свою новую книгу относительно сношений Японии с Россией², в основание которой мною положена работа г-на Окамото Рюносукэ «Хоккайдо синсо», которую Вы были когда-то добры мне рекомендовать. Мне хотелось бы очень подарить один экземпляр моего труда г-ну Окамото, которому я очень обязан в успешном окончании дела... Второй экземпляр моего труда я покорнейше прошу Вас принять себе на память о наших сердечных отношениях и в воспоминание давнего совместного проживания в Киевской Академии.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, л. 383.

¹ Мии Доро (Симеон, 1858–1939) — православный японец, знакомый Д. М. Позднеева по Киевской духовной академии, куда поступил последний после окончания Орловской духовной семинарии.

² См.: Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России. Т. I–II. Иокогама, 1909.

<Письмо 10>

Д. М. Позднеев — брату А. М. Позднееву/
16 /29/ января 1910 г.

Дорогой Пеля, наконец-то я собрался выезжать к Вам... Алиса¹ родила, слава Богу, совершенно благополучно, теперь уже поднялась, ходит, но пока не спускается в нижний этаж (у нас дом по-английски, в три этажа). Однако раньше чем приехать к Вам, я еще подвергну испытанию Ваше терпение. Предполагая, что единственным ресурсом моего существования в Петербурге в первое время будет пресса, я решил сделать маленький тур: посетить Сеул, Порт-Артур, Дальний, Пекин и Мукден и Харбин. Хотя это и задержит меня на неделю, и будет стоить рублей 300 лишних, но я приеду с запасом материалов для корреспонденций и, кроме того, возобновлю все в памяти, так что буду в состоянии писать не по Японии только, а по всему Дальнему Востоку... Не могу сказать, чтобы ехал я к Вам с удовольствием, так как не жду от Вас в Петербурге ничего, кроме плевков и холода, не физического, а нравственного, который преследовал меня четыре года, но ехать все же неизбежно.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, л. 384.

¹ После рождения третьего ребенка — сына (Дмитрия Дмитриевича Позднеева) Алиса Антоновна Глюк решила принять православную веру. На это указывают дневниковые записи архиепископа Николая (И. Д. Касаткина). В одной такой записи от 1 /13/ апреля 1910 г. известный миссионер сообщает: «Четверг. Жена Дмитрия Матвеевича Позднеева — Алиса Антоновна, лютеранка, пришла проситься в православие: с детьми хочет молиться и участвовать в св. таинствах /православной/ церкви. Учение достаточно /хорошо/ знает. Поэтому я обещал в будущее вербное воскресенье принять ее в лоно православной церкви». 11 /24/ апреля 1910 г. о. Николай сделал другую запись: «До литургии... я присоединил из лютеранства к православной церкви Алису Антоновну... Нарекли ее Александрой» (РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, лл. 128, 131).

<Письмо 11>

Д. М. Позднеев — Александру Сергеевичу /Сомову/
июня 1910 г., Иокогама, Ямасита № 84.

После, кажется, Мукдена я не писал Вам ни слова... Газеты нами не интересуются, так что мне не удалось даже пристроить на их столбцы свои заметки о путешествии...

Я подал прошение в Университет о допущении меня к магистерским экзаменам по японскому языку. Встретилось формальное затруднение: у меня, видите ли, нет зачетных 8-ми семестров и гос. экзаменов по этому предмету... Восточный факультет подверг рассмотрению мои работы и после трех почти месяцев признал возможным допустить меня «на основании ученых моих работ» к экзаменам. Последние не легки. Кроме всех отделов и разветвлений японского языка, его истории и литературы, нужно еще сдавать такой же экзамен по-китайски, так что я теперь сижу и зубрю китайский язык. Программа дана П. С. Поповым² очень обширная и, несмотря на то, что я в свое время очень много работал, мне приходится довольно трудно: нужно прочесть и приготовить страниц 400 китайского текста, да еще историю и литературу Китая.

Вы, вероятно, читали, что я сделал несколько докладов в Обществах: они прошли все удачно.

Хорошее дело удалось мне сделать вот какое: в Главном Управлении по делам печати, по распоряжению /П. А./ Столыпина, составляются по данным периодической прессы очерки разных стран в их современном состоянии. У них некому было выполнить очерки Японии и Кореи, и эта работа попала в мои руки. Я работал страшно напряженно, так /что/ получил ее уже в мае, и в 16 дней представил им очерк той и другой страны в 140 страниц. Они сейчас же будут печататься и, вероятно, попадут в Ваши руки как казенное издание. Там Вы увидите, что Вашего меду в этом соте немало, и все результаты моей поездки по Корее вошли так или иначе туда...

Письмо Ваше от 9 апреля с приложением транскрипции корейских слогов мною получено. Сердечно за него благодарю, но когда я приступлю к этой работе, пока не знаю: очень много текущего неотложного дела по экзаменам и подготовке курсов, которые буду читать в Практической Восточной Академии с осени³. Здесь думаю остаться два месяца, а потом в Петербург вместе с семьей и скарбом...

Трудно идти по непроторенному пути, на каждом шагу препятствия. Верю, однако, что терпение и труд всё перетрут.

Одновременно с этим отправляю Марии Георгиевне отдельную посылку неск/олько/ книжек романсов Чайковского для меццо-сопрано. Надеюсь, что этот мой любимый автор ей понравится и напомнит ей о всегда признательном за гостеприимство госте, нарушившем на короткое время Ваше регулярное житье в Сеуле...⁴

Слышал, что Сенько-Буланый⁵ в Петербурге, но его сам не видел... Очень рад, что мое последнее сочинение произвело на Вас выгодное впечатление.

гаю читать со студентами. Коллекция текстов очень полная: я подобрал ее два с лишком года. Библиотеку уже отправил в Петербург. Усрднейше прошу Вас купить для меня в Пекине нововышедшую книгу Бруннерта² и Гагельстрема³ «Политическая организация Китая» и привезти мне ее в Петербург. Она меня страшно интересует, а боюсь, что до продажи в Петербурге пройдет еще немало времени. Передайте, пожалуйста, мое усрднейшее поздравление авторам, начиная с Н. Ф. Колесова⁴ по случаю окончания ими этой огромнейшего значения работы. Я надеюсь, что она быстро разоидется и что авторы порадуют нас еще чем-либо столь же хорошим. Ведь при теперешнем положении дела Пекин является бесспорно самым сильным центром синологии, да я думаю, что и едва ли не в первый раз в истории нашей науки собралось в нем так много крупных и сильных синологов. Давай им Бог успеха.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 117, лл. 395–396.

¹ Иванов Алексей Иванович (1878–1937) – видный востоковед, китаист, японист и тангутовед. (Подробнее о нем см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 295–297.)

² Бруннерт Ипполит Семенович (1882–?) – известный китаист, находился в течение многих лет на службе в Российской дипломатической миссии (вплоть до ее закрытия в 1920 г.). (См.: СПб. филиал Архива РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 198, лл. 1–2.)

³ Гагельстрем Виктор Владимирович (1883–?) – известный китаист, находился на дипломатической службе в Китае до и после октября 1917 г. Начав свою карьеру с должности студента-стажера в мае 1906 г., он в последующие годы выполнял обязанности драгомана (в Кашгаре), секретаря генерального консульства в Шанхае и консульства в Гуанчжоу, а затем с июля 1917 г. – вице-консула в Харбине. (АВПРИ, ф. ДПС и ХД, оп. 464, д. 803.)

⁴ Колесов Николай Федорович – известный китаист, один из многочисленных учеников акад. В. П. Васильева (1818–1900). После отъезда П. С. Попова в Петербург в 1901 г. из Пекина он занял его место первого драгомана Российской дипломатической миссии и в последующие годы оставался на дипломатическом поприще в Китае до и после октября 1917 г. Книга его коллег И. С. Бруннерта и В. В. Гагельстрема «Современная политическая организация Китая» вышла в свет (с иероглифическим набором китайских названий учреждений и должностей цинского Китая) под редакцией Н. Ф. Колесова, который, по свидетельству современников, в совершенстве владел китайским языком.

«Письмо 12»

Д. М. Позднеев – Алексею Ивановичу /Иванову/
12 /25/ июля 1910 г., Исокогама.

Я... остаюсь здесь до 1-го русского августа, а потом двигаюсь в Питер.

Я получил разрешение сдачи экзаменов и теперь готовлюсь. Печатаю в то же время японскую газетную хрестоматию, которую предпола-

А. Н. Хохлов

<Письмо 13>

С. Г. Елисеев – С. Ф. Ольденбургу¹
13 июня 1911 г., Токио.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Извините, пожалуйста, что так давно Вам не писал, но усиленные занятия отнимали у меня почти все свободное время.

В этом году, после трехлетнего пребывания в Японии, приезжаю на два месяца в Петербург. Буду с середины июля до числа 10 сентября в России. Мне бы очень хотелось вас повидать, чтобы рассказать Вам лично о своих занятиях и планах. Может быть, Вы напишете мне по следующему адресу (В. О. Биржевая, 14)² о том, где я могу Вас застать. Я же со своей стороны обязательно зайду в Академию наук и спрошу /о Вас/ там.

О своих занятиях мне самому судить, конечно, трудно, потому что можно или слишком строго к себе отнестись или слишком себя захвалить. С этого года в Токийском университете ввели вновь на филологическом факультете обязательные экзамены и мне пришлось все экзамены сдавать на японском языке. Было всего шесть письменных экзаменов, и на всех экзаменах я писал иероглифами. Что касается разговорного японского языка, то я им вполне овладел и совершенно свободно читаю современные беллетристические произведения.

В будущем году собираюсь кончать университет; для окончания нужно представить зачетную работу и затем сдать еще несколько экзаменов, между прочим китайский язык.

Работу я думаю писать об японском поэте Басё – поэт периода Токугава (XVIII–XIX столетия).

В этом году я написал зачетную работу по семинару японской литературы «О духовной жизни дворян в период Хэйань на основании /сочинения/ Окагами». Написал 87 стр. иероглифического письма³.

В будущем году по окончании университета думаю остаться еще на два года при университете, чтобы все свои знания несколько сравнять и сложить в стройную систему. После шестилетнего пребывания в Японии я буду знать хорошо её язык и всю /её/ жизнь.

Когда увижусь с Вами лично, то поговорю о том, как мне устроиться с государственным экзаменом в России.

Желаю вам всего лучшего.

Уважающий Вас

Сер. Гр. Елисеев.

Петербургское японоведение

СПб. филиал Архива РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 207, лл. 1–2 (автограф).

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – видный востоковед, организатор крупных археологических исследований в Восточном Туркестане в 1909–1910 и 1914–1915 гг., крупный специалист в области буддологии. В 1916 г. он, будучи неременным секретарём Российской Академии наук с 1904 г., возглавил Азиатский музей, впоследствии переименованный в Институт востоковедения. (Подробнее о нем см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997, с. 406–416 и др.)

² В. О. – Васильевский Остров, один из районов в центре Петербурга.

³ Об окончании С. Г. Елисеевым 3-го курса Токийского университета и его отъезде в Россию на каникулы сообщает в дневниковой записи от 12 /25/ июня 1911 г. архиепископ Николай: «Студент здешнего университета Сергей Григорьевич Елисеев, выдержав экзамен, также едет в Россию на каникулы до октября: приходил прощаться». (См.: РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, с. 305.)

<Письмо 14>

Н. И. Конрад – Д. М. Поздневу
б/д /ноябрь 1913 г./

Многоуважаемый Дмитрий Матвеевич!

Позволяя себе одновременно с настоящим письмом послать Вам отпечаток моей статьи в «Журнале Министерства Народного Просвещения» о начальной школе в Японии. Покорнейше прошу не отказать принять этот экземпляр как знак уважения от Вашего бывшего ученика, обязанного некоторыми своими познаниями в области японоведения единственно Вашей школе. Вместе с тем рискую просить Вас указать мне хотя бы грубые недостатки моей статьи, ибо мне хочется знать, много ли я погрешил там против истины и в чем именно, а вы являетесь для меня единственным лицом, к которому я смею обратиться и чьих суждений я могу спокойно послушаться¹.

Затем очень прошу вас уведомить меня, могу ли я рассчитывать на получение от Вас или через Ваше посредство 10 экз. Вашей грамматики разговорного языка². Если таковое число экземпляров имеется в Вашем распоряжении свободными, то прошу в возможно непродолжительном времени выслать мне их наложенным платежом. Крайне нужна какая-нибудь грамматика, и мне думается, что составленная Вами как раз окажется подходящей. Если же это невозможно, то прошу Вас все-таки не отказать известить меня, чтобы я мог оза-

А. Н. Хохлов

ботиться своевременным приобретением какого-либо другого подобного пособия.

Примите и пр.

Н. Конрад³.

ГПБ, ф. 590, ед.хр. 115, л. 183 (машинописная копия Д. М. Позднеева на папиросной бумаге).

¹ Основой для вышедшей отдельным изданием статьи Н. И. Конрада «Современная начальная школа в Японии» стал его доклад, прочитанный в марте 1913 г. на общем собрании Русско-японского общества в Петербурге. Важное научное значение этой работы Н. И. Конрада состоит в том, что именно она побудила известного в Сибири эсперантиста-священника И. Н. Серышева отправиться из Барнаула в Томск, где после разгрома Колчака находилось омское правительство, для получения свидетельства о командировке в Японию с целью изучения ее системы образования. Пребывание в этой стране в течение двух с половиной лет позволило Иннокентию Серышеву собрать с помощью японцев-эсперантистов огромный статистический материал, который ему удалось опубликовать лишь в Харбине при содействии Общества русских ориенталистов. (См.: Серышев Иннокентий. Народное образование в Японии. — «Вестник Азии», № 52, 1924, с. 166–244.)

² См.: Позднеев Д. Грамматика разговорного японского языка (конспект лекций, читанных в Практической Восточной Академии Имп. Общества востоковедения в 1910–1911 учебном году). СПб., б/г.

³ Более раннюю публикацию данного письма см.: Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, с. 244.

<Письмо 15>

Д. М. Позднеев — Н. И. Конраду
1 декабря 1913 г., С.-Петербург, Троицкая, 15/17, кв. 559.

Многоуважаемый Николай Иосифович,

Приношу Вам сердечную благодарность за присылку книги и любезное письмо.

Что касается до книги, то она, несомненно, представляет собою большой интерес для всех изучающих школьное дело. Перелистав книгу, я не заметил в ней бросающихся в глаза погрешностей, но постараюсь найти время (хотя это очень трудно), чтобы установить место Вашей книги в ряду других работ на ту же тему и, если только удастся, дам о ней отзыв в печати.

Относительно грамматики разговорного языка должен сказать, что она вышла вся, но так как на нее мне отовсюду поступают требования.

Петербургское японоведение

очевидно, в виду ее краткости, сконцентрированности и практической пригодности для школ, то я занят в данный момент её пересмотром, и думаю, что через неделю буду в состоянии отдать её в литографию. Если Вы можете обождать до января, то Вам вышлю нужное количество экземпляров к началу после-рождественских занятий.

Мне было бы очень приятно слышать от Вас подробности о Вашей работе в Киеве. В чем она состоит, сколько учеников, какие программы, цели, задачи, отношение окружающего общества к делу и пр. Буду очень Вам благодарен за сообщение таких сведений.

Я советовал бы Вам (если позволите) как в интересах дела, так, может быть, и в видах Вашей личной пользы не разрывать связи с Обществом востоковедения: оно становится все более крупным центром и принадлежать к нему имеет известные преимущества. 5 руб. в год членского взноса не могут быть тяжелыми. Если вы желаете, то сообщите мне о том, и я представлю Вас в члены. Тогда совместная работа для нас будет еще удобнее¹.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Д. Позднеев.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 115, лл. 189–190 (машинописная копия на папиросной бумаге, подпись-автограф).

¹ О мероприятиях Общества востоковедения по привлечению в свои ряды наиболее опытных и компетентных японистов позволяют судить, например, протоколы заседаний Совета этого общества за 1915 г. Так, 18 мая 1915 г. Совет Общества востоковедения избрал (для последующего утверждения на общем собрании) в действительные члены С. Г. Елисеева и М. Н. Рамминга. 12 ноября Совет общества на своем заседании принял к сведению информацию о состоявшемся организационном собрании Японского отдела, на котором председателем Отдела был избран Д. М. Позднеев, а членами Совета отдела — С. Г. Елисеев, В. Я. Костылев, Е. Д. Поливанов и М. Н. Рамминг. 23 декабря 1915 г. Совет Общества востоковедения заслушал сообщение о выдвижении кандидатами в действительные члены этого общества япониста А. Н. Воскресенского и журналиста С. Н. Сыромятникова, издавшего еще в 1908 г. свой перевод с английского книги Мацубаро Ивагара «На дне Японии». (См.: РГИА, ф. 748, оп. 1, д. 1.) Весной 1915 г. на заседании Японского отдела Общества востоковедения выступил с интересным докладом Е. Д. Поливанов о русской транскрипции японских слов. В связи с научной и практической значимостью указанной темы, предложенной докладчиком, Совет Общества принял решение об ассигновании в 1916 г. Японскому отделу 200 руб. на издание доклада Е. Д. Поливанова (Там же).

<Письмо 16>

Д. М. Позднеев – Н. И. Конраду
2 марта 1914 г., С.-Петербург, Троицкая 15/17, кв. 559.

Многоуважаемый Николай Иосифович,
И. П. Шипов¹ сказал мне, что Вы предполагаете этим летом съездить в Японию и что Русско-японскому обществу², к которому Вы обращаетесь за содействием, было бы желательно дать Вам полезную для него работу. В выборе этой темы И. П. Шипов просит меня с Вами войти в соглашение.

Полагая, что наибольшие результаты даст та из работ, которая Вам больше по душе, лишь бы она носила практический и жизненный характер, покорнейше прошу сообщить мне, имеется ли у Вас в виду определенная программа работы и если имеется, то по какому вопросу и в каких размерах? Я приложу все свои усилия к тому, чтобы облегчить Вам поездку и выполнение работы.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности. Д. Позднеев.

ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 115, л. 205 (машинописная копия на папиросной бумаге, подпись-автограф).

¹ Шипов Иван Павлович. См.: сн. 7, письмо 2.

² Русско-японское общество, созданное в марте 1912 г., имело своей целью «поощрение взаимного и практического изучения России и Японии и содействие сближению и дружбе обоих народов». (АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 646, л. 33.)

<Письмо 17>

Н. А. Невский – П. Ю. Васкевичу¹
21 апреля /4 мая/ 1916 г., Токио.

Многоуважаемый Павел Юрьевич!

Простите, ради Бога, что не зашел к Вам на Пасхе поздравить с светлым праздником. Виной всему занятые у Вашего благородия 40 иен, не возвратив которые, я не хотел показываться Вам на глаза, но в силу сложившихся обстоятельств вчера вечером ходил к Вам специально испросить Вашего совета, но, к сожалению, не застал Вас дома. Дело в том, что по каким-то непонятным причинам мне до сих пор не

Петербургское японоведение

высылают денег из Петрограда, несмотря на то, что приват-доцент В. М. Алексеев² в своем письме от 2 /15/ марта с.г. пишет: «Деньги посланы были Вам накануне получения телеграммы, т.е. 27 февраля. Это такая подлая история, канцелярщина, которая и Н. Я. Марра (декана факультета)³, и меня извела вконец... Как Вы выпутались из данного положения – один Бог знает. Мне прямо тяжело представить себе. /Н. И./ Конраду будут отправлены деньги несколько позже, но раз Вы живете вместе – поделитесь...»

Но факт остается фактом, и денег до сих пор нет. Конрад месяца тому назад деньги получил, а мои все не идут. Мною были отправлены в Петроград ещё две телеграммы, кроме упомянутой в цитированном письме, а результат все тот же. Три недели тому назад Конрад уехал, оставил мне одну иену.

За неимением финансов пришлось отказать временно учителям. Тридцатого числа прошлого месяца явились разные поставщики съестных продуктов, а также из электрического и газового обществ; просил обожждать до 15 мая, но некоторые (газовое и электрическое общества) ждать не желают и требуют немедленной уплаты⁴.

Как видите, положение отчаянное. Вчера я хотел посоветоваться с Вами. Не может ли посольство выдать мне поручительство на получение 200–300 иен из Азиатского банка? По словам /О. О./ Розенберга⁵, он однажды обращался с подобной просьбой в посольство, и она была последним удовлетворена. Кроме того, не может ли посольство от себя дать телеграмму декану Восточного факультета? По присылке денег телеграмма будет мною оплачена.

Впрочем, Вам, Павел Юрьевич, виднее, что делать и как. Желал бы выслушать Ваш совет. Если бы положение не было таким отчаянным, я бы не обратился к Вам с подобным письмом.

Жду Вашего совета.

Преданный Вам Н. Невский.

АВПРИ, ф. Миссии в Токио, оп. 529, д. 427, лл. 73–74 (авт.).

¹ Васкевич Павел Юрьевич – воспитанник Вольнской духовной семинарии, окончивший в 1903 г. с золотой медалью китайско-японское отделение Восточного института во Владивостоке. Впоследствии он находился на дипломатической службе в странах Дальнего Востока вплоть до октября 1917 г. и в более позднее время.

² Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – выдающийся китаевед, внесший огромный вклад в развитие отечественной науки. Он – выпускник и преподаватель факультета восточных языков Петербургского университета, переводчик и исследователь китайской классической литературы эпохи средневековья. (Подробнее о нем

см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. (1997, с. 298–302.)

³ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – видный лингвист и крупный специалист по языкам Кавказа. (Подробнее о нем см.: Алексеев В. М. Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля. – Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 30–37.)

4. Материальные трудности, с которыми столкнулся Н. А. Невский в Токио, были весьма характерны для приезжавших в Японию россиян, в том числе японистов, часто страдавших от поздней присылки денежных средств. В подобном положении нехваткой казенных денег оказался, например, командированный Восточным институтом японист В. М. Мендριν. Это видно из следующей дневниковой записи архиепископа Николая от 27 июля /9 августа/ 1909 г.: «Понедельник. Рано утром пришел Мендрын просить в долг 65 иен. Как не дать? А возвратит ли, Бог весть, а я и сам гол, как сокол». (См.: РГИА, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1167, л. 16.)

8 См.: Ермакова Т.В. Научно-теоретическое наследие О. О. Розенберга, – Буддизм: проблемы истории, культуры, современности. М., 1990, ч.1, с. 92–98; Игнатович А. Н. О. О. Розенберг и его труды по буддизму. М., 1991, с. 6–42.

<Письмо 18>

Н. А. Невский – В. М. Алексееву.
сентября 1916 г., Токио.

Мы в восхищении от Вашей книги¹. Она вносит новую струю в синологию, указывает способ, метод, с каким надо приступать к исследованию первоисточников. По сравнению с самим исследованием введение Вашей книги мы находим несколько слабоватым, но возможно, что это только при беглом просмотре. Если же введение прочесть после, т. е. по прочтении основной части, то такое опрометчивое мнение, может быть, испарится само собою...

Вы просили выпытать у /С. Г./ Елисеева его кардинальное мнение о Вашей книге. Нечего говорить, что он в восхищении, как и мы. По его словам, восхищение перед работой испытывают и знатоки – японцы, которым он, Елисеев, показывал ее. Но в переводе есть ошибки, но почти всегда в тех местах, где Вами отмечается непонятность текста.

Спб. филиал Архива РАН, ф. 820, ед. хр. 57, л. 1. (авт.).

Речь идет о книге В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследование (с приложением китайских текстов)» (Пг., 1916). Указанный труд был представлен его автором на соискание степени магистра китайской словесности и успешно защищен 20 ноября 1916 г. в Петербургском университете при участии в качестве оппонентов А.И. Иванова и С.Г. Елисеева.

<Письмо 19>

С. Г. Елисеев¹ – С. Ф. Ольденбургу
4 /17/ июня 1917 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,
Посланные мне от Академии наук 1020 иен получил. Вчера был в издательстве «Shim bishoin»² и купил для Азиатского музея «Toyo bijutsutai kwan»³ (каталог при сем прилагаю, стр.10) за 660 иен, на оставшиеся 360 иен куплю книг. Для музея Александра III купил: «Masterpieces by Seshu» (стр. 28 каталога), «Masterpieces of Moronobu» (стр. 31), «Masterpieces selected from the Korin school» (стр. 32) и «Masterpieces selected from the Maruyama school» (стр. 33)⁴.

Относительно японского шрифта для типографии Академии наук еще ничего не успел узнать. Был у проф. Таки, издателя «Кокка» /«Государство»/, он обещал на днях пойти со мною в самую большую словолитню, где я узнаю цены и вышлю Вам каталоги. Проф. Таки просил передать Вам, что он Вам писал три раза, спрашивая Вашего согласия на опубликование в «Кокка» перевода Вашей статьи об иконографии из Хара-хото⁵, но до сих пор ответа от Вас не получил.

Не откажите передать прилагаемое письмо В. М. Алексееву.
Уважающий Вас
Сергей Елисеев.
СПб. филиал Архива РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 207, л. 3 авт.).

¹ Письмо отправлено С. Г. Елисеевым после приезда в Токио в командировку для выполнения различных поручений, связанных с приобретением книг, картин японских художников и японского шрифта, в котором особенно нуждалась типография Российской Академии наук. При оформлении этой командировки IV Политический отдел МИД, при котором состоял на службе С. Г. Елисеев, 24 апреля 1917 г. обратился в канцелярию министра иностранных дел с просьбой прислать в отдел «заграничный паспорт на имя переводчика VIII класса при Политических отделах приват-доцента Петроградского университета Сергея Григорьевича Елисеева, отправляющегося 2 мая с.г. с супругой Верой Петровной и малолетним сыном Никитой на несколько месяцев в Японию» с последующим возвращением в Россию. (См.: АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1012, л. 1.) О времени прибытия С. Г. Елисеева с семьей в японскую столицу позволяет судить его расписка от 29 мая 1917 г. в получении от российского посольства в Токио 3051 иены, присланные Петроградским университетом через Русско-Азиатский Банк (См.: АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 427, л. 70).

Название японского издательства «Симбисёин».

⁴ Перечень картин известных японских художников с указанием их английских названий. Среди этих произведений работы художников – продолжателей творчества

А. Н. Хохлов

Корин (1650–1716), шедевры Сэсю (1420–1506), Мотонобу, Маруяма. (Подробнее см.: A History of Japanese Art. Tokyo, 1912.)
⁵ Речь идет о книге С. Ф. Ольденбурга «Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (Образы тибетского письма)» (СПб., 1914).

<Письмо 20>

С. Г. Елисеев – С. Ф. Ольденбургу
19 мая 1921 г.

Дорогой Сергей Федорович,

Пользуюсь возвращением Николая Яковлевича /Марра/, чтобы Вам написать несколько слов. Вот уже более полугода, что я за границей. Сначала я провел три месяца в Стокгольме, где жил у знакомых, а потом в /его/ окрестностях. Дети начали за это время поправляться. В Стокгольме написал небольшую книжку «Японские сказки», к которым /жена/ Вера Петровна пером сделала иллюстрации и концовки.

Работал в Стокгольме в японской библиотеке /А./ Норденшельда, где нашел интересную рукопись XV века с хорошими миниатюрами. После Стокгольма поехал на неделю в Берлин, где встретил моего брата – юриста.

В Париже был радушно встречен Sylvain Levy¹, Pelliot² и другими ориенталистами, которые все очень интересовались судьбой русской ориенталистики и спрашивали о Вас. Первый месяц в Париже прошел в поисках работы. Затем устроили меня при Musée Guimet³ и, кроме того, имею работу в японском посольстве, так что вполне обеспечен. По утрам бываю в Musée Guimet, днем иногда работаю в Bibliothèque d'art et d'Archeologie⁴. Бываю также в Ecole de langues orientales vivantes⁵, где меня очень сердечно встретил Paul Boyer⁶. Вера Петровна и дети уехали на берег моря около Calas, а я живу у родственников ее и все время провожу за книгами. Постепенно налаживается работа. Надеюсь уехать в Японию, так как в Париже почти нет японских книг и справочных пособий. Посещал лекции Paul Pelliot. В музее Guimet открыты новые залы имени Pelliot, где выставлены живопись из Дуньхуана и две скульптуры хранителей Неба, потом зало Basot⁷, где большая, прекрасная коллекция тибетских икон, затем зало E. Chavannes⁸ с фотографиями с его археологических находок и зало, где хорошая вещь Ма-Линь'я и другие.

Надеюсь, что работа наладится, и я смогу использовать плодотворно Париж для своих занятий по японоведению и главным образом ки-

Петербургское японоведение

таистики. Иногда на душе не спокойно, но успокаиваешься, когда видишь, как поправились дети, у которых прошли начатки туберкулеза и совершенно исчез рахит. Они сейчас на берегу моря превратились в шоколадно-коричневых. Мечтаю о дне, когда я смогу, пополнив свои знания, быть в кругу русских /и/ в кругу своих ориенталистов работать для России. Не судите строго меня, Сергей Федорович, и позвольте надеяться, что Вы сохранили ко мне по-прежнему Ваше хорошее отношение, которое я так ценю и в котором я так нуждаюсь. Вера Петровна просила вам передать ее сердечный привет. Всего всего вам хорошего и спасибо за все то хорошее, что я от Вас видел.

Любящий и преданный Вам

Сергей Елисеев.

СПб. филиал Архива РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 207, л. 4 (авт.).

¹ Леви Сильвэн (1863–1935) – известный французский востоковед-буддолог.

² Пеллио Поль (1878–1945) – известный французский синолог, отличавшийся многообразием научных интересов. С 1921 г. – член французской Академии надписей и изящной словесности, с 1922 г. – член-корреспондент Российской академии наук, с 1936 г. – Президент Азиатского общества. (Подробнее о нем см.: Алексеев В. М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио. Составитель И. Э. Циперович. СПб., 1998, с. 22–27.)

³ Музей Гиме в Париже, особенно славится своими археологическими коллекциями, привезенными из Китая Э. Шаванном и П. Пеллио.

⁴ Библиотека искусства и археологии в Париже.

⁵ Школа живых восточных языков – одно из старейших востоковедных учреждений во Франции.

⁶ Буайе Поль (1864–1949) – французский ученый-славист, преподаватель русского языка (с 1889 г.) в Школе живых восточных языков, издатель ряда учебных пособий по русскому языку и некоторых материалов из парижских архивов, связанных с русской проблематикой. Будучи знаком с В. М. Алексеевым со времени поездки последнего в Европу (1904–1906 гг.), он, состоя членом Высшего совета по народному образованию, содействовал обучению своих питомцев в Ленинграде.

⁷ Бако Жак (1877–?) – французский историк, географ – путешественник, посетивший в 1913–1914 гг. и 1930–1931 гг. бассейн Янцзы и Гималаи.

⁸ Шаванн Эммануэль – Эдуард Шаванн (1865–1918) – крупный французский синолог, научная деятельность которого началась во время службы в должности атташе при французской дипломатической миссии в Пекине. Его фундаментальным трудом является комментированный перевод «Шицзи» («Записей по истории»), принадлежащих знаменитому китайскому историку Сыма Цяню (II–I вв. до н. э.). Слушавший его лекции в Колледж де Франс молодой В. М. Алексеев вместе с Э. Шаванном в 1907–1909 гг. совершил длительное путешествие по Северному Китаю, во время которого были собраны ценные археологические и иные материалы. С 1913 г. Э. Шаванн – член-корреспондент Российской академии наук, а с 1915 г. – Президент французской Академии надписей и изящной словесности. (Подробнее о нем см.: Алексеев В. М. Письма Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио. Сост. И. Э. Циперович. М., 1998, с. 19–22.)

ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

С. Г. Елисеев

Некоторые слова, в силу тех или иных условий, вошли в наш обиход с определенным значением, более узким и несоответствующим полному объему понятия. Слово «всемирный» мы часто употребляем в значении «западноевропейский», к чему нас приучили еще со школьной скамьи, где история Европы была для нас «всеобщей историей». Теперь мы постепенно уходим от этих пережитков. Издательство «Всемирная литература» даст возможность русскому читателю ознакомиться в художественных переводах с образцами произведений писателей всех стран и народов. В силу своей культурной связи обращенные своими интересами на Запад, мы не уделяли должного внимания литературе Востока, которая осталась нам чуждой и мало известной. До русского читателя доходили отдельные отрывки восточного творчества, своеобразно преломлявшиеся в его сознании и дававшие ему искаженное изображение, скрывая от него подлинный лик Востока. Он редко находил среди писателей Востока знакомое имя и в большинстве случаев их произведений не читал. Кроме того, далеко не все литературы Востока были ему знакомы, в частности, литература Японии для русского читателя была неизвестной и остается таковой и до настоящего времени. Ее мало знает и европейский читатель. Поверхностному наблюдателю может показаться, что незнание литературы искупается в Европе знанием японского искусства, о котором существует много книг на европейских языках и образцы которого собраны в музеях столичных городов Европы. Но так ли это? Разве можно понять искусство, не зная основ дальневосточной эстетики, не будучи знакомым с духовной культурой, которая лежит в основе мирозерцания художника? Японское искусство европейцы знают так же мало, как и литературу. Ведь для большинства японская литература — это «короткие стихотворения» (танка), где говорится о ветке сливы, о соловье, о цветущих вишневых деревьях. Японский роман, драма, поэзия многих выдающихся поэтов и их школ — все это, ввиду незнания японского языка, недоступно европейскому читателю. Художественных переводов почти нет, большинство переводов — только жалкие попытки передать японских писателей на каком-либо европейском языке. А в живописи в большинстве случаев известны только имена некоторых японских гравиров и название

Японская литература

школы «Укиёэ», которое все исследователи-европейцы переводят неверно, как «картины бренного мира», исходя из первоначального буддийского значения слова, которое в эпоху Токугава (XVII в.), когда его стали употреблять по отношению к гравюрам, уже не имело его, а употреблялось в значении «модный» или «современный». Неизвестны лучшие представители японской монохромной пейзажной живописи, незнакома европейцу богатая по композиции школа национальной исторической живописи «Яматоз», и много ли он может назвать знакомых ему произведений японской скульптуры или зодчества?

Когда будет выполнена программа «Всемирной литературы» по отделу Японии, русский читатель будет в состоянии ознакомиться в художественных переводах с лучшими произведениями всей японской литературы. Чтение произведений выдающихся писателей поможет ему понять и оценить своих дальневосточных соседей. Он будет судить об их литературе не по отдельным и случайным переводам, сделанным к тому же с какого-нибудь европейского языка и в большинстве случаев малограмотно, но по художественным переводам с подлинника. По ним он ознакомится с произведениями выдающихся писателей, которые стали достоянием японского образованного круга. Мы надеемся, что предпринятое «Всемирной литературой» издание произведений японских писателей разрушит то однобокое представление об этой литературе, которое могло сложиться под влиянием чтения отрывков плохих переводов и еще менее удачных переделок.

Читатель должен отдавать себе отчет в том, что японская литература не может дать неподготовленному европейцу того эстетического наслаждения, которое она дает японцу. Только читателю, подходящему к ней с известной подготовкой, знающему, в чем нужно искать эстетические ценности, может она доставить подлинную художественную радость.

Трудность понимания не в мирозерцании, которое отражается в литературе. Чуткому и благорасположенному читателю могут быть понятны идеалистические основы мирозерцания большинства дальневосточных писателей. Трудность в понимании чужих неведомых форм, где главное часто лежит не там, где бы оно находилось у нас, где писатель только слегка касается того, что европейцем воспринимается, как самое важное. Отсюда другие пропорции частей и другое восприятие целого. Мы не должны подходить к японской литературе с нашими готовыми трафаретами и отвергать все то, что к ним не подходит, а, наоборот, должны стараться понять эти новые для нас формы, в которые она выпилась.

Японская поэзия и проза проникнуты лирическим настроением, вытекающим из основы идеалистического миропонимания, которое, внушая японцу любовь к окружающей природе, делало ее близкой ему. Вся японская мифология — это обожествление окружающей природы без чувства страха перед ней или враждебного отношения, без стремления видеть в ней руку создателя. Принесенный с материка буддизм увеличил у японцев любовь к природе, вдохнув равноценную жизнь в каждую былинку, заставив японцев глубже заглянуть в душу человека. Влияние буддизма мы чувствуем на всем протяжении японской литературы, но оно не однородно. Идеалистический в своей основе буддизм своими вероисповеданиями давал различные оттенки японскому миропониманию, которое отражалось особенно ярко в произведениях лучших писателей. Мистические основы даосизма, который в природе видел только проявление «вечного и скрытого начала» и который увлек человека к самосозерцанию и отречению от мирской суеты, был знаком японцам по сочинениям Лао-цзы, Ле-цзы и в особенности Чжуан-цзы, притчи которого ими охотно читались. Кроме того, китайская поэзия давала им поэтические образы воплощения даосских идей. Все это накладывало на многие японские произведения определенный даосский отпечаток. Этические учения конфуцианства, сначала мало повлиявшие на несумевших их оценить японцев, затем, в XVIII уже веке, дали японской литературе дидактический характер. А в последние годы знакомство и увлечение идеями христианства и европейских философских школ повлияли на мирозерцание современного японца, внеся в его внутренний мир новые веяния. Все эти влияния, изменяя в разное время душу японца, заставляли его в каждый период своей культурной жизни несколько иначе воспринимать окружающий мир. Но, вместе с тем, эти изменения не разрушали основ его души, которая оставалась по-прежнему японской. С течением времени, претворив все чужеземное и сделав его своим, она перестала чувствовать, что те или иные взгляды и мысли когда-то были ею заимствованы.

Характерным для японской литературы и изобразительного искусства нужно считать отношение художника к природе. Эта тема проходит как основная, и громко звучит во всех миропониманиях, которые в то или другое время владели душой лучших людей Японии. Под влиянием любви к окружающей природе и чужеземных религий — как буддизма, так и даосизма, природа японцем не воспринималась как нечто, преподнесенное ему создателем. Он чувствовал себя ее частью. Для него она была чем-то единым, цельным, за которым было скрыто вечное начало, названное китайцами «Дао», и это начало проявлялось не

только в природе, как в таковой, но в жизни каждого цветка, каждого насекомого, в каждом звуке природы — «все было во всем» — все выявляло органическую связь и причинную зависимость, и все совершалось по намеченному ему великому пути. Японец не олицетворял природы; он жил ее настроениями, не внося в нее своих чувств, и для него было чуждым искать в ней вечно-женственное. Вот почему в японской поэзии мы никогда не встречаем олицетворения природы. В силу такого взгляда японец не мог обратиться к природе, как к чему-то живому, себе подобному. Но вместе с тем, для него вся природа живет каждую свою часть, и он ее нежно любит, и эту любовь выражает в том, что обожествляет окружающую его природу. Красивое дерево, камень, скала — все это для японца родные божества — «ками», которым он молится.

Непременным условием для литературного произведения было не только определенное содержание, но и вполне художественная форма. Такой подход к литературе был выработан под влиянием китайцев. В старое время все японцы учились китайской литературе по «Изборнику изящного слова» (Вэнь-Сюань), составленному в VI веке ученым царевичем Сяо Тун'ом. В этот «Изборник» вошли преимущественно произведения литературные по форме, независимо от содержания, и потому мы можем в нем встретить, наряду с поэмами, указ императора или прошение о зачислении на службу. Познакомившись с этими совершенными по форме китайскими произведениями, японцы приняли, как аксиому, что только то будет истинной литературой (*бун-гаку*), что совершенно по форме. Но этот взгляд на форму они ограничили тем, что считали также непременным условием для литературного произведения такое содержание, где бы говорилось о переживаниях человека. В этом частичном неприятии китайского взгляда, в этом его изменении, сказался эмоциональный характер японского духа. Заимствованные японцами в VII и VIII веках китайские литературные формы не вытеснили национальных форм, потому что их еще не было у японцев. Писатели брали их, как нечто готовое, и приспособляли к особенностям японской души, сравнительно мало их изменяя.

Для образованного японца китайский язык стал «классическим», на котором он не всегда умел говорить, но писать мог совершенно свободно. Как образованный европеец вплоть до последнего столетия писал свои ученые труды по-латыни, которая была для него «классическим языком», так и японец то, что считал серьезным, писал по-китайски. Знание китайских классиков и умение читать по-китайски и до настоящего времени является обязательным предметом препода-

вания в средней школе. Творчество японских писателей, черпавших свое вдохновение из богатого источника китайской литературы, находилось под сильным влиянием китайских художественных произведений, как по форме, так и по содержанию. Только когда мы вчитываемся и вникаем в сущность произведения, нам перестает казаться, что здесь все живет китайскими образцами, и под многими слоями заимствованных форм и идей мы начинаем видеть японский национальный лик.

Мысли и чувства Китая сделались достоянием японца, но литературный стиль воспринимался, как нечто чужое, и к «классическому» китайскому языку не было той любви и нежности, как к своему родному. В японскую поэзию (*вака*), которая считалась изящной литературой по преимуществу, китайские слова, как варваризмы, не допускались. Китайский язык японцы считали «классическим» и ставил его вне себя, но мысли и чувства, которые он находил у чужеземных писателей, он жадно поглощал, и они меняли его духовный лик. Под влиянием китайских воззрений японские писатели ценили художественную форму произведений и увлекались трудностями поэтической техники, находя наслаждение в ее преодолении.

Японский писатель редко писал для широкого круга читателей и не старался подойти к нему. Его интересовали литературные друзья, которые сами подходили к его произведению. От читателя дальневосточной литературы требовалась большая активность, большее участие при чтении, чем от читателя-европейца. Один из японских поэтов сказал: «написать стихотворение, которое нравилось бы всем — трудно, а написать такое, которое нравилось бы одному — трудно». С этой трудностью приходится считаться читателю-иностранцу, который, конечно, в большинстве случаев, совершенно незнаком с культурой Дальнего Востока и которому ничего не говорят литературные намеки писателя-японца. Распространительный перевод, комментарии, примечания, все это может помочь войти в круг идей дальневосточного творчества. Переводчик, художественно переводя чужое произведение, транспонируя его на свой язык, должен сохранить не только содержание, но всю фактуру, все особенности стиля, выраженного в известной форме и в определенных ритмах.

Форма передает нам, главным образом, стиль произведения. Стиль всегда характерен для известного народа, для известного времени, для известного индивидуального писателя, и в Японии различают стиль автора «Повести рода Таира» и драматурга Тикамацу, хотя и тот и другой писали размеренной прозой, в которой чередовались 5 и 7 слогов. Но

это представление о стиле не обнимает всего понятия. В разных по форме стилях мы имеем иногда нечто общее, что делается для них главным и характерным. Для японской литературы — это ритм в 5 и 7 слогов. Его мы встречаем у писателей различных школ, различных эпох, стоящих по своему мирозерцанию на противоположных точках. Он играет в литературе ту же роль, какую линия в живописи.

Японское ухо привыкло к этому ритму, который был для него «акустической зоной»; только в средние века (XII век), под влиянием буддийских песнопений, слух привыкает к другим размерам, и в поэзии, как и в ритмической прозе, возникает новый ритм, слагающийся из 7 и 5 слогов. И это новое сочетание было всего лишь перестановкою старого привычного размера. Литературная речь вкладывалась в форму этого ритма для того, чтобы быть художественно воспринятой. При переводе сохранить этот ритм очень трудно, тем более что он не всегда улавливался и самими японцами, а на наше ухо он будет производить другое впечатление.

Японец смотрит иначе на окружающий мир; глаза его видят многое такое, мимо чего мы проходим, не обращая внимания; краски им воспринимаются в других соотношениях. Все это отражается в литературных произведениях. Другие образы, иные сравнения, которые нам или мало говорят, или поражают своей необычностью, тогда как дальневосточному читателю они иногда могут показаться почти банальными.

Но несмотря на все эти трудности, мы должны познакомиться с японской литературой не по макулатурным произведениям, как мы это делали для прикладного искусства, покупая в магазине японскую безвкусицу, предназначенную для вывоза и которую трудно купить в самой Японии, а по художественным переводам, сделанным с лучших произведений писателей далекой «Страны Восходящего Солнца».

Своей программой по японской литературе издательство «Всемирная литература» даст эту возможность русскому читателю. Это нужно было сделать давно, но какой-то рок тяготел над изучением Японии в России. Соседи с ней, мы не знали ее до войны, нам был неизвестен ее национальный лик, мы проходили мимо ее духовных богатств. Но можем ли мы сказать, что мы ее знаем теперь, после жестокого урока 1905 года? Мы по-прежнему остаемся в неведении и довольствуемся немногими компиляциями, составленными по европейским книгам и всегда полными ошибок. Редко встретишь географическую карту, на которой были бы правильно написаны названия японских провинций и городов. Мы не только не знаем Японии, но, к нашему стыду, и не

стремимся ее узнать, судя по тому, что людей, занимающихся серьезно японским языком, на всю Россию менее десяти человек.

Японцы нас знают лучше. Они не только выпускают официальные издания о России, полные статистических таблиц, но и книги о русской культуре, о литературе, составленные по русским источникам. Выходят в переводах (правда, не всегда с русского) произведения наших старых и новых писателей. Одно время в Токио группа молодых переводчиков издавала журнал «Русская литература», а с прошлого года «Обществом изучения России» издается журнал «Русское Обозрение» на японском языке.

Международное общение обязывает нас, чтобы мы не шли в хвосте других, питаясь случайными статьями, сделанными по западно-европейским книгам, а подошли бы вплотную и заглянули в сокровищницу духа Японии, где кроме национальных богатств хранится много драгоценностей, полученных ею от Китая и Индии.

Итак, когда программа издательства «Всемирная литература» будет выполнена, то на русском языке литература Японии будет представлена полнее, чем на каком-либо европейском языке.

В тяжелое время мы начинаем наше знакомство с японской литературой, но откладывать нельзя: это наша обязанность, которой мы слишком долго пренебрегали. Молодые японоведы России должны пойти навстречу издательству «Всемирная литература» и начать, наконец, всё еще несделанную работу.

Переводам отдельных авторов мы предпосылаем этот очерк японской литературы, который поможет читателю уяснить себе место, занимаемое тем или другим писателем и его произведением.

II

Наши взоры сначала обращаются на древнейшую историю Японии, когда у японцев не было еще письменности.

Китайские и корейские исторические записи первых веков нашей эры уже сообщают нам о японцах и их «посольствах». Тогда это были еще примитивные завоеватели, покорившие народности, которые населяли «земли обильных полей риса в равнинах роскошного тростника». Покорители островов — племя Ямато, так названное по имени провинции, где оно основалось, — по своей культуре стояло не много выше племен, которые оно покорило и смешавшись с которыми оно дало японскую национальность. Своей письменности оно не имело, и при общении с Китаем и Кореей его императоры пользовались писца-

ми, знавшими китайские иероглифы. Покорив аборигенов, племя Ямато слилось с ними, подпало их влиянию и восприняло от них любовь к природе, которая выражалась в том, что они обожествляли окружающий их мир. Дальнейшая государственная жизнь не могла обходиться без письменности, и во II и III веках при дворе Ямато-победителей, нападших часто на княжества соседней с ними Кореи, были корейцы-писцы, которые знали китайский язык и иероглифическое письмо. Они вели все дела. С течением времени сношения с княжествами Кореи делались чаще, и не раз из-за внутренних смут знатные корейцы переселялись в Японию вместе со своими крепостными, среди которых было не мало искусных мастеров. Император и его приближенные ласково встречали корейцев, отводили им земли и давали должности при дворе. Приезжавшие китайцы тоже находили гостеприимное отношение, и многие из них занимали выдающиеся административные должности. Приезд иностранцев имел несомненно большое значение для знакомства с чужой культурой и влиял на усвоение сложного китайского письма. Но это знакомство с китайской письменностью носило случайный характер, систематическое же изучение конфуцианских классических книг началось при японском дворе только с 405 года, когда прибыл ученый кореец Вани.

Чужая культура была заимствована правительством, поскольку то было необходимо для государственной жизни, и в начале почти не влияла на мощное родное течение, которое, скрытое от глаз, где-то глубоко, несло свои бурные волны. Завоеватели Ямато, сливаясь с покоренными племенами, восприняли не только их любовь к природе, но и весь пантеон местных божеств, от которых они стали вести свое происхождение. Японская историческая традиция говорит нам, что императоры, желая сохранить рассказы о событиях из жизни своих предков, происшедших от богини солнца Аматэрасу, дела национальных героев, которые были потомками богов, древние предания и все, о чем повествовали сказители — «катарибэ» в дни торжеств на пирах, — издали приказы, по которому в 712 году была составлена первая японская история — «Записи древних дел» («Кодзики»). Составители этих «Записей» пытались передать чужим письмом свою родную речь. Стройные ряды сплошного иероглифического текста напоминают по внешнему виду китайский, но чтобы его прочесть, нужно обладать ключом, знать, где и как иероглифы читаются, потому что местами они служат для японских слов слогами, и несколько знаков передают одно слово, местами же они употреблены идеографически и сохранили свое китайское значение. Точное чтение «Записей древних дел» до сих пор не установлено.

Другая японская история — «Анналы Японии» («Нихонги»), составленная в 720 году, написана всецело китайским стилем. Последующие переписчики внесли в тексты «Записей древних дел» и «Анналов Японии» не мало своего, но это два единственных памятника, которые сохранили нам образцы японской архаической поэзии. Судя по форме чередующихся строф в 5 и 7 слогов, которая стала преобладающей в японской поэзии начиная с IX века, эти стихотворения следует отнести к более позднему времени, чем можно было бы предполагать, судя по авторам, которым они приписываются, или хотя бы на основании времени составления этих памятников. Можно предположить, что те, кто записывали или переписывали стихотворения с каких-то до нас не дошедших текстов, дали им тот размер в 31 слог с чередующимися строфами в 5 и 7 слогов, который характерен для всей японской поэзии. В стихотворениях, дошедших до нас в «Записях древних дел» и «Анналах Японии», отразился народ-победитель Ямато, покоривший другие племена, которые населяли с древних времен японские острова. По сюжетам японская архаическая поэзия проста и наивна; часто встречаются стихотворения, где поэт военачальник несколькими выкриками ободряет воинов, или где пирующие воспевают вино и еду, или где поэт в неприкрашенной простоте восхваляет чувственную любовь; свои образы они берут из окружающего их мира и сравнивают воинов то с дикими гусями, садящимися на поле, то с ползунами по песку насекомыми. В нашем представлении эти образы не вяжутся с тем, с чем их сравнивают древние японские певцы, для нас кажется странным сравнение воинов с насекомыми. Эти пришельцы племени Ямато видят только часть природы, которая у них перед глазами. Им чужда вся природа, как таковая, она им ничего не говорит, и мы не встречаем ее воспеаний в архаической поэзии Японии.

В религиозных молениях «Норито», записанных в начале X века на японском языке, при помощи иероглифов, которыми пользовались, как слоговой азбукой, отразились взгляды на природу покоренных племен, оказавших влияние на слившихся с ними покорителей — Ямато. Религия национальных богов «ками» обожествляла все, что видел глаз или слышало ухо; воздавала молитвы всему, как близкому и родному, и этим выражала свою любовь к окружающей природе. Медленно и плавно пели служители японских богов молитвы «Норито», и восхваления лились в длинных периодах, с чередующимся ритмом в 5 и 7 слогов; одно сравнение сменяло другое, ложась параллельными рядами. Чужая форма и заимствованная письменность влияли на древний язык японцев, изменяя его и приближая стиль к китайским образ-

цам, но взгляды и чувства были еще своими, и наивная мысль облачалась в ритм торжественной речи.

Древняя народная поэзия дошла до нас в сравнительно поздних записях, сделанных в IX веке, где иероглифами пользовались, как слоговой азбукой. Тексты этих песен мало понятны, потому что других памятников древнего народного языка не сохранилось; кроме того, очевидно, они искажены переписчиками. Те из них, которые удалось прочесть, передают нам отдельные сцены из древней жизни японского народа. Эти песни называются «Саибара» и «Кагура»; их пели на празднествах, совершавшихся при храмах.

В IV и V веках у Японии были непосредственные и частые сношения с Китаем, от которого она широко заимствовала материальную культуру. При дворе Ямато китайцы занимали высокие должности и влияли на внутреннюю политику. В это время Япония была как бы культурной колонией Китая. Началу проникновения конфуцианских идей положило знакомство с китайскими классиками, но тогда малокультурные еще японцы не могли их воспринять, и конфуцианство в то время не оказало большого влияния. В VI веке корейцы привезли в Японию буддизм, который нашел себе защитников при дворе. Буддизм, занявший место государственной религии, стал играть выдающуюся роль в культурной жизни страны, и под его влиянием повысился уровень жизни японцев. Архитектура храмов влияла на постройку жилищ, искусство создало японских живописцев и скульпторов, а сам буддизм, как религия, дал новое миросозерцание японскому высшему обществу, углубив и расширив его кругозор. Религия Индии, которая легла в основу духовной культуры Японии, еще теснее объединила ее с Китаем и Кореей. В VII веке сношения с Китаем делаются постоянными. Частые посольства состояли из большого числа лиц, которые ехали, чтобы там все узнать и научиться различным наукам. Они проводили в Китае десятки годов и, возвратившись на родину, старались устроить здесь все по образцу виденного. В 645 г. несколько государственных мужей, вернувшихся из Китая, проводят реформу годов правления Дайка, переустроявая всю государственную жизнь Японии. Нахлынувшие на Японию волны чужеземного влияния погрузили в глубину национальные особенности, но не погубили их. В эту эпоху, когда столица была в Нара, и затем первое время пребывания императора в новой столице Киото (VIII—IX век), все жило китайскими мыслями, все чувствовало китайскими образами. Придворная знать зачитывалась китайской изящной литературой и старалась слагать стихи, подражая поэтам династии Тан или черпая свое вдохновение из ки-

тайских переводов буддийских сутр. Это увлечение чужеземной литературой отразилось и на японском языке, который с трудом усваивал огромное количество новых слов, японизируя их, поскольку это было для него возможно. За эти долгие годы язык образованных японцев изменился, и их слух, который привык к иной речи, искал для своего художественного воплощения другого ритма. Поэты старались найти новые формы для вдохновения, а усложнившееся мирозерцание влекло японцев к другим темам и изменяло содержание литературных произведений. В то время японские ученые-поэты составляли сборники ими написанных китайских стихов. При чтении этих сборников может показаться, что все в них списано с чужеземных поэтов, но внимательный и благорасположенный читатель в глубине волн нахлынувшего моря китайских форм и идей сумеет различить японское дно и победы национального духа.

Двор, упоенный Танской культурой, посвящает много времени писанию китайских поэм и изящной прозы. Лучшие поэты составляли сборники из китайских стихотворений их современников. Дома, уже лично для себя, поэты слагали стихи по-японски, пользуясь чужими иероглифами, как слоговой азбукой. В этих стихах отразился внутренний мир людей того времени, который сплетался из китайской культуры с индийским влиянием и с миром японских чувств. Японским стихам предпосылалось написанное по-китайски предисловие. По своему размеру эти стихи имели строфы в 5 и 7 слогов и сохранили старую цезуру между 2 и 3 слогом или между 3 и 4, что их отличало от китайских стихов, где такой цезуры не встречается.

Многие семейства составляли свои домашние японские антологии, в которые заносили стихотворения своих и чужих поэтов. Из такой домашней антологии семьи Отомо с добавлением других в VIII веке была составлена большая антология — «Сборник многих поколений» («Ман-ёсю»). В него вошли японские стихотворения с V по VIII век, всего числом 4496.

Все, чем жили люди того времени, нашло себе отражение в содержании этих стихотворений. Их форма не всегда еще строго выдержана, хотя поэты «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю») стремились облекать стихи в установленный размер 5 и 7 слогов, давая им форму или «длинных стихотворений» (*нагаута*) со строфой, кончавшейся на 7 слогов и с чередованием 5 и 7 слогов, или «коротких стихотворений» (*танка*) в 31 слог, или стихотворений, состоявших из двух частей по 19 слогов (*сэдо-ка*). Стихотворение воспринималось, как нечто единое, целое. Примитивное мышление не умело создать и дать развитие час-

там, которые поясняли бы его. Для мысли и чувства все было равноценно, и, в соответствии с этим, и форма не выдвигала важнейшего, которого не было, потому что все было одинаково важно. Стихотворение выражало часть чего-то большого, единого, которое было доступно для примитивного творчества. В «Сборнике многих поколений» («Ман-ёсю») еще много «длинных стихотворений» (*нагаута*), потом они стали редкими гостями японских антологий. Но и в этом сборнике первенство по количеству за «короткими стихотворениями» (*танка*), которые были любимой формой японских поэтов. Поэты «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю») старались вложить свои думы и чувства в японскую форму, не замечая того, что она была создана под несомненным влиянием китайских стихов и что их мысли и чувства были пропитаны взглядами китайских ученых и поэтов.

Темы стихотворений навеяны китайской поэзией; японцы восхваляли вино, цветы, виды родной природы, говорили о глубоких человеческих чувствах, которые были пропитаны духом конфуцианских идей, о чем мы узнаем из предисловий, полных цитатами из китайских классических книг. Под влиянием китайской поэзии и буддийских взглядов японец начал иначе видеть природу; она теперь была для него не только обожествленной, но стала тем целым, в котором он почувствовал себя частью и, сливаясь с нею, стал заражаться ее настроениями. В теплые осенние вечера он слышал голос природы в стрекотании насекомых, летом наслаждался шумом дождя, под цветущими деревьями вишен, когда в конце весны опадали лепестки и мягко ложились на поверхность золотого вина в белой фарфоровой чашечке, переживал целый ряд настроений. Мерный звон монастырей столицы Нара, который созывал монахов к вечерней молитве, навевал на поэта чувство грусти, и в его душе подымались мысли о бренности земной жизни. Японцу-поэту были мало понятны глубины индийских философских рассуждений, которые только скользили по поверхности его души, давая оттенок грусти стихам, где он пел о столь быстро проходящей жизни.

На стиль некоторых поэтов «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю»), кроме образцов китайской поэзии и буддийских сутр, оказали влияние молитвы «Норито». Их возвышенный торжественный стиль, их поэтические сравнения давали готовые образцы для элегических стихотворений.

Большинство стихотворений «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю») нужно отнести к чистой лирике; среди них встречаются иногда элегии, принадлежащие поэтам раннего времени. Эпических стихо-

творений очень немного; к сожалению, этот род поэзии не получил дальнейшего развития, и мы не имеем японских баллад, кроме тех, которые сохранились в «Сборнике многих поколений». Лирика этого сборника была более интимной, чем та, которая выливалась в формы китайских стихов. Свою любовь к женщине японские поэты не решались выражать китайскими стихами, не допускавшими воспеания чувственности и внешней женской красоты. Большинство подлинных лирических стихотворений — это любовные, где поэт изливает свою душу, где он пел о возлюбленной, вспоминая ночи, проведенные в ласках объятий. В лирических стихотворениях, где поэт описывал природу, он обыкновенно сравнивал себя с нею, стремился войти в нее. С собою он природу не сравнивал и ее не очеловечивал. Его чувства к природе были иными, чем те, которые он испытывал к человеку, и отношение к ней, полное любви, не могло у него слиться с чувственной любовью.

К концу IX века непосредственное влияние Китая стало уменьшаться, но за долгие годы оно дало японской литературе художественные формы, расширило кругозор японских поэтов, дало им новые темы, научило иначе смотреть на окружающий мир и, наконец, дало им ту письменность, которая стала для японцев своей. Вся поверхность японской культуры была изменена морем чужеземных идей и теперь оплодотворенная ими почва дала возможность пышно расцвести молодым побегам национальной литературы.

Династия Тан в Китае погибла, и порвались нити, соединявшие эти две страны. Двор в Киото не желал больше отправлять посольства в Китай; министр Митидзанэ, который должен был ехать в 895 году, добился отмены отправления посольства, считая, что нечему учиться у страны, где происходят смуты, и что с нею сношения излишни. Япония считала себя равной великому Китаю. Заимствованные формы уже утеряли для японцев чувство чужого, и части иероглифов, более простых по начертанию, были приспособлены к употреблению, как силлабическая азбука. В IX веке двор и высшие классы пишут еще по-китайски, но для женщин уже есть рожденные от иероглифов азбуки «хирагана» и «катакана». Китайские формы речи были приспособлены японцами к своим оборотам, а азбука давала возможность писать по-японски, передавая разговорную речь.

Более ста лет прошло с тех пор, как императором была оставлена старая столица Нара с ее большими монастырями, где в обширных храмах на буддийских философских диспутах присутствовали двор и ученые монахи, влиявшие на государственную жизнь. Теперь они были забыты. В течение этих ста лет жизнь двора в Киото приняла дру-

гие формы. Прекращение сношений с Китаем направило все интересы в русло придворной внутренней жизни. Большой штат царедворцев давал возможность установить сложный ритуал и пышные церемонии, которые сливались с культом эзотерических сект Сингон и Тэндаи. Буддизм вошел в ежедневную жизнь двора, но высший класс не искал в нем решений вечных вопросов, а пользовался его обрядами для создания художественных настроений, для получения эстетического наслаждения от мистических служб, с их ритмическим чтением сутр нараспев, исполняемым бонзами в красочных одеждах. Вся жизнь при дворе в Киото проходит в сплошном празднике; весь интерес сосредоточивается на устройстве различных пикников в живописные окрестности столицы. Кругозор сузился, и ритм жизни стал мельче.

«Длинные стихотворения» (*нагаута*) все реже стали встречаться в японской поэзии. Они, по своему содержанию, которое в большинстве случаев было элегическим, по своему ритму, слагавшемуся из одинаковых строф, всегда оканчивающихся на 7 слогов, стали чуждыми новой жизни, которая искала иного содержания, иных форм, иного размера. Культура Китая и буддизм усложнили мирозерцание японцев, и они стали стремиться в художественных произведениях выразить одну какую-нибудь мысль и ее ярко передать. У них пропало прежнее примитивное восприятие «короткого стихотворения» (*танка*), как целого, и художественное творчество создало теперь в этих стихотворениях два центра и разделило цезурой 31 слог на верхнюю и нижнюю строфу. В эту эпоху стихи уже не писали иероглифами, а слоговой азбукой «хирагана».

В конце IX века начинают писать слоговой азбукой на японском языке художественные произведения в прозе. «Роман принца Нарихира» («Исэ моногатари») — это целый ряд «коротких стихотворений» (*танка*), соединенных между собою прозаическим текстом, который служит объяснением тех обстоятельств, при которых они были сложены, описывая эпизоды из жизни принца Нарихира. Чужие легенды, заимствованные из буддийских и китайских книг, японские писатели переламывали в сказки, дошедшие до нас в виде «Рассказа о старике, делавшем корзины из бамбука» («Такэтори моногатари»), в котором на фоне японской жизни китайские темы сплетаются с буддийским сюжетом.

Наступает X век, и японская литература дает нам целый ряд антологий, составленных по императорскому приказанию («Тёкусэнсю»). Первой такой антологией был «Сборник старых и новых японских стихотворений» («Кокинвакасю»), составленный четырьмя крупными по-

этами. Один из них, Ки-но Цураюки, написал к нему предисловие, в котором изложил свои взгляды на поэзию и дал характеристику некоторых поэтов. Во взглядах Ки-но Цураюки на поэзию отразилась его начитанность в китайской литературе: многие мысли заимствованы из предисловия Мао к сборнику древней классической китайской поэзии (Ши цзину), составленному Конфуцием и считавшемуся основой всякой поэзии. В «Сборнике старых и новых стихотворений» подавляющее большинство «коротких стихотворений» (*танка*), и редко встречается прежнее нарушение размера в 31 слог; цезура уже делит стихотворения на две определенные части, и верхняя строфа в 17 слогов противопоставляется нижней в 14. Стихотворения других размеров помещены отдельно в предпоследнем 19 томе. Нет прежней непосредственности, как у поэтов «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю»), и мельче по замыслу темы вдохновения. Столетие замкнутой жизни сузило интересы и отразилось на выборе тем, которые теперь брались исключительно из окружающей жизни. Знание техники стихосложения, считавшееся для поэта необходимым условием, создавало прекрасные по форме стихотворения, но стесняло многочисленными правилами творчество поэта и лишало его непосредственности. Подбор фигур и сравнений стал искуснее, и в нем выявилась тонкая наблюдательность поэтов того времени. Они природы не воспевали целиком, не было больше стихотворений, посвященных красивым видам, как те, что встречаются в «Сборнике многих поколений». Теперь поэты вдохновлялись частью природы, которая бралась вместо целого. Пели о цветах, с которыми связывали известные ассоциации, или о тех местах, где эти цветы были особенно красивы, или о времени года, когда они цвели. Ветка сливы говорила о наступающей весне, цветущие ирисы о наступившем лете, а красные листья клена, ложившиеся словно парча на темно-синюю воду, передавали картину осенней природы.

Императорское издание «Сборника старых и новых стихотворений» («Кокинсю»), ввиду того, что оно было первым, само собою повлияло на установление формы стихотворений, сделав их образцами японской поэзии. Сравнения талантливых поэтов служили моделями для молодого поколения и сковывали всякий новый порыв. Дальнейшие сборники, тоже изданные по повелению императоров, дополнили так называемую серию 8 династий. Заложенные «Сборником старых и новых стихотворений» традиции еще глубже вошли в поэзию. Пользование разговорной речью было запрещено, и был установлен поэтический словарь. В этих сборниках не мало места уделено любовной ли-

рике, вылившейся в красивые и изощренные формы. Особенно много любовных стихотворений в «Сборнике японских стихотворений последующего выбора» («Госэнвакасю»), который был составлен после «Сборника старых и новых стихотворений» («Кокинсю»).

Против стеснительных норм и создания строгого поэтического канона возвышает голос поэт Соно Ёситада, стремящийся внесением слов из обыденной речи и упрощением стиля вдохнуть новую жизнь в начинающие коченеть формы. Но у него мало последователей, потому что уважение к традиции, установленной императорскими сборниками, и к авторитету известных поэтов слишком сильно пропитывало взгляды образованных японцев того времени. По стопам Ёситады пошло незначительное меньшинство, остальные поэты примыкали к школе Фудзивара Кинто, стоявшего за сохранение старых форм и традиций. Сравнивая сборники, мы видим, как с каждым из них поэты опытной рукой меняют причудливый узор стихотворений, улучшают их форму и делают ритм разнообразнее. Многочисленные книги по теории поэзии, написанные после Кинто, еще больше ограничивали поэтов строгими правилами, требуя знания предыдущих «сборников».

Проза X и XI веков пользовалась китайскими и индийскими темами и создавала повести и романы (*моногатари*). В ранних повестях (*моногатари*), написанных почти разговорным языком того времени, мы имеем основанный на буддийских или китайских легендах вымышленный рассказ, который сплетается с описанием японского быта. Авторы таких повестей рисуют нам без всяких прикрас семейную жизнь японской знати, тяжелую судьбу женщины и трагические положения, создающиеся между мачехой и падчерицей, что было в то время не редкостью в виду распространенного обычая многоженства. Таковы — «Повесть о девушке в подвале» («Отикубо моногатари»), «Повесть о девушке в дупле» («Уцубо моногатари») и другие. Все они предшествуют крупному роману, созданного придворной дамой Мурасаки-венники крупного романа, созданного придворной дамой Мурасаки-Сикибу. Киотоский двор, с его сложным ритуалом и полной утонченности наслаждений праздной жизнью, создал класс образованных женщин, начитанных в китайской и японской литературе. Желание, чтобы дочь заняла при дворе высокое место или стала наложницей императора, заставляло родовитую знать давать своим дочерям широкое образование. Среди них было много поэтов, и из их же среды вышли две крупные писательницы.

Мурасаки Сикибу пишет большой «Роман принца Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), где рисует нам жизни принца Хикару Гэндзи, его любовные похождения, стараясь изобразить в нем идеал мужчины. Ее пол-

ные реализма описания окружающей жизни дают яркую картину того времени. Большой художественной правдой отличаются описания природы, где сказалась наблюдательность Мурасаки Сикибу и ее любовь почти без примеси китайских слов, прекрасным японским языком, который поражает читателя богатством форм и образцовыми как с внешней, так и с внутренней стороны лирическими «короткими стихотворениями» (*танка*). Герой романа, принц Хикару Гэндзи, проводит жизнь бурно и красочно, зная только один успех, но полюболюбившие его женщины проливают немало слез. Автор не довольствуется изображением жизни одного героя, ей нужен сын Хикару Гэндзи – принц Каору, чтобы на нем показать, что мирские дела не проходят без возмездия, и этим подтвердить буддийские взгляды, распространенные тогда в обществе. Этот роман служил образцом для последующих произведений; его построение и сюжет влияли на японских писателей вплоть до XIX века.

Около последних годов X века придворной дамой Сэй-сёнагон был создан в японской литературе новый род произведений – «записки-наброски» (*дзуйхицу*). В своем произведении «Интимные записки» («Макура-но Соси») она описывает все, на чем останавливали свое внимание ее чувства и мысли. В этом памятнике отразилась жизнь того времени во всех ее мелочах и подробностях. Все человеческое, бывшее 1000 лет тому назад, проходит перед глазами читателя. Сэй-сёнагон дает меткие характеристики окружавшим ее людям, с юмором, переходящим иногда в сарказм, описывает слабости и недостатки придворных и буддийских монахов. В небольших заметках она ярко передает нам свои наблюдения над жизнью, говорит о людских отношениях, описывает различные придворные и храмовые празднества, обращая главное внимание на внешнюю красоту и посвящая много места перечислению пышных одежд присутствовавших; высказывает свои взгляды на то, что красиво и что уродливо; записывает слышанные легенды и рассказы и все это помещает в своих «Интимных записках», не приводя ни в какой порядок, не давая какой-либо последовательности. В соответствии с содержанием «Интимные записки» написаны лапидарным стилем; фразы сжаты, насыщены, встречаются постоянные пропуски слов, много намеков, которые дразнят читателя. Капризный изломанный ритм прекрасно передает духовный уклад того типа придворных дам, которые состояли при императрицах и наложницах японского императора.

Мужчины писали свои дневники, как того требовала традиция, по-китайски, а женщины облекали свои думы и чувства в японскую вязь.

создавая на родном языке дневники, уснащенные «короткими стихотворениями» (*танка*). В дневниках они описывали свою связь с каким-либо принцем или с кем-либо из придворных, иногда посвящали дневник описаниям каких-либо событий, или рассказывали о долгом пути с родины в столицу, куда приезжали служить при дворе. До нас дошло много таких дневников, написанных изящным японским языком и заключающих не мало хороших образцов стихотворений. Самый известный из этих дневников, в котором много прекрасных стихотворений, – это дневник Мурасаки Сикибу («Мурасаки Сикибу никки»).

В XI веке рождается японский исторический роман. Первым был «Роман расцвета» («Эйга моногатари»), всецело связанный по своему стилю с дневниками придворных дам, которые он постоянно цитирует. Автор романа, в художественной форме и мало заботясь об исторической правде, излагает события, начиная с того времени, на котором они были окончены в последней официальной истории.

Следующие романы отходят от формы дневников, стараясь сделаться скорее историческими сочинениями, но эти изменения совершаются только с внешней стороны; содержание далеко от исторической правды, и большая его часть посвящена описанию придворных событий из частной жизни императора и министров. Продолжением исторического «Романа расцвета» («Эйга моногатари») служит «Великое зеркало» («Окагами»), которое написано в форме диалога двух стариков. По внешнему построению автор следовал тому порядку, который считался в Китае общепризнанным для исторических сочинений и был создан известным китайским историком Сыма Цянем. Но из пяти отделов, на которые были разделены Сыма Цянем его «Исторические записки», автором «Великого зеркала» («Окагами») были заимствованы только отделы «записей об императорах» и «биографии государственных людей». «Великое зеркало» («Окагами») написано прекрасной художественной прозой, близкой к разговорному языку. В нем сравнительно много «коротких стихотворений» (*танка*). Ритм языка иной, чем в «дневниках» придворных женщин. Автор уже жил в другое время, когда равновесие политической жизни было нарушено; двор в Киото перестал быть центром политической жизни и не мог больше справляться с все растущей силой феодалов.

После «Великого зеркала» («Окагами»), как бы дополняя его и продолжая описания событий дальнейших годов, выходят другие «зеркала» японской истории – «Водяное зеркало» («Мидзукагами») и позднее «Дополнительное зеркало» («Масукагами»).

В конце XII века появляются сборники легенд и сказок. В первом таком сборнике – «Рассказы о прошлом и настоящем» («Кондзяку мо-

ногатари»), без особого художественного замысла, собраны сказки, легенды, рассказы, которые в разное время слышал или читал автор. Простым языком, без всяких прикрас, стараясь в некоторых рассказах сохранить оттенок разговорной речи, он нам повествует об индийских легендах, о китайских и японских сказках и преданиях.

Около этого же времени монахи и некоторые провинциальные чиновники стали записывать прежде мало кого интересовавшие песни крестьян. Так создались сборники песен «Саибара», которые слагались крестьянами во время пиров после храмовых празднеств, и песни «Кагура», которые пелись, когда перед богами совершались танцы. О них мы уже говорили.

Буддизм теперь охватывал не только двор, но шел к людям среднего класса и все более приближался к простому народу. Его влияние сказывалось во всех областях жизни. Ритм буддийских псалмов повлиял на составление новых стихотворений в 48 слогов. Каждая 12-слоговая строфа делилась цезурой на 7 и 5 слогов, что было новым ритмом для японской поэзии. Этим небольшим стихотворениям монахи дали название «современных песен» (*имаё ута*). Они не связывали поэтов строгими правилами, как того требовала поэзия «длинных и коротких стихотворений» (*нагаута* и *танка*). Слова разговорной речи не считались «подлыми» для «современных песен» (*имаё ута*), и поэтам не запрещалось пользоваться выражениями из китайских и буддийских книг. Вначале религиозные по содержанию и связанные своим ритмом с пением буддийских псалмов, эти «современные песни» (*имаё ута*) с течением времени стали принимать светский характер и в средние века сделались одной из форм народной поэзии. Под звуки «современных песен» (*имаё ута*) в плавном ритме двигались танцовщицы «*сирабёси*», мимически передавая их содержание.

К поэзии этой эпохи по форме и по содержанию принадлежат стихотворения «Сборника горной хижины» («Сан-касю») монаха-поэта Сайгё. Его стихи могут быть нам близки и понятны: так много в них общечеловеческих чувств. Любовь к вечной природе, глубокое религиозное чувство и переживания, связанные с жизнью в постоянной дороге, наполняют стихи монаха Сайгё особым настроением, дают им особую прелесть, облеченную в прекрасную форму. В японской поэзии Сайгё занимает выдающееся место. По своей школе он принадлежал к тем поэтам, которые следовали призыву чувства и были противниками создания сложных, искусственных форм поэзии. В дневнике «Сборник выборок» («Сэнсюё»), написанном ясной и простой прозой,

поэт-монах говорит о событиях своей жизни, и по своему стилю он близок к заметкам писательниц предыдущей эпохи.

В XI веке провинциальный феодал Тайра поднял восстание, и в Киото для двора императора началось тяжелое время. Феодалы далеких провинций создавали для борьбы с дикарями вооруженную свиту и, чувствуя свою силу, мало считались с центральным правительством. В столице же двор, занятый своей внутренней жизнью, не обращал должного внимания на дела управления страной и не в силах был что-либо предпринять против могущества феодалов, правителей отдаленных северо-восточных провинций. В японском обществе происходил сложный исторический процесс, и ценности заимствованной культуры давали новые сплавы. Непосредственное влияние Китая давно уже прекратилось, и все прежние заимствования стали для каждого образованного японца своими. Все чужое было усвоено и теперь дало соки для начинающей возникать японской национальной культуры.

Прежние секты буддизма, привезенные из Китая, отходят на второй план, и японские монахи создают новые. В XIII веке выступает Синран сёнин, создатель секты Синёу; для него все спасение основано на вере в Будду-Амитаба, благодаря милосердию которого верующий может попасть в рай. Затем монах Нитирэн, чтущий сутру священного лотоса, создает националистическую буддийскую секту, ставя Японию в центре мира и обожествляя всех национальных героев. Они идут к народу, учат и просвещают его, ставя на первом месте веру и разрушая старые догматы и традицию богослужения. Пульс жизни ушел от столицы, и словно понизился уровень культуры, но зато она захватила более широкие круги, и в истории страны военное сословие заняло место прежних придворных. Под звон мечей и лязг оружия междоусобных войн, при заревах пожаров сел и городов, в холоде и голоде рождается национальная культура Японии, и идеалом гражданина и человека делается сын провинции самурай, представитель служилого сословия.

Политическая история создала новые формы жизни, но поэзия живет еще старыми традициями, и XIII век оставил нам лучшие по форме стихотворения. После этого высшего достижения в поэзии быстро наступил упадок на долгое время. Стихотворения поэтов XII и XIII веков вошли в антологию, составленную по приказанию императора, как того требовала традиция. Антология была названа «Новым сборником старых и новых японских стихотворений» («Синкокинвакасю»), что ставило ее наравне с той антологией, которая считалась лучшей в японской поэзии. Она была составлена пятью поэтами в 1205 году и знаменует

новое направление в японской поэзии, давая ряд образцовых стихотворений. За долгие годы к прежним размерам создалась акустическая привычка и теперь для того, чтобы чувства и мысли могли быть сильнее восприняты, ухо требовало нового ритма. В стихотворениях этого времени ритм делается чаще и его подъем и падение сильнее; прежнего строя речи нет, и цезура делит стихотворение на две части не только по форме, а и по содержанию, давая в одном мотиве как бы две темы. Поэты, чтобы усилить впечатление, переставляли в стихах порядок слов или строф; нижнюю строфу ставили на место верхней. По содержанию стихотворения близки к тому, что мы имели в прежних сборниках; много перепевов любимых тем. Но поэты «Нового сборника старых и новых стихотворений» («Синкокинвакасю») воспевали не только ветки цветов, пение цикад и слезы росы, но также столицу Киото и виды ее окрестностей, которые своими настроениями давали пищу их поэтическому творчеству. Насыщенность слов, вызывавших ряд впечатлений, суггестивность всей темы давали им возможность вложить даже в 31 слог довольно много содержания. От стихов этого сборника веет грустью, в них нет прежнего чистого лиризма. Поэт старался переложить свое чувство на видимый мир, а самому остаться лишь зрителем. У большинства стихотворений форма прекрасна, определенный и цельный ритм, смелые сравнения, которые говорят нам о находчивости поэта. На поэзию этого времени влиял обычай поэтических состязаний, где император давал тему, на которую поэты тут же слагали стихотворения, а судьями были лучшие из них, увенчанные на предыдущих состязаниях. Эти поэтические турниры заставляли поэтов владеть в совершенстве формой и обладать известной поэтической находчивостью. Такие поэтические импровизации влияли, конечно, и отрицательно на подлинное творчество.

Прежние сочинения по теории поэзии были теперь пересмотрены, и образовалось много новых школ. Известный поэт и теоретик Фудзивара Тэйка ставил условием истинной поэзии пользование словарем предыдущих сборников, видя всю прелесть в ритме, в порядке слов, в намеках, так как сказанное лишало стихотворение прелести подразумеваемого. Лучшие стихотворения были созданы в области любовной лирики, где все было красивым намеком, покрытым тонкой вуалью литературных сравнений. Для переводов этих «коротких стихотворений» (*танка*) пришлось бы количество их слогов удесятить словами, но и тогда другие слова, вызывая в нашем воображении иной круг картин, создали бы нечто другое по сравнению с тем, что звучало в душе японца-поэта. И лучший «Новый сборник старых и новых японских

стихотворений» («Синкокинвакасю») европейцам еще не знаком. После этого сборника в японской поэзии начался упадок, и только значительно позднее новые люди создали другие формы.

Политическая жизнь строится на новых началах. Провинция, культурно обиженная и забытая столицей Киото, теперь, выступая на сцену, мстит за себя. В Киото еще живут старой жизнью, держатся прежних традиций и ведут разговоры на языке забытых «*моногатари*», а на севере сильные феодалы, фактически владеющие властью, создают для Японии новую культуру. Монахи, возобновившие самовольно поездки в Китай, привозят новые мысли. Конфуцианство, получившее в школе Чжу-Си метафизическое обоснование и создавшее стройную этическую систему, было положено в основу морали военного провинциального сословия, с его верностью господину и сыновней почтительностью. Созерцательная секта Дзэн, привезенная из Китая, ставила отрицание роскоши и простоту, как принцип культурной жизни. Японский буддизм стремился дать людям веру, а секта Дзэн, отрицая все внешние формы и обряды, влекла человека к самоуглублению и к созерцанию природы. В это переходное время самураи сливаются с монахами. При виде монаха с горы Хиэ не знаешь, служитель ли это Будды или воин? После боя феодал снимал доспехи, облачался в скромную рясу и менял свой меч на четки. Их речь была иной, чем язык киотоских придворных; провинциальный говор пестрил или словами, взятыми из сутр, или сложными сочетаниями, заимствованными из китайских ученых книг. Ритм речи стал другим, в нем слышался цокот копыт, бряцание оружия, команды сражений или краткая сжатая речь монаха созерцательной секты Дзэн. Другие мысли, другие чувства, другие картины, бывшие перед глазами, иная речь, непривычно звучащая для жителей Киото, все это повлияло на создание в литературе, наряду со старыми, новых форм.

Новые рыцарские романы, в которых главными действующими лицами были воины двух могучих родов Тайра и Минамото, создали японский эпос. «Повесть рода Тайра» («Хэйкэ моногатари»), написанная неизвестно кем в ритмической прозе в 7 и 5 слогов, рисует нам картины сражений, сменяющихся жизнью самурая в семье, описывает нам всеильного Киёмори и забытых им сестер танцовщиц, постриженных в монахини. Текст уснащен «современными песнями» (*имаё ута*). Полный буддийских слов язык, создавшийся под влиянием пения буддийских псалмов ритм, обычай слушать эту повесть в пении монахов под аккомпанемент *лютни-бива*, все здесь было иным по сравнению с прежней литературой. В рыцарских романах до «Повести рода

Тайра» («Хэикэ моногатари») общее построение было просто и наивно, автор уделял много места описанию одежды, ритуалу битв, и композиция страдала отсутствием центра; словно свиток, ровно развертывались перед глазами читателя события, мало его задевая, и ему ясна была только карма, царствующая в мыслях автора, который знал, что каждому не избежать возмездия за все свои проступки. «Повесть рода Тайра» («Хэикэ моногатари») написана уже без скучных и длинных описаний, в ней все полно жизни и драматического действия; одна картина сменяет другую, увлекая слушателя. Выпукло выступают характеры героев и про самураю автор говорит, что он, как спущенная стрела, ринувшись в бой, назад не летит. Чувства, которыми проникнуты герои этих рыцарских романов, иные, чем те, которыми были полны люди X века. Эпоха смут сделала жизнь грубой, жестокость сражений подавила тонкие колебания души, и глубокие чувства заменились сентиментальностью. XIII век оставил нам, кроме рыцарских романов, ряд интересных дневников, написанных художественной прозой. Они резко отличаются от дневников X века; тогда на первом месте была придворная жизнь, интриги, любовь, а теперь перед нами мысли о жизни, описания виденного и слышанного, как примеры для нравственной жизни, и рассуждения о бренности всего мирского. Во всех этих дневниках звучит что-то грустное, и встречающиеся в них «короткие стихотворения» (*танка*) полны элегических настроений. «Дневник монахини Абуцу» («Идзаёиники») посвящен описанию ее путешествия в 1227 году из Киото по приморской дороге, вдоль Тихого океана, на север, в Камакура, в столицу тогдашних правителей *сёгунов*. Язык прост и лаконичен. Эмоциональные описания красот природы чередуются с записями виденного и слышанного в дороге и на постоянных дворах от людей, с которыми встречалась монахиня. Абуцу. В ее дневнике много прекрасных по содержанию и безупречных по форме лирических «коротких стихотворений» (*танка*).

В XIV веке японские поэты увлекались «нанизанными стихотворениями» (*рэнга*). Такие стихотворения встречались и в прежних антологиях, но тогда они мало привлекали к себе поэтическое творчество, теперь же их поставили в центре поэзии. В «Новом сборнике старых и новых стихотворений» («Синкокинчакасю») инверсия и цезура сделали верхнюю и нижнюю строфу самостоятельными частями стихотворения. С другой стороны, на придворных поэтических турнирах стало входить в обычай, чтобы поэты не только слагали стихотворения на заданные темы; но чтобы один слагал верхнюю строфу, а другой нижнюю, и, таким образом, из творчества двух поэтов создавалось «ко-

роткое стихотворение» (*танка*). В этой забаве японцы пошли дальше. Один поэт слагал верхнюю, другой нижнюю строфу, третий поэт слагал следующую строфу, которая для второй была нижней, четвертый слагал следующую, для которой третья была верхней строфой, и так нанизывались строфы одна на другую, давая стихотворения до 100 и 1000 строф. Так нанизанные строфы имели связь только с ближайшей строфой, оставаясь для остальных чужой. Начальная строфа, которая называлась «*хокку*», давала тон настроения всему стихотворению, невидимо соединяя все строфы в одно целое. Для этого рода стихотворений поэтом Нидзё Есимото была написана поэтика. «Нанизанные стихотворения» (*рэнга*) слагали, главным образом, буддийские монахи. Вначале у этой поэзии не было строгих правил, допускалось употребление слов из разговорной речи и в выборе тем не ставили преград. Слагать «нанизанные стихотворения» (*ранга*) было легче, чем «короткие стихотворения» (*танка*), где нужно было знать многочисленные и строгие правила ряда поэтик. Позднее, в XV веке, эти стихотворения делаются юмористическими и всецело служат забавой; их называли «юмористическими нанизанными стихотворениями» (*хаикаитё-но рэнга*). В силу своего положения, как дающая тон всему ряду стихотворений, начальная строфа сделалась самостоятельной, и обыкновенно ее слагали лучшие поэты. Впоследствии появились сборники «начальных строф» (*хокку*) в 17 слогов. Позднее, в XVIII веке, эти «начальные строфы» стали самостоятельным родом поэзии и вошли в большую моду.

Чтение «записок-набросков» (*дзуюхицу*) японских монахов XIII и XIV веков может доставить читателю много наслаждения. Лучшим произведением этого рода японцы считают «Записки в минуту досуга» («Цурэдзурэгуса») монаха Кэнко, который сначала служил японским богам, но потом, после жизни, проведенной при дворе в Киото, постригся в буддийские монахи и долго бездомным бродил по Японии, пока, наконец, в отдаленном монастыре не устроил себе келью, где стал записывать свои афоризмы, свои мысли о женщинах, о любви, и все то, что память сохранила ему о былой жизни при дворе в Киото. Монах Кэнко был начитан в древней литературе, и его стиль близок к произведениям X века. Он не избегает буддийских и китайских речений и свободно пользуется современным ему языком. Кем он был по взглядам, сказать трудно. В «Записках в минуту досуга» («Цурэдзурэгуса») он то высказывает взгляды буддийского монаха, то принимает на веру легенды о японских богах, то склоняется к воззрениям конфуцианцев или мечтает, как даос.

Буддийский монах Рэн-ин, более известный под своим прежним именем Камо-но Тёмэй, оставил нам род дневника — «Записки маленькой кельи» («Ходзёки»), помеченные 1212 годом. В этих записках он описывает нам междоусобные войны того времени, связанные с ними пожары столицы, голод, эпидемии и холод, который заставлял людей жечь на топливо не только постройки из дерева, но и деревянные статуи будд. После всех виденных и перенесенных ужасов, он пишет, как он отдыхает душой в своей маленькой келье, всего в квадратную сажень, среди красот окружающей природы.

В начале XIV века семья Ходзё, державшая политическую власть в твердых руках, постепенно утрачивала свое значение и, наконец, погибла от феодалов, приверженцев императора Годайго. Киото снова фактически стало столицей, и север Японии надолго потерял свое значение культурного центра. Войны между феодалами еще продолжались, и Киото часто пылало, охваченное пламенем междоусобий. Часть феодалов стояла на стороне бывшего императора, другие поддерживали нового императора, что создало в это время в Японии два двора — южный и северный. XIV век прошел в борьбе этих дворов, но это уже не те войны, что раньше. В Киото, которое было во власти военного правителя из семьи Асикага, жизнь текла бурным культурным потоком, принесшим не мало китайского влияния Сунской эпохи (X–XIII в.). Военачальники из рода Асикага возобновили сношения с Китаем, не из желания подражать «Срединной империи», а для того, чтобы привозить оттуда книги и предметы искусства. Они отправляли ко двору императора Минской династии посольства, которые привозили китайские книги, картины и предметы прикладного искусства. Японские бонзы жили по несколько лет в китайских монастырях и в столице, затем, возвратившись, сообщали обо всем том, что они видели в монастырях и при блестящем китайском дворе. Предыдущие годы культурной жизни и возобновившиеся сношения с Китаем повлияли в XV и XVI веках, с одной стороны, на создание монахами «лирических драм» (*но*), которые имели право смотреть только служилые люди, носившие два меча, с другой стороны — на появление занимательной литературы, которой зачитывалось городское сословие купцов и мастеровых.

До XV века в Японии не было драмы. В древнее время в храмах, посвященных японским богам, при богослужении совершались мимические танцы и пелись песни. Затем привезенные из Индии, Китая и Кореи танцы с масками и с чужеземной музыкой повлияли на национальные танцы и создали ряд пантомим. Один род таких пантомим назывался «полевыми представлениями» (*дэнгаку*), как имевший связь с

танцами, совершавшимися во время уборки полей. Кроме того, были комические танцы, создавшиеся отчасти из прежних японских, отчасти из танцев, заимствованных с материка и получивших название «комических представлений» (*саругаку*). С течением времени они потеряли комический характер, стали исполняться при синтоистских храмах, и сюжеты для них брались из японской мифологии или из легенд, а иногда из истории. Введение монологов и диалогов, которые то говорились, то пелись, лишило «комических представлений» (*саругаку*) характера пантомимы. Участники этих представлений были одеты в роскошные костюмы и на лицах имели неподвижные характерные маски. Представления происходили на открытых с трех сторон подмостках и без декораций. Сбоку на сцене сидел хор, а в глубине помещался оркестр, состоявший из флейты и различных барабанов. В Нара и Исэ, где были большие храмы в честь японских богов, жили семьи, посвятившие себя этому роду искусства.

Буддийские монахи, которые с XIV века часто ездили в Китай и там видели представления драм, сохранившихся от эпохи монголов, не могли не обратить внимания на них и не использовать техники китайского театра для все еще примитивных «комических представлений» (*саругаку*), которые уже потеряли свой комический характер, оставшись комедиями лишь по названию. Привезенные монахами китайские нововведения охотно воспринимались в Нара танцорами «комических представлений» (*саругаку*). Лирический характер китайской драмы совпадал с тем, что создал из пантомимы японский народ, и внесенные монахами изменения не нарушали общего характера представлений. Так сложились японские «лирические драмы» (*но*), соединив в себе все, что в разное время было заимствовано из Китая, с теми национальными особенностями, которые лежали в основе пантомимы, дав им свое оригинальное. От прежних измененных «полевых представлений» (*дэнгаку*) и «комических представлений» (*саругаку*) остались частью сюжеты, танцы, пение и полная ритма и необычных для нас интервалов музыка. Монахами были составлены пьесы с новыми сюжетами, в текст которых вошли китайские стихи, японские «короткие стихотворения» (*танка*), «современные песни» (*имаё ута*), цитаты из таких повестей, как «Повесть рода Тайра» («Хэйкэ моногатари»), выдержки из сутр и китайских классических книг и описания пути, часто встречающиеся в произведениях XIII века. Текст «лирических драм» (*но*), который японцы называют «либретто для пения» (*ёкёку*), весь сплетен из разных цитат и заимствований, и начитанному и образованному японцу узнавать знакомые стихотворения, слова и обороты

доставляло большое наслаждение. Перед ним бегут словно два потока мысли — один, возникающий у него от слышимых слов и дающий ему образы данного сюжета, другой — с ним сплетающийся и состоящий из ряда ассоциаций, вызванных извлеченными местами из богатой своей и чужой литературы. Построение «лирических драм» (но) простое. В них всего 4 действующих лица и нет единства времени или места. Исполнитель нараспев сообщает, кто он — обыкновенно это монах, который находится в пути, — затем он поет о красотах дороги. После этого монолога выходит герой, с которым у него происходит диалог. То, что зрителю мало понятно или неясно, то нараспев объясняет хор. Жесты актеров сдержанны — почти что намеки на них, — движения плавны, только при некоторых танцах ритм делается частым и движения быстрыми. По сюжетам «лирические драмы» делят на 4 группы: пьесы, где говорится о японских богах, пьесы счастливого предзнаменования, пьесы, где появляются привидения и души умерших (в таких пьесах монахи вели богословские споры и в литературной форме излагали свои религиозные взгляды), и, наконец, пьесы бытового характера. «Лирические драмы» (но) имеют художественную ценность не только как театральные представления, но и как литературные произведения, богатые лиризмом и красотой описаний. Язык, насыщенный лучшими образцами прежней литературы, и ритмичность слога увлекают читателя; красота изложения вызывает в душе читателя один образ прекраснее другого, а скрытые в них религиозно-философские мысли углубляют содержание. Для широких кругов «лирические драмы» (но) были непонятны, и только знакомый с японской и китайской литературой мог их оценить во всей полноте. Переводы «лирических драм» (но) дадут русскому читателю, при должной гибкости понимания, новый мир чувств и обогатят его душу рядом еще неиспытанных переживаний.

После «лирических драм» (но) с их серьезным содержанием был обычай давать веселые «комедии» (кёгэн), в которые вылился юмор японского народа. Написанные простым разговорным языком того времени, «комедии» (кёгэн) представляли собою сколок с самой жизни. В них анонимные авторы высмеивали простоватого феодала, которого слуга водит за нос, пьяниц, попадающих в неприятную историю, наказанных мнимых калек и монахов-шарлатанов и другие теневые стороны тогдашней жизни. Они ценны, как начало настоящей японской комедии и как литературные произведения, сохранившие нам разговорный язык времени Асикага.

Прежние повести и романы (моногатари) с их языком, который

стал как бы классическим, были мало понятны широкой массе воинов и горожан. Для них в XV веке нарождается новый литературный вид прозы — «рассказы сиделки» (отоги дзоси). Их много различных видов, часть из них — переделки прежних сказок и легенд, часть — рассказы о превращениях лисицы и барсука или о чудесах буддийских божеств, часть — юмористические рассказы, где народный юмор вылился в циничную форму. Все они написаны стилем, как бы слегка подражающим старому, но в их язык вкраплено много новых оборотов и слов, чтобы сделать его понятным широкому кругу читателей. Так постепенно шла японская литература, спускаясь от высшего класса к народу.

В XV веке в Японии создается много городов. Горожане ведут торговлю и занимаются мастерством. В это же переходное время представителями служилого сословия — самураями был создан национальный дух, и буддийскими монахами развита духовная культура народа. В XVI веке японцы впервые знакомятся с европейцами, и католичество вначале разливается широкой волной по югу Японии, приобретая на южном острове Кюсю много последователей среди феодалов и их самураев. Появляются первые переводы на японский язык басен Эзопа (Изоппу моногатари). Но потом правительство сёгуна стало преследовать христианство и, наконец, запретило его под страхом смертной казни. В эту эпоху христианство не оказало европейского влияния на японскую литературу.

Могучие феодалы-даймё, властвовавшие в XVI веке, старались создать из мелких даймё союзы, чтобы этим себя усилить. На севере в Сидзуока и в новом городе Эдо выросла и окрепла власть семьи Токугава. В 1600 году Токугава Иэясу, разбив в битве при Сэкигахара своих противников, создал новую власть военной диктатуры. Оставив императора в Киото для вида, как потомка богов, он сам поселился на севере в Эдо. Его признала вся страна, и все феодалы ему подчинились. Почти на 300 лет Япония погрузилась в мирную жизнь, давшую возможность развиваться японской культуре.

Появившаяся около XIV века разнообразная литература теперь, в обстановке мирной жизни, сливалась и создавала новые формы. «Лирические драмы» (но) и ритмическое пение «Повести рода Тайра» («Хэйкэ моногатари») влияли на появившуюся «монодическую драму» (дзёрури) и положили основание создавшейся затем настоящей драмы (кякухон). «Рассказы сиделки» (отоги дзоси) развились в роман, на стиль которого оказали влияние «нанизанные стихотворения» (рэнга), а на сюжет — романы X века, к которым пробудился теперь интерес.

После долгих междоусобных войн, теперь, при правительстве сёгунов Токугава, настала эпоха мира, когда феодалы, следуя примеру самих сёгунов, ревниво сохраняли и переписывали старые книги, стараясь собирать то, что было спасено от огня и меча предыдущих времен. Развитие печатания книг с деревянных досок сделало их доступными широким массам народа.

Буддийские монахи, занимавшие в прежних правительствах ответственные посты, теперь перестают играть первенствующую роль; их сменили ученые конфуцианцы, вышедшие частью из военного сословия, частью из монашества. Конфуцианство, в толковании школы Чжу-Си, было положено в основу управления страной; другие конфуцианские школы считались еретическими и иногда даже подвергались преследованию. Буддизм же продолжал жить, главным образом, в народных массах. Правительство сёгуна, строго преследуя христианство, поощряло буддийских монахов, оставляя по-прежнему в их руках образование народа.

Кроме высшей придворной знати, замкнуто жившей при дворе забытого императора в Киото, в XVII веке в Японии были образованы 4 класса: военные — самураи, лучшие люди, как «цвет вишни среди многих цветов», крестьяне, которых в ту эпоху называли «богатством страны», но с которыми мало считались, и создавший свои идеалы, давший новые веяния в литературе класс горожан, разделенный на мастеровых и купцов. Дворяне свято хранили старые традиции; слагали по-прежнему «короткие стихотворения» (*танка*), китайские стихи и, вместе с высшим военным классом, который им подражал во вкусах, наслаждались представлениями «лирических драм» (*но*) и «комедий» (*кёгэн*). Иной жизнью жили горожане и служилое сословие. Разбуженная мысль искала новых форм, в которых она могла бы найти свое отражение. Прежние формы не удовлетворяли чувств, которые создавались под иными влияниями и в другой обстановке. Писателями этого времени была создана богатая литература романов, поэтами написано много «юмористических стихов» (*хаикаитё но рэнга*), иногда по содержанию переходящих в сатиру; был создан не только драматический театр (*кабуки*), куда впоследствии правительство запретило ходить самураям, но и театр кукол, для которого были написаны «монодические драмы» (*дзёрури*).

В это время поэзия «коротких стихотворений» (*танка*), следовавшая старым образцам, не дает нам ничего нового. Поэты, сделавшиеся учеными, направляли свои интересы, главным образом, на изучение старой национальной литературы, язык которой стал мало понятен. В эту эпоху

поэтами были написаны многочисленные комментарии и исследования древних японских произведений. Сначала не обращавшее внимание на японскую литературу правительство сёгуна теперь призвало к себе на службу в Эдо ученого поэта Китамура Кигин, создало департамент японской поэзии и тем самым как бы стало поощрять изучение классических произведений национальной литературы. Холодным блеском искусственных сочетаний блещут занимающие в поэзии этого времени первое место «нанизанные стихотворения» (*рэнга*). Но для настоящих поэтов, придерживавшихся старых традиций, они были только забавой или, в крайнем случае, школой, которая давала возможность подойти потом к настоящей поэзии «коротких стихотворений» (*танка*). В торговом городе Осака школа Данрин, привлекая на свою сторону много поэтов, дала форме «нанизанных стихотворений» (*рэнга*) дальнейшее развитие и внесла новое содержание в этот род поэзии. Но отношение к этим «нанизанным стихотворениям» (*рэнга*) у руководящих поэтов школы Данрин было по-прежнему только как к забаве, как к времяпрепровождению. Прежняя непосредственная связь «нанизанных стихотворений» (*рэнга*) с «короткими стихотворениями» (*танка*) в школе Данрин пропала. Поэты этой школы, допуская употребление слов разговорного языка и современных грамматических оборотов, порывали с прежней традицией «коротких стихотворений» (*танка*), тем более, что и в отношении содержания их поэзия, увлеченная темами быта горожан со всей его распущенностью, ушла от прежних заветов. «Нанизанные стихотворения» (*рэнга*) постепенно приходили в упадок, и лучшие поэты стали покидать ряды школы Данрин. Но для средних поэтов из городского сословия «нанизанные стихотворения» (*рэнга*) были чем-то серьезным, к чему они относились не как к пустой забаве. Тем не менее это не могло остановить падения этого рода поэзии.

В XVII и XVIII веках в Японии было два литературных центра: город Осака с гаванью Сакаи, которые были представителями новых течений в литературе, — здесь жил новый класс горожан, стремившийся создать для себя новую литературу, — и старая столица Киото, жившая по-прежнему старыми традициями, которые влияли даже на вновь появляющиеся литературные формы.

В начале XVII века прежние повести, изменив свой характер, послужили в дальнейшем для обогащения японской драмы. Этим повестям об исторических событиях, о походах и увлечениях молодых феодалов авторы давали драматический характер, и они исполнялись певцами под аккомпанемент вошедшего тогда в моду трехструнного «самисэна». Так получила свое начало японская «монодическая дра-

ма», названная «дзёрури» в честь героини одной из этих драм. Эмоциональный стиль и романтическое содержание этих драм вызывали перед слушателем ряд картин, где внешний блеск жизни сменялся душевными страданиями героев, и горожанин, в обстановке мирной жизни, лелеял воспоминания о прежних битвах и былых набегах. К «монологическим драмам» (дзёрури) японцы присоединили представления кукол и создали театр, которому равного нет. Кукла, благодаря стилизации игры, давала возможность писателю сказать многое такое и в такой сильной форме, в какой бы он не мог себя проявить, если бы писал это для живого актера. Тексты «монологических драм» (дзёрури) и теперь доставляют при чтении огромное наслаждение как своей ритмической прозой, так и изящным стилем, красивыми сравнениями, в которые вылилось человеческое чувство.

В это же время в Киото начала развиваться японская драма. В насмешливом сколоченном балагане, устроенном на гладких гальках русла реки Камо, танцовщица Окуни мимически передавала некоторые известные японские песни. Затем вместе со своим партнером, опустившимся самураем Нагоя Сандзабуро, и со своими учениками она стала изображать переделанные ими на более простой разговорный язык некоторые «лирические драмы» (но). Это сочетание песни и танца, получившее название «кабуки», дало начало дальнейшему развитию японского театра.

Мирное течение городской жизни, улучшение ее материальной стороны, ослабление военного террора, который в начале XVII века давил японское общество, — все это дало возможность в конце этого столетия пышно расцвести японской культуре. Конец XVII в., известный в Японии под названием «эпохи годов Гэнроку», дал целый ряд талантливых ученых, блестящих художников, много посвятивших времени декоративному и прикладному искусству, и прекрасных писателей, увлекающих нас своим изящным стилем. В эту эпоху жизнь принимает яркие и блестящие формы и своей внешностью прельщает нас до сих пор. Проза «эпохи Гэнроку», порывая с некоторыми старыми традициями, создает новые формы. Пусть содержание иногда кажется нам мелким, но внешняя форма всегда сверкающе прекрасна. Поэзия «нанизанных стихотворений» (рэнга), которая в школе Данрин пришла в упадок и стала увлекаться игрою слов, а иногда даже плоскими островами, теперь оставляет описание городского быта и стремится к лирическому содержанию. «Начальная строфа» (хокку) черпает свое вдохновение в настроениях природы и дает в 17-слоговой форме подлинное художественное произведение.

Поэт Басё слагает «начальные строфы» (хокку) и эту форму в 17 слогов делит на две строфы, где верхняя служит фоном для лирического настроения вечного путника, поэта полу-монаха. Он всем близкий и всем чужой, он вечный странник, постоянно находящийся в пути, — и это настроение отразилось в его поэзии, где он воспекает природу. Прежние вычурные формы были оставлены, его стихи написаны простым и ясным языком — как «начальные строфы» (хокку), так и «нанизанные стихотворения» (рэнга). Но за этой простотой, за этим умением расставить всем знакомые слова в новом порядке, чувствовался его подлинный талант. В его поэзии вновь появляется описание видов родной природы, которая, после «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю»), была забыта позднейшими поэтами, жившими в городах. Чем-то новым и сильным повеяло на людей этой эпохи от маленьких стихотворений Басё, где он описывает или шумные волны реки, собравшей в себя воду майских дождей, или картины далекого севера, где ночью шумит бурное море и перекинувшийся через него млечный путь упирается в остров Садо, который маячит на горизонте. Эпитеты у Басё всегда просты; подмечая характерную особенность изображаемого, они лишены нарочитости и блеска эпитетов прежних поэтов. Часто в его поэзии обыденные слова поражают нас своим необыденным сочетанием. И за всеми этими стихотворениями вы чувствуете личность Басё с душой, стремящейся к самосозерцанию и углубленной в природу. В прозаических произведениях у него тот же сжатый стиль, создавшийся под влиянием «нанизанных стихотворений» (рэнга) с их суггестивным характером. Прекрасным образцом прозы Басё служит его описание путешествия «На север по узкой тропе» («Оку но хосомити»), где одно описание природы лучше другого.

Другой лик являет нам литература того времени романами Сайкаку. В них отразился шумный город Осака и полная удовольствий жизнь купцов, протекавшая в «зеленых домах» в обществе образованных куртизанок и певиц-гейш. Таким же зеркалом этой жизни служила японская гравюра на дереве школы «Укиёэ», которая нас не отталкивала своим содержанием, а прельщала ритмом своих линий, красотой колорита и своей композицией; первыми ею увлеклись французы и к ней приобщили Европу, но японцу высшего общества она была непонятна и художественно неприемлема; для него это грубый лубок с низкими и недостойными искусства содержанием. С романами эпохи Гэнроку вышло иначе. Японский горожанин не чувствовал в содержании отсутствия глубины, и сюжеты из жизни публичных домов с поверхностным описанием чувств людей, проводящих все свое свободное время

с куртизанками, его не обижали; его увлекал ритм речи, колорит языка таких писателей, как Сайкаку, и доставляли наслаждение тонкие наблюдения и изящное описание знакомой жизни. Англичане, которые начали изучать японскую литературу, не оценив сочности языка, красоты ритма и стиля, отвернулись от этих романов за их содержание, считая, что это одна порнография: несправедливое обвинение, брошенное поверхностным читателем-европейцем, подходящим к чужому со своими узкими взглядами. Роман Сайкаку «Жизнь женщины» («Итидаи онна») – это повесть жизни, рассказанная старухой-японкой. Язык романа разработан и продуман до мелочей; фразы сплетаются сложным рисунком, местами пропущены слова, чтобы усилить впечатление; намеки, которые делает автор, словно мазки на картине, привлекают наше внимание. Усталый и пресыщенный горожанин хотел пряности наслаждений, и этот искусственный стиль был создан писателями, вышедшими из городской среды, для описания тогдашней красочной жизни. В своих описаниях Сайкаку иногда доходит до мельчайших подробностей реализма и острыми наблюдениями напоминает французских писателей-натуралистов.

Такое же отражение жизни города Осака, но в иных формах, создает Тикамацу Мондзаэмон. В лице талантливого певца Такэмото Гидаю он нашел исполнителя, который дал ему возможность довести «моноподическую драму» (*дзёрури*) до ее высшего совершенства. Его называют иногда японским Шекспиром – это неверно; такой глубины у Тикамацу нет, он не погружается в пучины души человека, его больше привлекают к себе мельчайшие изменения и колебания настроений и переживаний японцев. В его «моноподических драмах» (*дзёрури*) перед нами разворачиваются чеканным и тонким узором все оттенки настроения людей этой эпохи, и мы не можем ему отказать в знании психологии молодых самураев, купцов, их жен, куртизанок и других. Тикамацу писал для кукол-актеров, и это давало ему возможность многие вопросы ставить крайне остро и в моменты драматического подъема делать язык подобным раскаленному железу, льющемуся из горна бушующих страстей. Он никогда не мог бы писать таким языком, если бы его драмы предназначались для живых актеров. Чтобы выявить свои взгляды, Тикамацу облакал свои мысли в формы исторической драмы, но в них были только имена и костюмы исторических личностей, а слова и чувства принадлежали эпохе Гэнроку. В бытовых драмах, написанных на злободневные темы, где катастрофа кончалась взаимным самоубийством любовников, мечтавших сидеть в раю вместе на одном лотосе, он выявлял свое знание души человека и свой талант, как сти-

лист. Описание пути, по которому двое влюбленных идут к смерти, считается лучшим образцом стиля Тикамацу. Со смыслом текста, в котором говорится о переживаниях влюбленных, сливаются названия мостов, перекинутых через многочисленные каналы города Осака; получается постоянная игра слов, которая едва улавливается, но зато у слушателя, кроме содержания текста, идет второй поток ассоциаций, связанный с названием мест и вызывающий в нем впечатление, словоно он идет вместе с влюбленными по знакомым местам. Этот прием создавал нарастание настроения. В одной из драм Тикамацу, когда идет разговор о том, кто должен прийти, и о том, что может случиться, подбором слов, их ритмом, созвучием гласных Тикамацу готовит слушателя и дает нужное настроение для восприятия того, что должно случиться. Такая разработка стиля воспринималась японцами, как высокое художественное достижение, и доставляла им эстетическое наслаждение.

«Моноподические драмы» (*дзёрури*), достигшие при Тикамацу высшего развития, после него начинают приходить в упадок. У следующих писателей мы не встречаем уже той цельности и того единства развития, которыми отличаются произведения Тикамацу. Их увлекают детали, возможность создания эффекта, и часто деталь развивается в ущерб всему построению драмы. «Моноподические драмы» Такэда Идзумо, хотя и написаны прекрасным стилем, но уступают творениям Тикамацу; в их языке нет той силы, нет тех тончайших переходов от одного настроения к другому, отсутствует непосредственность, и цельность нарушена вставным элементом, который внесен автором только для того, чтобы использовать то или другое драматическое положение. Часто интересным бывает одно лишь действие, которое делалось любимым, и его постоянно ставили, а другие предавались забвению. Потом в Эдо стало даже обычаем давать отдельные действия разных «моноподических драм» (*дзёрури*).

С середины XVIII века и до 90-х годов подъем, охвативший японскую литературу, спадает. Жизнь в Осака, Киото мельчает, и молодая столица Эдо привлекает к себе все литературные силы. «Нанизанные стихотворения» (*рэнга*) большинства поэтов этого времени – это перепевы прежних тем, которые застыли в старых формах и потеряли подлинную ценность поэзии. Ученики Басё не сумели сохранить всего того, что им оставил их талантливый учитель. Из поэтов, посвятивших себя «начальным строфам» (*хокку*), мы не можем не отметить художника Бусона, поэзия которого отличается своею живописностью. Он влил в краткую форму «начальных строф» (*хокку*) весь видимый мир,

воспринимаемый им, как гармония красок. Представитель импрессионизма, он в 17 слогов влагает лишь момент жизни. Ритм его строф частый и быстро меняющийся, а слова насыщены содержанием и понятны лишь тем, кто хорошо знает японскую природу и японскую жизнь. Одной черточкой, одним намеком он стремится дать изображение; все остальное, нехватящее, пропущено, и читатель должен сам дополнить остальную картину. Сравнения Бусона отличаются сложностью, в них нет той прозрачности и неподдельной простоты, которые так подкупают в поэзии Басё. Но «начальные строфы» (*хокку*) Бусона так картинны, так ярки по краскам, что редко у кого из японских поэтов простота японской природы с ее цветами, осенней листвой, мягким, быстро тающим голубым снегом и полосами молочного весеннего тумана изображена с таким мастерством и любовью.

Вместе с постепенным переходом культурного центра в Эдо произошли и некоторые изменения в литературных вкусах общества. Служилому сословию, которое жило со своими феодалами, несшими службу при *сёгуне* в Эдо, были более понятны рыцарские романы, исторические повести, сказки, чем бытовые романы купеческого сословия мало знакомого города Осака. Появились книги занимательной литературы, близкой по содержанию к рыцарским романам, богато иллюстрированные лучшими граверами школы «Укиёэ». Потом и среди этой литературы стали преобладать любовные повести, где темой были увлечения жителей молодой столицы Эдо местными красавицами-куртизанками.

Уэда Акинари своими произведениями намечает новое течение в прозе. Его стиль создан под влиянием романов середины XVIII века, называемых «Хатимондзиябон», т. е. книгами издания фирмы Хатимондзия в Киото. Написанные на языке горожан Киото, эти книги по стилю представляли собою слияние стиля Сайкаку, с его склонностью к подробным описаниям, со стилем драм Тикамацу, с их психологическим оттенком. Поэтому в прозаических произведениях Уэда Акинари много киотских слов, а начала некоторых повестей напоминают произведения Сайкаку. Но сюжеты у него иные. Он их часто заимствует из китайских романов, облекая в японскую форму и давая таким повестям дидактический характер. С этого времени в японскую литературу снова внедряется переделка китайских сюжетов и начинает звучать нота морали.

В конце XVIII века город Эдо сделался центром всей культурной жизни, и здесь стала развиваться новая проза и возродилась на время забытая национальная поэзия «коротких стихотворений» (*танка*). Ув-

лечение древними книгами, знакомство со стихами «Сборника многих поколений» («Ман-ёсю») создали во главе с Мабути школу поэтов, которая подражала древним образцам. Но эта подделка под старое не питалась подлинным поэтическим вдохновением; язык был нарочито архаичен, и стихотворения пестрили неправильно понятыми древними словами. Этот же интерес к забытой поэзии послужил толчком к возникновению новой школы поэтов, выразителем взглядов которой был Китамура Кигин, считавший образцом стихотворения «Сборника новых и старых японских стихотворений» («Кокинвакасю»). В своих сочинениях по поэтике он осуждал школу Мабути за ее стремление к архаизму. Но эта поэзия не задевала струн души японского общества того времени и оставалась в ученой среде исследователей японской литературы.

Романы и повести, печатавшиеся в большом количестве экземпляров, все шире распространялись среди населения Эдо и делались достоянием масс. Правительство *сёгуна*, состоявшее из строгих конфуцианцев, следивших за моралью народа, стало карать тех писателей и художников, которые высмеивали могущественных феодалов, родственников *сёгуна*, или подробными описаниями любовных сцен нарушали границы дозволенного.

Вместо прежних небольших книг с их многочисленными иллюстрациями, где текст как бы служил к ним объяснением, а тема строилась на внешних событиях, теперь возникают более серьезные книги с самостоятельным содержанием, которым дается название «книг для чтения» (*ёмихон*).

Принадлежащие к этому роду произведений романы Санто Кёдэна написаны с оттенком морали и скрывают в себе дидактический тон. Интересное, с рядом драматических моментов, содержание, вплетенное в сложное построение темы, держит напряженным внимание читателя. Стиль Санто Кёдэна прост. Его речь бежит ровным потоком, в построении фраз нет запутанной вычурности, и мысль не скрывается за литературными намеками. Он повествует нам художественной прозой, близкой к разговорной речи, об исторических событиях, об интригах при дворах феодалов, о битвах, о самоубийствах, о кражах и продажах людей, и своими сюжетами становится популярным среди японцев, всегда любивших читать об исторических событиях и о жизни самураев.

Художественно стоят выше и эстетически более ценны романы его ученика Кёкутея Бакина, который, правда, не был психологом и не знал непосредственных наблюдений над душевной жизнью, проводя

все время за чтением книг и черпая в них свое вдохновение, но зато отличался прекрасными описаниями и ритмическим стилем. Свойственный японской речи ритм в 5 и 7 слогов разбивает прозу Бакина на равные такты, и старые формы классического языка сливаются, словно звуки забытых, но знакомых мотивов, с ученым языком, который ново звучит своими книжными оборотами и выражениями, заимствованными у китайских романистов. Монотонность, которая могла бы возникнуть от чередования 5 и 7 слогов, нарушается подбором в словах известных гласных. Такой стиль художественной прозы, далекий от случайных оборотов разговорной речи, прельщал большинство японцев, и образованные люди с любовью читали Бакина, ценя его слог. По содержанию своих романов Бакин близок к Санто Кёдзэну; его герои — или феодалы и самураи предыдущих эпох, или, если это романы, переделанные с китайского, — рыцари срединного государства. Бакин писал романы и на современные темы, где описывал японский быт, но эти романы не были лучшими среди его произведений. Японцы увлекаются им и сейчас, хотя многое в его творчестве кажется наивным, и построение темы смущает читателя своим сложным и искусственным замыслом. Японцами больше всего ценится художественный стиль его произведений, который безжалостно губит неопытный переводчик-европеец.

С XIX веком в японскую литературу приходит комический роман, написанный на говоре Эдо. Дзиппэнса Икку повествует нам, как два уроженца Эдо путешествуют «на своих двоих по приморской дороге» («Токаидотю хидзакуригэ») из столицы сёгуна в Киото. В этом произведении, где то один, то другой из героев слагает юмористические стихи на разные случаи, отразился юмор столичного жителя Эдо, остроумного, быстрого на язык, со склонностью над всем посмеяться. На каждом постоялом дворе эти два весельчака что-либо подмечают, или с ними случается какое-нибудь комическое приключение, вызывающее у читателя смех. Язык их, хотя и вульгарен, но дышит таким неподдельным юмором, что заражает читателя, заставляя его забыть распушенность автора.

В это же время на говоре Эдо Сикитэи Самба пишет две большие повести: «Модная парикмахерская» («Укиёдоко») и «Модная баня» («Укиёбуро»), где перед читателем проходят типы людей среднего класса столицы сёгуна. Метко подмечен характер эдосцев, их юмор, их умение понять все с полуслова и их нежелание входить в сущность слишком глубоко. Язык прост, и в нем звучит drobный ритм жизни мастеровых, мелких купцов, бедных ученых, которые охотно болтают,

встретившись в бане или в парикмахерском зале. Жизнь этих людей развертывается перед нами без всяких прикрас, облаченная только в тонкий юмор, который влечет нас к ней.

Мы могли бы назвать еще много имен и указать не мало произведений литературы этой эпохи, которые в художественном переводе дали бы нам возможность шире взглянуть на людей и насладиться новыми мелодиями, транспонированными на родной нам язык.

С середины XIX века Япония, под давлением сложных политических явлений во внутренней жизни и разбуженная выстрелами пушек «черных» военных чужеземных кораблей, должна была пустить на «землю богов» презираемых ею иностранцев, которыми она потом увлеклась, оставляя иногда в стороне даже свое хорошее. Теперь Япония нам ближе, и хотя по языку она осталась восточной, неизменно сохраняя иероглифическое письмо, но свое мышление она отравила мыслями Запада, пытаясь слить вновь полученную культуру с тем, что осталось у нее от мудрости седого Востока. В 1868 году после уничтожения военной власти сёгуна и реставрации могущества императора, жившего до того времени замкнуто и в нищете во дворце в Киото, европейская культура хлынула широким потоком и снова, как более 1000 лет тому назад, вся Япония была затоплена чужеземным влиянием. Сначала японцы увлекались материальной культурой, заимствуя все, что могла им дать цивилизация Старого и Нового Света, уделяя мало внимания ценностям чужого духа. Они его сначала даже боялись, не желая потерять старых основ и устоев, но потом стали знакомиться не только с христианством, но и с современными западными мыслителями, которых часто понимали превратно.

В течение первых 15 лет новая жизнь, внесшая изменения в политический строй Японии, проходила другими культурными слоями, оставляя национальную литературу во власти традиций, унаследованных от своих писателей начала XIX века. В это бурное время политического переустройства японцы переводили сочинения Руссо, Монтескье и других, интересуясь их политическими и социальными идеями; некоторые из них пытались писать что-то вроде романов на политические темы; переводили некоторых иностранных беллетристов, переделывая на японский лад содержание и изменяя чуждые иностранные имена героев на японские, чтобы дать обществу легкую занимательную литературу.

В области японской драмы мы имеем в эти годы крупного писателя Мокуами, который по своему стилю и по своим настроениям принадлежит к писателям старых времен города Эдо, теперь названного Токио — восточную столицей.

Окончивший Токиоский университет и прекрасно знакомый с английской литературой Цубоути Юдзо, который перевел на японский язык Шекспира и написал под его влиянием не мало японских исторических драм, создает в начале 80-х годов новую школу японских писателей и кладет начало реалистическому роману. Темой романов служит хорошо ему знакомая жизнь студентов. Цубоути Юдзо в своих статьях резко высказывается против увлечения романами Бакина и старается привлечь молодежь к иной литературе, чем эти исторические романы с их запутанным построением. Под его влиянием молодые писатели старались уйти от литературных традиций последних годов Токугава, когда содержание беллетристических произведений было пропитано популярными взглядами буддизма и дидактическими идеями конфуцианцев. Переходное время в японской культуре и раздвоенность души не дали возможности Цубоути Юдзо не только создать новую форму прозы, но и найти подходящий стиль. Создававшаяся под влиянием английской литературы форма романа, с реалистическим содержанием, отражавшим современную жизнь, не могла слиться с языком, сплетенным из старых оборотов и новых слов, и читатель не мог получить цельного художественного впечатления.

В поэзии попытки Иноуэ и Тояма дать новые по содержанию и по форме стихи—«синтаиси» не увенчались успехом. Поэты-ученые старались создать реалистический эпос в длинных стихотворениях, в которых они сохранили старый размер в 7, 5 и 7 слогов, не умея уйти от этого ритма, но кроме плохих баллад ничего не дали.

В конце 80-х годов Ямада Бимёсаи стилем своих повестей создает для художественной прозы новый язык, стараясь слить воедино литературный стиль с оборотами обыденной речи. Но тогда это была, по видимому, преждевременная попытка, так как она не нашла много последователей. Японцы, воспитанные на литературном языке, хотя и были знакомы с примерами европейских писателей, но свою обыденную речь не могли воспринимать художественно. Установленные традицией вкусы влекли их к далекому от разговорного языка старому стилю, который своим особым ритмом доставлял им эстетическое наслаждение.

Одзаки Кое и Кодэ Рохан пишут романы, подражая языку «монодических драм» (дзёрури) и произведениям Сайкаку. Охватившее писателей этого времени пламя увлечения «эпохой Гэнроку» заволакивает дымкой попытку создания литературного стиля, близкого к простой разговорной речи, и о ней на время забыли. У мелких писателей увлечение Сайкаку влияло не столько на стиль, сколько на содержание, приближая его к грубому натурализму.

Язык Кодэ Рохан, которым написаны его романы, создан под влиянием произведений Сайкаку; поэтому он кажется непривычному читателю неясным и мало понятным, но зато он прельщает любителя литературы своей художественной формой. Рохан выпукло изображает характер героев, пытаясь ближе подойти к вечно мятущейся душе человека. Его романы захватывают читателя глубиной замысла и художественной разработкой темы.

Одзаки Кое мягко изображал, со всеми ее горестями и радостями, окружающую его жизнь, облекая содержание своих романов в красивую и сложную прозу литературного стиля, близкого к языку «монодических драм» (дзёрури). Но, читая Кодэ Рохан и Одзаки Кое, современный читатель не может слиться с их произведениями; его мучит раздвоение между изображением знакомой жизни с близкими для него мыслями и искусственно созданным стилем, звучащим далеким прошлым теперь чуждой «эпохи Гэнроку», когда были созданы романы Сайкаку и «монодическая драма» (дзёрури).

В поэзии неудовлетворенность формой «новых стихов» (синтаиси) влекла японских поэтов к старым формам; и «короткие стихотворения» (танка), обновленные внесением новых слов, снова ожили в антологиях молодых поэтов. Есано Акико дала нам много изящных по форме и интересных по содержанию лирических «коротких стихотворений» (танка), в которых отразилась душа японки новой эпохи. Симадзаки Тосон пишет прежним размером в 5 и 7 слогов длинные стихотворения. В его стиле новые слова растворились в оборотах прежних поэтов. В лирике Тосона, вместе с чувством неудовлетворенности, тихо бьется нервная мысль, которая поет нам о новой жизни меняющейся Японии.

«Начальные строфы» (хокку) ожили в это время в реалистическом облике в форме отдельных стихотворений (хайку) в 17 слогов под пером их реформатора, рано умершего поэта Масаока Сики. Новое содержание вылилось в новую форму. Ритм стихотворений Сики совершенно иной, чем у прежних поэтов, кроме того, он пользуется богатым выбором слов и увлекает нас простотой построения своих стихотворений. В образах поэтических настроений он развертывает перед нами страницы обыденной жизни, мимо скромной красоты которых раньше проходили, их не замечая, поэты стихотворений в 17 слогов.

В романах писателей-идеалистов нам звучат другие настроения японской души. Им чужд реализм, и от грубой, жизни они уходят в область фантазии или живут в мире видений. Произведения Идзуми Кёка манят и влечут к себе людей, утомленных жизненной прозой. В мягких

тонах он рисует нам японских мечтателей, тоскующих по красоте. К ним приходят привидения — души умерших людей, связанные с ними невидимыми нитями прежних жизней. Героини его романов, японки с бледными лицами и красивыми тонкими руками — жертвы несчастной любви или тяжелой семейной обстановки.

В беллетристике последних годов XIX века социальных вопросов касаются писатели Токүтоми Рока и Симадзаки Тосон. Последний в своем романе «Нарушенная заповедь» изображает нам положение бывших японских париев (*эта*), хотя и уравненных по новому законодательству в правах с прочими гражданами, но все еще презираемых японским обществом. Своим простым языком, уже близким к разговорной речи, Симадзаки Тосон готовит путь тому стилю художественной прозы, который, начиная с XX века, прочно занимает господствующее положение в японской литературе.

Сначала, вместе с военным снабжением и техническими принадлежностями, в Японию хлынули английская и американская литературы, как более доступные по своему языку, потому что английский язык обязательный предмет преподавания в средней школе.

Французских писателей читали сравнительно мало и вначале увлекались, главным образом, социальными идеями Руссо и политическими мыслями Монтескье. Только позднее, когда прошел первый угар политического переворота, стали появляться переводы романов Золя, Гюго, Александра Дюма и других. «Une vie» Мопассана много читали в английском переводе.

С произведениями немецкой литературы познакомил японцев своими художественными переводами Клейста, Гофмана, Лессинга и других доктор Мори Огаи.

По английским переводам японцы познакомилась с произведениями Льва Толстого, который приобрел среди них не мало друзей. За несколько лет до войны с нами, бывшая на Западе мода на русскую литературу отразилась и в Японии, где на английском и немецком языках стали читать Тургенева, Достоевского, Чехова и других. Их переводили на японский язык. Победоносная война с Россией, сделавшая Японию великой державой, усилила интерес к побежденной соседке. Японские писатели стали переводить с западных языков Тургенева, Достоевского, Чехова, Горького и других. Иногда появлялись переводы тех же писателей и с русского, но их было не много. Группой молодых актеров было поставлено «На дне» Горького, оставшееся непонятым большинством японцев. Дальнейшее увлечение русской литературой объединило молодых переводчиков, которые в 1910 году начали вы-

пускать журнал «Русская литература», просуществовавший, к сожалению, очень недолго. В переводе вышли рассказы Л. Андреева. Его «Красный смех» вызвал не мало статей. В переводе на японский язык можно встретить не только Тургенева, Толстого и Гончарова, но и Зайцева, Сологуба, Куприна и многих других. Пытались японцы переводить Бальмонта, Брюсова, но японский белый стих не мог передать особенностей этих поэтов.

Все новые литературные течения Запада находят себе отклик в живой среде японских писателей. Но иногда это лишь временные увлечения, которые быстро гибнут, не успев расцвести.

За несколько лет до русско-японской войны, которая служит этапом в истории Японии, в прозаической литературе произошло слияние формы и содержания в единое художественное целое. Стиль художественной прозы образовался из слияния разговорного языка Токио с немногими формами старого письменного стиля, который обогатил его разнообразием глагольных окончаний.

В японской литературе XX века одним из самых крупных писателей мы должны считать недавно умершего Нацумэ Сосэки. Он выступил романом «Дневник кошки» («Вагахаи ва нэко дэ ару»), где в полной юморе сатирической форме изобразил жизнь учителя гимназии и его друзей из университетской среды. В своих последующих произведениях он рисует нам жизнь интеллигента-японца, который живет в разладе с собою. Отравленный западными мыслями, современный японец-интеллигент чувствует себя одиноким и оторванным от родной массы. На многое свое он не может иначе смотреть, как на предрассудки, от которых он все-таки не в состоянии уйти и не в силах создать для себя новой жизни. В романе «Ворота» («Мон») Нацумэ Сосэки сравнивает такого японца с человеком, стоящим у запертых ворот и знающим, что он не может вернуться назад, но как открыть ворота, как найти могучее слово, которое распахнет преграду и откроет дорогу в новую жизнь? У него нет больше сил, и знает он, что суждено ему так стоять и ждать, пока не подойдут люди сильнее его. Нацумэ Сосэки, вникая в душу своих героев, обыкновенных средних людей, и изображая их конфликты с обществом или с собою, не решает вопросов, оставаясь только зрителем того, что он пишет. В первых произведениях язык Нацумэ Сосэки полон книжных сравнений, и витиеватый стиль сохранил еще в себе наследие прежних писателей. Но скоро он его оставил, и последующие его произведения написаны стилем художественной прозы, где ясные фразы нарастают, как кристаллы, отражая с разных сторон оттенки японской жизни. Он вводит нас в настроение романа от-

четливым ритмом слога, слегка меняющимся в зависимости от содержания, а ярким подбором слов, словно несколькими штрихами, передает сущность предмета. На этой особенности его стиля сказалось влияние поэзии «начальных строф» (хокку), которыми увлекался Нацумэ Сосэки. В его романах диалоги написаны сочным говором интеллигента-токиосца и могут служить образцами современной японской речи.

Французский дэндиизм, в форме увлечения настроениями погибшей столицы Эдо с ее праздниками и гуляниями, отразился в романах и повестях Нагаи Кафу, а д'Аннунцио повлиял на романы Морита Сохэи, ученика Нацумэ Сосэки. Нам хотелось бы назвать еще много имен японских писателей, которые должны быть знакомы русскому читателю, стремящемуся познакомиться с всемирной литературой, но мы упомянем еще только двух молодых романистов: Кубота Мантаро, рисующего быт токиоских мастеровых и мелкого купечества, и Нагадзука Сэцу, изобразившего в романе «Земля» тяжелую жизнь крестьян. У него на фоне японской природы разворачивается картина жизни крестьянина-бедняка, вечно голодного, постоянно придавленного мелкими долгами, всегда зависящего от богача-арендатора. Прекрасным языком, полным местного колорита, у него описана деревенская жизнь со всеми ее суевериями, страхами и беспросветной нищетой.

За последние годы японские «короткие стихотворения» (*танка*) стали жить новой жизнью; много молодых поэтов и поэтесс, под влиянием европейских модернистов, слагают стихотворения, где старая форма звучит новой мелодией, включая мотивы стремлений молодой японской души. Чтение этих новых стихотворений может доставить нам не мало удовольствия. Попытки писать с рифмой, подражая европейским стихам, давно оставлены и забыты; японцы остаются верны своему ритму и хранят свои старые заветы.

Знакомство с богатой и прекрасной по форме литературой Японии должно бережной рукою приподнять угол завесы над чужою душой; должно открыть нам ее красоту в иных отражениях человеческой мысли и помочь нам лучше понять Дальний Восток и тем увеличить многогранность нашей души.

РАБОТЫ С. Г. ЕЛИСЕЕВА В ФОНДАХ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕК

Российская Государственная библиотека
(бывшая Библиотека им. В. И. Ленина)

Елисеев С. Г. Японская литература. В кн.: «Литература Востока» Вып. 2. Пг., Гослитиздат, 1921, с. 38–89.

Elisseeff, Serge. Elementary Japanese for College Students. Compiled by Serge Elisseeff, Edwin O. Reischauer and Takehiko Yoshihashi. 3 v. Cambridge, 1957.

Elisseeff, Serge. Elementary Japanese for College Students. Compiled by Serge Elisseeff, Edwin O. Reischauer and Takehiko Yoshihashi. Harvard Univ. Press, 1971, 6, 150 p.

Elisseeff, Serge, Edwin O. Reischauer. Elementary Japanese for University Students. 2d. ed. P. 1–2. Cambridge, 1944.

Отдел (библиотека) ИНИОН при Институте востоковедения РАН
Elisseev S. Arts musulmans. Extreme – Orient. Paris, 1939.

Elisseeff, Serge. The Chinese – Japanese Library of the Harvard – Yenching Institute at Harvard University. Cambridge, 1956.

Elisseeff, Serge. Elementary Japanese for College Students. Compiled by Serge Elisseeff, Edwin O. Reischauer and Takehiko Yoshihashi. 3 v. Cambridge, 1957.

Elisseev S. La Peinture contemporaine au Japon. Paris, 1923.

Elisseeff, Serge. Selected Japanese Texts. Literature and History. Vol. 3. Cambridge, 1947.

Елисеев С., Borton, Hugh, e.a. A Selected List of Books and Articles on Japan in English, French and German. Washington, 1940.

Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино

Elisseeff S. Arts musulmans. Extreme – Orient. Paris, 1939.

Elisseeff Serge, Edwin O. Reischauer. Elementary Japanese for University Students. 2d. ed. V. 1–2. Cambridge, 1944.

СТАТЬИ О ЕЛИСЕЕВЕ С. Г.

В Токийском императорском университете... — «Записки Приамурского отдела императорского общества востоковедения», Хабаровск, 1912 г., вып. 1, с. 300. Сообщение о том, что окончил курс Сергей Елисеев, получив ученую степень *бунгакуси*.

Японский ученый Елисеев. «Известия книжных магазинов т-ва Вольф по литературе, наукам и библиографии», Санкт-Петербург, 1912 г., № 8, с. 123.

Бабинцев А. А. Из истории русского японоведения. — В кн.: Японская филология, М., 1968 г., с. 124–136. О С. Г. Елисееве см. с. 133–134.

Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX — начала XX в. Несколько портретов. М., 1993. О С. Г. Елисееве см. с. 71, 90, 146.

Публикация о Международной конференции, посвященной С. Г. Елисееву, в «Токио симбун»

от 22 октября 1999 г.

«Сергей Елисеев был жителем Токио эпохи Мэйдзи. Он безусловно заложил основы мирового японоведения». Так написал об этом человеке Сиба Рётаро в статье «В пути».

О Елисееве сейчас мало кто помнит. Но этим летом в Москве прошла Международная конференция, посвященная Елисееву. Из Японии на нее был приглашен журналист Курата Ясуо, который в свое время написал книгу «Жизнеописание Елисеева» (издательство «Тюко синсё»).

Елисеев (1889–1975) был младшим сыном в богатой семье в царской России. Во время русско-японской войны он заинтересовался Японией. По совету Симмура Идзуру, ученого-лингвиста, с которым он познакомился в Берлинском университете, он поехал в Японию. Елисееву тогда было 19 лет. Он был зачислен в Токийский Императорский университет под именем «Хидэтоси Сэя». Усиленно занимался также дома с тремя нанятыми им преподавателями.

За время шестилетнего пребывания в университете Елисеев стал вхож в дом Нацумэ Сосэки. Встретив его впервые, Сосэки приветствовал гостя стихами: «Майский дождь. Человек в подвернутых хакама...» По возвращении на родину Елисеев начал читать лекции о творчестве Сосэки в Санкт-Петербургском университете. Во время революции был арестован.

После освобождения, в 1920 г., Елисеев с семьей эмигрирует во Францию, где преподает в Сорбонне. Со временем он получает французское гражданство. В 1934 г. переезжает в Америку и начинает преподавать на факультете восточных языков Гарвардского университета. Он наладил в Гарварде изучение Востока. Впоследствии его ученик Рэйшауэр стал американским послом в Японии.

Г-н Курата, который встретился с Елисеевым в Париже, когда тот уже был в преклонном возрасте, отмечал его юмор и прекрасный японский язык. Рассказ Елисеева он записал на магнитофон. Организованная Институтом востоковедения Российской академии наук конференция, посвященная Елисееву, прошла успешно.

СОДЕРЖАНИЕ

От оргкомитета.....	3
<u>Приветствия участникам конференции:</u>	
Роберт А. Скалапино.....	6
Сьюзен Дж. Фарр.....	7
Мариус Б. Янсен.....	7
В. С. Елисеев.....	8
<u>Доклады:</u>	
В. М. Алпатов. Сергей Григорьевич Елисеев.....	12
Курата Ясуо. О жизненном пути Сергея Елисеева.....	25
Тадзима Такаси. Сергей Елисеев и Нацумэ Сосэки.....	31
Л. М. Ермакова. Очерк С. Г. Елисеева «Японская литература» в контексте предыстории и истории японской филологии в России.....	36
Т. П. Григорьева. Тридцать лет спустя.....	61
Питер Бертон. Размышления о методологических проблемах мирового японоведения и некоторые сведения о русских японоведах за рубежом.....	77
Исабель Шарье. Сергей Елисеев и современное японское искусство.....	92
Умэда Ёсими. Воспоминания о Сергее Елисееве.....	106
Е. С. Бакшеев. Читая труды Вадима Елисеева по археологии Японии (Об автохтонном происхождении обряда <i>могари</i>).....	108
А. Н. Мещеряков. К вопросу об объеме письменной информации в Японии VIII–X вв.....	123
<u>Публикации:</u>	
Е. М. Дьяконова. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву (1933–1936).....	144
А. Н. Хохлов. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов).....	197
С. Г. Елисеев. Японская литература.....	242
Работы С. Г. Елисеева в фондах российских библиотек.....	285
Публикация о Международной конференции, посвященной С. Г. Елисееву, в «Токио симбун» от 22 октября 1999 г.....	287

Сдано в набор 20.03.2000 г. Подписано в печать
10.04.2000 г. Формат 60X84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура ариал. Т.Я.С зак.№ 1255